

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

З.И.Б.

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ — 40 ЛЕТ

Уроки истории и современность

Славный юбилей Компартии Вьетнама

Дипломатическим отношениям
СССР с Японией — 60 лет

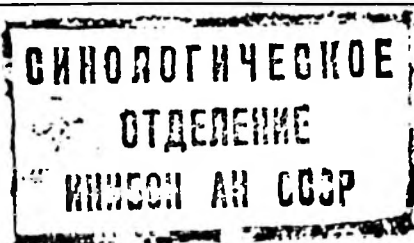
В интересах народов СССР и КНР

Азии — мир и стабильность

Корейский народ
за мирное воссоединение родины

1

1985

СОДЕРЖАНИЕ

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

- 3 Уроки истории и современность
В. Ф. ТОЛУБКО

- 18 Китайская трактовка событий второй мировой войны
А. Н. ЖЕЛОХОВЦЕВ

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

- 31 Стойкий отряд международного коммунистического движения
А. С. ВОЛОДИН

- 43 К 60-летию установления дипломатических отношений СССР с Японией
*Н. Н. НИКОЛАЕВ,
В. Н. АРСЕНЬЕВ*

- 52 Экономические связи Японии с Китаем
М. И. КРУПЯНКО

- 61 Подход АСЕАН к созданию зоны мира в ЮВА: иллюзии и реальность
*А. П. ВАСЮГОВ,
И. С. ГАЛИЧЕВ*

- 74 Правовые аспекты политики «открытых дверей» в КНР
Е. Г. ПАЩЕНКО

- 85 Проблема урегулирования в Корее на современном этапе
*В. И. АНДРЕЕВ,
В. И. ОСИПОВ*

- 96 Модернизация сельского хозяйства КНР: вопросы капитальных вложений
Э. А. МУРОМЦЕВА

КОММЕНТАРИИ

- 107 АНЗЮС: лабиринты и тупики блоковой политики
Э. С. ГРЕБЕНЩИКОВ

- 112 Планы создания «тихоокеанского сообщества» — новая угроза миру
Н. А. ТРИПОЛЬСКИЙ

ИДЕОЛОГИЯ

- 120 Китайское обществоведение о некоторых вопросах социалистического строительства
В. Я. ЖУРАВЛЕВ

Критика буржуазной синологии

- Китайско-американские связи в оценке политологов США
132 С. М. ОЛЕСИН

КУЛЬТУРА

- Страницы жизни Сюй Бэйхуна
143 ЛЯО ЦЗИНВЭНЬ

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КИТАЯ

- Этико-философские концепции Ли Юя
153 Д. Н. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

ОБЗОРЫ. СООБЩЕНИЯ. СПРАВКИ

- О реформе государственного аппарата КНР
161 К. А. ЕГОРОВ
Сотрудничество в интересах двух великих народов
170 Л. В. ФИЛАТОВ
Научный поиск видного китайского экономиста
174 В. Я. ПОРТЯКОВ

ПУБЛИКАЦИИ

- 180 Материалы о пребывании Ли Дачжао в СССР

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- КНР: встречи, впечатления, размышления
187 А. Н. СНИГИРЦЕВ
Малайзия вчера и сегодня
190 В. А. ВАСИЛЬЕВ
Современное законодательство Китая
192 Э. З. ИМАМОВ
Тихоокеанский регион: новые явления в экономике и политике
194 Л. Г. КОНДРАШОВ
Знакомство с японским эпосом
196 Л. Н. ЕРМАКОВА
Цинская империя и народы Саяно-Алтая
199 В. Я. БАСИН
Китай и Монголия в XIII и XIV вв.
201 В. Э. РАДНАЕВ
Тибетский словарь Ю. Н. Рериха
203 И. И. ПЕЙРОС
Новая книга о древностях Японии
205 С. А. КОМИССАРОВ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Международный семинар в Находке: за «Тихоокеанский форум доверия»
207 Н. И. ЛУЦЕНКО

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

Проблемы
«него Востока»,

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор), В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора), М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРИВЦОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО, В. И. ШАБАЛИН

Уроки истории и современность

*В. Ф. ТОЛУБКО,
Главный маршал артиллерии*

Приближается 40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В сегодняшней сложной международной обстановке мы еще и еще раз обращаемся к истории, к ее героическим страницам и урокам.

Как учит марксизм-ленинизм, глубинная причина войн коренится в самой природе империализма, его агрессивной сущности, внутренних противоречиях. Это подтверждено всем ходом истории. Ненасытный молох войны только в XX в. унес десятки миллионов человеческих жизней. Минувшая мировая война не была исключением — она также результат действия факторов, присущих империализму.

Дважды в первой половине XX в. германский империализм, стремясь к переделу мира и установлению своего господства на нашей планете, выступал зачинщиком мировых войн. Дважды эти войны завершались поражением Германии. Дважды немецкий народ был ввергнут своими правителями в пучину национальных катастроф. Особенно сокрушительным было поражение фашистской Германии во второй мировой войне, когда она вероломно напала на социалистическое государство — Советский Союз. Великая Отечественная война явилась важнейшей составной частью второй мировой войны. Советско-германский фронт оказался решающим. Это был центр мировой схватки. Советский народ и его Вооруженные Силы самоотверженно защищали социалистическое Отечество, с честью выполнили свою интернациональную миссию. Фашизм был разгромлен.

* * *

Что показала история второй мировой войны? Чем поучительны ее итоги и уроки?

Одним из важнейших уроков минувшей войны является то, что эта война с особенной силой показала весь авантюризм, всю несостоятельность империалистических планов завоевания мирового господства, какой бы силой ни обладал агрессор. Эти планы терпели крах даже в те годы, когда еще не было широких потоков антиимпериалистического народного движения миролюбивых сил. Тем более подобные планы неосуществимы в современную эпоху, когда существует, растет и крепнет могучая система социализма, влияние народных масс на ход мировой истории становится все более сильным.

Справедливая борьба всегда рождает сочувствие прогрессивных сил во всем мире. Участвуя в Великой Отечественной войне — войне справедливой, освободительной, Советский Союз вызывал симпатии и поддержку широких народных масс других стран. Ставка гитлеровцев на изоляцию Страны Советов потерпела крах. СССР не только не остался одиноким, а, напротив, вокруг него и во главе с ним сложилась могучая

антифашистская коалиция государств. История показала, что любые нападки агрессивного империализма на национальные интересы других стран, попытки разрушить мировую цивилизацию, утвердить господство над всем человечеством вызывают гнев и решительное сопротивление свободолюбивых народов. История послевоенных лет еще раз подтвердила, что подобные попытки агрессоров встречают все более ожесточенный отпор.

Другой важный урок второй мировой войны состоит в том, что она показала непобедимость социализма, его преимущества, огромные экономические, социально-политические и духовные возможности. Прежде чем напасть на СССР, гитлеровская Германия вторглась в ряд капиталистических стран. Ни одна из них не смогла выдержать натиск фашистов. Они были завоеваны одна за другой — за несколько месяцев, недель или даже дней. Но с Советским Союзом мощная, хорошо вооруженная, имеющая опыт войны фашистская армия справиться не смогла.

Решающие преимущества социализма в экономике позволили Советскому Союзу перегнать гитлеровскую Германию по производству всех видов боевой техники и оружия. В начальный период войны наша страна потеряла важнейшие экономические районы, в которых проживало 45 % населения, находилось 47 % посевных площадей, добывалось $\frac{2}{3}$ угля, выплавлялось более половины стали, производилась подавляющая часть боевой техники, вооружений и боеприпасов. Но используя преимущества социалистического строя, опираясь на созданную в восточных районах страны за годы довоенных пятилеток промышленную базу, Коммунистическая партия и Советское правительство в короткие сроки осуществили перестройку экономики в соответствии с требованиями войны. На восток в течение шести месяцев было перебазировано 1523 промышленных предприятия, главным образом военные, и вместе с ними эвакуировано более 10 млн. человек. Это, по существу, целая индустриальная держава, перемещенная на тысячи километров. В рекордно короткие сроки вводились в строй эвакуированные заводы, строились новые предприятия. Поистине героические усилия людей позволили завершить монтаж эвакуированных заводов в течение 3—4 недель. Некоторые предприятия через 3—4 месяца превзошли довоенный уровень производства. Уже к середине 1942 г. перестройка народного хозяйства страны на военный лад была в основном завершена, а к 1943 г. — концу первого периода войны СССР имел слаженное военное хозяйство, которое во все возрастающих размерах обеспечивало фронт всем необходимым. В итоге Советский Союз в сложнейших условиях за период войны произвел боевой техники и вооружения в 1,5—2 раза больше, чем фашистская Германия и ее сателлиты.

Справилось с задачами, поставленными войной, и наше сельское хозяйство. За 1941—1944 гг. Советский Союз заготовил зерна в три с лишним раза больше, чем смогло дать сельское хозяйство России за период первой мировой войны.

На полях грандиозных сражений минувшей войны не выдержала состязания с советской военной наукой пресловутая «прусская военная школа». Опыт войны подтвердил превосходство советской военной науки, военного искусства. Оригинальность и смелость, расчетливость и дальновидность в замыслах, мобильность и решительность в способах осуществления тактических и стратегических задач, гибкость и твердость в управлении войсками — все это характерно для большинства операций, проведенных Советскими Вооруженными Силами и по праву признанных вершиной военного искусства.

С другой стороны, война доказала общую научную несостоятельность стратегических концепций германского военного руководства, исходившего из авантюристической политики немецкого фашизма, развязавшего несправедливую, антинародную, захватническую войну.

Борьба советского народа против гитлеровской Германии была не только противоборством в экономической и военной областях. Это была вместе с тем борьба двух антагонистических идеологий: самой гуманной в истории — социалистической и самой бесчеловечной — фашистской. Идеология фашизма, основанная на национализме и расовой ненависти, явилась самой реакционной и опасной разновидностью буржуазной идеологии. Она отражала стремление германского монополистического капитала к мировому господству.

Империалистической агрессивной идеологии германского фашизма противостояла марксистско-ленинская, социалистическая идеология, отражающая коренные интересы рабочего класса, всех трудящихся, идеология равноправия и дружбы народов, пролетарского интернационализма.

В годы войны марксистско-ленинская идеология, являвшаяся могучим духовным оружием советских людей, одержала полную победу над человеконенавистнической, изуверской идеологией фашизма. Это была победа прогресса над реакцией, гуманизма над варварством. Социалистическая идеология с новой силой продемонстрировала всему миру, что она является самой передовой, самой прогрессивной и действенной. В час великих испытаний в полной мере раскрылась идейная убежденность советских людей, их любовь к Родине, вера в торжество коммунизма. Именно поэтому они, не щадя ни сил, ни жизни, защищали свое социалистическое Отечество и отстаивали коммунистические идеалы, до конца выполнили свой патриотический и интернациональный долг. Огромный духовный потенциал нашего народа дал возможность превзойти фашистскую Германию в стойкости и мужестве воинов. Сбылись пророческие слова В. И. Ленина: «Никогда не победят того народа, — писал он, — в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»¹.

Следующий урок мировой войны заключается в том, что в эпоху перехода человечества от капитализма к социализму и коммунизму военные авантюры империализма в мировом масштабе неизбежно оборачиваются против него самого: и против страны-агрессора, и против капиталистической системы в целом.

В итоге первой мировой войны от системы капитализма отпала Россия и было создано первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян. Позиции империализма значительно ослабли. Вторая мировая война еще более углубила общий кризис капитализма. Образовалась и успешно развивается мировая социалистическая система. Рухнула колониальная система империализма. В результате значительно сузилась сфера империалистического господства в мире. Империализм еще более запутался во внутренних и межгосударственных противоречиях, потрясениях и конфликтах.

Возникает вопрос: усвоены ли уроки истории мировых войн теми, кто повинен в их разжигании. Сделаны ли должные выводы? События послевоенных десятилетий, сложившаяся ныне международная ситуация заставляют усомниться в этом.

Империализм, как и прежде, продолжает оставаться главным виновником эскалации военной опасности. После второй мировой войны в империалистическом лагере произошла лишь перестановка сил. Роль главного оплота мировой реакции стал играть американский империализм. Он унаследовал имперские амбиции «третьего рейха», стал жандармом на международной арене, врагом мира, свободы, демократии и социа-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 315.

лизма. «...Последние годы, — указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ К. У. Черненко на встрече с избирателями Куйбышевского избирательного округа города Москвы 2 марта 1984 г., — были отмечены резкой активизацией политики наиболее агрессивных сил американского империализма — политики откровенного милитаризма, претензий на мировое господство». История подтвердила ленинскую оценку империализма, вывод В. И. Ленина о том, что «„мировое господство“ — есть... содержание империалистской политики, продолжением которой является империалистская война»².

Войны, развязанные империализмом, влекут за собой огромные, всевозрастающие материальные потери. Ущерб, нанесенный молодой Советской республике гражданской войной и интервенцией стран Антанты, составил около 50 млрд. золотых рублей. Фашисты в годы Великой Отечественной войны разрушили и сожгли 1710 советских городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, свыше 6 млн. зданий, без крова было оставлено 25 млн. человек. Ими сожжено и разрушено около 32 тыс. промышленных предприятий, 4100 железнодорожных станций, 40 тыс. больниц, 84 тыс. школ.

Первая мировая война (включая затраты на ликвидацию ее последствий) обошлась человечеству (в сопоставимых ценах 1913 г.) в 280 млрд. долл., а вторая — в 3,3 трлн. долл. Военные расходы всех стран за 1945—1975 гг. составили (в тех же ценах) 5,65 трлн. долл., то есть превысили более чем в полтора раза стоимость двух мировых войн³.

В геометрической прогрессии увеличивается количество жертв развязанных империалистами войн. Если в войнах XIX в. по сравнению с XVIII в. число среднегодовых человеческих жертв выросло на 41 %, то в XX в. оно возросло примерно на 1070 %. В годы гражданской войны и иностранной интервенции в России погибло 8 млн. человек. Жертвами войны СССР с фашистской Германией в 1941—1945 гг. стали 20 млн. советских людей.

В агрессивной политике современного империализма нашел свое выражение ряд новых направлений, отражающих реальности нашей эпохи.

Современный империализм, возглавляемый США, не только усиливает опасность возникновения мировой войны, он в гигантских масштабах увеличивает ее возможные пагубные последствия. Если в прошлом империализм угрожал человечеству войнами и порабощением отдельных стран и регионов, то ныне он несет с собой угрозу ядерной катастрофы, угрозу уничтожения человеческой цивилизации. Это уже новое злое качество в эскалации военной опасности.

Эволюция антикоммунизма в странах капитала достигла крайних пределов. Современный антисоветизм принял обличье «крестового похода» против коммунизма, против СССР и других стран социалистического содружества. Этот «поход» был объявлен президентом США Р. Рейганом в 1982 г. «Крестовый поход» стал не просто лозунгом, а целой программой внешнеполитической деятельности США и стран НАТО.

Об усилении агрессивной направленности политики современного империализма свидетельствует и изменение стратегических концепций США и НАТО. Вслед за стратегиями «массированного возмездия» (50-е годы), «гибкого реагирования» (60-е годы), «реалистического устрашения» (70-е годы) в 80-е годы милитаризм пустил в ход стратегию «прямого противоборства» между США и СССР в глобальном и региональном масштабах. Американская стратегия 80-х годов носит особенно агрессивный и опасный для дела мира характер, так как содержит установки на форсированную подготовку военной машины США к развязыв-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 85.

³ См.: О. Е. Власевич. Экономическое бремя империализма. М., 1980, с. 137.

ванию войн — «локальных» и глобальной в любой точке земного шара и даже в космосе. Все названные концепции объединены одной центральной идеей — нанесения первого, упреждающего ядерного удара по СССР.

На неоднократные предложения Советского правительства Соединенным Штатам взять на себя по примеру Советского Союза обязательство не применять первыми ядерное оружие администрация США отвечала отказом. Военные органы НАТО разрабатывают все новые и новые доктрины, базирующиеся на использовании в военных целях последних достижений науки и техники.

Агрессивные круги США выступили в конце 70-х — начале 80-х годов с инициативой, поддержанной их союзниками по НАТО, сломать сложившееся военно-стратегическое равновесие, добиться военного превосходства над Советским Союзом и странами социалистического содружества. С этой целью в 1981 г. администрация Рейгана объявила о своей стратегической программе на 80-е годы, предусматривающей создание и развертывание новых систем оружия, основанных на новейших военнотехнических достижениях. Затраты на нее только в 1982—1987 гг. оцениваются Белым домом в 222 млрд. долл. Этой программой предусматривается к 1986 г. принять на вооружение 100 новых межконтинентальных баллистических ракет МХ. В ближайшие годы США намерены ввести в строй новые атомные ракетные подводные лодки типа «Огайо». С 1986 г. на вооружение будут поступать новые стратегические бомбардировщики В-1 — носители крылатых ракет. Все это оружие первого, так называемого «разрушающего» удара. Наряду с этим происходит ускоренное развитие сил общего назначения. Одновременно создаются принципиально новые виды вооружения, в том числе космическое. Развиваются другие средства массового поражения: химическое, биологическое, различные виды лучевого (лазерного) оружия. Недавно Белый дом издал президентский указ, предусматривающий создание специальной комиссии по проблемам химического оружия. Есть все основания полагать, что ее деятельность будет увязана с дальнейшей модернизацией военнотехнического арсенала США.

Руководители США и стран НАТО, чтобы развязать себе руки в наращивании военных приготовлений, всячески маневрируют, уходят от честных переговоров о прекращении гонки вооружений и их сокращении. По вине нынешней администрации США прекращены или заведены в тупик переговоры по этим важным вопросам. Отказ от конструктивных переговоров американская администрация объясняет якобы нарушенным равновесием сил между блоком НАТО и странами Варшавского Договора, военным превосходством Советского Союза над США. Этим они хотят оправдать гонку вооружений, подготовку к войне.

В эскалации военной опасности империализм США значительное место отводит расширению зон военного присутствия своих вооруженных сил в разных точках земного шара. Сейчас США располагают 2500 базами и военными объектами на территории 114 стран. Только в Европе постоянно находятся свыше 0,5 млн. американских военнослужащих, 8 тыс. единиц ядерных боеприпасов и 3 тыс. единиц средств доставки ядерных боеголовок, свыше 3 тыс. единиц ядерных боеприпасов приходится на Дальний Восток и Юго-Восточную Азию. Большая часть этих баз размещена в непосредственной близости от границ СССР и других стран социалистического содружества.

В декабре 1979 г. правительства стран НАТО одобрили опасное решение, открывшее путь в Европу новым американским ракетам средней дальности. В ноябре 1983 г. началась практическая реализация этого решения. В Западной Европе уже находятся более 100 «Першингов» и крылатых ракет, нацеленных на СССР и другие социалистические страны⁴.

⁴ См.: «Правда», 12.XII.1984.

В настоящее время США к имеющимся зонам широкого военного присутствия в акваториях Атлантического и Тихого океанов добавляют зону Индийского океана. Пентагон срочно создает сеть военных баз на Ближнем Востоке, объявленном зоной жизненных интересов США.

В последние годы США и страны НАТО увеличивают масштабы военных учений, в которых участвуют сотни тысяч людей и огромное количество техники. Многие из них проходят вблизи границ СССР и других стран социалистического содружества, что таит в себе особую опасность развязывания военного конфликта.

Империализм США усиливает втягивание государств Европы, Азии, Латинской Америки в антисоветский фронт. Активно возрождается и подключается к военно-политической машине НАТО японский милитаризм. США всячески поощряют реваншистские силы Японии, раздувая националистические чувства определенных специальных групп по поводу так называемых северных территорий.

В последнее время Белый дом особое внимание уделяет Азиатскому континенту. Прикрываясь избитым мифом о «советской военной угрозе», пентагоновские стратеги идут на дальнейшее наращивание милитаристских мускулов американского империализма на Дальнем Востоке, в Тихом и Индийском океанах, пытаются запугать народы стран этого района «коммунистической опасностью». Ныне отчетливо вырисовывается во внешнеполитической и военной деятельности администрации США активное стремление попытаться направить развитие обстановки в Азии в отвечающее интересам американского империализма русло, превратить этот континент в еще один фронт борьбы против социалистических государств, сил мира и прогресса. Этот опасный подход к проблемам региона не случаен. В основу авантюристической политики Вашингтона с приходом к власти правительства Рейгана была положена ставка на грубую силу и несбыточные планы повернуть вспять развитие истории.

Со времени Великой Октябрьской социалистической революции, разбудившей, по образному выражению В. И. Ленина, Азию, народы этого континента, где ныне проживает более трех пятых человечества, добились немалых успехов в борьбе за свое национальное и социальное освобождение. Перемены, происшедшие здесь, видны невооруженным глазом. Потерпела полный крах позорная колониальная система, угнетенные нации получили политическую самостоятельность, сумели защитить ее от попыток прямого империалистического порабощения, получили возможность строить свою жизнь по собственному выбору. Народы Монголии, КНДР, Китая, трех братских стран Индокитая избрали путь построения социализма.

Новые, позитивные перемены, охватившие всю Азию, пришлось не по вкусу империализму. Усилиями милитаристских кругов США, Японии и других связанных с Вашингтоном режимов в Азии и стран в бассейне Тихого океана создана военная машина, направленная против Советского Союза и других прогрессивных сил региона. По зарубежным данным, на Дальнем Востоке находится вторая по мощи заморская группировка американских вооруженных сил численностью около 0,5 млн. солдат и офицеров. Соединенные Штаты разместили здесь свыше 300 военных объектов, корабли 7-го флота с ядерным оружием на борту бороздят водные просторы этого района.

Примеров беззастенчивого проведения американским империализмом политики с позиции силы в различных районах, в том числе и в Азии, можно привести немало. Грязная война во Вьетнаме, военная помощь афганским душманам, захват Гренады, поставки военной техники и отправка военных советников для сальвадорской реакционной военной хунты, попытки задушить свободу в Никарагуа с помощью наемников, всесторонняя военная поддержка агрессивных действий Израиля в Ливане, против Сирии, помощь ЮАР в наращивании ее военного потен-

циала, участие наемников США и ЮАР в бандитских налетах на Анголу — все это покрыло позором империализм США.

Наиболее реакционные круги США ужесточают внешнюю политику по отношению к СССР и другим социалистическим странам. Предпринимаются различного рода экономические, политические и культурные санкции против Польши и СССР. Империализм усиливает идеологическое давление на СССР и страны социалистического содружества, он развернул широкую «психологическую войну», которая представляет собой опасную разновидность агрессии, попирающей суверенитет других стран.

Цель «психологической войны» заключается в попытке разложить внутри социалистическое общество. Ведется активная обработка общественного мнения всех стран, с тем чтобы замаскировать агрессивную природу политики империалистических государств и приписать миролюбивому политическому курсу стран социалистического содружества тайные коварные замыслы. Империалистическая пропаганда стремится привить населению капиталистических государств страх перед коммунизмом, сделать мысль о неизбежности войны со странами социализма привычной, допустимой, подготовить его к различного рода агрессивным внешнеполитическим авантюрам. Идеологическая экспансия империализма выступает выражением агрессивной политики, обусловленной углублением общего кризиса капитализма.

Все это требует мобилизации всех сил на борьбу против империалистической реакции, за мир и безопасность народов, повышения обороноспособности всех стран социализма, боевой готовности их вооруженных сил как решающего фактора обуздания агрессора.

Центральный Комитет КПСС в Постановлении о 40-летию Победы указывает, что «против войны надо бороться, пока она не началась. Исторический опыт учит: для того, чтобы отстоять мир, нужны сплоченные, согласованные и активные действия всех миролюбивых сил против агрессивного, авантюристического курса империализма. Необходимо повышать бдительность народов, беречь и приумножать завоевания социализма».

Советский Союз, все страны социалистического содружества располагают конкретной программой действий — Программой мира. КПСС и Советское правительство настойчиво выполняют наказ своего народа, делают все, чтобы оправдать надежды всего человечества на прочный мир, на чистое небо над землей. Советский Союз не добивался и не добивается военного превосходства. Он за то, чтобы наша планета стала свободной от ядерного оружия, готов на основе взаимной договоренности ограничить или вовсе запретить любой вид вооружений. Мирные инициативы и конструктивные предложения, выдвинутые Советским Союзом, охватывают широкий комплекс мер как политического, так и военного характера.

Вопрос о войне и мире, о сохранении мира, о предотвращении ядерной катастрофы стал основным вопросом современности. Наряду с Советским Союзом и другими социалистическими государствами, ведущими последовательную и решительную борьбу против разжигания ядерной войны, огромную антивоенную силу представляют международный рабочий класс и его авангард — коммунистические партии. Большую поддержку делу мира оказывает национально-освободительное движение. За устранение военной опасности выступают многие миролюбивые, не присоединившиеся государства Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Активную борьбу против войны ведут миллионы участников Всемирного движения сторонников мира, охватывающего самые широкие слои населения земного шара.

В. И. Ленин в свое время сказал: «Мы обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира. И мы это сделаем». На протяжении всей истории

Советского государства наша партия не жалеет сил для выполнения этого завета. Практика международной жизни неопровержимо подтверждает, что решающее воздействие на ход исторических событий оказывает мировая система социализма. Каждый день приносит все новые доказательства того, что страны социалистического содружества выступают в международных делах как генератор мирных начинаний. «Что касается КПСС, Советского государства, то мы вместе с братскими партиями, в единстве со странами социалистического содружества делали и будем делать все от нас зависящее, чтобы оздоровить политический климат планеты, отвратить нависшую над человечеством военную угрозу», — подчеркнул К. У. Черненко, выступая в Кремле 7 ноября 1984 г.

Действительно, ныне нет ни одной важной проблемы, ни одной области, связанной с международной безопасностью, по которым Советский Союз не выступил бы с конкретными инициативами. Это и есть практическое стремление к миру, активная работа в пользу мира. Советские предложения направлены прежде всего на то, чтобы ядерное оружие никогда не применялось и было ликвидировано. Очевидна целесообразность того, чтобы все государства, обладающие ядерным оружием, руководствовались в своих отношениях определенными нормами. Учитывая катастрофические последствия любого ядерного конфликта, первая из таких норм сводится к тому, чтобы государства рассматривали предотвращение ядерной войны в качестве главной цели своей внешней политики. Необходимо также отказаться от пропаганды ядерной войны как глобальной, так и «ограниченной» и взять на себя обязательство не применять этого оружия первыми, как это сделал Советский Союз, предприняв важнейший политический шаг. Предложенные СССР нормы подразумевают принятие на себя ядерными державами и других аналогичных обязательств.

При поддержке всего мирового сообщества Советский Союз выступает против милитаризации космоса, за его использование исключительно в мирных целях. Это самая неотложная задача. Ведь вопрос стоит так: если сегодня не будет закрыта дверь оружию в космос, завтра сделать это будет поздно.

Разрабатывая вопреки мировому общественному мнению систему выведения ядерного оружия на околоземные орбиты, подгоняя гонку вооружений в других областях за счет ввода в строй новейших подводных лодок, бомбардировщиков и ракет, в Вашингтоне уверяют, будто стремятся к соглашению с СССР о начале процесса разоружения, но, по утверждению руководителей администрации, оно будет эффективным только в том случае, если США станут сильнее СССР. «Стремление к достижению военного превосходства и честные, деловые переговоры по вопросам, затрагивающим национальную безопасность сторон, — вещи несовместимые», — подчеркнул К. У. Черненко в обращении к американским читателям в только что вышедшей в США книге «Советско-американские отношения: статьи и речи К. У. Черненко». Он указал, что попытки достижения военного превосходства несостоятельны, опасны и не могут не осложнять наши отношения. И наоборот, когда обе стороны проявляли готовность придерживаться принципа равенства и одинаковой безопасности и на этой основе приходили к взаимоприемлемым договоренностям, в том числе по ограничению вооружений, менялась в лучшую сторону и обстановка в отношениях между странами.

Совершенно ясно: несмотря на идеологические и социальные различия, существующие между СССР и США, другой разумной альтернативы, кроме как жить на одной планете и мирно сосуществовать, нет.

Это справедливо и по отношению к другим государствам. Отсюда — коллективное предложение социалистических стран заключить между государствами Варшавского Договора и странами НАТО Договор о взаимном неприменении военной силы. Таков продиктованный логикой ми-

ролюбивой ленинской внешней политики ответ на беспочвенные утверждения империалистической пропаганды о якобы существующей угрозе нападения со стороны Советского Союза.

В наше сложное время народы связывают свои надежды со Страной Советов — верным знаменосцем мира, поскольку, оставаясь приверженной процессу ограничения и сокращения вооружений, она готова к серьезным и честным переговорам с целью достижения соглашений, которые бы не ущемляли ничьих интересов и способствовали оздоровлению политического климата планеты.

Устремления людей доброй воли созвучны внешнеполитическому курсу Советского Союза, других государств социалистического содружества. Верная принципам ленинской миролюбивой внешней политики, Страна Советов никогда не претендовала и не претендует на особое положение в каком-либо районе, в том числе и в Азии. СССР предложил в последние годы целый ряд новых, конструктивных мер политического и военного характера. Многие из них непосредственно касаются различных районов Азии — от Ближнего Востока до Дальнего. Заботой о предотвращении возникновения очагов военных конфликтов была продиктована известная инициатива XXVI съезда КПСС о проведении переговоров по мерам доверия на Дальнем Востоке со всеми заинтересованными странами.

Широкий отклик в странах региона нашло мартовское (1982) Заявление Советского Союза о готовности договориться о взаимном ограничении действий военно-морских флотов противостоящих друг другу военных блоков, в частности о выведении подводных лодок-ракетоносцев обеих сторон из нынешних обширных районов боевого патрулирования, об ограничении их плавания взаимно согласованными рубежами. На состоявшемся в начале 1983 г. в Праге заседании Политического консультативного комитета государств — участников Организации Варшавского Договора было выдвинуто предложение заключить договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира странами — участницами Варшавского Договора и членами НАТО, а также отказать от распространения зоны действия блоков на другие районы мира, в том числе и на Азию.

Провозгласив свое стремление добиваться обеспечения безопасности в Азии коллективными усилиями стран континента, Советский Союз с одобрением встречает конструктивные инициативы других государств, направленные на оздоровление обстановки в регионе. Среди них прежде всего следует отметить предложение Монгольской Народной Республики о разработке и заключении конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и бассейна Тихого океана. Хорошо известны мирные инициативы КНДР, направленные на разрядку напряженности в Корее, на Дальнем Востоке. Мирная общественность с полным одобрением относится к конструктивной позиции Вьетнама, Лаоса и Кампучии, выступающих за превращение Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности. Немало полезных идей предлагает и движение неприсоединения.

Одним словом, есть все предпосылки, чтобы, не теряя драгоценного времени, приступить к активным, добросовестным поискам путей оздоровления обстановки в Азии. Советский Союз, другие страны социалистического содружества готовы проявить добрую волю. Дело за противоположной стороной.

* * *

Коммунистическая партия и Советское правительство неустанно отстаивают принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем, выступают за разрешение всех спорных междуна-

родных проблем путем переговоров. Война не может и не должна служить способом разрешения международных споров. Эта миролюбивая ленинская политика КПСС и Советского правительства с новой силой и со всей определенностью была подтверждена на XXVI съезде КПСС и последующих Пленумах ЦК КПСС. Советский Союз как великая социалистическая держава полностью сознает свою ответственность перед народами за сохранение и упрочение мира. Он готов к мирному взаимовыгодному сотрудничеству с государствами всех континентов.

Однако советский народ на собственном опыте убедился в авантюризме империализма и хорошо знает: для того чтобы отстоять мир, защитить социалистические завоевания, сдерживать империалистических агрессоров, нужно быть могущественным, все более совершенствовать Советские Вооруженные Силы, бдительно несущие боевую вахту плечом к плечу с армиями братских государств — участников Варшавского Договора.

Агрессивные замыслы империализма, обострение обстановки вынуждают Советский Союз и другие социалистические страны поддерживать свою обороноспособность на должном уровне, сочетать миролюбивую политику с повышением готовности отразить любую агрессию. Это вынуждает нас уделять самое серьезное внимание укреплению обороны страны.

Диалектика истории такова, что только та военная сила действует в пользу мира, которая направлена против агрессивных устремлений империализма. Гуманистическим идеалам современности отвечает гармоническое единство справедливости и силы, воплощающееся в армии социалистического типа. Являясь на протяжении всей истории классового общества исключительно инструментом войны, армия при социализме впервые в истории стала орудием ее предотвращения, мощным средством сдерживания агрессивных замыслов и сохранения мира на Земле.

Сила Советских Вооруженных Сил состоит в их нерасторжимом единстве с советским народом. На протяжении всей истории во взаимоотношениях классов, социальных групп, наций, народностей еще не было столь нерушимого единства интересов и целей, воли и действий, как в Советской стране. Все это лежит в основе монолитного единства Вооруженных Сил с советским народом. Можно не сомневаться, что в условиях гонки вооружений, развязанной империализмом, наши Вооруженные Силы будут обеспечены всем необходимым, чтобы надежно противостоять попыткам империалистических сил добиться военного превосходства.

* * *

Приближающееся 40-летие Победы над фашизмом готовятся широко отметить во всем мире. Главный итог, который подводят в связи с этим юбилеем народы Европы, — это то, что им удалось в нелегкой борьбе сберечь и упрочить мир. За четыре десятилетия они научились не только сосуществовать, но и сотрудничать на благо своих стран. И это воспринимается всеми как самое дорогое завоевание послевоенных лет.

Потому с таким большим беспокойством следят народы за сохраняющейся в мире международной напряженностью. Продолжающееся размещение американских ядерных ракет средней дальности в некоторых западноевропейских странах НАТО, попытки реваншистских сил оспорить существующие в Европе границы, сложившиеся после второй мировой войны, не просто ухудшают политический климат. Континент оказывается втянут в новую, особенно опасную фазу гонки вооружений.

Советский Союз исходит из того, что возможности повернуть развитие международной обстановки в благоприятное русло еще не упущены. Он предложил целый комплекс мер, чтобы сохранить мир, уберечь планету от ядерной катастрофы. Они изложены Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко в недавних беседах с федеральным канцлером Австрии Ф. Зиновацем, лидером лейбористской партии Великобритании Н. Кинноком, в ответах на вопросы газеты «Вашингтон пост» и американских телевизионных компаний Эн-би-си, Си-эн-эн.

Советский Союз выступает за полную ликвидацию ядерного оружия во всем мире, выражая одновременно готовность пойти на частичные меры, ведущие к этой цели, — соглашение о сокращении ядерных вооружений, создание безъядерных зон в различных районах мира и другие соответствующие шаги. Применительно к Европе СССР добивается ее полного освобождения как от ядерного оружия средней дальности, так и от тактического, разумеется, при соблюдении принципа равенства и одинаковой безопасности для стран Варшавского Договора и стран НАТО.

Позиция Советского Союза по вопросам разоружения, как и по другим, касающимся сохранения мира в Европе, находит полную поддержку у его союзников и друзей. Это показали результаты состоявшегося 3—4 декабря 1984 г. в Берлине очередного заседания Комитета министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора, на котором главное внимание было уделено положению в Европе в связи с общим состоянием международной обстановки. Политбюро ЦК КПСС, обсудив итоги заседания, подчеркнуло, что достигнутые на нем результаты еще раз демонстрируют, что союзные социалистические страны прилагают активные усилия в целях устранения угрозы ядерной войны, выступают за поиск решений путем переговоров, которые вели бы к прекращению гонки вооружений и их радикальному сокращению, к возврату межгосударственных отношений в русло разрядки, сотрудничества и мирного сосуществования. Участники заседания в Берлине считают неотложным принятие конкретных и эффективных мер, направленных на преодоление ядерного противостояния, а именно осуществить замораживание ядерных вооружений в количественном и качественном отношениях, заключить Договор о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия, всем государствам, обладающим ядерным оружием, которые еще не сделали этого, взять на себя обязательство не применять такое оружие первыми.

Государства Варшавского Договора, как было отмечено в Берлине, придают важное значение достигнутой Советским Союзом и Соединенными Штатами договоренности о проведении переговоров по всему комплексу взаимосвязанных вопросов о немилитаризации космоса, сокращении стратегических ядерных вооружений и ядерных средств средней дальности. Советский Союз, обращаясь к США с предложением о таких переговорах, исходил из того, что на наших странах, обладающих самым мощным ядерным потенциалом, лежит особая ответственность за сохранение мира на планете. Советский Союз, подчеркнул К. У. Черненко в ответе на обращение IV конгресса движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», готов на самые радикальные решения, которые позволили бы продвинуться вперед по маршрутам, ведущим к прекращению гонки вооружений, запрещению и в конечном итоге полной ликвидации ядерного оружия. Готовы ли к этому Соединенные Штаты? В ходе предвыборной кампании президент Рейган многократно заявлял о серьезных намерениях достичь с Советским Союзом взаимоприемлемых договоренностей. И теперь, получив от избирателей мандат еще на четыре года, он имеет все воз-

можности подкрепить свои миролюбивые заверения конкретными делами. И уже недалекое будущее покажет, сколь серьезны намерения нынешней администрации США.

* * *

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне убедительно доказала жизнеспособность и несокрушимость первого в мире социалистического государства. Она явилась торжеством нового общественного и государственного строя, рожденного Октябрем, социалистической экономики, идеологии марксизма-ленинизма, морально-политического единства советского общества, нерушимой дружбы народов СССР. Главным творцом этой победы был советский народ, свершивший подвиг, равного которому еще не знала история.

Беспримерную храбрость и величайшее мужество в тяжелой борьбе с врагом проявили воины армии и флота. Свое превосходство показало советское военное искусство, высокое мастерство в планировании и проведении боевых операций на Западе и Востоке продемонстрировали воспитанные Коммунистической партией командные и политические кадры Вооруженных Сил.

Великий подвиг совершили рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция, которые своим самоотверженным трудом вместе с воинами Вооруженных Сил ковали победу над врагом. На протяжении всей войны фронт и тыл представляли собой единый боевой лагерь.

Вдохновителем и организатором наших побед в Великой Отечественной войне была Ленинская Коммунистическая партия — руководящая и направляющая сила советского общества. КПСС продемонстрировала несокрушимость своих рядов и непоколебимую верность великим коммунистическим идеалам. Наша партия разработала четкую и ясную программу разгрома фашистских и милитаристских захватчиков, сплотила вокруг себя народы Советского Союза, организовала и возглавила их борьбу с врагами и довела ее до победного конца. Героический подвиг нашего народа в минувшей войне вызывал и будет вызывать у советских людей и у всего прогрессивного человечества чувства глубокой признательности и восхищения.

Победа советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне имеет большое международное значение. Она открыла многим странам путь к свободе, независимости, социализму и прогрессу. Эта победа оказывала и оказывает сейчас огромное влияние на международную обстановку во всем мире, создавая благоприятные условия для подъема национально-освободительного движения, для борьбы против сил реакции и агрессии, реваншизма и неофашизма. Ни время, ни всякого рода буржуазные фальсификации не в силах изгладить из народной памяти решающую роль Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии.

Немалый вклад в общую победу над врагом внесли народы и армии государств антигитлеровской коалиции. На практике была доказана возможность эффективного политического и военного сотрудничества стран с различным социальным строем.

Следует отметить, что империалистические силы, игнорируя факты истории, всячески стараются фальсифицировать историю второй мировой войны. Нападкам подвергаются роль СССР в победе над фашизмом, ключевые события минувшей войны. Например, американский военный историк У. Керр тщится доказать, что Восточный фронт не был решающим, а значимость Сталинградской битвы для судеб войны сомнительна⁵.

⁵ In: W. Kerr. The Secret of Stalingrad. New York, 1981, p. 239.

Сразу после победы Советского Союза на Дальнем Востоке почти все руководящие политические и военные деятели зарубежных стран, в первую очередь США и Великобритании, откровенно признавали решающий вклад Советских Вооруженных Сил в разгром Японии. Тогда, 30 лет назад, мировая пресса пестрила похвальными статьями и высказываниями в адрес СССР, в которых давалась высокая оценка действиям советских войск на Дальнем Востоке. Много лестных слов о Советском Союзе было в посланиях Г. Трумена и К. Эттли. Генерал Д. Макартур и адмирал Ч. Нимиц, непосредственно руководившие операциями войск на Тихом океане, заявили в те дни, что вступление СССР в войну против Японии ускорило ее разгром⁶. Характерным является также высказывание генерала К. Ченнолта, командовавшего ВВС США в Китае, корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс»: «Вступление Советского Союза в войну против Японии явилось решающим фактором, ускорившим окончание войны на Тихом океане, что произошло бы даже в том случае, если бы не были сброшены атомные бомбы. Быстрый удар, нанесенный Красной Армией по Японии, завершил окружение, приведшее к тому, что Япония оказалась поставленной на колени».

Впоследствии, особенно в годы «холодной войны», произошла переоценка ценностей. Идеологи империализма стали отрицать решающую роль Советского Союза в победоносном исходе второй мировой войны. Все чаще устремления буржуазных историков направлялись на то, чтобы принизить громадный вклад СССР в разгром фашистско-милитаристского блока и приписать эти заслуги США, выставить их в качестве главного творца победы. Позитивные высказывания Рузвельта, Маршалла и некоторых историков США времен войны (Д. Вернадски, Ф. Даллес и др.) исчезли со страниц американской буржуазной литературы. Их место заняли совершенно противоположные оценки, замалчивающие или отрицающие решающую роль СССР во второй мировой войне. Так, американский историк Г. Смит безапелляционно утверждает, что Рузвельт и его советники «переоценили Россию и ее вклад в войну», что вооруженную борьбу якобы «возглавили» США, которые «изгнали Гитлера с Запада... побили Японию на Тихом океане... вооружили Англию, Россию и Китай... создали великую коалицию»⁷. Фальсификаторский характер подобных тезисов совершенно очевиден.

Поучительно в этой связи звучат сегодня для всех, кто разделяет на Западе подобные домыслы, слова, сказанные Э. Стеттиниусом, государственным секретарем США в годы войны: «Американскому народу не следует забывать, что он находился на краю гибели в 1942 г. Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность захватить Великобританию. Они смогли бы также завоевать Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке. Президент Рузвельт постоянно имел в виду эту нависшую угрозу»⁸. Добавим к этому, что японская военщина в лице командующего объединенным японским флотом адмирала Ямамото уже рисовала себе радужную картину морской десантной операции на побережье США и подписание акта о капитуляции в Вашингтоне. Такого рода факты и заявления теперь либо скрываются буржуазными историками от общественности, либо преподносятся в искаженном виде.

Фальсифицируя историческую действительность, некоторые государственные деятели капиталистических стран, реакционные буржуазные историки говорят и пишут о том, что якобы не было нужды про-

⁶ См.: «Правда», 10.VIII.1945.

⁷ Большая ложь о войне. М., 1971, с. 94.

⁸ E. Stettinius. Roosevelt and Russians. L., 1950, p. 16.

сить СССР о вступлении в войну на Дальнем Востоке. Они пытаются доказать, что вступление Советского Союза в войну против Японии не оказало никакого влияния на ход военных событий на Дальнем Востоке и в районе Тихого океана, а также на сроки окончания второй мировой войны, так как СССР-де воевал на Дальнем Востоке очень мало времени. Этот аргумент абсурден и не соответствует исторической истине.

Прежде всего летом 1945 г. в самих США эксперты американской разведки пришли к выводу о том, что «ни блокада, ни бомбардировки одни не смогут обеспечить безоговорочную капитуляцию Японии и что советское выступление является желательным, если не необходимым, для успеха стратегии вторжения»⁹. Что касается продолжительности участия Советского Союза в боевых действиях на Дальнем Востоке, то она фальсификаторами истории умышленно уменьшается. Непосредственные боевые действия Советских Вооруженных Сил по разгрому Квантунской армии Японии продолжались не 6 дней, как об этом говорят буржуазные фальсификаторы, а почти месяц¹⁰.

Тенденциозные утверждения, призванные преуменьшить вклад Советского Союза в разгром японских войск, появились и в проекте мирного договора с Японией, подготовленного государственным департаментом США в 1951 г. В нем, в частности, вновь утверждалось, что Советский Союз участвовал в войне с Японией «только 6 дней». Действительно, Квантунская армия была разгромлена в короткий срок. Однако, как уже показано в настоящей статье, упорные кровопролитные бои Советской Армии с японскими войсками продолжались не 6 дней, а в течение месяца, так как Квантунская армия долго еще продолжала оказывать сопротивление вопреки императорской декларации о капитуляции¹¹.

До сих пор в иностранной буржуазной печати нередко высказывается мнение о том, что исход войны против Японии решило применение США атомного оружия. Так, составители американской «Энциклопедии военной истории» заявляют, что именно две атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки (и это ими оправдывается), заставили Японию пойти на безоговорочную капитуляцию¹². В историю навсегда вписан позорный акт американского империализма, применившего атомное оружие против мирных жителей густонаселенных японских городов.

Безусловно ясно, что атомная бомбардировка не вызывалась военной необходимостью, а преследовала далеко идущие политические цели, рассчитанные на послевоенный период. Она фактически являлась атомным шантажом против СССР. Это был первый «горячий акт» пресловутой «холодной войны» против Советского Союза. Впоследствии У. Черчилль признавал: «Было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой». «По моему мнению, — писал главный военный советник президента США адмирал Леги, — применение этого варварского оружия в Хиросиме и Нагасаки не оказало никакой существенной помощи в нашей войне против Японии»¹³. Япония пошла на безоговорочную капитуляцию лишь после того, как Советские Вооруженные Силы мощными ударами в течение короткого времени сокрушили Квантунскую армию — главную опору милитаристов Японии.

⁹ «Foreign Affairs», January 1957, p. 342.

¹⁰ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. М., 1970, с. 553.

¹¹ См.: «Правда», 11.VI.1951.

¹² In: R. E. Dupuy and T. N. Dupuy. The Encyclopedia of Military History from 3500 B. C. to the Present. New York, 1970.

¹³ История КПСС, т. 5, кн. 1. М., 1970, с. 627.

Победа Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке нанесла удар не только по японскому милитаризму, но и по всей международной реакции. Эта победа имела историческое значение для укрепления позиций демократических сил во всем мире, особенно в освобожденных странах Восточной и Юго-Восточной Азии. С началом Маньчжурской операции, а тем более после ее успешного завершения создались чрезвычайно благоприятные условия для бурного развертывания национально-освободительного движения народов Китая, Кореи, стран Юго-Восточной Азии.

Есть еще на Западе достаточно влиятельные люди, которые и не думают изживать в себе психологическую готовность к любой безумной аванюре. Именно они все еще искусственно культивируют ненависть к советскому народу, приучают других к перспективе «звездных войн».

Хочется верить, что в 1985 г. — юбилейном для всего прогрессивного человечества — удастся увидеть текущие события в несколько ином — оптимистическом свете. Укажем в этой связи на визит в Великобританию советской делегации, возглавляемой членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС и председателем Комиссии по иностранным делам одной из палат Верховного Совета СССР М. С. Горбачевым. Слова, которые произносятся по поводу этого визита на берегах Альбиона, о желании взаимовыгодного сотрудничества вселяют надежды на оздоровление международной обстановки. Надежду на будущее вселяет и Конференция за безъядерную Европу, проведенная в Афинах, на которой состоялся продуктивный обмен мнениями сторонников мира из Европы, США и Канады. Важный вклад в обсуждение международных проблем внесла и советская делегация сторонников мира.

На пути к решению задачи устранения угрозы гибельной для человечества войны в Женеве 7—8 января 1985 г. в соответствии с ранее достигнутой договоренностью состоялась встреча между членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и государственным секретарем США Дж. П. Шульцем. В ходе встречи был рассмотрен вопрос о предмете и целях предстоящих советско-американских переговоров по ядерным и космическим вооружениям. СССР и США условились, что такие переговоры начнутся 12 марта.

Люди доброй воли полны надежд, что нынешний год — год 40-летия Великой Победы принесет возрождение духа разрядки и международного сотрудничества, что он станет годом солидарности людей труда, победы разума над безумием политики ядерных и космических войн.

Китайская трактовка событий второй мировой войны

А. Н. ЖЕЛОХОВЦЕВ

Прошло свыше сорока лет со времени, когда империализм развязал вторую мировую войну, но народы не забывают об этих драматических событиях в истории человечества. Интерес к истории второй мировой войны стал обостряться в последние годы, когда агрессивная милитаристская политика, которую проводят на международной арене США, поставила весь мир под угрозу ядерной войны: это делает понятным стремление обратиться к прошлому за историческими уроками и горьким опытом, ибо в те годы империализм в лице его наиболее агрессивных сил — гитлеровской Германии, милитаристской Японии и фашистской Италии — оказался в силах навязать народам беспрецедентно разрушительную войну.

В СССР сделано очень многое для объективного освещения вопросов истории второй мировой войны, объяснения причин ее возникновения. Разработка этих проблем велась прежде всего на основе изучения исторических документов — советских и зарубежных, в том числе трофейных архивных материалов. Эта работа началась сразу же после окончания войны и ведется поныне. Советские историки издали на эту тему обширную литературу¹.

На базе богатого документального материала советскими историками созданы фундаментальные коллективные научные труды, посвященные второй мировой войне².

С самого начала исследовательской деятельности критика фальсификаций истории второй мировой войны в буржуазной исторической науке была одной из важных задач советских историков. Большое политическое значение имело в свое время появление книги «Фальсификаторы истории» (М., 1948). Острая полемика с буржуазными историками, которую ведут советские ученые в творческом содружестве с учеными других социалистических стран и представителями прогрессивных школ капиталистических государств, занимает важное место и в специальном сборнике Института всеобщей истории³.

За рубежом также весьма активно разрабатывается тематика истории второй мировой войны. Важные архивные документы опубликованы правительственными ведомствами Англии, США, ФРГ. Появились

¹ См.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948; СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971; Документы внешней политики СССР, т. 16. М., 1970; там же, т. 17. М., 1977; Документы по истории мюнхенского сговора, 1937—1939. М., 1979; Документы и материалы кануна второй мировой войны. В 2-х т. М., 1981.

² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. В 6-ти т. М., 1960—1965; История дипломатии, т. 3. М., 1965; там же, т. 4. М., 1975; История внешней политики СССР, 1917—1980. В 2-х т. М., 1980; История второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. М., 1973—1982 гг.; Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984.

³ См.: Причины возникновения второй мировой войны. М., 1982.

монографии буржуазных историков о войне. В Японии написана история войны на Тихом океане.

Не следует удивляться, что и в КНР историки, возобновившие исследовательскую работу после окончания пагубного для китайской науки десятилетия «культурной революции» (1966—1976), обратились к событиям периода второй мировой войны. В предмете и направлениях их исследований проявляется специфика, связанная как с особыми запросами китайского общества к своему недавнему прошлому, так и с современным международным положением КНР. Сам по себе интерес китайской научной общественности к проблемам истории второй мировой войны вполне закономерен хотя бы потому, что Китай был одной из первых стран, вовлеченных в мировую войну, был страной, на территории которой разворачивались военные действия, страной, население которой в полной мере испытало на себе тяготы и ужасы войны.

Бесспорно, что Китай явился в годы второй мировой войны жертвой империалистической агрессии. Несмотря на двусмысленную позицию тогдашнего китайского центрального правительства реакционного гоминьдана, которое сначала проводило политику непротivления внешнему врагу, а затем стало проявлять капитулянтские колебания и вело войну пассивно, сопротивление агрессору все же внесло определенный вклад в общую победу над фашизмом и японским милитаризмом.

В отличие от других стран в КНР пока еще не издано фундаментального труда по истории второй мировой войны. Интересы китайской политики тем не менее требуют разработки этих вопросов, и неудивительно, что в КНР создано специальное научное Общество изучения истории второй мировой войны. Это общество проводит регулярные тематические конференции и планирует в будущем создание большого коллективного труда по истории второй мировой войны. Члены общества уже выпустили начиная с 1980 г. семь книг по истории второй мировой войны.

По многим серьезным вопросам среди китайских историков, судя по публикациям в печати, в том числе в научных изданиях, до сих пор не достигнуто единства мнений, и общая точка зрения только вырабатывается в ходе полемики. Наибольшее внимание в КНР привлекают вопросы о значении китайского фронта во второй мировой войне, а также связанная с этим вопросом историческая проблема начала войны, и ряд других вопросов.

Тематика истории второй мировой войны находится в центре внимания китайской научной общественности с 1978 г., когда в газете «Гуанмин жибао» от 5 июня 1978 г. появилась статья историков Ван Чжэньдэ и Хоу Чэндэ «О начале второй мировой войны».

Китайские авторы считают, что вопросы истории войны принято рассматривать с позиции европоцентристской исторической концепции, и выдвигают свой тезис: «Вторая мировая война началась 7 июля 1937 г. вторжением японского империализма в собственно Китай». В поддержку этого тезиса авторы статьи предлагают следующую аргументацию: 1) в отличие от других ранних очагов войны фронт в Китае сохранялся до самого ее окончания в 1945 г.; 2) этот фронт с самого начала был составным элементом мировой войны, а не только войны Китая с Японией; 3) всегда существовала тесная стратегическая связь китайского фронта с другими фронтами второй мировой войны. «В марте 1939 года, — утверждают авторы газетной статьи, — т. Сталин указал, что вторая мировая империалистическая война уже началась, и сказал: «Сейчас война Японии с Китаем идет уже второй год» («Вопросы ленинизма», с. 659)». Однако эта ссылка приведена неточно. 10 марта 1939 г. в Отчетном докладе XVIII съезду партии И. В. Сталин говорил, что «уже второй год идет новая империалистиче-

ческая война», даже называл ее «второй империалистической войной», но не считал тогда эту войну мировой. В докладе ясно сказано: «Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной»⁴.

Утверждение историков КНР, что китайский фронт существовал с 7 июля 1937 г. и вплоть до окончания второй мировой войны в 1945 г., исторически достоверно, но его оценка как фронта мировой войны не оправдана, поскольку она, касаясь длительного процесса, подвержена изменению в силу воздействия внешних факторов, что в данном случае и упускают из виду китайские историки. В конце концов китайский фронт действительно стал составным звеном фронта второй мировой войны, разумеется, не основным, но одним из важных. Однако подобное значение он приобрел отнюдь не одновременно со своим возникновением. Утверждение, что война с самого начала была не только войной Китая и Японии, весьма спорно и уязвимо. Здесь прежде всего стоит вопрос о роли и месте СССР в ходе японо-китайской войны.

Общеизвестна широкая советская помощь народу и правительству Китая в этой войне, причем длительное время, практически до лета 1941 г., советская помощь была самой существенной и практически единственной иностранной помощью, которой располагал Китай в борьбе с превосходящей по силе военной машиной японского милитаризма⁵. Прямое участие в военных действиях на японо-китайском фронте принимали советские летчики-добровольцы⁶. В тот период произошли военные конфликты между СССР и Японией на советской границе в районе озера Хасан в 1938 г. и поражение японского милитаризма на монгольской границе в районе реки Халхин-Гол в 1939 г. Эти военные события стали фактором снижения активности японских сухопутных войск на китайском фронте.

Ссылка китайских историков на суждение И. В. Сталина, высказанное в 1939 г., применительно к такому явлению, как вторая мировая война, завершившаяся в 1945 г., нам представляется не вполне корректной, поскольку в 1939 г. было просто невозможно высказать окончательное суждение о войне в целом. Здесь, видимо, преследуется цель любыми аргументами преувеличить роль китайского фронта во второй мировой войне. Справедливое и понятное желание китайских историков определить место своей страны в мировой истории, в частности в истории второй мировой войны, в данном случае привело их к отрыву от исторической почвы. Начался пересмотр общепринятой даты начала второй мировой войны.

В упомянутой в «Гуанмин жибао» статье авторы пытались опровергнуть общепризнанную дату начала войны — 1 сентября 1939 г. В статье категорически отвергаются и оспариваются следующие тезисы: 1) до вторжения Гитлера в Польшу главные державы — Англия, Франция, США — не участвовали в войне, и она поэтому не была «мировой»; 2) только объявление войны Англией и Францией Гитлеру является «официальным началом» второй мировой войны; 3) до нападения Гитлера на СССР 22 июня 1941 г. война была «империалистической войной».

По мнению Ван Чжэньдэ и Хоу Чэндэ, общепринятая ныне трактовка истории второй мировой войны «служит интересам двух сверхдержав», и объясняют они это тем, что и в СССР и в США историки признают 1 сентября 1939 г. датой начала второй мировой войны.

⁴ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1939, с. 9, 10, 12.

⁵ См.: Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968, с. 95—120.

⁶ См.: В небе Китая, 1937—1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М., 1980.

Критический пафос историков КНР обращается против единого в СССР и США определения даты начала второй мировой войны, причем мотивы их негодования открыто политические. Их аргументация при этом остается сбивчивой. Например, в число главных держав, без которых, по их мнению, война не может быть признана «мировой», они включили США, хотя США в 1939 г. еще не вступили в войну — для них она началась 7 декабря 1941 г., — но сами американские историки называют войну мировой и в тот период, когда США не были непосредственно участником войны. Далее, требование китайских историков считать вторую мировую войну освободительной с самого начала упрощает сложную природу первого этапа второй мировой войны.

В своей последней работе советский ученый академик Е. М. Жуков писал: «Вторая мировая война началась в рамках капиталистической системы. Не только со стороны агрессивного фашистского блока, но и со стороны англо-французской коалиции война на ее начальном этапе носила несправедливый империалистический характер. Однако оценивать вторую мировую войну уже в этот период как империалистическую с обеих сторон недостаточно, так как сопротивление народных масс стран, подвергшихся фашистской агрессии, с самого начала носило освободительный характер. Необходимо учитывать, что особую опасность представляли государства агрессивного фашистского блока, развязавшие войну с целью порабощения всего мира и установления грабительского «нового порядка». Поэтому для народов Польши, Югославии и ряда других государств, ставших жертвами фашистской агрессии, война уже с момента ее возникновения приобрела характер справедливой борьбы за свободу и национальную независимость»⁷.

Статья в «Гуанмин жибао» только по форме была направлена против «двух сверхдержав», а практически критиковала концепцию советских историков. Неудивительно, что в советской печати тогда же, в 1978 г., были опровергнуты главные тезисы этой статьи⁸.

Выдвинутая в «Гуанмин жибао» от 5 июня 1978 г. концепция не стала общепринятой и в самом Китае. Весьма показателен в этом отношении текст статьи «Вторая мировая война» в китайском энциклопедическом словаре «Цыхай», который является официальным энциклопедическим справочником в КНР. В статье указанного словаря сохранились те взгляды, которые с большим полемическим запалом критиковали китайские историки в 1978 г. на страницах газеты. В частности, словарь указывает: «Невиданная по масштабам в истории человечества мировая война, развязанная фашистскими государствами — Германией, Италией и Японией... Япония, после захвата в 1931 г. Северо-Востока нашей страны, в 1937 г. развязала агрессивную войну против Китая... Агрессивные действия фашистских государств вызвали сопротивление китайского народа и народов других стран, подвергшихся агрессии и гнету, обострили противоречия между империалистическими державами. 1 сентября 1939 г. германская армия вторглась в Польшу, 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии, началась мировая война»⁹.

В «Цыхае» захват Японией Северо-Восточного Китая назван первым агрессивным актом фашистских государств, но вовсе не обозначен как начало второй мировой войны. Более того, сказано, что вой-

⁷ Е. М. Жуков. Происхождение второй мировой войны. — В кн.: Причины возникновения второй мировой войны. М., 1982, с. 13.

⁸ См.: М. Подключников. Фальсификаторы. — «Правда», 8.VII.1978; М. Яковлев. Фальсификаторы из Пекина. — «Правда», 16.VII.1978; В. Борисов. Попытка с негодными средствами: Пекин фальсифицирует историю второй мировой войны. — «Известия», 19.VII.1978; П. Жилин. Еще одно вторжение в историю: как в Пекине фальсифицировали общезвестные факты. — «Правда», 8.VIII.1978; Б. Сапожников. Пекинские фальсификаторы истории. — «Красная звезда», 4.VIII.1978.

⁹ Цыхай. Шанхай, 1980, с. 18, 81.

на, которую в 1937 г. Япония развязала против Китая, тоже не была мировой войной; это была агрессия Японии против Китая. Наконец, начало второй мировой войны прямо связывается с обострением противоречий между империалистическими державами. Все это полностью противоречит взглядам историков Ван Чжэньдэ и Хоу Чэндэ.

Наиболее однозвонной представляется в энциклопедии сама дата начала второй мировой войны — 3 сентября 1939 г. Хотя в календарном плане она отличается от общепринятой — 1 сентября — лишь на два дня, это различие имеет существенное значение и связано с оценкой роли гитлеровской Германии в развязывании войны.

Формально нападение Гитлера на Польшу было не началом мировой войны, а локальным актом агрессии. Военные действия действительно распространились на весь мир после вступления в войну европейских колониальных держав — Англии и Франции, — на которых Гитлер 1 сентября 1939 г. не напал и даже рассчитывал на сговор с ними, что доказывается самим фактом «странной войны» на Западном фронте в конце 1939 г. — начале 1940 г. Официальное объявление начала второй мировой войны, таким образом, произошло 3 сентября, но, как неоднократно и убедительно указывалось в исторической литературе, недопустимо игнорировать существо дела, а именно ответственность гитлеровской Германии за развязывание второй мировой войны. Нападая на Польшу, Гитлер хотел войны, знал о ее возможном перерастании в мировую войну и шел на это сознательно. Формализм в решении такого вопроса неприемлем, и тем более для такого солидного энциклопедического словаря, каким является «Цыхай».

Одной из традиционных черт китайской исторической науки является стремление искать опыт в исторических событиях, полезный для политики Китая, причем не только в сфере собственно китайской истории, но и в истории географически отдаленных регионов. Из широко известных примеров можно напомнить интерес Сунь Ятсена к Бисмарку, объединению Германии и бисмарковской политике в отношении германской социал-демократии в тот период, когда перед Сунь Ятсеном стояла задача национального объединения Китая. Мао Цзэдун в Яньани во время войны чрезвычайно интересовался... событиями в Греции. Подавление греческого национально-освободительного демократического движения английскими войсками генерала Скоби он считал опасным примером, который мог повториться в Китае после окончания войны с Японией¹⁰. Такой же «параллелистический» интерес проявился в последние годы в Китае и к некоторым другим событиям истории второй мировой войны.

Тема второй мировой войны стала использоваться в китайской научной литературе не только в академически-исследовательских, но и в политических целях. Так, в статье Чэн Жэньцзяна «Германо-польская война 1939 г. — Пример внезапного нападения империализма»¹¹ проводилась мысль о том, что агрессивное империалистическое государство, стремящееся к захватам и решению внутривнутриполитических трудностей за счет внешней политики, может, подобно гитлеровской Германии, совершить внезапное вторжение в соседнее государство. Не похоже ли это на намек на опасность подобной угрозы в отношении КНР.

Дальнейшее использование темы второй мировой войны для современных политических нужд характерно и для статьи Бао Ичэна «Опыт суждения о причинах второй мировой войны. — Империализм какого типа является самым опасным источником войны»¹².

¹⁰ См.: П. П. Владимиров. Особый район Китая 1942—1945. М., 1973, с. 401.

¹¹ См.: «Лиши яньцзю», № 2, 1978.
там же, № 4, 1980.

Целью статьи Бао Ичэна является оправдание политики сближения Китая с империалистическими странами аргументацией «исторического опыта». Статья насыщена статистическим материалом и производит впечатление солидной научно-исследовательской работы, но выводы автора рассчитаны явно на потребу политической конъюнктуры. Автор задался целью доказать, что империализм бывает двух типов: «воинственный» и «невоинственный», причем сознательно пытается ревизовать ленинское определение империализма. «Опыт первой и второй мировых войн доказывает, — пишет Бао Ичэн, — что, хотя все империалистические государства по своей природе грабительские и любой империализм не любит мира, наиболее опасны финансово-экономически относительно слабые, мало накопившие или утратившие накопления»¹³. Далее китайский историк развивает свою мысль: «История второй мировой войны показывает, что поздний по возникновению империализм является самым опасным очагом войны»¹⁴... Война имела корни в кризисе держав оси, а не в мировом экономическом кризисе»¹⁵.

Мотивы второй мировой войны автор определяет четко: «Борьба за Европу и мировое господство», — но на этой основе формулирует вывод, нужный для современного политического курса Пекина на сближение с империалистическими странами: «Отнюдь не все империалистические державы всегда готовы начать мировую войну, а только те, кто борется за Европу и мировое господство»¹⁶. Так был «открыт» исторический критерий для деления империалистических держав на «плохие» и «хорошие» по тому принципу, что «плохие» всегда готовы начать мировую войну, а «хорошие» — не готовы. Тем самым в статье Бао Ичэна исторический материал подается в русле требований проимпериалистической политики и представляет для нее некое «обоснование», в корне расходящееся с учением В. И. Ленина о природе империализма.

Исторические исследования, подобные статье Бао Ичэна, использовались в китайской печати для обоснования крупных политико-пропагандистских акций, в том числе открыто антисоветского характера. Такова была публикация в «Жэньминь жибао» (от 1.IX.1979 г.), посвященная 40-летию начала второй мировой войны. «Пекинские пропагандисты приписывали агрессивные замыслы стране, которая пожертвовала 20 миллионами человеческих жизней ради победы над фашизмом. Была предпринята попытка представить Советский Союз как бы соучастником развязывания этой войны, возложить на СССР часть вины за этот мировой конфликт», — писала в связи с этим газета «Правда»¹⁷.

Можно предположить, что именно политическое значение темы вызвало создание в 1980 г. в КНР Китайского общества изучения истории второй мировой войны¹⁸. Это общество было создано после II симпозиума по истории второй мировой войны, который состоялся в июне 1980 г. в городе Куньмине. Основной темой обсуждения было «Начало войны и место войны сопротивления Японии в истории мировой антифашистской войны»¹⁹. На симпозиуме было выражено несколько точек зрения.

Согласно первой точке зрения, которую разделило большинство участников симпозиума, начало второй мировой войны датируется

¹³ «Линши яньцзю», № 4, с. 171.

¹⁴ Там же, с. 177.

¹⁵ Там же, с. 179.

¹⁶ Там же, с. 183.

¹⁷ Двойная бухгалтерия Пекина. — «Правда», 26.IX.1979.

¹⁸ См.: «Шинзе линши», 1981, № 1, с. 14.

¹⁹ «Синьхуа юэбао вэньчжайбань», 1980, № 9, с. 91—93.

1939 г. Ее сторонники отмечают изменение политической обстановки в Европе после мюнхенских соглашений. «Субъективные условия» в Германии и Японии, по мнению этого большинства, созрели для развязывания мировой войны именно к 1939 г. Война возникла как непосредственное порождение политики умиротворения западных держав, причем указываются три вероятные причины такой политики: 1) одна из форм борьбы Англии и Франции за мировое господство; 2) антисоветская и антикоммунистическая направленность политики Англии и Франции; 3) принесение в жертву малых стран ради собственных эгоистических интересов.

Сторонники этой точки зрения считают, что «китайский фронт возник 18 сентября 1931 г.» и всегда был связан с европейским театром военных действий, а 7 июля 1937 г. война распространилась на весь Китай, но она была «войной, ограниченной азиатским театром» вплоть до возникновения войны в Европе, а отнюдь не мировой войной.

Все участники симпозиума единодушно считают, что «Китай относится к числу тех стран, которые раньше всех вступили во вторую мировую войну, участвовали в ней дольше всех и понесли в ней наибольшие потери»²⁰.

Вторая точка зрения состоит в том, что 7 июля 1937 г. — не начало войны на китайском театре, а начало второй мировой войны: китайский фронт-де всегда был частью мирового антифашистского фронта, а связь китайского и европейского театров военных действий была взаимной. Так, война в Европе вдохновляла японскую агрессию, а война в Китае задержала до декабря 1941 г. возникновение Тихоокеанской войны. Китайский фронт-де спас СССР от войны на два фронта, подарил СССР четыре года мира на Дальнем Востоке. Начало же войны на Тихом океане придало китайскому фронту главное стратегическое значение.

Все участники Куньминского симпозиума признали, что именно китайский народ стал главной силой союзников в Азии в разгроме японского фашизма. Отмечено также, что советско-японский договор о нейтралитете оказал негативное влияние на китайский театр военных действий.

Сторонники второй точки зрения явно с националистических позиций стараются всячески преувеличивать роль китайского фронта во второй мировой войне, в частности на азиатском театре военных действий. Но по всей видимости, китайский фронт не имел главного стратегического значения для японского милитаризма, если был им временно законсервирован, вплоть до возобновления наступательных операций в 1944 г., чему способствовало пассивное ведение войны правительством гоминьдана, пишет советский историк Б. Г. Сапожников. В 1942—1943 гг. японский милитаризм стремился решить свои стратегические задачи на китайском фронте путем «мирного наступления» на гоминьдановское правительство Чан Кайши в Чунцине, чтобы совместными действиями против китайских коммунистов склонить гоминьдан к миру и союзу с Японией²¹.

Недостаточно обосновано и утверждение историков КНР о том, что именно китайский фронт «задержал» до декабря 1941 г. начало Тихоокеанской войны. Фактически наличие этого фронта не смогло воспрепятствовать ее началу; конкретная же дата начала войны на Тихом океане была обусловлена ходом агрессии гитлеровской Германии в Европе, в частности капитуляцией Франции в июне 1940 г., и временем, потребовавшимся Японии для подготовки в Индокитае плацдарма для наступления в Юго-Восточной Азии. Уже в июле 1940 г.

²⁰ «Синьхуа юэбао вэньчжайбань», 1980, № 9, с. 92.

²¹ См.: Б. Г. Сапожников. Китай в огне войны. (1931—1950). М., 1977, с. 218.

контингент японских войск высадился в Хайфоне²². Договор о совместной обороне от 9 декабря 1941 г. поставил весь французский Индокитай под японский контроль²³.

Чрезмерным преувеличением выглядит также утверждение китайских историков о том, что именно китайский фронт «спас СССР от войны на два фронта» и подарил нам четыре года мира на Дальнем Востоке. Здесь приходится напомнить, что наличие китайского фронта не помешало милитаристской Японии осуществить военные провокации в районе озера Хасан в 1938 г. и в районе реки Халхин-Гол в 1939 г. Именно сокрушительное поражение, которое потерпели отборные японские части от советско-монгольских войск на Халхин-Голе, обеспечило СССР пять лет мира на Дальнем Востоке. «Для большинства японских генералов урок был настолько очевиден, что планы войны против СССР сразу потеряли реальность. Советские войска, воевавшие в непривычной обстановке, вдали от баз, без всяких коммуникаций, тем не менее наголову разбили лучшие японские части. Это привело к перемене в стратегии японского милитаризма», — справедливо отмечает советский историк И. В. Можейко, подробно изучавший историю японской агрессии в странах Юго-Восточной Азии²⁴.

Утверждения историков Китая о «негативном влиянии» на китайский фронт советско-японского договора о нейтралитете также страдают националистической ограниченностью. Китайские историки игнорируют в своих работах такие существенные моменты, как несоблюдение Японией договора о нейтралитете и подготовку к его открытому нарушению с ее стороны. Они ничего не пишут о том, что Япония не вступила в войну против СССР не в силу наличия договора о нейтралитете, а в результате неблагоприятного для агрессивного фашистского блока хода событий на других фронтах войны, прежде всего на советско-германском фронте. Кроме того, несмотря на договор о нейтралитете, на Дальнем Востоке сохранялась крупная группировка советских войск, столь необходимых в тех условиях для защиты нашей Родины на Западе. Здесь, вероятно, сказывается влияние японской буржуазной историографии.

Договор о нейтралитете между СССР и Японией посеял определенное недоверие между двумя основными агрессорами — гитлеровской Германией и милитаристской Японией, дал возможность СССР приложить большие военные усилия на Западе и одержать там победу, а в дальнейшем, в августе 1945 г., разгромить Квантунскую армию в Северо-Восточном Китае — ударную силу сухопутной мощи японского милитаризма. В конечном счете упомянутый договор послужил на благо всех союзных держав, в том числе и Китая. Сожаления по поводу этого договора прежде всего исходили из гоминьдановских кругов, мечтавших втравить СССР в войну с Японией, чтобы самим пожинать плоды чужих побед. На деле же, как не раз отмечали советские историки, «готовясь к войне на Тихом океане, Япония еще в конце 1938 г. приняла решение расходувать на операции в Китае не более четверти военного бюджета. Японское командование рассчитывало также форсировать военные приготовления за счет усиленной эксплуатации ресурсов Маньчжурии и оккупированных территорий Китая. С лета 1939 г. японская армия прекратила наступательные операции в Китае...»²⁵

Отражение японской агрессии против МНР дало возможность СССР усилить материальную помощь Китаю. «Наибольшие поставки советско-

²² См.: И. В. Можейко. «Западный ветер — ясная погода». Юго-Восточная Азия во второй мировой войне. М., 1984, с. 29.

²³ In: Viet Nam: A Historical Sketch. S. I., s. a., p. 236.

²⁴ И. В. Можейко. «Западный ветер — ясная погода», с. 19.

²⁵ Новейшая история Китая, 1917—1970 гг. М., 1972, с. 186.

го вооружения, в том числе танков, самолетов, боеприпасов, военных материалов, были сделаны в 1939 — первой половине 1941 г.»²⁶. В дальнейшем советская помощь Китаю резко сократилась, но не в силу советско-японского договора о нейтралитете (апрель 1941 г.), а как следствие начатой Гитлером вероломной агрессии против СССР.

В августе 1982 г. в Пекине была созвана III ежегодная конференция Общества изучения истории второй мировой войны, которая была посвящена теме «Причины поражения Франции в 1940 г.»²⁷. На конференции были заслушаны 9 основных докладов и ряд выступлений. Китайские историки на словах отвергли взгляды французских капитулянтов: Петена, Вейгана, Гамелена, утверждавших, будто «корень поражения в самораспущенности» или будто бы «стремление к сибаритству возобладало над духом жертвенности». Изложенные на конференции зарубежные взгляды на проблему были суммированы следующим образом: точка зрения «французского военного и политического руководства» сводилась к тому, что Франция в 1940 г. уступала гитлеровской Германии в военном отношении и не получила достаточной поддержки (ни политической, ни материальной) от союзницы Англии и от США. Точка зрения британского историка Лиддела Гарта: успеху Гитлера больше всего способствовал французский генеральный штаб, поскольку не только военная техника, но и военная теория Франции были отсталыми, а командование — неэффективным.

Советскую точку зрения представили на конференции как делающую упор на политические причины, в первую очередь классовые, вызвавшие национальную измену французской крупной буржуазии, и лишь затем упоминающую о чисто военных причинах поражения.

Отдельно выделено мнение французских историков, говорящих о «сложном переплетении многообразных факторов».

Большинство участников конференции заняли близкую к этой последней позицию: поражение было вызвано как внутренними, так и внешними причинами, воздействием различных факторов: политических, военных, экономических, социальных, идеологических и дипломатических²⁸. Китайские историки уделили особое внимание фактору военной отсталости Франции 1940 г., отмечая не только ее техническую отсталость, но и неумелое использование имевшейся военной техники, в частности танков; стратегию пассивной обороны, консерватизм военной мысли, плохое управление войсками, неумение руководить современным боем и т. п.

Несколько глубже подошел к теме историк Жуань Инань, который объяснил военные промахи политическими причинами: отсталостью и реакционностью правящих классов Франции, их деградацией. Еще резче высказался Чэнь Чжэнфэй: «От мюнхенского соглашения до «странной войны», от роспуска компартии до преследования передовых деятелей внутри страны и до помощи Финляндии поднималось антисоветское движение, которое воплощало собой французскую реакционную политику»²⁹. Об антисоветизме правящих кругов тогдашней Франции историк Ли Хуа сказал: «Это были политические слепцы, пытавшиеся магическими заклинаниями направить беду на Восток»³⁰. Среди причин поражения историк Чжоу Сифэн назвал наличие мощной профашистской и капитулянтской группировки. Дай Чэнцзюнь указал: «Идейная настроенность широких народных масс, солдат и офицеров, их воля к борьбе — важный ключ к успеху в войне, но во Франции 1940 г. в народе и армии было распространено отвращение к войне и страх перед

²⁶ Новейшая история Китая, 1917—1970 гг. с. 185.

²⁷ См.: «Шипце лиши», 1982, № 6, с. 74—77, 80.

²⁸ Там же, с. 74.

²⁹ Там же, с. 76.

³⁰ Там же, с. 77.

войной — в этом социальные и психологические причины разгрома Франции»³¹.

Наряду с этим на конференции в Пекине были высказаны взгляды, вполне созвучные позиции французских капитулянтов. Например, Дай Чэнцзюнь и Юй Цюнь утверждали, что пацифизм во Франции «отравил армию и народ». Чем это отличается от обвинений в самораспушенности и сибаритстве, от которых на словах отреклись китайские историки?.. Прозвучала также критика в адрес коммунистической партии Франции и Коминтерна, которые будто бы ошибочно оценили природу войны и сочли ее «несправедливой, реакционной, империалистической войной», не разглядев ее сложную природу и справедливую борьбу угнетенных народов против агрессоров. Перекликаясь с французскими реакционными авторами, Дай Чэнцзюнь заявил: «Французская компартия, выполняя директивы Коминтерна, объявила войну империалистической, потребовала немедленно прекратить ее. Это была ошибочная позиция и политика, которая привела к идейному хаосу в сознании народа и членов партии, подорвала волю армии и народа». Эти нападки на Французскую компартию и Коминтерн выдержаны в духе враждебности к деятельности Коминтерна³².

Внешне дискуссия на конференции направлялась в сторону сближения позиции китайских историков с трактовкой событий в самой Франции, во всяком случае, именно это совпадение взглядов декларировалось, а позиция советских историков по этому вопросу излагалась предельно упрощенно. И все же главный интерес к довольно неожиданной для конференции в Китае теме был вызван историческими аналогиями и политическими параллелями, которые вошли в плоть и кровь китайской общественной жизни. Уроком поражения Франции в 1940 г., по сути, подчеркивалось, сколь тяжела может быть плата за отказ от политики «модернизации», — уже не исторический, а остроактуальный, политический вопрос для КНР.

В 1982 г. была опубликована статья Оу Чжэнвэня «Началом второй мировой войны следует считать события 18 сентября», которая сначала появилась в провинциальном журнале³³, а затем, видимо, обратив на себя внимание, была перепечатана в центральной прессе³⁴. Оу Чжэнвэнь собрал у разных авторов исторической литературы разных стран варианты датировки начала второй мировой войны: 1) 1939 г., либо 1, либо 3 сентября; 2) 1935 г. — вторжение Италии в Эфиопию; 3) 7 июля 1937 г. — вторжение Японии в собственно Китай; 4) 8 декабря 1941 г. — атака на Пёрл-Харбор; 5) 18 сентября 1931 г. Он сообщает, что на дискуссии в Китайском обществе изучения истории второй мировой войны большинство участников согласилось, что мировая война началась 7 июля 1937 г. Однако Оу Чжэнвэнь с этим не согласен. Он ссылается на японского историка Акира Фудзивара, который в своей «Истории современной Японии» («Нихон киндайси») относит начало японо-китайской войны к 18 сентября 1931 г. Опираясь на этот авторитет, Оу Чжэнвэнь заявляет: «Война началась японской агрессией и кончилась японской капитуляцией»³⁵. Он предлагает собственную хронологию войны: 18 сентября 1931 г. — начало второй мировой войны, 1 сентября 1939 г. — расширение войны, 22 июня 1941 г. — дальнейшее расширение войны, и только с декабря 1941 г. война становится по-настоящему мировой. Он пишет:

³¹ Там же.

³² Там же, с. 77. См. также: Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969, с. 186.

³³ См.: «Хэнань шинда сюэбао», 1982, № 4.

³⁴ См.: «Синьхуа вэньчжай», 1982, № 11.

³⁵ Там же, с. 80.

«События 18 сентября 1931 г. были началом второй мировой войны, которую одно из трех фашистских государств, Япония, начала агрессией против Китая, а также началом вооруженного сопротивления китайского народа японской агрессии. В мировой борьбе с фашизмом китайский народ первым начал вооруженную борьбу против японских фашистских агрессоров, и это стало эпохальным событием в борьбе народов мира против фашизма, которая велась с 1922 г...

...После событий 18 сентября 1931 г. китайский народ под руководством КПК повел на Северо-Востоке затяжную антияпонскую партизанскую войну. Она стала составной частью национально-освободительной войны китайского народа. КПК повела китайский народ на войну против агрессоров в форме национальной войны, которая началась 18 сентября 1931 г. Сначала эта война развевалась только на Северо-Востоке, но уже никогда не прекращалась...

...Китайский фронт сформировался раньше всех и держался дольше всех. События 18 сентября стали началом вооруженной агрессии Японии против Китая и означали возникновение одного из очагов второй мировой войны — дальневосточного»³⁶.

Таким образом, позиция Оу Чжэнвэня состоит в том, чтобы объявить возникновение одного из очагов второй мировой войны — дальневосточного — началом самой мировой войны. Появление 18 сентября 1931 г. очага военного конфликта, который затем вошел составной частью в общие военные действия второй мировой войны, практически никем не оспаривается, это признано бесспорным фактом. Но путать очаг войны с таким всеобщим и широким явлением, как сама мировая война, возможно лишь при крайне формальном подходе к событиям или же при стремлении преувеличивать их значение.

В статье Оу Чжэнвэня проявляется и то и другое. «Китайско-японская война оказала большое воздействие на развитие и ход второй мировой войны. Это не локальная война»³⁷, — утверждает китайский историк, хотя какое-то время, в 1937—1939 гг., эта война еще оставалась локальной и лишь со временем стала одним из фронтов второй мировой войны — окончательно и бесспорно в декабре 1941 г.

Свое выступление Оу Чжэнвэнь заканчивает словами: «Вторая мировая война завершилась безоговорочной капитуляцией Японии, поэтому считать начало войны с момента начала ее агрессии не только соответствует историческим фактам, но и соответствует логике истории»³⁸, — демонстрируя тем самым формальный подход к историческим событиям.

Несмотря на большое внимание, с которым была встречена в КНР статья Оу Чжэнвэня, его мнение не стало господствующим. В ноябре 1983 г. в Шанхае состоялась специализированная научная конференция на тему «О причинах и начале второй мировой войны», на которой вновь были высказаны различные мнения³⁹. Любопытно, что на конференции историк Юй Синьтянь сделал сообщение о советских исследованиях проблемы начала второй мировой войны.

На конференции говорилось, что главной причиной, породившей войну, был мировой экономический кризис капитализма (Чжан Цзыпин), что вторая мировая война началась как империалистическая война (Чжу Гуйшэн). Им возразил другой участник, Се Юши, который по-прежнему считал главным противоречие между фашизмом и народами, утверждал, что «война с самого начала была освободительной, антифашистской»⁴⁰.

³⁶ «Синьхуа вэньчжай», 1982, № 11, с. 78—79.

³⁷ Там же, с. 80.

³⁸ Там же.

³⁹ См.: «Шиньцзе лиши», 1984, № 1, с. 82—84.

⁴⁰ Там же, с. 84.

Некоторые положения, развитые на конференции, кардинально отличались от прежних взглядов китайских историков. Так, большинство пришло к мнению, что отличие второй мировой войны от первой в том, что вторая мировая выросла из локальных войн. Наряду с этим весьма обоснованным и серьезным подходом на конференции по-прежнему наблюдались попытки преувеличить значение китайского сопротивления и китайского фронта во второй мировой войне, что по меньшей мере представляется спорным. «Антаяпонская война сопротивления Китая не дала Японии продвинуться ни на Юг, ни на Север. Дальневосточный Мюнхен был сорван Коммунистической партией Китая. — утверждал Ван Сыдэ. — Китайская война сопротивления задержала начало войны на Тихом океане и не позволила Японии напасть на СССР»⁴¹. Но ведь остается фактом, что война на Тихом океане была развязана и японская армия оккупировала страны Юго-Восточной Азии, а нападения на СССР вылились в вооруженные конфликты в 1938 и 1939 гг., о чем уже говорилось выше.

Гораздо справедливее суждение Ван Сыдэ о роли китайского фронта в 40-х годах: «После разгрома и капитуляции Франции СССР нуждался во всех своих силах для отражения германской угрозы, а США установили приоритет за Европой; осуществление их стратегических планов зависело от того, сможет ли Китай связать Японию. Сталин послал Чуйкова в Китай советником к Чан Кайши»⁴².

На деле и после капитуляции Франции, вплоть до начала гитлеровской агрессии против нашей страны, СССР продолжал оказывать Китаю помощь военной техникой, материалами, командированием советников. Зато задача стратегически связать Японию действительно была поставлена И. В. Сталиным перед В. И. Чуйковым накануне его отъезда в Китай. Вот его слова: «Ваша задача, товарищ Чуйков, задача всех наших людей в Китае — крепко связать руки японскому агрессору. Только тогда, когда будут связаны руки японскому агрессору, мы сможем избежать войны на два фронта, если немецкие агрессоры нападут на нашу страну...»⁴³.

В заключительном слове на пекинской конференции историк Чжу Тингуан призвал участников «избирательно привлекать советские и западные результаты исследований». Была объявлена задача работать над написанием труда о начале второй мировой войны с «китайским своеобразием»⁴⁴.

В 80-х годах начали выходить первые книги китайских историков о второй мировой войне, носящие в основном очерково-компиляционный характер, однако они были написаны без привлечения архивно-документального материала из китайских источников. Таких трудов появилось семь, два из них доступны нам в настоящее время. Это — однотомник «История второй мировой войны», написанный большим коллективом авторов, вышедший уже двумя тиражами в 1982 и 1983 гг.⁴⁵ Эта книга получила обстоятельную рецензию в советской научной печати с разбором и критикой как позаимствованных у буржуазных авторов положений, так и тенденции к преувеличению роли китайского фронта во второй мировой войне⁴⁶. Китайская книга не идет по масштабам ни в какое сравнение с 12-томной «Историей второй мировой войны», издание которой завершено в СССР в 1982 г., по своей функции она скорее сопо-

⁴¹ Там же, с. 83.

⁴² Там же.

⁴³ В. И. Чуйков. Миссия в Китае. Записки военного советника. М., 1981, с. 58.

⁴⁴ «Шинзе лишн», 1984, № 1, с. 84.

⁴⁵ См.: Чжу Гуэйшэн, Ван Чжэньдэ и др. Дзиэнь шицзе дачжань ши (История второй мировой войны). Пекин, 1982, 734 с.

⁴⁶ См.: Ю. Щербеньков. За правильность освещения событий второй мировой войны. — «Военно-исторический журнал», 1983, № 12, с. 64—70.

ставима с историческими очерками, которые неоднократно издавались в СССР⁴⁷.

В предисловии видного китайского историка Лю Сыму признается следующее: «Печально, что в прошлом работники исторической науки нашей страны не провели систематических углубленных исследований ни истории второй мировой войны, ни даже истории войны сопротивления Японии и до сегодняшнего дня выпустили о второй мировой войне только брошюры. Так и не было издано специального, написанного самими китайцами труда по истории второй мировой войны»⁴⁸.

Нам доступен также краткий очерк, написанный Цай Цзумином⁴⁹. В обеих этих работах изложение событий начинается с оккупации Японией трех северо-восточных провинций Китая 18 сентября 1931 г., однако началом войны признается 1 сентября 1939 г. — дата нападения гитлеровской Германии на Польшу. По мнению китайских историков, «в большинстве зарубежных исторических трудов по истории второй мировой войны не уделено соответствующего внимания войне сопротивления нашей страны (Китая. — Ред.) против Японии»⁵⁰. Вероятно, это действительно так, поскольку сами китайские историки, по их собственному признанию, не занимались разработкой этой проблемы. Их «доказательства» того, что китайский фронт был главенствующим в пределах азиатского театра военных действий, неубедительны. Ю. Щебенков справедливо замечает, что «вооруженная борьба в Китае носила в основном локальный характер. Является фактом, что в течение всей войны китайскими войсками не проведено ни одной стратегической операции»⁵¹. Тенденциозное умаление китайскими авторами роли СССР и советских вооруженных сил в войне также снижает научную ценность их работы, что и отмечено в рецензии Ю. Щебенкова.

При всем различии во мнениях и трактовках истории второй мировой войны среди китайских историков заметна тенденция преувеличения роли Китая в войне, что по ряду моментов сближает, а иногда приводит к тождественности позиций с гоминьдановскими трактовками истории второй мировой войны (например, о решающей роли китайского фронта в Азии). Охотно опираются китайские ученые и на труды японских историков. Для некоторых китайских историков характерно также подчеркивание глобальной роли США в войне, поскольку, по их мнению, только вступление в войну США сделало ее мировой в полном смысле слова.

До последнего времени более 20 лет китайская историография практически молчала о роли СССР в победе над фашизмом, причем особенно — над японским милитаризмом. Тенденция умалить роль СССР сказывается и в особом акценте на «негативное воздействие» японо-советского пакта о ненападении 1941 г. на китайский театр военных действий. Вопреки исторической правде всемерно подчеркивается не советская помощь Китаю в войне сопротивления Японии, которая была реальностью, а китайская помощь СССР в политическом смысле («четыре года мира на Дальнем Востоке», отсутствие войны на два фронта для СССР). Поэтому нельзя не отметить националистической окраски в китайской историографии рассматриваемого вопроса.

⁴⁷ См.: Вторая мировая война. 1939—1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1958, 930 с.; Г. А. Деборин. Вторая мировая война. Военно-политический очерк. М., 1958, 430 с.; Вторая мировая война. Краткая история. М., 1980, 530 с.

⁴⁸ Диэрцы шицзе дачжань ши. Пекин, 1983, с. 2.

⁴⁹ См.: Цай Цзумин. Диэрцы шицзе дачжань ши цзяньбянь (Краткий очерк истории второй мировой войны). Пекин, 1983, 200 с.

⁵⁰ Диэрцы шицзе дачжань ши, с. 3.

⁵¹ Ю. Щебенков. За правильность освещения событий второй мировой войны. — «Военно-исторический журнал», 1983, № 12, с. 68; История второй мировой войны 1939—1945, т. 12, с. 427.

Стойкий отряд международного коммунистического движения

[К 55-летию Коммунистической партии Вьетнама]

А. С. ВОЛОДИН

3 февраля 1985 г. братский вьетнамский народ отметил 55-ю годовщину создания своего боевого марксистско-ленинского авангарда — Коммунистической партии Вьетнама. К этому событию КПВ пришла вооруженная историческим опытом. Она встретила свой праздник большими свершениями, полная созидательных планов. Велик ее авторитет среди вьетнамских трудящихся. Во всем мире признаются заслуги КПВ — партии патриотов и интернационалистов, партии революционного действия. Коммунистическая партия Вьетнама утвердилась как политический и идейный вождь рабочего класса, трудящихся страны в трудной и долгой борьбе. Нелегко был ее путь к победам. Этот путь представляет большой теоретический и практический интерес.

* * *

С середины XIX столетия, когда французские колонизаторы захватили Вьетнам, по всей территории страны начали вспыхивать многочисленные вооруженные восстания. Однако эти выступления терпели поражения, потому что у восставших не было единого руководства, четкой программы действий, а их методы борьбы уже не соответствовали новым историческим условиям. Вьетнамское национально-освободительное движение находилось в состоянии кризиса до тех пор, пока на политическую арену не вышел вьетнамский рабочий класс и не взял на себя руководство революцией.

Огромное воздействие на национально-освободительную борьбу во Вьетнаме оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Опыт Октября показал, что свою историческую миссию вьетнамский пролетариат может выполнить лишь в том случае, если он создаст самостоятельную революционную партию, которая твердо и последовательно будет руководствоваться марксистско-ленинской теорией.

Созданию такой партии предшествовал многолетний подготовительный период, в ходе которого вьетнамские революционеры овладевали марксистско-ленинским мировоззрением. Процесс этот был нелегким, если учесть, что во вьетнамском обществе того времени, оторванном от основных центров международного революционного движения, не существовало традиций социализма. В 20-е годы во Вьетнаме начали зарождаться марксистские организации, они устанавливали связь с рабочим движением, вели антифеодальную и антиимпериалистическую пропаганду. Огромная роль в распространении марксизма-ленинизма во Вьетнаме принадлежит выдающемуся революционеру, первому вьетнамскому коммунисту Хо Ши Мину. С середины 20-х годов он развернул активную деятельность по созданию революционной марксистской организации. В 1925 г. им было основано Товарищество вьетнамской рево-

люционной молодежи, в котором коммунисты были руководящим ядром¹.

Годы, последовавшие за созданием «Товарищества», характеризуются активным развитием его организационной базы и руководимых им массовых организаций: рабочего, крестьянского и студенческого союзов. «Товариществу» удалось установить связи с Коминтерном, коммунистическими партиями Советского Союза, Франции, Китая².

В 1929 г. во всех трех частях страны³ были созданы самостоятельные коммунистические организации. Но жизнь настоятельно требовала скорейшего объединения коммунистов в единую партию. На необходимость единства действий указывал и Коминтерн. В письме Исполкома Коминтерна от 27 октября 1929 г. к коммунистическим организациям отмечалось, что «отсутствие единой коммунистической партии в период подъема движения рабоче-крестьянских масс таит большую опасность для будущей революции в Индокитае»⁴.

3 февраля 1930 г. отдельные марксистские группы, собравшиеся под председательством Хо Ши Мина на Объединительной конференции партии, образовали Коммунистическую партию Вьетнама⁵. Состоявшийся в октябре 1930 г. пленум ЦК партии принял решение о ее переименовании в Коммунистическую партию Индокитая (КПИК). 11 апреля 1931 г. Исполком Коминтерна признал Компартию Индокитая самостоятельной организацией, непосредственно входящей в Коминтерн.

Образование Коммунистической партии Индокитая явилось историческим поворотом в освободительной борьбе вьетнамского народа, знаменующим утверждение руководящей роли рабочего класса в революции, прекращение идейного и организационного кризиса национально-освободительного движения. Впервые в авангарде этой борьбы встала политическая партия, надежно вооруженная научной теорией, ясно осознающая цели и задачи борьбы, владеющая арсеналом средств и методов, ведущих к победе, тесно связанная с широчайшими народными массами и находящаяся в боевом союзе с международным революционным движением.

С первых дней своего существования, руководствуясь ленинским положением о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁶, КПИК четко указала, что вьетнамская революция на начальном этапе должна добиться свержения власти империалистов, феодалов, завоевания национальной независимости, образования правительства рабочих и крестьян, создания рабоче-крестьянской армии, передачи земли тем, кто ее обрабатывает. На следующем этапе выдвигалась задача продвижения к социализму, минуя стадию капиталистического развития. В качестве основной движущей силы революции был назван тесный союз рабочего класса и крестьянства⁷. Важная роль в разработке программы действий партии, изложенной в виде политических тезисов, принадлежит первому Генеральному секретарю ЦК партии Чан Фу.

От создания партии в 1930 г. до победы Августовской революции в 1945 г., в результате которой вьетнамский народ под руководством

¹ См.: Боевой авангард вьетнамского народа. История Коммунистической партии Вьетнама. М., 1981, с. 23.

² См.: Нгуен Кхань Тоан. Великий Октябрь и Вьетнам. М., 1979, с. 37.

³ В период французского колониального господства Вьетнам был разделен на три части с различным политическим режимом и системой управления (Кохинхина, Тонкин, Аннам).

⁴ Документы партии (1930—1945), т. 1. Ханой, 1977, с. 10 (на вьет. яз.).

⁵ См.: Боевой авангард вьетнамского народа, с. 28.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

⁷ См.: История Коммунистической партии Вьетнама (1930—1945 гг.), т. 1. Ханой, 1978, с. 39—41 (на вьет. яз.).

КПИК покончил почти со столетним господством колонизаторов и тысячелетним феодально-монархическим гнетом, прошло всего пятнадцать лет. За этот короткий срок КПИК смогла провести три революционных «репетиций». Творчески применяя на практике марксистско-ленинскую теорию, она выработала и проверила в огне революционных битв стратегию и тактику классовой борьбы пролетариата.

Первой «репетицией» явился мощный революционный подъем 1930—1931 гг., в ходе которого была утверждена руководящая роль рабочего класса и Коммунистической партии Индокитая. В эти годы выступления рабочих и крестьян шли под лозунгами независимости, свободы, повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, поддержки Советского Союза, национально-освободительного движения народов мира, против империалистической войны.

Особенно острые классовые схватки происходили в провинциях Нгеан и Хатинь, где в ходе восстания была ликвидирована колониальная и феодальная администрация. Рабочие и крестьяне взяли в свои руки управление всеми сторонами политической и социальной жизни на местах, выполняя функции народной власти по советскому образцу. Советы решительно подавляли выступления контрреволюции. Были отменены введенные колонизаторами и феодалами налоги. Общественные земли были разделены среди крестьян. Упразднялись различные поборы, развернулось движение за ликвидацию неграмотности⁸.

Французские колонизаторы развязали жесточайший террор с целью подавления революционного движения и уничтожения Компартии Индокитая. Десятки тысяч членов партии, патриотов были арестованы, брошены в тюрьмы, сосланы на каторгу или убиты. Были арестованы почти все члены ЦК КПИК, многие из них погибли. В сентябре 1931 г. в возрасте двадцати семи лет погиб и первый Генеральный секретарь ЦК КПИК Чан Фу. Колонизаторам удалось почти полностью разгромить ячейки КПИК. Параллельно с террором колонизаторы стремились обмануть, подкупить народные массы. В это время начали получать распространение различные мелкобуржуазные теории, оживились вьетнамские троцкисты и националисты.

Однако КПИК в самые короткие сроки удалось восстановить свои организации, наладить прочные связи с народными массами. Попавшие в тюрьмы революционеры развернули там политическую учебу, началось обобщение опыта революционной деятельности. Велась упорная идеологическая борьба.

В 1934 г. был образован Заграничный руководящий комитет КПИК. Он провел значительную работу по объединению партийных организаций, воспитанию руководящих кадров, подготовке условий для созыва I съезда партии. Съезд состоялся в марте 1935 г. В его работе участвовали делегаты, представлявшие партийные организации Вьетнама, Лаоса, Кампучии. Съезд наметил первоочередные задачи: укреплять партию, привлекать на ее сторону широкие народные массы, бороться против подготовки империалистической войны. Он сыграл важную роль в подготовке партии к новому революционному подъему⁹.

В условиях некоторого смягчения внутривнутриполитического положения в Индокитае, вызванного приходом к власти во Франции правительства Народного фронта, КПИК, опираясь на решения VII конгресса Коминтерна (июль 1935 г.), выдвинула курс на формирование Демократического фронта. Фронт объединял все демократические и прогрессивные силы, выступавшие против французских колонизаторов и местных реакционеров, за демократические свободы, улучшение жизни населения, против фашистской агрессии.

⁸ См.: Тридцать лет борьбы партии и рабочего класса Вьетнама. Ханой, 1960, с. 34—42.

⁹ См.: Боевой авангард вьетнамского народа, с. 41.

В годы революционного подъема (1936—1939) партия овладевала искусством политической работы с народными массами города и деревни. С этой целью широко использовались созданные партией многочисленные органы печати. Пропаганда марксизма-ленинизма, программных установок партии велась также через руководимые ею организации профсоюзов, молодежи, женщин и др. Под давлением народного движения многие политические заключенные, в том числе товарищи Ле Зуан, Чыонг Тинь, Фам Ван Донг, были освобождены из тюрем. Наряду с легальными формами борьбы широко использовались и нелегальные, что позволяло партии уберечь свой основной костяк от репрессий.

КПИК стремилась устанавливать контакты с политическими партиями мелкой буржуазии и демократическими элементами из буржуазной интеллигенции для совместной деятельности. Она подвергала суровой критике проявления «левого» уклона, выражавшиеся в сектантстве, узости взглядов, неумении использовать легальные и полулегальные формы борьбы. Одновременно критике подвергались такие проявления правого уклона, как опьянение отдельными успехами, пренебрежение упрочением союза рабочих и крестьян. КПИК вела настойчивую борьбу против троцкистов, разоблачая их как пособников фашистов¹⁰.

Революционный подъем 1936—1939 гг. позволил КПИК поднять на борьбу многомиллионные массы в городе и деревне, упрочить союз рабочего класса и крестьянства, подготовить и воспитать большой отряд кадровых работников партии, сплотить партийные ряды. В эти годы партия развернула широкую работу с целью повышения образовательного и политического уровня ее членов.

Окрепил связи партии с международным коммунистическим движением. Товарищ Ле Хонг Фонг, возглавлявший делегацию КПИК на VII конгрессе Коминтерна, был избран кандидатом в члены Исполкома Коминтерна. Товарищ Хо Ши Мин, который в тот период учился и вел исследовательскую работу в Международной ленинской школе в Москве, присутствовал на конгрессе в качестве гостя.

Величайшим испытанием для партии стала вторая мировая война. После того как Франция потерпела поражение, Япония захватила Индокитай. Колониальные власти в этот момент объявили КПИК вне закона и приступили к разгрому всех созданных коммунистами легальных и полулегальных организаций. Тысячи патриотов, в том числе большинство видных деятелей коммунистической партии, были брошены в тюрьмы и отправлены на каторгу. Возможности легальной деятельности партии были исчерпаны. Демократические свободы, завоеванные в годы революционного подъема, были ликвидированы.

Резкое ухудшение обстановки не застало партию врасплох. Она своевременно дала указание своим организациям уйти в подполье. ЦК КПИК, определивший задачи партии на новом этапе, констатировал, что главная задача революции отныне состоит в свержении господства империалистов, национальном освобождении страны.

Народные массы развернули решительную борьбу против двойного гнета — японских оккупантов и французских колонизаторов. В сентябре 1940 г. вспыхнуло восстание в Бакшоне. В ноябре 1940 г. началось восстание Намки, в 1941 г. — в Тёранге и Дольонге. Хотя эти восстания были подавлены, но накал борьбы не ослабевал.

Партия приняла решение о создании Лиги борьбы за независимость Вьетнама, сплотившей в своих рядах всех борцов за свободу Вьетнама независимо от их классовой принадлежности, социального положения, вероисповедания. Было принято решение о строительстве вооруженных сил и усилении работы по подготовке восстания с целью захвата власти и ее распространения на всю территорию страны. Повсеместно создава-

¹⁰ См.: Краткая история Партии трудящихся Вьетнама. М., 1971, с. 24—25.

лись отряды освобождения, а в 1944 г. была образована Освободительная армия Вьетнама.

Росту освободительного движения вьетнамского народа способствовали победы, которые одерживал Советский Союз в борьбе против гитлеровского фашизма. КПИК ставила задачу подготовить восстание против японских захватчиков, которые в марте 1945 г. ликвидировали французскую колониальную администрацию и стали единолично хозяйничать в Индокитае.

Разгром Советским Союзом фашистской Германии и вступление его в войну против милитаристской Японии, носившее характер освободительной миссии в отношении народов Азии, благоприятно воздействовало на освободительную борьбу вьетнамского народа.

Проходившая 13—15 августа 1945 г. в Танчао партийная конференция приняла решение о начале всеобщего вооруженного восстания. Составившийся через несколько дней Национальный конгресс народных представителей поддержал это решение и избрал Комитет национального освобождения с функциями Временного правительства во главе с Хо Ши Мином. В решении конгресса указывалось: «Внеся огромный вклад в дело разгрома фашизма в Европе, Советский Союз 8 августа 1945 года объявил войну Японии. В нашей стране власть японцев рушится». Конгресс обратился к народу и революционным организациям с призывом захватить власть, создать Демократическую Республику Вьетнам, вооружить народ¹¹.

19 августа восстание победило в Ханое, 23 августа — в Хюэ, 25 августа — в Сайгоне. Революция распространялась по всей стране, сметая ненавистный марионеточный феодально-монархический режим с его японскими и французскими покровителями. 2 сентября 1945 г. на полумиллионном митинге в Ханое Хо Ши Мин от имени Временного правительства зачитал «Декларацию независимости». Он провозгласил создание Демократической Республики Вьетнам — первого в Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян. Вьетнам обрел отнятую у него колонизаторами государственность, завоевал политическую самостоятельность. Вьетнамский народ «действительно стал свободным и независимым»¹².

С сентября 1945 г. по декабрь 1946 г. партия руководила борьбой по защите и укреплению революционной власти, восстановлению народного хозяйства. Она мобилизовала трудящихся на отпор агрессии колонизаторов, намеревавшихся при помощи местной феодальной и буржуазной верхушки реставрировать старые порядки. В этот период была начата борьба за подъем производства, против охватившего всю страну жесточайшего голода. Был осуществлен временный раздел земель, принадлежавших ранее французским колонизаторам и предателям родины, снижена на 25 % арендная плата, принят закон о 8-часовом рабочем дне. В начале 1946 г. были проведены всеобщие выборы. Национальное собрание приняло первую Конституцию. Повсеместно развернулась борьба с неграмотностью.

Демократические преобразования проводились в неимоверно сложных условиях. В Северный Вьетнам вторглась 200-тысячная армия чанкайшистов. Французские колонизаторы при помощи английских империалистов 23 сентября 1945 г. захватили Сайгон и развернули военные действия на территории всего Южного Вьетнама.

КПИК, правительство ДРВ приложили огромные усилия, чтобы политическим путем предотвратить иностранную агрессию. Однако колонизаторы шли все дальше по пути военных провокаций и прямой военной агрессии. В этих условиях 22 декабря 1946 г. ЦК Коммунистической

¹¹ См.: «Разобьем оковы». Документы Августовской революции 1945 г. во Вьетнаме. М., 1960, с. 70—71.

¹² Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959, с. 165.

партии принял постановление «О всенародной войне Соппротивления». Партия призвала население к «всенародной, всесторонней, длительной войне Соппротивления», чтобы отстоять завоевания Августовской революции¹³.

Началась длительная война Соппротивления вьетнамского народа против французских колонизаторов (1946—1954). В ходе войны Вьетнамская народная армия, партизанские отряды, опираясь на всенародную поддержку, наносили удары по французскому экспедиционному корпусу, оснащенному американским оружием. Наряду с вооруженным сопротивлением вьетнамские патриоты во главе с партией коммунистов вели активную политическую и дипломатическую деятельность. Важным фактором, способствовавшим успешной борьбе вьетнамского народа и значительно укрепившим международные позиции молодой республики, стало установление в 1950 г. дипломатических отношений ДРВ с Советским Союзом¹⁴, другими социалистическими странами. К ослаблению позиций французского колониализма в Индокитае вело и широкое движение народных масс в самой Франции, требовавших прекращения «грязной войны».

Огромную роль в мобилизации народных масс на борьбу с империалистической агрессией сыграл II съезд партии (февраль 1951 г.), разработавший программу борьбы против колонизаторов, в которой указывалось, что задача революции состояла в доведении до победного конца войны Соппротивления, достижении независимости и объединении нации, ликвидации феодальных и полуфеодальных пережитков, передаче земли в руки тех, кто ее обрабатывает, развитии строя народной демократии, создании основ социализма, минуя стадию капиталистического развития. Съезд принял решение о переходе партии на легальное положение и переименовании ее в Партию трудящихся Вьетнама (ПТВ). Было принято также решение об организации в Лаосе и Кампучии отдельных революционных партий¹⁵.

Первостепенное значение для мобилизации подавляющей части населения — крестьянства на антиимпериалистическую борьбу имела аграрная реформа, развернувшаяся по решению ЦК ПТВ (ноябрь 1953 г.). В ряды борцов Соппротивления встали миллионы крестьян, получивших землю.

Зимой 1953—1954 гг. вооруженные силы освобождения предприняли стратегическое наступление, закончившееся 7 мая 1954 г. победой в битве при Дьенбьенфу. Было уничтожено или выведено из строя 112 тыс. солдат противника¹⁶. Разгром Вьетнамской народной армией французского экспедиционного корпуса при Дьенбьенфу создал благоприятные предпосылки для политического успеха ДРВ на Женевском совещании по Индокитаю. 20 июля 1954 г. были подписаны Женевские соглашения, по которым за Демократической Республикой Вьетнам, Лаосом и Кампучией признавалось «право на независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность».

Прекращение войны и заключение Женевских соглашений 1954 г. явились важной победой ПТВ, вьетнамского народа, всех антиимпериалистических сил. Исходя из новой ситуации, сложившейся в стране, VI пленум ЦК КПВ (июль 1954 г.) подчеркнул необходимость добиваться мира и его укрепления, завершения дела объединения страны, завоевания независимости, осуществления демократии на всей территории страны¹⁷.

¹³ См.: Краткая история Партии трудящихся Вьетнама, с. 52.

¹⁴ См.: Советский Союз — Вьетнам. 30 лет отношений, 1950—1980. Документы и материалы. М., 1982, с. 8.

¹⁵ См.: Документы II съезда партии. Ханой, 1965, с. 39, 90, 95, 118 (на вьет. яз.).

¹⁶ См.: Боевой авангард вьетнамского народа, с. 97.

¹⁷ См.: Хо Ши Мин. Избранные произведения. Ханой, 1973, с. 191.

После восстановления мира на севере страны была завершена аграрная реформа, осуществлен лозунг, выдвинутый партией сразу же после ее образования. В 1957 г. в ДРВ в основном была выполнена задача восстановления национальной экономики. Объем промышленного и сельскохозяйственного производства в целом достиг уровня предвоенного 1939 г. Утвердилось государство народной демократии, осуществлявшее диктатуру пролетариата. В 1958—1960 гг. был успешно осуществлен трехлетний план преобразования и развития экономики. Северный Вьетнам сделал шаг вперед в социалистическом переустройстве общества. В 1959 г. была принята новая, социалистическая Конституция ДРВ.

В сентябре 1960 г. состоялся III съезд ПТВ. Это был первый легальный съезд вьетнамских коммунистов. В партии, которая в период Августовской революции насчитывала 5 тыс. членов, теперь было почти 500 тыс. человек. К 1960 г. партийные организации были созданы во всех уголках страны¹⁸. На съезде была выработана генеральная линия партии на новом этапе. Съезд указал, что общей задачей вьетнамской революции является «усиление сплоченности всего народа, решительная борьба за сохранение мира, ускорение осуществления социалистических преобразований на Севере, активизация национальной народно-демократической революции на Юге, объединение страны на основе независимости и демократии, создание миролюбивого, единого, независимого, демократического и процветающего Вьетнама...»¹⁹. Съезд одобрил директивы первого пятилетнего плана (1961—1965), обсудил вопросы партийного строительства, утвердил изменения в Уставе партии, избрал руководящие органы партии. Председателем ЦК ПТВ был избран Хо Ши Мин, Первым секретарем — Ле Зуан.

К 1965 г. ДРВ достигла немалых успехов. Социалистический сектор завоевал ключевые позиции в производстве и распределении. Было создано или восстановлено более 1000 государственных предприятий. Началось осуществление социалистической индустриализации. Закладывались основы тяжелой промышленности, был создан ряд новых отраслей промышленности. Была ликвидирована неграмотность, создана система всеобщего среднего образования, организована подготовка национальных инженерно-технических работников, квалифицированных рабочих.

Что касается южной части страны, то здесь патристические силы во главе с коммунистами вели активную борьбу за освобождение от антинародного сайгонского режима, державшегося на американских штыках, за воссоединение страны. Борьба за воссоединение родины стала единой общенациональной задачей вьетнамской революции. Только на путях объединения родины революционные, демократические силы Вьетнама видели возможность дальнейшего мощного национального и социального прогресса.

Борьба за объединение родины, возглавляемая коммунистами, проходила во всех сферах: военной, политической, идеологической, экономической, социальной. В борьбе за свободу, независимость и единство родины вьетнамский народ сорвал американские планы ведения «особой войны», а затем, начиная с 1964—1965 гг., «локальной» войны против южновьетнамских патристов и воздушной агрессии против ДРВ. В этой борьбе на стороне вьетнамского народа были всесторонняя действенная помощь КПСС, братских коммунистических и рабочих партий, активная поддержка национально-освободительного и миролюбивого движения.

В результате гибкого и последовательного курса Демократической Республики Вьетнам и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам (ВРП РЮВ), провозглашенной патристическими силами юга в 1969 г., неизменной поддержки этого курса СССР

¹⁸ См.: III съезд Партии трудящихся Вьетнама. М., 1961, с. 133.

¹⁹ Там же, с. 26.

и другими социалистическими странами, всеми прогрессивными силами мира 27 января 1937 г. в Париже было подписано Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Тем самым был сделан решающий шаг на пути полного восстановления мира и воссоединения Вьетнама.

Вьетнамский народ на севере страны приступил к заживлению ран, нанесенных войной. В то же время ПТВ и правительство ДРВ в тесном единстве с ВРП РЮВ вели активную внешнеполитическую деятельность, добиваясь выполнения Парижского соглашения 1973 г. Это имело тем большее значение, что США, выведя свои войска из Южного Вьетнама, не прекратили поставок вооружения и боеприпасов марионеточному сайгонскому режиму, толкая его на расширение военных действий против освобожденных районов, на фактический отказ от политического решения проблем страны. В этих условиях силы освобождения были вынуждены давать вооруженный отпор противнику.

30 апреля 1975 г. в результате генерального наступления вооруженных сил освобождения и всенародного восстания был освобожден Сайгон — последний оплот неокOLONиалистского режима на вьетнамской земле. Раскрывая значение и истоки победы народа в длительной кровопролитной войне, Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан говорил: «Наша победа — это победа революционного пути и методов революционных действий, правильного и творческого курса революционной войны нашей партии, которая высоко держит знамя национально-демократической революции и знамя социалистической революции, соединила силы национальной независимости с мощью социализма, мобилизовала силы всего народа и на основе их сочетания со всеми современными международными силами образовала единую мощь, с тем чтобы громить и побеждать империалистов США»²⁰.

Победа 1975 г. навсегда положила конец более чем столетнему господству колонизаторов на вьетнамской земле. Она опрокинула стратегические расчеты сил империализма и гегемонизма. В результате победы были созданы необходимые предпосылки для государственного воссоединения Вьетнама и образования в 1976 г. Социалистической Республики Вьетнам. В жизни вьетнамского народа началась новая эпоха — эпоха построения социализма в масштабах всей страны.

Исходя из обстановки, сложившейся после победы вьетнамского народа, IV съезд партии (1976) определил генеральный курс социалистической революции во Вьетнаме на новом этапе: «Твердо стоять на позициях диктатуры пролетариата, развивать право трудового народа быть коллективным хозяином, одновременно осуществлять три революции — в сфере производственных отношений, научно-техническую, в области идеологии и культуры, при этом научно-техническая революция является ключевой; ускорить социалистическую индустриализацию, представляющую собой центральную задачу всего переходного периода к социализму; создавать режим социалистического коллективного хозяйствования, крупное социалистическое производство, новую культуру, формировать нового, социалистического человека; ликвидировать эксплуатацию человека человеком, нищету и отсталость; неуклонно повышать бдительность, постоянно укреплять обороноспособность, сохранять политическую безопасность и общественный порядок; успешно строить мирное, независимое, единое социалистическое вьетнамское отечество; вносить активный вклад в борьбу народов мира за мир, национальную независимость, демократию и социализм»²¹. IV съезда принял решение о переименовании партии в Коммунистическую партию Вьетнама.

²⁰ Ле Зуан. Избранные статьи и речи, 1975—1981 гг. М., 1981.

²¹ IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1977, с. 49.

Важный вклад в дальнейшее развитие стратегии и тактики социалистического строительства в СРВ внес V съезд Компартии Вьетнама (март 1982 г.). На съезде было четко определено главное содержание социально-экономической политики партии на начальном этапе социалистического строительства. Съезд указал, что в 80-е годы усилия партии и народа будут сосредоточены на ускоренном развитии сельского хозяйства, что рассматривается сегодня как первоочередная задача; всемерном развитии производства товаров массового потребления, а также создании ряда отраслей тяжелой промышленности, без которых немислим дальнейший индустриальный прогресс страны.

Съезд нацелил партию на проведение социалистических преобразований в южных провинциях, осуществление мероприятий в целях укрепления единого народнохозяйственного комплекса, налаживание социально-экономической интеграции Севера и Юга, развитие которых в течение нескольких десятилетий шло в противоположных направлениях.

Компартия Вьетнама учитывает специфические условия, в которых стране приходится создавать новое общество. Вьетнам строит социализм, минуя стадию капиталистического развития, при слабой развитости производительных сил. Так, в 1975 г. подавляющая часть национального продукта производилась в сельском хозяйстве, представленном главным образом мелкотоварным (крестьянским) хозяйством. О низком начальном уровне материальной базы говорит и такой факт. Национальный доход на душу населения в 1975 г. составил всего 135 ам. долл.²² Приходится учитывать и тягчайшие последствия американской агрессии во Вьетнаме.

Строительство нового общества ведется в неблагоприятной международной обстановке, в условиях постоянных вооруженных провокаций и угроз со стороны гегемонизма и империализма. Это заставляет СРВ отвлекать значительные ресурсы для поддержания на должном уровне своей обороноспособности и обороноспособности дружественных государств — Лаоса и Кампучии. Нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как попытки наиболее крайних империалистических кругов, прежде всего в США, экономически блокировать СРВ, создать своеобразный «кордон» вокруг социалистического Вьетнама.

При анализе обстановки в стране Компартия Вьетнама на своем V съезде откровенно сказала, что, помимо причин объективного характера, стабильное, уверенное развитие экономики сдерживалось и субъективными причинами, в том числе ошибками и просчетами в управлении и планировании экономикой, нехваткой опытных кадров, неспособностью ряда работников своевременно перестроиться с военных методов управления на методы экономического хозяйствования.

Без малого десять лет прошло со времени полного освобождения Вьетнама. За это время достигнуты большие успехи в заживлении ран, нанесенных войной, и создании основ нового общества. Удалось восстановить разрушенные сельскохозяйственные, промышленные и транспортные объекты. Миллионы людей получили кров и работу.

Особенно внушительны достижения в главной отрасли экономики — сельском хозяйстве. В 1984 г. в крайне неблагоприятных погодных условиях было собрано около 18 млн. т продовольствия; в результате потребности населения в продуктах питания удовлетворяются теперь в основном за счет внутренних источников. Значительные сдвиги происходят в индустрии. Ежегодный прирост производства промышленной продукции в текущей пятилетке (1981—1985) составил в среднем 11 %, причем увеличилось производство электроэнергии, цемента, машиностроительной продукции, химических удобрений, тканей, бумаги²³.

²² См.: А. С. Воронин. Вьетнам сегодня. М., 1979, с. 11.

²³ См.: «Проблемы мира и социализма», 1984, № 10, с. 25.

Улучшается положение в капитальном строительстве. Удалось добиться большей концентрации средств на решающих объектах в ключевых отраслях. Сейчас в стране ведется строительство гидро- и теплостанций — «Хоабинь», «Фалай», «Чиан». Начата добыча отечественной нефти на континентальном шельфе Юга страны. Созданы новые причалы в морских портах Хайфон, Хонгай, Камфа. Восстановлено движение по трансвьетнамской железной дороге, связывающей Ханой и Хошимин.

Много делается для укрепления государственного и кооперативного секторов экономики, что особенно актуально для Южного Вьетнама. В 1984 г. более 50 % крестьян, которым принадлежит около 50 % обрабатываемых земель, объединились в производственные бригады, группы трудовой взаимопомощи и сельскохозяйственные кооперативы.

Совершенствуется экономическое управление. В сельском хозяйстве внедряется система оплаты труда по конечному результату работы бригады или отдельного труженика. В промышленности взят курс на развитие самостоятельности и инициативы предприятий и местных органов; расширяется сфера использования материальных стимулов; укрепляется социалистический хозрасчет; принимаются меры по устранению народнохозяйственных диспропорций; ведется линия на ограничение и сокращение деятельности свободного рынка, обеспечение социальной справедливости при распределении доходов между различными слоями населения.

КПВ предприняла огромные усилия, чтобы вооружить свои кадры, всех членов партии необходимыми знаниями в области управления. Вопросы управления регулярно рассматриваются на пленумах ЦК КПВ. Были они рассмотрены на VI и VII пленумах ЦК, где подчеркивалась необходимость дальнейшего укрепления государственного сектора экономики и углубления социалистических преобразований²⁴.

Впечатляют успехи республики в становлении науки и техники. Созданы 83 научно-исследовательских учреждения, 21 проектный институт. 300 тыс. человек получили высшее, более 0,5 млн. человек — среднее специальное образование. В стране насчитывается свыше 4 тыс. кандидатов и докторов наук²⁵.

Во всех трудовых победах, по своему значению стоящих вровень с боевым подвигом народа, отчетливо видна руководящая, организующая и направляющая роль КПВ, целенаправленная работа партийных органов, кадровых работников, всех коммунистов, мобилизующих усилия рабочего класса, кооперированного крестьянства, народной интеллигенции на выполнение задач, выдвинутых V съездом КПВ.

Признанием огромных заслуг партии рабочего класса в решении задач социалистической революции и строительстве социализма стало законодательное закрепление руководящей роли КПВ в Конституции Социалистической Республики Вьетнам, принятой в декабре 1980 г. (ст. 4). В Конституции подчеркивается, что государство диктатуры пролетариата, созданное в СРВ, может выполнить свою историческую миссию лишь в том случае, если во главе рабочего класса и всего народа стоит партия, которая неуклонно следует по пути марксизма-ленинизма²⁶.

Сегодня партия насчитывает в своих рядах более 1,8 млн. коммунистов. Они действуют в более чем 35 тыс. первичных организациях. Первичные парторганизации созданы практически на всех промышленных предприятиях, в мастерских, учебных заведениях, социально-культурных учреждениях Севера страны. С каждым годом укрепляется влияние партийных организаций на дела производства, общественной жизни и на

²⁴ См.: «Правда», 19.VII.1984; «Нян зан», 23.XII.1984.

²⁵ Подр. см.: А. С. Ермолаев. Научно-техническое сотрудничество СССР и СРВ. — «Проблемы Дальнего Востока», 1984, № 4.

²⁶ См.: Конституция Социалистической Республики Вьетнам. М., 1982, с. 19.

Юге Вьетнама. После V съезда партия провела широкие мероприятия по укреплению первичных организаций, а также уездного (районного) звена партийного руководства, от работы которых в значительной мере зависит успех практической реализации решений партии.

Партия проявляет особую заботу об улучшении качественного состава своих рядов. Первостепенное внимание уделяется приему в партию лучших представителей рабочего класса, кооперированного крестьянства, воинов ВНА, социалистической научно-технической и творческой интеллигенции. Более 84 % молодых коммунистов вливаются в КПВ через Союз коммунистической молодежи Хо Ши Мина. Около половины новых членов КПВ имеет среднее и среднее специальное образование, 6 % — дипломы вузов ²⁷.

Высокие требования предъявляются и к морально-политическому облику коммунистов. Абсолютная преданность революционному делу, безраздельная поддержка линии партии, высокий уровень политического сознания, скромность, честность, бескорыстие, умение ставить интересы общества и коллектива выше своих собственных — эти критерии сформулированы в Уставе КПВ.

Сплоченности партии, организационному укреплению ее рядов, идейному росту коммунистов способствовала недавно закончившаяся кампания выдачи первых в истории КПВ партийных билетов. В ходе этой кампании, начатой в 1980 г., всестороннему анализу были подвергнуты деловые, политические и моральные качества каждого коммуниста. Причем, и это составляло характерную черту кампании, о каждом коммунисте высказывались не только члены партийной организации, в которой он состоит, но и беспартийные представители трудового коллектива, в котором он работает. В ходе кампании партия решительно освобождалась от не выдержавших испытания высокой ответственностью, которую налагает членство в партии. В результате этой кампании еще более вырос авторитет партии среди трудящихся, окрепли ее связи с трудящимися.

В идеологической области основную задачу КПВ видит в вооружении коммунистов идеологией марксизма-ленинизма, воспитании у них твердой воли и решимости преодолевать все трудности, приобретении членами партии необходимых знаний для успешного выполнения задач построения социализма и защиты родины. Вопрос ставится следующим образом. Каждый коммунист должен не только глубоко понимать политику партии, но и быть убежденным, активным борцом за ее реализацию, подчеркивалось на IV пленуме ЦК КПВ (1983), рассмотревшем актуальные задачи партии в области организационной и идеологической работы. Пленум потребовал усилить политико-воспитательную работу в партии, вести критику и самокритику, бороться за соблюдение партийной дисциплины, строго придерживаться принципов демократического централизма ²⁸.

С целью идейного воспитания коммунистов в КПВ создана разветвленная система партийных школ. Большими тиражами издаются работы классиков марксизма-ленинизма. В СРВ осуществлено издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Готовится к публикации Полное собрание сочинений Хо Ши Мина, регулярно издаются сборники статей и речей Ле Зуана, других руководителей КПВ, а также руководящих деятелей КПСС. В ноябре 1984 г. в Ханое увидел свет сборник работ Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко.

Значительно активизировалась теоретическая работа партии, повысилось качество исследований в области общественных наук. В центре внимания исследователей находятся законы переходного к социализму

²⁷ См.: «Правда», 24.III.1983.

²⁸ См.: «Новости Вьетнама», 1983, № 8, с. 1.

периода, вопросы экономической стратегии КПВ, партийного и хозяйственного строительства на современном этапе.

Усилению партийного влияния на все стороны жизни страны способствует и огромная работа, проводимая КПВ с общественными организациями через Отечественный фронт. Существо этой работы сводится к тому, чтобы пробудить родник народного творчества, вовлечь широкие народные массы в процесс разработки, принятия решений и проведения в жизнь политики партии.

Фронт, действующий на основе Политической программы, принятой в 1977 г., стал активным помощником КПВ в решении стоящих задач. Сегодня в него наряду с Компартией страны входят Федерация профсоюзов Вьетнама, Союз коммунистической молодежи Хо Ши Мина, Союз женщин Вьетнама, другие общественные, творческие организации, а также Социалистическая и Демократическая партии Вьетнама.

Коммунистическая партия Вьетнама никогда не отрывала себя от международного коммунистического движения, считая себя его неотъемлемой частью. Своей самоотверженной борьбой за интересы трудящихся, укрепление единства международного коммунистического и рабочего движения, дальнейшее сплочение стран социалистического содружества на незыблемой основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма Коммунистическая партия Вьетнама завоевала высокий авторитет среди коммунистов мира, всех борцов против империализма, за мир, демократию и социализм.

КПВ развивает всестороннее сотрудничество с КПСС, Советским Союзом. «Сплоченность и всестороннее сотрудничество с Советским Союзом, — заявил V съезд КПВ, — были и являются краеугольным камнем внешней политики нашей партии и государства». Боевая сплоченность и всестороннее советско-вьетнамское сотрудничество — это гарантия успехов вьетнамского народа в защите родины и строительстве социализма, в деле укрепления позиций социализма на Индокитайском полуострове²⁹.

* * *

Коммунистическая партия Вьетнама с полным правом может гордиться итогами пройденного ею пути. На всех этапах своей деятельности она успешно выполняла роль вождя трудящихся масс, вдохновителя и организатора всех их побед. Она глубоко и точно выражала народные чаяния, умело переводя требование масс на политический язык своей революционной деятельности. Эту деятельность всегда отличали преданность великому учению марксизма-ленинизма, умение через все преграды проводить в жизнь принципиальную революционную стратегию, используя при этом гибкую тактику и богатое разнообразие форм. В глазах советских людей, всех друзей братского вьетнамского народа КПВ — это стойкий отряд международного коммунистического движения, яркий и вдохновляющий пример беззаветного служения народному делу. «Мы, — отмечалось в приветствии ЦК КПСС в адрес ЦК КПВ по случаю 55-летия со дня образования партии вьетнамских коммунистов, — выражаем твердую уверенность в том, что под руководством своего боевого авангарда — коммунистической партии, ее Центрального Комитета во главе с Генеральным секретарем товарищем Ле Зуаном вьетнамский народ добьется новых успехов на пути построения сильного и процветающего социалистического Вьетнама, в борьбе за упрочение международных позиций социализма, сил мира и прогресса»³⁰.

²⁹ См.: V съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1983, с. 96.

³⁰ «Правда», 3.11.1985.

К 60-летию установления дипломатических отношений СССР с Японией

*Н. Н. НИКОЛАЕВ,
В. Н. АРСЕНЬЕВ*

В 1985 г. исполняется 60 лет со дня установления советско-японских дипломатических отношений. 26 февраля 1925 г. вступила в силу Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, которая положила начало истории советско-японских дипломатических отношений. В Конвенции обе страны провозгласили желание жить в мире и дружбе и обязались в своих взаимоотношениях исходить из принципа невмешательства во внутренние дела и воздерживаться от всякой открытой или скрытой враждебной деятельности друг против друга.

60 лет — немалый срок. За это время советско-японские отношения переживали периоды не только подъема, но и спада, а порой и серьезно омрачались — и отнюдь не по вине советской стороны. Тем не менее опыт минувшего 60-летия дает основание утверждать, что, когда контакты и связи двух стран развивались нормально, это полностью отвечало интересам советского и японского народов, задаче поддержания мира и безопасности на Дальнем Востоке. История советско-японских отношений свидетельствует также о том, что для их успешного развития настоятельно необходимо твердо и последовательно придерживаться курса на подлинное добрососедство и взаимовыгодное сотрудничество.

Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Японией имело большое международное значение и явилось крупной победой ленинской внешней политики Страны Советов, направленной на утверждение нового типа отношений — всестороннего мирного сотрудничества между государствами с различным социальным строем. Подписание в 1925 г. советско-японской Конвенции и последовавшее за этим установление дипломатических и консульских связей завершили важный этап борьбы СССР за нормализацию отношений с ведущими капиталистическими странами.

Наиболее дальновидные политические деятели Японии 20-х годов понимали, что Советское государство, которое уже установило отношения со многими странами капитализма, является прочным и не считаться с ним нельзя. Кроме того, правительственные круги Токио видели в создании нормальных отношений с СССР и возможность укрепить свои международные позиции, преодолеть состояние начавшейся изоляции Японии на мировой арене, которое обнаружилось, в частности, на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. Что же касается деловых кругов страны, то они осознавали прямые выгоды расширения связей с СССР в торгово-экономической сфере.

Установлением дипломатических отношений между СССР и Японией был открыт путь к развитию связей и контактов между нашими странами в различных областях. Стали налаживаться взаимовыгодная торговля, осуществляться первые контакты в области культуры и т. д.

Однако развитие добрососедских отношений встретило упорное противодействие сил японской реакции и милитаризма, пытавшихся в рамках своей агрессивной политики развязать вооруженные конфликты против СССР. Заключение Японией в 1936 г. «антикоминтерновского пакта» с гитлеровской Германией, а впоследствии и военного союза («тройственного пакта») с Германией и фашистской Италией указывало на опасные устремления японской верхушки, связанные с подготовкой войны против Советского Союза. Проявления этой агрессивной политики неизменно встречали должный отпор, о чем свидетельствуют события у озера Хасан (1938) и в районе реки Халхин-Гол (1939).

Следует отметить, что Советское правительство в сложной обстановке тех лет делало все возможное, чтобы сохранить определенный уровень развития отношений с Японией, использовать для этого благоприятные перспективы, открывшиеся после вступления в силу двусторонней Конвенции. Этому препятствовали силы японской реакции, активизировавшей политику экспансии и ввергшей в итоге японский народ в пучину второй мировой войны, которая, как известно, привела Японию к поражению.

В нарушение заключенного между СССР и Японией в 1941 г. Пакта о нейтралитете японская военщина не прекращала провокационных действий на границах с нашей страной, исходила из возможности осуществления нападения на СССР в зависимости от хода военных действий на советско-германском фронте. Япония сосредоточила в непосредственной близости от советской территории крупнейшую группировку своих сухопутных сил — Квантунскую армию, регулярно препятствовала советскому судоходству в Тихом океане, снабжала секретной информацией об СССР гитлеровское военное командование. В связи с этим Советское правительство в апреле 1945 г. денонсировало Пакт о нейтралитете с Японией, отметив, что в сложившейся обстановке этот документ потерял смысл.

Стремясь положить конец войне, сократить количество жертв и добиться скорейшего восстановления всеобщего мира, Советский Союз вступил 9 августа 1945 г. в войну с Японией. Советская Армия перешла в наступление против Квантунской армии в Маньчжурии и нанесла ей сокрушительный удар. В августе 1945 г. Япония заявила о безоговорочной капитуляции.

Разгром японского милитаризма явился составной частью Великой Победы и означал окончание второй мировой войны. Поражение милитаристской Японии принесло освобождение поработанному ею народам, способствовало подъему национально-освободительного движения в странах Азии, ускорило победу революции в Китае, нанесло сильнейший удар по империализму и его колониальной системе.

Но для того, чтобы навсегда покончить с одним из опаснейших очагов агрессии на Дальнем Востоке, необходимо было закрепить военно-политическую победу над японским милитаризмом путем осуществления широких мер по демилитаризации и демократизации Японии. СССР настаивал на таком комплексе мер, который ликвидировал бы корни японского милитаризма и обеспечил превращение страны в независимое миролюбивое государство. В Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. предусматривалось, что Япония после окончания войны получит полную национальную независимость, создаст свои демократические институты, будет развивать мирную экономику и национальную культуру.

Прилагая максимум усилий к тому, чтобы направить Японию на путь мирного, демократического развития, Советский Союз стремился по возможности быстрее восстановить с Японией нормальные дипломатические отношения.

Вопреки намерениям Советского Союза процесс нормализации советско-японских отношений затянулся более чем на 11 лет. Это был период, когда между обеими странами практически отсутствовали контакты, торговые, культурные и другие связи. Причины такого положения следует искать в противодействии тех сил в Японии и за ее пределами, которые стремились не допустить нормализации этих отношений и смягчения напряженности в Азии. Свою негативную роль сыграли и попытки США «узаконить» свое военное присутствие в этой стране, опутав ее сетью военных баз.

К середине 50-х годов движение за нормализацию отношений с Советским Союзом превратилось в мощную силу. Прогрессивная общественность страны оказала активную поддержку усилиям тогдашнего правительства Японии, и прежде всего премьер-министра И. Хатояма, который понимал важность установления хороших отношений со своим дальневосточным соседом — Советским Союзом. В результате в подходе японского правительства к СССР, несмотря на сопротивление ряда влиятельных противников нормализации, возобладали трезвые оценки, осознание необходимости внимательного учета интересов народов двух соседних стран, объективно требовавших установления нормальных контактов и связей между СССР и Японией.

В итоге состоявшихся двусторонних переговоров в Москве 19 октября 1956 г. была подписана Совместная советско-японская декларация, в соответствии с которой между двумя странами прекращалось состояние войны и восстанавливались дипломатические и консульские отношения. Советский Союз и Япония заявляли, что в своих отношениях будут руководствоваться принципами, изложенными в Уставе ООН, и в частности разрешать свои споры мирными средствами. В Декларации было зафиксировано согласие обеих сторон в возможно короткий срок вступить в переговоры о заключении договоров или соглашений для того, чтобы поставить на прочную основу советско-японские отношения в области торговли, мореплавания и т. д.

В последующий период стороны сделали немало для поступательного развития советско-японских отношений. Им удалось создать определенную базу из договоров и соглашений, призванных не только регулировать отношения и связи в отдельных областях, но и стимулировать их дальнейшее развитие. Речь идет о таких документах, как Торговый договор 1957 г., соглашения в области рыболовства, соглашения о прямом воздушном и пароходном сообщении, Консульская конвенция, Соглашение о научно-техническом сотрудничестве и др.

За годы, прошедшие после подписания Совместной декларации, успешно и эффективно осуществлялись политические контакты двух стран, в том числе на высоком уровне. В октябре 1973 г. Советский Союз с официальным визитом посетил премьер-министр Японии. Начиная с 1966 г. осуществлялся обмен визитами министров иностранных дел двух стран, в ходе которых стороны обсуждали широкий круг вопросов двусторонних отношений, а также важнейшие международные проблемы. Регулярный характер приобрели встречи министров иностранных дел СССР и Японии в ходе сессий Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

Хорошим примером развития деловых связей и контактов, способствующих решению политических и других проблем, углублению взаимопонимания между нашими народами, явились связи по парламентской линии. В 1964, 1970, 1975 и 1978 гг. имели место обмены официальными парламентскими делегациями. Состоялись взаимные визиты председателей палат Верховного Совета СССР и парламента Японии, обмен делегациями комиссий по иностранным делам.

Начиная с 1979 г. регулярно проводятся двусторонние консультации на уровне заместителей министров иностранных дел, а также другие

полезные контакты между представителями внешнеполитических ведомств двух стран.

Осуществляя политический диалог с Японией, Советский Союз неизменно демонстрирует конструктивный подход к развитию отношений с этой страной. Проявление доброй воли, реализма, учет интересов и позиций друг друга рассматривались и рассматриваются советской стороной как надежная основа для поступательного развития взаимных отношений. Именно такой подход, как показывает практика советско-японских связей и контактов, приносил немалые положительные результаты в различных областях.

Так, в течение длительного периода весьма активными темпами развивались советско-японские связи в торгово-экономической области. С 1957 по 1983 г. объем двусторонней торговли возрос почти в 200 раз, составив в 1983 г. 3,004 млрд. руб. Причем торговля двух стран носит действительно взаимовыгодный характер. В товарном наполнении внешнеторговых потоков между СССР и Японией проявляется высокая степень взаимодополняемости их экономических структур. Основными предметами советского экспорта в Японию служат лесоматериалы, текстильное сырье, нефть и нефтепродукты, твердое топливо и др.; с конца 70-х годов расширился экспорт в Японию ряда готовых промышленных изделий, в том числе машин и оборудования. Из Японии Советский Союз ввозит главным образом машины и оборудование, в том числе комплектное оборудование для предприятий химической, нефтеперерабатывающей, текстильной и других отраслей промышленности, а также некоторые другие виды оборудования.

Важное значение в развитии торгово-экономических связей между двумя странами имеют созданные в 1965 г. советско-японский и японо-советский комитеты по экономическому сотрудничеству. Значение работы комитетов особенно важно, если учесть перспективы, открывшиеся в плане взаимодействия сторон в разработке природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Были подписаны два Генеральных соглашения по лесу (1968 и 1974), предусматривающие поставки в СССР из Японии оборудования, машин, материалов и других товаров для разработки лесных ресурсов Дальнего Востока; Генеральное соглашение о сотрудничестве в строительстве порта Восточный в бухте Врангеля (1970); Генеральное соглашение о поставках из СССР в Японию технологической щепы и балансового долготья лиственных пород при получении из Японии соответствующего оборудования, машин и материалов (1971). Все эти соглашения были выполнены. Заключены и находятся в стадии реализации Генеральное соглашение о поставках из СССР в Японию коксующихся углей Южнокутского месторождения при поставках из Японии необходимого оборудования, машин, материалов и др. (подписано в 1974 г.); Генеральное соглашение о сотрудничестве в области разведки и обустройстве месторождений нефти и газа на шельфе острова Сахалин (1975); третье Генеральное соглашение о сотрудничестве в разработке лесных ресурсов Дальнего Востока (1981).

Было бы ошибкой говорить о какой-то односторонней заинтересованности Японии или Советского Союза в осуществлении этих проектов. Это дело обоюдное, от его реализации в равной степени выигрывают народы обеих стран. И представители японского бизнеса неоднократно имели возможность убедиться в этом.

Нельзя не упомянуть и о том, что значительный вклад в дело развития советско-японского экономического сотрудничества внесли визиты в СССР крупных делегаций руководящих деятелей делового мира Японии. Так, в 1976 г. Советский Союз посетила делегация ведущей организации японского бизнеса — Федерации экономических организаций — во главе с занимавшим тогда пост ее председателя Т. Доко. В феврале 1983 г. состоялась поездка представительной делегации японских делов-

вых кругов в СССР во главе с С. Нагано. В ходе состоявшихся во время визитов встреч и бесед рассматривались конкретные сферы возможного крупномасштабного экономического сотрудничества.

Важной областью советско-японских отношений традиционно является рыболовство. Будучи крупнейшими рыболовными державами, СССР и Япония ведут промысел в значительных объемах в одних и тех же акваториях Мирового океана и прибрежных водах. Отношения между двумя странами в этой сфере регулируются рядом соглашений, в том числе заключенных в самое последнее время, — как, например, Соглашение между правительством СССР и правительством Японии о взаимных отношениях в области рыболовства у побережья обеих стран (подписано 7 декабря 1984 г.). Стороны имеют довольно тесные и активные контакты в области рыболовства, проводят консультации между министрами СССР и Японии, ведающими этими вопросами.

Принимая во внимание интересы японских рыбаков острова Хоккайдо и северной части острова Хонсю, Советский Союз ежегодно благожелательно рассматривает обращения японской стороны о промысле морской капусты в некоторых районах советских территориальных вод у острова Сигнальный, а также некоторых продуктов моря в морских районах СССР, в том числе посредством организаций совместных экспедиций с рядом японских компаний.

Активную роль в углублении взаимопонимания между народами СССР и Японии, расширении их знаний друг о друге играют культурный обмен, связи в области науки, спорта и т. д. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко отмечал: «Советские люди знакомы с творениями творческого гения японского народа. И мы знаем, что в японском народе живет глубокий интерес к русской советской культуре. А ведь внимание к культуре друг друга, знание духовного наследия каждого народа — это прямой путь к сердцу и разуму»¹

Действительно, за послевоенные годы много положительных изменений произошло в представлениях японцев о Советском Союзе, о жизни советских людей. В Японии понимают и высоко ценят русскую и советскую литературу, изобразительное искусство, театр, балет и т. д. В области исполнительского искусства наибольший интерес вызывают гастроли советских балетных трупп, в первую очередь таких коллективов, как ГАБТ, Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова, Киевский театр им. Т. Г. Шевченко и др. С неизменным успехом проходят в Японии гастроли наших цирковых коллективов, интерес вызывают и выступления непрофессиональных ансамблей. Одним из важным аспектов культурного обмена является организация художественных выставок из коллекций советских музеев в картинных галереях Японии, которые пользуются большой популярностью у японской публики.

В Советском Союзе с глубоким уважением относятся к японскому искусству и культуре. Советские люди хорошо знают творчество выдающихся японских писателей Я. Кавабаты, Р. Акутагавы и многих других, работы мастеров традиционной японской гравюры укиё-э, национальные театры Японии, искусство аранжировки цветов иkebana. Пожалуй, ни в одной стране мира не издается такого количества книг о Японии и ее культуре, переводов классической и современной японской литературы, как в Советском Союзе. Недавно, после довольно длительного перерыва, возобновлена практика проведения кинофестивалей СССР и Японии по линии правительственных организаций.

Культурные связи двух стран осуществляются на основе имеющейся между правительствами СССР и Японии договоренности по конкретным

¹ «Правда», 25.VIII.1984.

вопросам культурного обмена, а также по линии общественных и частных японских организаций.

Большой вклад в развитие связей народов двух стран вносят контакты между общественными организациями СССР и Японии. Важную роль при этом играет деятельность ССОД и общества «СССР—Япония», а с японской стороны — ряда влиятельных организаций, выступающих за дружбу с СССР. Плодотворной формой сотрудничества в деле налаживания по-настоящему добрососедских связей между СССР и Японией, создания в их отношениях атмосферы доверия стали конференции «круглого стола» представителей общественности двух стран.

Народы Советского Союза и Японии вправе гордиться успехами, которые были достигнуты в отношениях между двумя странами за послевоенные годы. Казалось бы, весь этот позитивный опыт не должен был оставлять места для сомнений в необходимости дальнейшего развития взаимных связей именно в таком направлении, на путях добрососедства, доверия и взаимной выгоды.

Однако на рубеже 70—80-х годов советско-японские отношения начали переживать период серьезного охлаждения, когда во многих областях они оказались как бы в застое, а кое в чем были даже отброшены назад.

За всю послевоенную историю СССР не предпринял ни одного шага, который был бы направлен на свертывание связей с Японией, ограничение контактов, понижение уровня отношений. Курс Советского государства, нацеленный на установление между двумя странами отношений подлинного добрососедства, не подвержен каким-либо конъюнктурным колебаниям и носит принципиальный характер. Он закреплен в решениях съездов КПСС, неоднократно подтверждался в выступлениях советских руководителей, и советская сторона строила свои отношения с Японией, последовательно и неуклонно прилагая усилия для претворения его в жизнь.

Иную линию заняло в начале 80-х годов японское правительство. Оно в одностороннем порядке ограничило политические контакты с Советским Союзом, включая контакты на правительственном уровне, ввело ограничения на заключение новых взаимовыгодных контрактов в торгово-экономической области, на предоставление СССР новых банковских кредитов, взяло курс на фактическое свертывание связей в других областях, в том числе в научно-технической. Такого рода меры были предприняты под сильнейшим давлением Соединенных Штатов, требовавших, чтобы Япония следовала за ними в проведении политики «жестких санкций» против Советского Союза.

Эти меры, что совершенно ясно, шли вразрез с интересами самой Японии, в частности ее деловых кругов, лишившихся многих выгодных заказов советских внешнеторговых организаций. В результате Япония переместилась со 2-го на 5-е место среди капиталистических торговых партнеров СССР. Наметилась и тенденция к снижению объема товарооборота: в 1983 г. он упал более чем на 18 % по сравнению с 1982 г.

Параллельно в Японии усилили линию на активизацию кампании незаконных территориальных притязаний к СССР, стремясь обусловить дальнейшее развитие отношений некими «уступками» советской стороны. Развертывание недружественных СССР кампаний велось на фоне активной эксплуатации мифа о «советской военной угрозе», используемого некоторыми японскими кругами для оправдания шагов по наращиванию своего военного потенциала. Опасный крен наметился и в политике Японии в международных делах, в первую очередь в плане более тесного подключения Токио к авантюристической стратегии Вашингтона. Предпринимая конкретные шаги по укреплению военного союза с США, в Токио не скрывали, что рассматривают СССР как главного потенциального противника. Естественно, что подобное положение дел значи-

тельно ухудшило состояние связей между СССР и Японией, поскольку, как заявил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Ёмиури», «японское правительство не без оглядки на противоположную сторону Тихого океана сознательно взяло курс, я бы сказал, на демонтаж всей системы советско-японских отношений...»². Разумеется, такая линия не могла не встретить с советской стороны отпора.

Многие в Японии, особенно в последний период, отдают отчет в опасности продолжения такого курса. Они понимают, что особенности географического положения страны, специфика послевоенного развития ее экономики и другие факторы — одним словом, национальные интересы Японии требуют проведения равной политики в отношениях со всеми странами, в том числе со своим ближайшим соседом — Советским Союзом. В связи с этим в обращении члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко к японским читателям, опубликованном 1 января 1985 г. в газете «Асахи», отмечалось, что любые позитивные изменения в политических настроениях руководства Японии, и тем более подкрепленные практическими делами, «были бы должным образом оценены нами и встретили бы соответствующий отклик. И это неоднократно подтверждалось советским руководством»³. Для японской стороны возникла необходимость более реалистически взглянуть на вещи и не допустить такого положения, когда достигнутые ранее в развитии взаимных связей результаты были бы окончательно перечеркнуты.

Сейчас японские официальные лица, в том числе занимающие руководящее положение в правительстве, все чаще выступают с заявлениями в пользу улучшения отношений с Советским Союзом, подчеркивают важность поддержания нормальных связей с нашей страной. О желании вывести отношения из состояния застоя и сделать их более плодотворными представители правительства Японии довольно широко высказываются и при участившихся в последнее время встречах с советскими официальными лицами.

В сентябре 1984 г. в Нью-Йорке во время работы XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялась встреча А. А. Громыко с министром иностранных дел Японии С. Абэ, а в ноябре 1984 г. в Дели — беседа Н. А. Тихонова с премьер-министром Японии Я. Накасонэ. В ходе состоявшихся бесед японская сторона заверяла в стремлении улучшить отношения с СССР и развивать с ним сотрудничество. Возобновился советско-японский обмен по парламентской линии, ранее искусственно сдерживавшийся Токио. В октябре—ноябре 1984 г. состоялся визит в Японию представительной делегации Верховного Совета СССР во главе с членом Президиума Верховного Совета СССР, членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаевым. Москву посетил ряд делегаций видных политических деятелей Японии. Состоялась IV конференция «круглого стола» представителей советской и японской общественности (октябрь 1984 г.), во время которой были обсуждены различные аспекты двусторонних отношений. В декабре 1984 г. в Токио было проведено очередное, IX совместное совещание советско-японского и японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству, в ходе которого делегации двух стран, констатируя успешное выполнение ряда существующих соглашений о сотрудничестве, подготовили условия для продолжения переговоров.

Подобные позитивные сдвиги, разумеется, можно только приветствовать. Позиция СССР по вопросу об углублении и расширении советско-японских контактов и диалога отличается четкостью и ясностью. Совет-

² «Правда», 2.1.1984.

³ Там же, 2.1.1985.

ский Союз — сторонник диалога, но диалога, который бы углублял взаимопонимание и давал положительные импульсы для развития двусторонних связей. Советское руководство со всей определенностью подчеркивало, что если в Токио сделают выбор в пользу мира и добрососедства, то СССР будет надежным партнером Японии в развитии широких взаимных связей в политической, экономической и других сферах.

Подход Советского Союза к Японии, ясная и конструктивная программа развития советско-японских отношений изложены в обращении К. У. Черненко к читателям недавно вышедшей в Японии книги его речей и статей.

Выступая на официальной церемонии представления японским читателям книги К. У. Черненко, видный политический деятель Японии, председатель Общества японо-советской дружбы, депутат парламента М. Акаги подчеркнул, что «выход книги К. У. Черненко, в которой содержатся конкретные предложения по улучшению японо-советских отношений, вдохновляет широкие слои японского народа, выступающие за налаживание между двумя соседними странами отношений дружбы и добрососедства. Установление между нашими странами подлинно дружественных связей... имеет жизненно важное значение для дела мира в Азии и во всем мире»⁴.

В политической области Советский Союз обращается к Японии с целым рядом конструктивных и масштабных инициатив. Как известно, СССР выступил с предложением о заключении между двумя странами договора о добрососедстве и сотрудничестве, который охватывал бы области, уже созревшие для подведения под них договорной основы. А это в свою очередь был бы важный шаг к укреплению взаимного доверия и созданию благоприятной атмосферы для продолжения переговоров по мирному договору. Советское руководство также неоднократно выдвигало предложение о совместной разработке с Японией при участии других заинтересованных государств мер доверия на Дальнем Востоке. Реализация этой инициативы, с одной стороны, содействовала бы стабилизации обстановки в регионе, а с другой — помогла бы улучшению атмосферы в двусторонних советско-японских отношениях. Кроме того, Советский Союз предложил Японии обменяться мнениями относительно заключения двустороннего соглашения о гарантиях, имея в виду зафиксировать в соответствующей договорно-правовой форме обязательство СССР не применять ядерное оружие против Японии. В свою очередь японская сторона подтвердила бы обязательство строго и последовательно соблюдать безъядерный статус. Заключение такого соглашения в совокупности с другими конструктивными шагами, безусловно, способствовало бы устранению взаимных опасений, если таковые имеются в двусторонних отношениях, и стало бы добрым примером, открывающим дополнительные перспективы для смягчения напряженности на Дальнем Востоке.

Огромные потенциальные возможности существуют в сфере развития советско-японских торгово-экономических связей. При этом в Советском Союзе, учитывая то, что предстоящая пятилетка и последующие годы будут связаны в нашей стране с освоением богатейших районов, прилегающих к трассе БАМ, были бы готовы подумать над участием, в частности, Японии в реализации наших масштабных планов. Само собой разумеется, что при этом особую актуальность приобретает задача перевода двусторонних связей в данной области на прочный и стабильный фундамент, что отвечало бы интересам обеих стран и способствовало бы поиску новых перспективных форм делового сотрудничества между ними. Именно поэтому советская сторона недавно вновь подтвердила свое предложение заключить между правительствами СССР и Японии согла-

⁴ «Правда», 5.IX.1984.

шение о принципах экономического сотрудничества и разработать его долгосрочную программу.

Немало резервов и в деле расширения советско-японского культурного обмена. Например, остается в силе предложение советской стороны о заключении межправительственного соглашения о культурном сотрудничестве, которое позволило бы придать связям в этой области стабильный и устойчивый характер. В других сферах отношений также существуют значительные возможности, которые используются пока далеко не полностью.

Задача состоит в том, чтобы реализовать имеющийся потенциал, приложить активные усилия с целью вернуть развитие советско-японских связей в нормальное русло, добиться поворота к отношениям подлинного добрососедства на прочной и стабильной основе. И здесь особо важен конструктивный, реалистический подход сторон друг к другу, базирующийся на глубоком понимании коренных интересов народов двух соседних стран.

«География распорядилась так, — отмечалось в обращении К. У. Черненко к японским читателям в книге его речей и статей, — что СССР и Япония — близкие соседи. Наши берега омывают воды одного и того же Тихого океана. Но не скажешь, что отношения наших стран были тихими.

Как говорится, историю не перепишешь. И тем более ныне, в ядерный век, когда все мы живем во взаимосвязанном хрупком мире, настойчиво заявляет о себе потребность наладить по-настоящему добрососедские, полнокровные связи между СССР и Японией. Это необходимо ради жизненных интересов советского и японского народов, ради мира в Азии и во всем мире»⁵.

Нельзя, конечно, отрицать, что между советской и японской сторонами возможны расхождения во мнениях, различия в оценках. Однако если концентрировать внимание на том, что способно объединять обе стороны, если сосредоточиваться на проблемах, позволяющих эффективно взаимодействовать, то положительные результаты не замедлят сказаться. И в первую очередь речь идет об общей обеспокоенности за судьбы мира на Дальнем Востоке, о необходимости объединения усилий в борьбе против военной угрозы, за светлое будущее нынешнего и грядущих поколений, за восстановление и развитие процесса разрядки.

«Мы готовы, — подчеркивал К. У. Черненко, — честно и конструктивно взаимодействовать со всеми, кто действительно желает, чтобы дальнейшее развитие мировых дел шло не по новым ступеням ядерного соревнования, а по пути укрепления мира и безопасности, разрядки и доверия»⁶. Такой подход Советского государства относится и к Японии, с которой СССР хотел бы развивать добрососедские отношения на благо обоих народов, во имя прочного мира на Азиатском континенте и на нашей планете в целом.

⁵ «Правда», 25.VIII.1984.

⁶ Там же, 6.XII.1984.

Экономические связи Японии с Китаем

М. И. КРУПЯНКО,
кандидат экономических наук

Экономическую политику Японии в отношении Китая определяют, с одной стороны, частные интересы отдельных групп ее делового мира, стремящихся к расширению торговых связей с китайскими партнерами в условиях хронической неустойчивости хозяйственной конъюнктуры мирового капиталистического рынка, и, с другой — общеклассовые интересы японского монополистического капитала, направленные на подрыв единства мировой социалистической системы, на полный отрыв от нее КНР. За готовностью правящих кругов Японии расширять экономические связи с Китаем кроется, таким образом, стремление прочно закрепиться на китайском рынке, а также использовать торгово-экономические рычаги в целях усиления влияния на политику КНР. Ведь уже сейчас, например, ради поддержания хороших отношений с Токио китайские руководители заявляют, что в Японии милитаризация не осуществляется и что вообще настало время обсудить идею создания альянса Китая с Японией, США и Западной Европой против СССР. Эта концепция, выдвинутая еще в начале 1979 г. Дэн Сяопином во время его поездки в Вашингтон, определила на несколько последующих лет практические действия Пекина в международных делах.

Опыт торгово-экономических отношений Японии с Китаем в 70-х — начале 80-х годов показал, что попытки интегрировать его в экономическую систему Запада могут осуществляться посредством торговли современным оборудованием, передачи научно-технических знаний и технологий, кредитного сотрудничества, а также вывоза капитала. И если в 70-е годы приоритет отдавался обычной торговле, то уже к началу 80-х годов все большее значение стало придаваться именно кредитному сотрудничеству, научно-техническим связям и капиталовложениям как в добывающие, так и в обрабатывающие отрасли китайской промышленности. Разумеется, что такой курс мог быть реализован только в условиях проводимой китайским руководством активной внешнеэкономической политики «открытых дверей», предполагающей расширение кредитно-финансовой и научно-технической «помощи» Запада. Как подчеркивал Чжао Цзыян в ходе визита в США в январе 1984 г., «Китай открыл свои двери и никогда их не закроет»¹.

Особенности кредитной политики Японии

На всех этапах развития японо-китайских торгово-экономических отношений кредитная политика лежала в основе всей экономической стратегии Японии. Характер и главные направления этой политики были тесно связаны с состоянием политических отношений между дву-

¹ «Washington Post», 13.I.1984.

мя странами. В период до нормализации двусторонних отношений японское правительство запрещало использовать государственные средства в целях финансирования японо-китайской торговли. В то время как другие западные державы широко практиковали в 60-е годы при поставках на китайский рынок готовой промышленной продукции различные формы среднесрочного кредитования, включая финансирование из государственных источников, японское правительство не считало нужным прибегать к использованию кредитов государственного Экспортно-импортного банка (ЭИБ) в торговле с КНР. Такая позиция правительства была обусловлена прежде всего сложным характером отношений в треугольнике Япония — США — Тайвань.

Лишь в декабре 1972 г. впервые после нормализации японо-китайских отношений кабинет министров Японии официально одобрил использование государственных кредитов для экспорта комплектного оборудования. С этого времени начался качественно новый этап в экономической стратегии Японии в отношении Китая, важную роль в которой был призван играть механизм кредитного обеспечения торгово-экономических связей двух стран. С его помощью Япония рассчитывала повысить уровень кредитной зависимости Китая и использовать ее как важный рычаг давления на китайское правительство в вопросах внешней и внутренней политики. Этот курс был также направлен на более глубокое закрепление связей КНР с капиталистическим рынком ссудного капитала и полный отрыв Китая от кредитного сотрудничества с социалистическими странами, которое успешно развивалось в 50-е годы. Наконец, монополистические круги Японии рассчитывали выгодно использовать государственную поддержку для укрепления своих позиций в конкурентной борьбе за китайский рынок с монополиями США и стран Западной Европы.

Осуществление кредитной политики Японии в отношении Китая зачастую сталкивается с трудностями, обусловленными непоследовательным курсом китайских властей в вопросах заимствования средств из внешних источников. Дело в том, что в 70-е — начале 80-х годов Китай взял курс на привлечение массированной финансовой помощи извне в различных формах в рамках политики «открытых дверей». В то время некоторые высокопоставленные руководители в Пекине считали, что приобретение огромного количества промышленного оборудования в капиталистических странах для модернизации экономики целесообразно осуществлять на заемные средства, с тем чтобы быстро, не дожидаясь конца нынешнего столетия, внедрить его в производство и рассчитывать с кредиторами. Чтобы повысить заинтересованность ведущих капиталистических стран в предоставлении Китаю огромных кредитов и укрепить доверие к нему как к торговому партнеру, Пекин старался создать о себе на Западе впечатление как о мощном государстве, способном де-факто скрывать значительное число советских дивизий на Дальнем Востоке. Промышленно развитые капиталистические страны, и в первую очередь Япония, выразили тогда готовность предоставить Китаю займы и кредиты более чем на 30 млрд. долл. Однако впоследствии китайские руководители убедились, что подобный курс может привести страну к финансовой зависимости от капиталистических стран, так как большинство западных кредитов предоставляется под значительные проценты. Кроме того, в Пекине посчитали, что в обмен на предоставленные средства Запад ждет от Китая крупных политических уступок. Поэтому в настоящее время в Китае решено опираться главным образом на внутренние ресурсы, используя иностранные, в том числе и японские, кредиты осторожно и только в качестве вспомогательных средств.

С учетом зигзагов политики китайского руководства в вопросах заимствования иностранных кредитов и займов стратегии Японии в области двусторонних экономических отношений строится по двум основным

направлениям — варьирование условий предоставления кредитов и ограничение сотрудничества в развитии экспортной базы КНР. Последний опыт японо-китайских контактов в кредитной сфере показывает, что Токио наряду с предоставлением кредитов на относительно жестких условиях (средний срок погашения не более 7 лет, уровень годового процента по всем видам кредита — 6—8) предлагает и льготные займы. Так, в ходе визита в Пекин в марте 1984 г. японский премьер-министр Я. Накасонэ объявил, в частности, о предоставлении Китаю льготного займа в размере 470 млрд. иен (около 2 млрд. долл.) из расчета 3 % годовых и рассрочки платежа на 30 лет².

Особенно важно подчеркнуть проводимую японским правительством линию на ограничение сотрудничества в развитии экспортной базы КНР, так как для китайской экономики решение вопросов, связанных с ростом внешнего долга, упирается в основном в трудности, происходящие из ограниченного экспортного потенциала страны. Последнее связано как с ростом внутреннего потребления топливно-сырьевых ресурсов китайской экономикой по мере ее модернизации, так и с медленным наращиванием производства в добывающих отраслях. Кроме того, наметившаяся тенденция к стабилизации и даже снижению уровня цен на мировом рынке на основные виды сырьевого экспорта Китая — нефть, уголь, руды цветных металлов — объективно ведет к уменьшению размеров инвалютных поступлений.

По расчетам Токио, эти основные направления реализации политики в области кредитно-финансового сотрудничества прямо и косвенно должны способствовать повышению уровня экономической зависимости Китая от промышленно развитых капиталистических стран Запада, включая Японию. В этом контексте японское правительство учитывает и такой объективный фактор, как невысокая эффективность использования внешних заемных средств в народном хозяйстве КНР. В свое время министр финансов КНР Ван Бинцян упоминал, в частности, что, по данным на начало 80-х годов, из 10,2 млрд. долл. предоставленных Китаю кредитов последний использовал всего 2,2 млрд. долл., то есть около 20 %³. Активное использование иностранных кредитов тормозится общеэкономическими трудностями развития народного хозяйства КНР. Как подчеркивал в своем докладе на II сессии ВСНП шестого созыва в мае 1984 г. Чжао Цзыян, для китайской экономики все еще характерна низкая эффективность производства, отсутствие сбалансированного развития отраслей, «нерациональная» система ценообразования, в результате чего «государство несет на себе тяжелое бремя господаций, а центр испытывает довольно серьезные финансовые затруднения»⁴.

Таким образом, важнейшей особенностью кредитной политики Японии в отношении КНР на современном этапе и в перспективе является стремление ее правящих кругов по возможности крепче привязать страну к японскому рынку ссудного капитала, повысить значение «кредитного рычага» для оказания политического воздействия на китайское руководство.

Политика в области технического сотрудничества

Техническое сотрудничество Японии с Китаем является чрезвычайно важным элементом ее активной внешнеэкономической стратегии. На современном этапе оно выступает связующим звеном всего комплекса экономических мероприятий в отношении Китая, включающих кредитно-финансовое сотрудничество, торговлю, а также участие япон-

² In: «Far Eastern Economic Review», 5.V.1984.

³ См.: «Жэньминь жибао», 13.IX.1980.

⁴ Там же, 2.VI.1984.

ского капитала в развитии ряда отраслей китайской экономики. Без получения широкой и разносторонней технической помощи со стороны промышленно развитых капиталистических стран при условии отказа от такого сотрудничества с социалистическими странами Китаю трудно рассчитывать на сколько-нибудь эффективное использование как закупаемого комплектного оборудования, так и получаемых финансовых средств из внешних источников, то есть в конечном счете на успех реализации всех аспектов программы модернизации страны.

На протяжении почти всего периода 70-х годов техническое сотрудничество между двумя странами развивалось на негосударственной основе, по неофициальным, частным каналам. Партнерами Китая в Японии выступали частные фирмы, отдельные промышленные предприятия, научные учреждения и организации. Однако с конца 70-х годов по мере изменения позиции китайского руководства в вопросах научно-технического обмена с промышленно развитыми капиталистическими странами у Японии появилась возможность подключить к техническому сотрудничеству мощные правительственные финансовые и научные учреждения. В 1979 г. было заключено межправительственное соглашение о развитии научно-технического сотрудничества между Японией и Китайской Народной Республикой. Оно позволило японскому правительству в дополнение к мероприятиям в этой области, осуществляемым на уровне соглашений с частными фирмами, использовать свой научно-технический арсенал средств по укреплению связей с Китаем в области науки и техники. Еще большие возможности в этой области открылись перед Японией после официального предоставления Китаю в 1980 г. статуса «развивающейся нации». Причисление Китая к группе развивающихся стран позволило распространить на него все те кредитно-финансовые и технические льготы, которые Япония обычно предоставляет по линии «помощи развитию» другим странам.

В своей политике в области технического сотрудничества с Китаем Япония не столько преследует цели увеличения нормы и массы прибыли, как это имеет место в отношении большинства развивающихся стран, сколько стремится таким путем еще теснее привязать к себе Китай экономически и укрепить позиции монополистического капитала на китайском рынке.

Японские правящие круги, используя в своих интересах потребность Китая в широком привлечении иностранного технического опыта, знаний и техники, рассчитывают извлечь при этом максимум политических выгод. Японские специалисты в Китае стремятся устанавливать возможно более широкие контакты с местными инженерами, техниками, учеными. При этом предпринимаются попытки оказать непосредственное воздействие на разработку конкретных программ исследований и в более широком плане — влиять на выработку экономической политики страны. Токіо стремится также противопоставить огромную техническую помощь Советского Союза и других социалистических стран, оказанную Китаю в 50-е годы, той помощи, которую оказывает ему сегодня Япония.

В своей политике технического сотрудничества с Китаем Япония решает и идеологические задачи. Дело в том, что техническое сотрудничество, как правило, никогда не ограничивается передачей только чисто технических знаний и опыта страны-донора стране-реципиенту. Оно затрагивает также такую специфическую сферу, как формирование мировоззрения большого числа технических кадров данной страны. Для правящих кругов Японии важно посредством передачи технических знаний активнее вторгаться в идеологические сферы, воздействовать на умы широких слоев китайской технической интеллигенции. В данном случае Япония решает важную задачу идеологической экспансии в Китай, так как при передаче технических знаний и опыта происходит не только пе-

ренос элементов производительных сил, но, что более важно для Японии, также и элементов новых производственных отношений. Она стремится привнести на китайские предприятия элементы капиталистической организации производства в целях усиления научно-технической зависимости Китая от Запада. Техническое сотрудничество с Китаем сегодня призвано создать завтра более благоприятный инвестиционный климат для японского капитала как в чисто экономическом, так и в социально-политическом отношении. Передача технических знаний и опыта, таким образом, играет роль «смазочного масла» для более глубокого проникновения на китайский рынок в долгосрочной перспективе. Усилия Японии направлены в первую очередь на создание достаточного числа квалифицированных кадров, прошедших стажировку на капиталистических предприятиях ряда высокопроизводительных отраслей хозяйства, емких потребительских рынков, определенного уровня развития инфраструктуры. На подготовку этих условий в конечном счете и направлено техническое сотрудничество, которое является для Китая объективной необходимостью. Без него процесс технической модернизации протекал бы крайне медленно, а экономические отношения с промышленно развитыми странами были бы затруднены.

В Японии видят низкую эффективность программ технического сотрудничества с Китаем и стремятся в определенной степени повысить возможность использования им новой техники и технологии. Без этого японские экспортеры не могут рассчитывать на увеличение числа заказов с китайской стороны. Япония также оказывает техническое содействие Китаю в добывающих отраслях китайской промышленности, тем самым решая задачу оказания «помощи развитию» через импорт. Суть этой помощи сводится к предоставлению китайской стороне финансовых средств и технической консультации по освоению природных ресурсов и развитию добывающих отраслей в целях ограниченного увеличения экспортного потенциала Китая.

Техническое сотрудничество с КНР преследует и чисто прагматические цели. Японская сторона активно использует любые возможности, предоставляемые китайским правительством, для сбора достоверной информации о Китае, его экономическом потенциале, внешнеэкономической политике и т. п. Известно, что китайские власти предоставляют право отдельным предприятиям промышленности, сельского хозяйства, учебным и научным учреждениям самостоятельно устанавливать технические связи с частными японскими фирмами, организациями, научными и учебными заведениями. Этим предприятиям и учреждениям разрешается, исходя из их собственного бюджета и валютного фонда, закупать необходимую технику, оборудование, лицензии, патенты, документацию, а также приглашать в Китай иностранных специалистов, лекторов, расширять так называемые «братские отношения» между отдельными коллективами и частными фирмами за рубежом.

Таким образом, очевидно, что Япония намерена с помощью установления более широких научно-технических контактов с Китаем укрепить свои внешнеторговые позиции в этой стране, увеличить экспорт готовой продукции, получить возможность оказывать влияние на развитие тех или иных отраслей китайской экономики. Токио рассчитывает использовать техническое сотрудничество в качестве важного инструмента политического нажима на Китай. Расширяя рамки технического обмена, Япония устанавливает более тесные личные контакты с китайскими специалистами и учеными. Важно подчеркнуть, что в отношениях с Китаем Япония в целом не стремится свести к минимуму передачу технического опыта и современных знаний, как это имеет место в ее связях с другими социалистическими странами. Напротив, она раздвигает в максимально допустимых для нее масштабах рамки технического сотрудничества с Пекином.

Инвестиционно-предпринимательская деятельность — перспективное направление экономической политики Японии в Китае

В начале 80-х годов правящие круги Японии с беспокойством следили за начавшимся спадом в японо-китайских торговых отношениях, угрожавшим принять затяжной характер. Все чаще на страницах печати, а также в специальных исследованиях, посвященных анализу двусторонних отношений, стали появляться материалы, в которых подчеркивалось, что японо-китайские отношения переживают период структурной перестройки, которая будет сопровождаться заметным снижением темпов их развития. Так, уже в мае 1982 г. экономический еженедельник «Джапан экономик джорнал» констатировал, что «экономические связи между Японией и Китаем вступили в фазу затяжного спада и испытывают в своем развитии большие трудности»⁵. Одновременно подчеркивалось, что в отличие от периода 70-х годов, когда основным фактором, порождавшим многочисленные проблемы в области экономических отношений между двумя странами, являлись политическая нестабильность в Китае, зигзаги курса китайского руководства на развитие отношений с Западом, в 80-е годы динамику и характер японо-китайских торгово-экономических связей стали больше определять экономические факторы. К ним следует, на наш взгляд, отнести в первую очередь хроническое превышение на протяжении всех 70-х годов японского экспорта в КНР над импортом из этой страны (только в 1975—1980 гг. оно составило более 4 млрд. долл.). Подобное положение делало весьма затруднительным стабильное расширение Китаем закупок готовой промышленной продукции на японском рынке и вынуждало его периодически прибегать к ограничению импорта из Японии с целью уменьшения дисбаланса в торговле. С этой же целью в начале 80-х годов японская сторона значительно увеличила закупки в Китае.

Коммерческая активность японских фирм в Китае в 70-х — начале 80-х годов была сопряжена с большим экономическим риском, что до известных пределов препятствовало увеличению их числа и сдерживало масштабы их деятельности. Уже в начале 80-х годов ведущие универсальные торговые корпорации Японии, и прежде всего «Мицуи» и «Мицубиси» — основные контрагенты китайских внешнеторговых организаций, — были вынуждены по этой причине приступить к сокращению числа своих филиалов в Китае.

Правящие круги Японии, реально оценивая перспективы развития японо-китайской торговли на 80-е годы, видели выход из создавшегося положения в более активном использовании новых форм экономического обмена. К ним в первую очередь относилось создание смешанных предприятий, расширение производственной кооперации, а также участие японского капитала в разработке природных ресурсов КНР. Для японских инвесторов вложение капитала в китайскую экономику являлось не столько формой углубления участия в международном разделении труда, сколько методом реализации своих стратегических планов в отношении этой страны. Это не означает, однако, что японские монополии забывают при этом решать чисто экономические задачи.

Монополистические круги Японии рассматривают вывоз капитала в Китай как одно из средств форсирования товарного экспорта, и прежде всего экспорта инвестиционных товаров. Вывоз капитала в Китай может способствовать развитию экспорта комплектного оборудования, материалов, технологии, то есть всего того, что в конечном счете направлено на активизацию торгово-экономических отношений между двумя странами. Важно подчеркнуть, что если многие страны с большой оглядкой идут на привлечение японского капитала, то, наоборот, китайские вла-

⁵ «Japan Economic Journal», 4.V.1982.

сти не только не чинят препятствий японским инвесторам, а принимают меры по созданию для них максимально благоприятного инвестиционного климата.

Определенные надежды японские предприниматели связывают и с расширением экспортных возможностей за счет вывоза своей продукции, изготовленной в Китае, на труднодоступные рынки США и стран Западной Европы. Дело в том, что еще на II конференции ЮНКТАД в Нью-Дели в 1968 г. промышленно развитые капиталистические страны под давлением развивающихся государств согласились облегчить ввоз их промышленных товаров на свои внутренние рынки. В результате введения системы преференциальных тарифов американские и западноевропейские рынки стали намного более открытыми. Японские предприниматели, не желая упускать такой возможности, расширили производство готовой продукции на смешанных предприятиях в развивающихся странах, с тем чтобы увеличить экспорт товаров формально не-японского происхождения, но являющихся, по существу, продуктом японского капитала. В начале 80-х годов японские инвесторы лишь начинали создавать смешанные производства в Китае и поэтому не могли рассчитывать на вывоз конкурентоспособной продукции на рынки США или стран Западной Европы в достаточном количестве. Однако по мере увеличения масштабов инвестиционно-предпринимательской деятельности Японии в Китае поток таких товаров может заметно возрасти.

Большую заинтересованность японские инвесторы проявляют также к помещению капитала в различного рода совместные японо-китайские сырьевые проекты. Важным стимулирующим фактором здесь выступают расчеты на получение так называемого «мультипликационного эффекта» от вложения капитала, который заключается в том, что японские фирмы имеют возможность одновременного участия в различных областях, связанных с реализацией проекта, как-то: в строительстве, организации транспортной сети, сооружении объектов промышленной инфраструктуры, социальных объектов и т. п. По опыту других стран японские инвесторы знают, что зачастую вложения в добывающие отрасли позволяют им обрести деловыми связями и перебрасывать «мосты» в другие отрасли в стране-реципиенте. Принимая во внимание большую заинтересованность китайской стороны в привлечении японского капитала в добывающие отрасли, часть продукции которых ориентирована на экспорт, японские экспортеры капитала рассчитывают на стабильный рынок сбыта и в этих отраслях китайской экономики. Стимулирующее воздействие на японских инвесторов оказывает такой фактор, как тенденция к повышению курса иены по отношению к доллару, в результате чего Японии выгоднее, чем США, вывозить капитал в Китай в виде оборудования, материалов, оплаты рабочей силы. Поэтому для японских инвесторов важно быстрее захватить позиции и укрепиться на китайском рынке, опередив при этом экспортеров капитала из других промышленно развитых капиталистических стран.

Определенное значение для японских инвесторов имеет и экономия на издержках по заработной плате, так как ее уровень на китайских предприятиях все еще намного ниже, чем в других странах — объектах приложения японского капитала.

Вместе с тем участие японского капитала в развитии экономики КНР призвано обеспечить решение не только экономических задач. Не менее важную, если не главную, роль играют также цели пропагандистского характера. Они связаны с активными попытками правящих кругов Японии на конкретных примерах деятельности в КНР предприятий с японским капиталом продемонстрировать широкой китайской общественности, в том числе рабочим, служащим, инженерно-техническим работникам, преимущества условий работы на них по сравнению с заводами и фабриками, находящимися в государственной собственности.

Японская сторона решает, таким образом, сложную задачу — пытается переломить устоявшуюся психологическую настороженность китайских рабочих, особенно молодежи, в отношении работы на капиталистических предприятиях с их условиями эксплуатации и оплаты труда. Для японских инвесторов важно приучить китайских рабочих к мысли о том, что смешанные предприятия или предприятия, включенные в систему производственной кооперации с японскими фирмами, могут и должны существовать в Китае и что они являются своего рода маяками передового опыта и научной организации труда. Именно такие предприятия должны сыграть свою положительную роль в ускорении процессов модернизации китайской экономики.

Важным политическим аспектом участия японского капитала в развитии китайской экономики можно считать и ту «услугу», которую правящие круги Японии оказывают Соединенным Штатам по использованию китайского фактора в глобальной антисоветской стратегии. Присутствие на территории КНР японского капитала в различных формах обеспечивает японскому правительству возможность рассматривать Китай как своеобразный «полигон в Азии» по испытанию новых и совершенствованию старых методов политической и экономической экспансии в социалистические страны. Тот факт, что Китай вынужден идти на уступки Японии, в частности в вопросах создания более льготных условий вывоза капитала, свидетельствует об определенной эффективности экономической политики в этой области.

В конце 70-х годов в интервью журналу «Кэйданрэн гэнпо» президент Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) И. Инаяма подчеркивал, что для «Японии наиболее желательным видом экономических связей с любой страной, в том числе и с Китаем, является обычная торговля. Однако в отношениях с последним должны учитываться не только экономические, но и политические аспекты этих связей. Поэтому в целях поддержания политической стабильности в регионе и во всем мире Япония должна, помимо обычной торговли, оказывать Китаю экономическую помощь в виде вывоза капитала. Разумеется, при этом Япония не может вместо Китая развивать его экономику, но она всегда будет учитывать, насколько ее экономическая помощь будет способствовать обеспечению мира и стабильности в Азии и во всем мире»⁶.

Анализ экономической политики Японии в отношении Китая на протяжении 70-х — начала 80-х годов показывает, что ее основу составляют не только и не столько коммерческие, сколько прежде всего политические соображения. Официальные круги в Токио исходят из того, что развитие торговли, кредитное сотрудничество, научно-технические связи, а также вывоз капитала активно способствуют вовлечению Китая в орбиту экономического и политического влияния Запада, привязывают его к капиталистическому рынку и неминусом налагают на китайское руководство политические обязательства, выгодные капиталистическим странам. На пресс-конференции, проведенной премьер-министром Я. Накасонэ после его переговоров в Токио с Генеральным секретарем ЦК КПК Ху Яобаном в ноябре 1983 г., было прямо заявлено, что «сохранение и развитие прочных отношений мира и дружбы между Японией и Китаем на пороге XXI в. при различии их систем имеет важное значение не только для обеих стран, но и для мира и процветания во всем мире. В 1978 г. был заключен Договор о мире и дружбе, который определил основные принципы, лежащие в основе отношений между нашими двумя странами. На состоявшихся переговорах мы подтвердили верность этим принципам. Мы с сожалением отмечаем неуклонный рост напряженности в международной обстановке в последние годы. Особую озабоченность вызывают у нас региональные конфликты, наращивание

⁶ «Кэйданрэн гэнпо», 1979, № 6, с. 41—42.

Советским Союзом военной мощи. Если эти тенденции будут усиливаться, они неизбежно создадут серьезную угрозу делу мира. Мне кажется важным, что Япония и Китай со своих позиций будут призывать заинтересованные страны предпринимать усилия к миру в интересах поддержания стабильности в Азии и во всем мире. Стремясь укрепить японо-китайские отношения дружбы и сотрудничества, с тем чтобы они перешли к нашим детям и внукам и после наступления XXI в., нам представляется желательным создать Японо-китайский комитет дружбы XXI в.»⁷. Опуская пропагандистскую риторику, можно заметить, что японский премьер-министр недвусмысленно подытожил совпадение на долговременной основе курсов обеих стран по отношению к Советскому Союзу и другим социалистическим странам.

В ходе визита Я. Накасонэ в Пекин в марте 1984 г. были предприняты дальнейшие шаги по расширению экономических отношений между Китаем и Японией. Тогда японский премьер, как уже указывалось, заявил о согласии предоставить Китаю долгосрочные займы на общую сумму около 2 млрд. долл.⁸. В конце октября в Пекине было объявлено, что ЭИБ Японии согласился предоставить китайской стороне очередной заем на сумму 2,4 млрд. долл. Заем будет использован для эксплуатации нефтяных и угольных ресурсов Китая. Стремление китайского руководства и в будущем пользоваться финансовой и технической «помощью» Японии свидетельствует об определенных успехах экономической политики японских правящих кругов.

По всей видимости, основными направлениями экономической политики Токио в отношении КНР в 80-е годы станут, во-первых, попытки японской стороны углубить зависимость Китая в валютно-кредитной области посредством расширения масштабов кредитования, а также путем маневрирования условиями их предоставления.

Во-вторых, Япония будет и в дальнейшем использовать такой фактор, как низкий уровень эффективности работы импортного оборудования, поставляемого в рамках контрактов с японскими фирмами и устанавливаемого на китайских предприятиях с обслуживающим персоналом из числа местных рабочих и техников. Последнее, по расчетам Токио, должно объективно содействовать более широкому внедрению японских специалистов на этих предприятиях, на подключение их ко всем звеньям производственного процесса. Наилучшие возможности для этого могут предоставлять предприятия, осуществляющие кооперационные связи с японскими фирмами, а также смешанные предприятия.

В-третьих, японская сторона предполагает держать под определенным контролем развитие экспортной базы КНР, используя для этого целевые кредиты и поставки сложного оборудования. Предоставляя Китаю дополнительные финансовые ресурсы, Япония одновременно будет давать китайским экспортерам возможность реализовывать часть этой продукции на японском внутреннем рынке, тем самым углубляя торгово-экономические связи Китая с Японией.

⁷ «Асахи», 25.XI.1983.

⁸ См.: «Известия», 28.III.1984.

Подход АСЕАН к созданию зоны мира в ЮВА: иллюзии и реальность

А. П. ВАСЮГОВ,
И. С. ГАЛИЧЕВ

Со времени окончания второй мировой войны внимание мировой общественности постоянно обращается к Юго-Восточной Азии. Мало найдется точек на земном шаре, где за последние годы по вине империализма США столь часто вспыхивал бы пожар войны, возникали опасные очаги напряженности, серьезно отравлявшие мировую политическую атмосферу. Победа индокитайских народов в борьбе против американской агрессии не только привела к ликвидации опасного очага войны в Юго-Восточной Азии, но и открыла перед всеми странами этого региона перспективу коренной перестройки структуры их взаимоотношений на основе принципов мирного сосуществования, давала возможность сосредоточить усилия народов этих стран на решении неотложных задач социально-экономического развития.

Поражение империализма и его марионеток, победа сил мира и социализма в Индокитае привели к серьезным изменениям в расстановке сил в регионе. Так, был распущен агрессивный блок СЕАТО, ликвидированы американские военные базы на территории Таиланда, установлены дипломатические отношения между странами Индокитая и всеми государствами — членами АСЕАН. Жизнь заставила руководителей АСЕАН¹ по-новому взглянуть на перспективы развития политической обстановки в ЮВА, в значительной степени скорректировать свою политику в сторону приспособления ее к требованиям реальности.

В этих условиях естественным ходом событий в политическую повестку дня выдвигается предложение о превращении Юго-Восточной Азии в регион мирного сотрудничества, в зону мира, стабильности и добрососедства. Можно ли найти точки соприкосновения в позициях государств Индокитая и стран — членов АСЕАН по этой проблеме? Что мешает государствам Юго-Восточной Азии реализовать декларируемое ими желание видеть свой регион мирным и безопасным?

Ответы на эти вопросы кроются не только в специфике сегодняшней политической жизни Юго-Восточной Азии, но и в ее истории. Нельзя рассматривать ситуацию в этом районе и вне связи происходящих там событий с глубинными процессами, определяющими нынешнюю обстановку в глобальном масштабе.

Две идеи, две «зоны» — два подхода

Различные схемы «нейтрализации» ЮВА, «мирного урегулирования» в этом регионе выдвигались и до 1975 г. Однако реальные предпосылки для осуществления такого рода предложений сложились лишь после

¹ АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии). Первоначальные члены — Таиланд, Малайзия, Сингапур, Индонезия, Филиппины. В январе 1984 г. после получения независимости в Ассоциацию принят Бруней.

поражения американского империализма в ЮВА, ликвидации проимпериалистических марионеточных режимов в Индокитае.

В ряду выдвигавшихся в разное время схем «умиротворения» ЮВА особое место занимает идея создания «зоны мира, свободы и нейтралитета» (ЗОПФАН), выдвинутая Малайзией в 1968 г., через год после создания АСЕАН. Основной задачей малайзийского проекта, ставшего впоследствии главной внешнеполитической концепцией Малайзии, была «нейтрализация» ЮВА, охватывающая страны АСЕАН, индокитайские государства и Бирму. План предусматривал гарантии со стороны трех великих держав: США, СССР и КНР.

В 1971 г. эта концепция (а точнее, ее общая идея) была одобрена на конференции министров иностранных дел Ассоциации («Куала-лумпурская декларация» 1971 г.). В целях практической реализации Куала-лумпурской декларации Ассоциация создала специальный комитет, который выработал основные принципы «зоны мира, свободы и нейтралитета». Эти принципы получили одобрение на конференции министров иностранных дел АСЕАН, состоявшейся в апреле 1973 г. в Таиланде. Предусматривалось строгое соблюдение участниками «зоны» положений Устава ООН, Бандунгской конференции, Бангкокской декларации 1967 г. о создании АСЕАН и Куала-лумпурской декларации 1971 г. Страны — участницы «зоны» брали на себя обязательство строить отношения со всеми государствами, как входящими в «зону», так и находящимися за ее пределами, на основе взаимного уважения национальной самобытности, независимости, суверенитета, равноправия и территориальной целостности. Государства-участники обязывались воздерживаться от втягивания в конфликты между державами, находящимися за пределами «зоны», а также от заключения соглашений, несовместимых с принципами «зоны». Размещение иностранных военных баз на территории государств «зоны» объявлялось недопустимым. Предполагалось запрещение применения, хранения, производства и испытаний ядерного оружия или его компонентов в пределах «зоны».

Была ли Куала-лумпурская декларация 1971 г. лишь пропагандистским жестом со стороны АСЕАН или искренним выражением устремлений тогдашних руководителей Ассоциации? Вряд ли можно дать однозначный ответ на этот вопрос. Можно только пожалеть, что принципы Декларации так и остались на бумаге. Приходится констатировать, что, несмотря на публично подтверждаемую до последнего времени приверженность АСЕАН идее «зоны мира, свободы и нейтралитета», члены Ассоциации до сих пор не имеют единого подхода к этой проблеме и поэтому не готовы к деловым переговорам. Каждая из стран — членов АСЕАН придерживалась и придерживается собственной точки зрения относительно путей и методов, а также перспектив превращения ЮВА в «зону мира». Внутри каждой страны разные политические деятели по-разному понимают и трактуют проблемы, связанные с созданием такой «зоны».

Малайзия является наиболее последовательным, хотя и не всегда достаточно активным, проводником той трактовки «зоны», о которой говорилось выше. Индонезия в основном разделяет ее позицию. Сингапур скептически относится к идее «зоны мира». Довольно долго он придерживался той точки зрения, что лучший способ сохранить мир и избежать конфликта в ЮВА — это соблюдать некий «баланс присутствия» великих держав. Однако по мере укрепления позиций социализма в регионе, особенно после свержения режима Пол Пота, Сингапур стал проповедовать необходимость более широкого присутствия США в Юго-Восточной Азии (и в несколько меньшей мере — КНР), чтобы предотвратить некую «угрозу распространения влияния СССР». На правом фланге среди членов АСЕАН по проблеме «зоны мира» стоит и Таиланд. Правящие круги этой страны основную ставку в вопросах своей безопас-

ности делают на военное сотрудничество с США и укрепление отношений с Китаем. Филиппины в значительной степени также ориентируются на США. На территории Филиппин до сих пор сохраняются крупные военные базы США. Во время филиппино-американских переговоров в Гонолулу в августе 1980 г. Ф. Маркос заявил, что превращение ЮВА в «зону мира и нейтралитета» должно рассматриваться как дело далекого будущего. Бруней в общем плане поддержал идею ЗОИПАН, не детализируя своей позиции.

Иной подход к проблемам укрепления мира и стабильности в регионе демонстрируют страны Индокитая.

Свое развернутое воплощение миролюбивые предложения Вьетнама нашли в интервью министра иностранных дел СРВ Нгуен Зуй Чиня агентству ВИА, данном 5 июля 1976 г., через три дня после провозглашения Социалистической Республики Вьетнам. Это была своего рода программа мира для Юго-Восточной Азии. Вьетнамский представитель выдвинул четыре принципа, на основе которых СРВ готова строить свои отношения с государствами региона. Эти предложения опирались на принципы «панча шила», десять принципов Бандунгской конференции 1955 г., общепризнанные нормы международного права, закрепленные в Уставе ООН. Была при этом учтена и позиция стран АСЕАН.

В 1981 г. министр иностранных дел ЛНДР П. Сипасет от имени трех индокитайских государств выступил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН с имевшим программный характер заявлением о принципах отношений между странами Индокитая и государствами АСЕАН. Эти принципы включали в себя: уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности стран региона, ненападение, невмешательство, равенство, взаимную выгоду; урегулирование всех спорных вопросов исключительно мирными средствами без применения или угрозы применения силы, право на индивидуальную и коллективную оборону в соответствии с Уставом ООН; развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества всех государств ЮВА в экономической, технической, научной, культурной и иных областях; уважение суверенитета прибрежных стран региона над их территориальными водами, экономической зоной и шельфом. Подчеркивалось, что страны, находящиеся за пределами Юго-Восточной Азии, обязаны уважать независимость, суверенитет и территориальную целостность государств региона, которые в свою очередь не должны предоставлять территорию какой-либо стране, относящейся к району ЮВА или находящейся за его пределами, для использования ее в качестве плацдарма агрессии, прямого или косвенного вмешательства в дела других стран.

Как видно, принципиальных различий между декларируемыми обеими группами государств принципами зоны мира нет. Именно этим и было обусловлено выраженное на VII конференции министров иностранных дел Вьетнама, Лаоса и Кампучии летом 1983 г. согласие принять идею стран АСЕАН о создании зоны мира, свободы и нейтралитета в качестве основы для дискуссии между странами Индокитая и Ассоциацией о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности.

Вопрос, таким образом, заключается в том, чтобы страны АСЕАН последовали собственным декларациям, претворив их в реальные политические действия.

«Кампучийский фактор»

После освобождения Юга страны и объединения Вьетнама, победы народно-демократической революции в Лаосе и свержения режима Лон Нола в Кампучии фактором, серьезно осложнявшим и дестабилизировавшим обстановку не только в Индокитае, но и во всем регионе, вносившим напряженность в отношения между государствами Юго-Восточной Азии, была политика полпотовской «Демократической Кампучии».

Хорошо известно о патологической ненависти полпотовцев к Вьетнаму, о непрерывных нападениях и провокациях «красных кхмеров» на границе между двумя странами, начавшихся еще до падения Сайгона и переросших затем в настоящую войну. К концу 1976 г. резко ухудшилась обстановка и на границе «ДК» с Лаосом. Многочисленные провокации осуществлялись также властями Пномпеня на границе с Таиландом. Полпотовские отряды нападали на тайские деревни в приграничной полосе, угоняли скот, жгли посевы, убивали мирных тайских крестьян. Полпотовцы не только стремились создать в приграничной зоне Таиланда полосу «выжженной земли», но и ставили целью «возвращение» провинций восточного Таиланда (Сурин, Бурирам, Сисакет), некогда принадлежавших Камбоджийской империи. Полпотовская Кампучия превратилась, таким образом, в источник постоянной напряженности в регионе, в угрозу безопасности ее соседей.

Проблема Кампучии стала тормозом и естественного развития отношений между Вьетнамом и асеановскими странами, причем задолго до свержения полпотовского режима.

Когда противоречия между СРВ и Кампучией резко обострились, позиция «пятерки» оказалась далеко не нейтральной. Прекрасно понимая, кто направляет политику «Демократической Кампучии», АСЕАН полагала, что комплекс противоречий Кампучии с Вьетнамом дает Ассоциации простор для маневрирования, и стремилась играть на этих противоречиях. АСЕАН вполне устраивало потенциальное ослабление Вьетнама в результате давления, оказывавшегося на СРВ с юго-запада и с севера. Реакционное крыло группировки выражало циничное удовлетворение наличием «кампучийского буфера» между «пятеркой» и Вьетнамом. Слова Куала-лumpurской декларации о содействии миру, стабильности, нейтралитету в регионе разошлись с делами.

Давно назревавшее свержение режима Пол Пота, осуществленное патриотическими силами Кампучии с помощью вьетнамских добровольцев, не только подвело черту под мрачным периодом в истории вьетнамо-кампучийских отношений, но и, ликвидировав очаг напряженности и войны в ЮВА, стало предпосылкой установления подлинного мира, стабильности и добрососедства в этом районе мира. С первых дней своего существования Народная Республика Кампучия заявила, что она готова придерживаться принципов мирного сосуществования и добрососедства в отношениях со всеми соседями по региону.

Однако государства АСЕАН сразу после свержения клики Пол Пота и образования Народной Республики Кампучии проявили резко враждебное отношение к переменам, произошедшим в этой стране. Свержение антинародного режима в Пномпене и приход к власти в Кампучии национально-патриотических сил АСЕАН расценила как «усиление коммунистической угрозы» и ответила на него действиями по консолидации Ассоциации на антивьетнамской, антисоциалистической основе.

АСЕАН стала оказывать давление на Вьетнам по многим направлениям, пытаясь вынудить его вывести части вьетнамских добровольцев из Кампучии, что в сложившихся условиях неизбежно открывало бы дорогу для реставрации кровавого режима Пол Пота. Государства Ассоциации отказались признать реальную действительность — Народную Республику Кампучию, — декларируя свою безоговорочную поддержку уже несуществующей «Демократической Кампучии». Отношения с СРВ по всем линиям были заморожены. Для подкрепления нажима на СРВ был задействован «американский фактор» (Таиланд и Филиппины добились от США подтверждения их обязательств по Манильскому договору 1954 г., явившемуся, как известно, «зародышем» СЕАТО), были предприняты попытки использовать Китай в качестве противовеса Вьетнаму. В столицах АСЕАН с удовлетворением восприняли агрессивную акцию КНР против СРВ, явившуюся, по утверждению асеановцев,

«контрмерой» Китая в ответ на ввод вьетнамских частей в Кампучию.

Задача добиться их вывода выдвигается на первый план среди внешнеполитических целей АСЕАН. Вывод вьетнамских частей, по мысли стратегов АСЕАН, должен создать «вакуум силы» в Кампучии, который будет заполнен неким «нейтральным» и «независимым от Вьетнама» правительством («естественно», ориентирующимся на Ассоциацию). Иначе говоря, замышлялось откровенное вмешательство во внутренние дела НРК, установление в суверенной Кампучии власти, угодной правящим кругам стран АСЕАН.

При этом сознательно закрываются глаза на тот очевидный факт, что восстановление полпотовского режима, под каким бы прикрытием оно ни замышлялось, не отвечает интересам безопасности народов региона, в том числе и стран АСЕАН. Следует, однако, помнить не только то, что кампучийский народ понес от этого режима неисчислимые людские и материальные потери, но и то, что полпотовский режим создавал вооруженные конфликты фактически на всех границах Кампучии с ее соседями, включая Таиланд.

Если предположить, что страны АСЕАН действительно хотят мира и безопасности для региона, то проводимая ими ныне жесткая политика по отношению к государствам Индокитая представляется контрпродуктивной. Ведь в результате этой политики страны АСЕАН все больше втягиваются в военную орбиту США, вынашивающих планы превращения Ассоциации в военную группировку, противостоящую социализму.

Милитаризация АСЕАН

После образования НРК одним из основных направлений активности АСЕАН стала милитаризация государств Ассоциации, создающая — хотят или не хотят того ее участники — предпосылки превращения ее в политико-военный, а затем и в военно-политический блок.

За прошедшее десятилетие усиление военного сотрудничества между членами АСЕАН осуществлялось по следующим направлениям: взаимная информация о военных усилиях и программах с целью их координации², совершенствование обмена разведданными и создание для этого новых каналов связи, стандартизация вооружений, совместные боевые операции против повстанческих и сепаратистских движений в пограничных районах (сюда же можно отнести оживление с 1981 г. пятистороннего соглашения АНЗЮК об обороне Малайзии и Сингапура Англией, Австралией и Новой Зеландией), совместная подготовка военных кадров, а также регулярное проведение совместных военных маневров всех видов вооруженных сил на двусторонней или многосторонней основе с участием членов группировки или с привлечением вооруженных сил США, Англии, Австралии. После 1979 г. активность в этом направлении усилилась.

В принципе не снят с повестки дня и вопрос о возможности реально-го наделения АСЕАН атрибутами военного блока. Наиболее активно с подобными идеями выступают тайландские военные круги. Премьер-министр Таиланда, находясь с визитом в США в начале 1979 г., высказался в том плане, что страны АСЕАН могли бы провести консультации о целесообразности превращения Ассоциации в военный блок. В 1980 г. Бангкок попытался склонить своих союзников по АСЕАН к переговорам

² С 1981 г. при секретариате АСЕАН в Джакарте имеется специальная группа по изучению рекомендаций для военно-политического руководства стран Ассоциации по планированию дальнейшего укрепления и развития национальных вооруженных сил в общих интересах группировки.

о создании новой региональной «системы безопасности», которая в каком-то отношении заменила бы СЕАТО.

Серьезную озабоченность у обществественности стран ЮВА вызывают попытки асеановских генералов заполучить сверхсовременные виды вооружений. Многие в регионе ЮВА и вне его задаются вопросом: зачем это делается? Действительно ли страны АСЕАН испытывают, например, необходимость с помощью системы АВАКС, приобретаемой Сингапуром, «прослушивать» территории, находящиеся более чем в 800 км от периметра границ стран — членов Ассоциации? Нужны ли им самолеты «Ф-16», способные доставлять ядерные боезаряды на расстояние в тысячу километров (так что в зону их действия попадают, скажем, Ханой и Хайфон)? Не нужно забывать, что АВАКСы обслуживаются американскими экипажами, а поступающая информация обрабатывается американскими разведчиками. Для поддержания боеготовности, ремонта «Ф-16»,купаемых Таиландом, также необходим американский военный персонал. Напрашивается вывод о том, что подобное наращивание странами АСЕАН своего военного потенциала попросту превращает их в придаток американской военной машины.

Пентагон вынашивает в отношении Юго-Восточной Азии далеко идущие планы. «Изучается вопрос» о размещении здесь дополнительного количества ядерных боеголовок, крылатых ракет и химического оружия. Думается, что постепенное формирование военной структуры АСЕАН, планы превращения организации в военно-политический блок, подключения стран Ассоциации к американской стратегии не отвечают их национальным интересам, не говоря уже о том, что эти действия никак не согласуются с целями «мира и нейтралитета».

Возобновление диалога и позиция АСЕАН

Жесткая позиция АСЕАН, выразившаяся в давлении на Вьетнам по многим направлениям, в требовании «немедленного и безоговорочного» вывода частей вьетнамских добровольцев из Кампучии в качестве неперемennого условия возобновления диалога между двумя группами стран, не выдержала испытания временем. Ассоциации пришлось согласиться на возобновление контактов по линии МИДов Вьетнама и стран АСЕАН. Хотя в результате такого диалога напряженность в регионе несколько спала и был сделан шаг вперед в преодолении взаимного отчуждения, недоверия и опасений, это тем не менее не привело пока к кардинальному улучшению обстановки в Юго-Восточной Азии. Дело в том, что страны АСЕАН по-прежнему отказываются признать сложившуюся в регионе реальность: существование двух групп государств, относящихся к разным социально-экономическим системам. Изменения в позиции стран АСЕАН имеют или чисто косметический характер (более не употребляются, например, резкие, оскорбительные эпитеты при оценке действий СРВ), или же представляют собой попытки выторговать у индокитайских стран заведомо неприемлемую для них уступку, сняв в «ответ» какое-либо надуманное условие.

Во главу угла политики АСЕАН по вопросу «кампучийского урегулирования» по-прежнему ставится требование вывода вьетнамских добровольческих частей из Кампучии и проведение там «свободных выборов под контролем ООН». При этом, однако, игнорируется законное право кампучийского народа на самоопределение. Кампучийцы уже сделали свой выбор, отдав голоса на всеобщих выборах представителям народной власти. Их отношение к полпотовским бандитам совершенно ясно — этим палачам нет и не будет места на земле Кампучии.

Согласованная позиция НРК и СРВ в вопросе о выводе вьетнамского военного персонала предельно ясна: добровольцы будут выведены после того, как исчезнет угроза извне независимости, суверенитету

и территориальной целостности Кампучии. По мере того как эта угроза будет ослабляться, Кампучия и Вьетнам по взаимному согласованию будут осуществлять частичный вывод вьетнамских добровольцев; уже четыре раза они поэтапно выводились из страны (последний раз — в конце июня 1984 г.).

Если руководители АСЕАН действительно пекутся о выводе вьетнамских частей, которые они объявляют «угрозой Таиланду» и препятствием для «реализации права кхмерского народа на самоопределение», им следовало бы ликвидировать причины, по которым эти части находятся в НРК: положить конец пограничной войне против Кампучии, разоружить отряды кхмерской реакции, базирующиеся на территории Таиланда, вооружаемые внешними силами и руководимые иностранными специалистами. Таким образом, в вопросе о «выводе вьетнамских войск», который Ассоциация объявляет ключевым в деле нормализации отношений с индокитайскими странами, АСЕАН эксплуатирует проблему, созданную если и не целиком ею самой, то при ее активнейшем участии и попустительстве.

То же самое можно сказать и о проблеме «беженцев из Кампучии». Кампучийская сторона неоднократно выражала готовность принять из Таиланда тысячи людей, угнанных полпотовцами или бежавших ранее вследствие полпотовского геноцида. Бангкок же хотел бы и дальше эксплуатировать проблему «беженцев» — результат его целенаправленной линии, а еще лучше — «экспортировать» на приграничную кампучийскую территорию тот сложный и в целом взрывоопасный комплекс проблем, который он сам создал себе своей политикой. Реализация предложения АСЕАН о создании неких «освобожденных районов» на кампучийской территории в полосе вдоль границы с Таиландом фактически означала бы создание ситуации типа палестинской, когда часть кхмерского народа жила бы на территории своей страны в качестве «беженцев».

Говоря о причинах, по которым АСЕАН занимает жесткую позицию по «кампучийскому вопросу», настойчиво стремится выдвинуть его чуть ли не на авансцену мировой политики, необходимо сказать следующее. Формирование Ассоциации как единой региональной экономической организации, не говоря уже об интеграции экономик стран «шестерки» в единую структуру, пока что зашло недалеко. Фактически АСЕАН как признанная на международной арене группировка (причем именно политическая, с определенным акцентом на военное сотрудничество, о чем говорилось выше) появилась как раз в 1979 г.³ Кампучийские события были не только использованы правящими кругами АСЕАН для консолидации стран тогдашней «пятерки» на антикоммунистической, антивьетнамской основе. Эксплуатируя «кампучийский вопрос», асеановские страны реально укрепляли свое сотрудничество с Западом, в определенном смысле повышая в капиталистическом мире авторитет АСЕАН как единой группировки.

Тем не менее отсутствие единства в Ассоциации по узловым вопросам отношений с Индокитаем, относительно места и роли, которую, по мнению стран АСЕАН, могут и должны играть в регионе третьи державы, не является секретом. Пока же асеановской «солидарностью» активно пользуются в своих интересах правящие круги Таиланда, правые военные круги страны, стремящиеся представить ее форпостом и бастионом «свободного мира» на пути «вьетнамской экспансии» в регионе.

³ До этого времени ежегодные встречи министров АСЕАН сводились к малопродуктивному обсуждению ЗОПФАН, «пяти совместных экономических проектов», не слишком успешным попыткам изыскать новые товары для списка торговых преференций, словесной и политической эквилибристики в попытках обойти такие подводные камни, как потенциально взрывоопасные вопросы Восточного Тимора, Сабаха, деятельности мусульманских мятежников на Филиппинах и в Таиланде.

Политические наблюдатели справедливо указывают, что тайландский генералитет использует эту минимую внешнюю опасность и для укрепления своей роли в политической жизни страны⁴.

Особую позицию среди асеановских государств занимает Индонезия — крупнейшая страна региона, стремящаяся проявлять соответствующий ее статусу более широкий и взвешенный подход к отношениям со странами Индокитая. Индонезийских политиков настораживают действия Бангкока, который готов использовать любых врагов индокитайских народов в интересах своей антивьетнамской линии, а потому оказывается орудием чуждой интересам региональной политики.

Индонезия в последние годы заметно выдвигается в лидеры АСЕАН. Политические деятели этой страны, обладающие большим опытом общения с представителями различных групп государств, проявляют немалый реализм, ответственность за судьбы мира в регионе и политическую дальновидность. Выгодно отличает Индонезию от некоторых других стран АСЕАН и ее несколько большая степень независимости от США и их союзников в Азии и Западной Европе.

Индонезия расходится с Таиландом в оценке ключевого вопроса формирования будущей структуры поддержания мира и безопасности в регионе, — вопроса о том, кто действительно угрожает миру, стабильности и сотрудничеству в ЮВА. Исходит эта угроза, по мнению индонезийских политиков, не от воображаемого вьетнамского «регионального гегемонизма», а от КНР, не входящей в регион ЮВА. Близкой к этому точке зрения придерживается и Малайзия. Как заявил не так давно один из наиболее авторитетных политических деятелей Малайзии бывший премьер-министр Хусейн Они, именно Китай «может угрожать странам Юго-Восточной Азии»⁵.

В отличие от Таиланда Индонезия считает, что ввод частей СРВ в Кампучию явился не актом «аннексии» или «экспансии», а был для Вьетнама «вопросом национального выживания», и что «практически невозможно, чтобы Вьетнам совершил нападение на другие страны ЮВА»⁶. Как отмечают политические обозреватели, трезвые тенденции в подходе индонезийского руководства к проблемам ЮВА получили в 1984 г. определенное развитие. В начале года главнокомандующий вооруженными силами Индонезии Бени Мурдани совершил поездку во Вьетнам. По возвращении в Индонезию он заявил: «Исходя из впечатлений четырехдневного визита и консультаций с вьетнамскими руководителями, я пришел к выводу, что Вьетнам имеет общие цели с АСЕАН». «Ввод вьетнамских войск (в Кампучию. — Авт.) был обусловлен вопросом национального выживания, необходимостью обеспечить безопасность страны». «У Вьетнама нет территориальных притязаний»⁷.

Некоторые страны АСЕАН, в первую очередь Таиланд, с тревогой восприняли исходящие из Джакарты сигналы. Были предприняты усилия, чтобы «сплотить» ряды на антивьетнамской основе. В результате совещаний министров иностранных дел «шестерки» в мае и июле 1984 г. АСЕАН подтвердила прежнюю линию на поддержку «демократической коалиции» во главе с Сиануком и требование вывода вьетнамских частей из Кампучии.

И все-таки события последнего времени показывают, что среди трезвомыслящих политических деятелей АСЕАН пробивается тенденция к налаживанию конструктивного диалога с индокитайскими государствами. Отдавая себе отчет в том, что «общеасеановская линия» не «срабатывает», что попытки продолжать давление на Вьетнам усиливают расхождения между странами Ассоциации, то есть начинают вредно

⁴ In: «Far Eastern Economic Review», May 10, 1984.

⁵ In: «New Straits Times», 30.V.1984.

⁶ In «Far Eastern Economic Review», March 29, 1984.

⁷ «Indonesia Times», 14.III.1984.

влиять на внутреннее единство группировки, Джакарта еще в конце 1982 г. выдвинула ряд инициатив по налаживанию двусторонних отношений с СРВ и с тех пор смогла добиться официального подтверждения этой линии другими странами АСЕАН.

Как важный новый элемент в позиции стран Индокитая, открывающий возможность для сближения концепций двух групп стран для имеющего практический характер взаимопонимания, если не взаимодействия, расценили в Джакарте выдвижение индокитайской стороной на первый план вопроса об устранении из «коалиции» полпотовцев в качестве ключевой проблемы и решающего шага вперед. Это имеет важное значение для стран АСЕАН, которые также не должны были бы быть заинтересованы в восстановлении власти полпотовцев в Пномпене. Газета «Индонезия таймс» писала 24 апреля 1984 г.: «Уничтожение полпотовских банд — неперемнное условие урегулирования вокруг Кампучии. Подобное политическое урегулирование стоит самого серьезного изучения».

Основным побудительным мотивом модификации индонезийской позиции, да и, говоря шире, более активного звучания в политической жизни стран АСЕАН голосов реалистически мыслящих политических деятелей и групп, было осознание того, что кризисная ситуация в ЮВА как магнит притягивает туда гегемонистские, имперски действующие державы, внешне выступающие «защитниками» АСЕАН, а на деле использующие конфликты в регионе для борьбы за «сферы влияния» и передел этих «сфер».

Нельзя не упомянуть об одном важном, имеющем принципиальное значение моменте. Ныне в Ассоциации широко дебатировается проблема «внешнего влияния». Характерно, что при этом АСЕАН выступает за сохранение в регионе военных баз США, заявляя, что этот вопрос не может быть предметом переговоров с индокитайскими странами. Некоторые из этих государств открыто ратуют за сохранение и значительное расширение присутствия Китая, усиление его роли в решении проблем региона. При этом, однако, как правило, заявляется, что советское «присутствие» в ЮВА играет дестабилизирующую роль.

Кое-кто в странах «шестерки», руководствуясь вроде бы благими мотивами, отстаивает идею «устранения из региона влияния КНР и СССР». Например, выдвинутая в местечке Куантана на встрече высших руководителей Малайзии и Индонезии «куантанская формула» декларирует стремление «убедить КНР ослабить давление на Вьетнам, что устранит повод для присутствия в регионе СССР».

Хотелось бы в этой связи напомнить, что именно Советский Союз — единственная из великих держав, которая никогда не совершала агрессии против стран региона. СССР последовательно и решительно выступал в поддержку борьбы народов этого района мира за национальную независимость и суверенитет. Об этом хорошо знают во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии. В странах АСЕАН не забыли о роли СССР в разгроме японского милитаризма, принесшего столько бедствий народам региона.

Многие политические деятели стран «шестерки» проявляют понимание надуманности тезиса об опасности «советского присутствия», о «советской угрозе». Как заявили ученые-международники, представлявшие страны Ассоциации на состоявшейся в 1984 г. конференции по проблемам безопасности стран Азии и Тихого океана в Сан-Диего (Калифорния), в регионе «практически не ощущают советскую угрозу». Этими же словами определил свое отношение премьер-министр Малайзии, председатель постоянного комитета АСЕАН Махатхир бин Мохамад, заявивший, что «угроза странам АСЕАН исходит от Китая, а вовсе не от Советского Союза»⁸. Никогда целью политики СССР не было вытесне-

⁸ Цит. по: «Пасасон», 13.VII.1984.

ние какой-то державы из региона. Советский Союз не ставил и не ставит свою помощь СРВ в зависимость от того, как она строит свои отношения с третьими странами. Линия СССР в этом районе мира, как и на мировой арене вообще, это союз с силами социализма и прогресса, силами национального освобождения, поддержка борьбы получивших независимость стран против империалистической и гегемонистской политики диктата и угнетения. СССР, безусловно, заинтересован в том, чтобы Вьетнам, Лаос и Кампучия имели мирное окружение, не были вынуждены отвлекать ресурсы, столь необходимые для национального восстановления и строительства социализма, на противостояние внешней опасности. В Советском Союзе считают, что этого же в не меньшей степени требуют и интересы социально-экономического развития стран АСЕАН, и интересы экономического строительства в Китае.

Нелишне напомнить, что не СССР объявляет Юго-Восточную Азию сферой своих «жизненных интересов», «исторической зоной влияния» и т. д. За домыслами о «советском присутствии» в ЮВА, которые подбрасываются с разных сторон государствам АСЕАН, ясно проглядывают конкретные намерения некоторых держав подхлестнуть милитаризацию «шестерки», привязать ее к себе, подготовить почву для еще большего усиления своих позиций в регионе. Уже сейчас Таиланд используется Пекином в качестве базы для борьбы против индокитайских народов. Наблюдатели откровенно говорят о существовании между Таиландом и Китаем «неофициального стратегического союза»⁹.

Нельзя обойти вопрос об американском военном присутствии в регионе. Здесь давно располагается комплекс крупнейших баз ВВС и ВМС США. Если кто-то в странах АСЕАН полагает, что эти базы играют некую позитивную роль, гарантируют «безопасность» группировки, то индокитайские государства имеют свою точку зрения по этому поводу. Они рассматривают эти базы как прямую угрозу себе. Эта точка зрения находит в мире широкую поддержку. Во время недавнего визита в Индонезию министр иностранных дел Индии Нарасимха Рао справедливо заметил, что «безопасность для одних не может основываться на отсутствии безопасности для других»¹⁰.

Борьба против наличия военных баз США в регионе неизменно была важным компонентом региональной политики стран Индокитая, начиная с «четырёх пунктов» Нгуен Зуи Чиня (1976). Выступая за то, чтобы диалог между АСЕАН и Индокитаем стал диалогом равноправных партнеров, Вьетнам, Лаос и Кампучия вправе ставить вопрос о создании условий равной безопасности для обеих групп стран.

Установление мира и стабильности в Юго-Восточной Азии — насущное веление времени

Анализ позиций АСЕАН по вопросам регионального урегулирования и создания зоны мира в ЮВА приводит к выводу, что существуют реальные возможности для превращения региона в зону мира и стабильности. Борьба же за то, чтобы отбросить социализм в Юго-Восточной Азии, повернуть вспять происходящие здесь исторические процессы, обречена на провал. Единственной альтернативой разжиганию противоречий и конфликтов в Юго-Восточной Азии является утверждение в практике отношений между двумя группами государств — Индокитаем и АСЕАН — принципов мирного сосуществования.

Вьетнам, Лаос и Кампучия, образно говоря, прошли свою половину пути в этом направлении. Лишь краткий перечень предложений индоки-

⁹ «Asia Pacific Community», N 24, Spring 1984.

¹⁰ «Hindustan Times», 5.VI.1984.

тайских государств, обращенных к странам АСЕАН, включает идею подписания двусторонних или многосторонних договоров о ненападении между тремя индокитайскими странами и Таиландом (включающих принцип неприменения силы, отказ предоставлять третьей стране свою территорию в качестве базы для агрессии против другой страны или стран), предложение обсудить перспективы создания зоны мира и стабильности в ЮВА (страны АСЕАН отвергают его), предложение создать демилитаризованную зону на тайландско-кампучийской границе или — если тайская сторона не готова к этому — «зоны безопасности» по обеим сторонам кампучийско-тайландской границы, при этом на кампучийской стороне не было бы вьетнамских войск, а на тайландской — полпотовских банд и вооруженных формирований кхмерской реакции, предложение провести консультации о положении в районе Южно-Китайского моря, предложение Кампучии принять на организованной и упорядоченной основе беженцев, находящихся в Таиланде. Очевидно, что именно страны Индокитая проявляют активность в поисках мира, ищут возможности улучшения всего комплекса отношений с АСЕАН, стремятся разрядить напряженность и создать атмосферу доверия, продвинуть отношения по периферийным вопросам, если государства-члены Ассоциации не готовы на данном этапе к совместному поиску решения ключевых проблем региона.

Каков же реальный путь улучшения ситуации в этом районе мира, преодоления нынешней тупиковой ситуации, создавшейся из-за нереалистичной, неконструктивной позиции стран АСЕАН? Каким образом могут государства группировки выйти в конце концов на дорогу, ведущую к миру и сотрудничеству в ЮВА?

«Шестерка», как представляется, все более сознает, что надежда на успешное проведение еще одной, откровенно направленной против интересов стран Индокитая, «международной конференции по Кампучии», весьма эфемерна. Международное сообщество проявляет все меньший интерес к этой идее, укрепляются международные позиции НРК. Однако АСЕАН под формальными предлогами отвергает предложение Вьетнама, Лаоса и Кампучии о проведении региональной конференции¹¹, хотя и не в состоянии выдвинуть какую-либо реальную, разумную альтернативу этому предложению.

Как представляется, в такой ситуации наиболее естественным был бы выбор в пользу продолжения диалога между двумя группами стран. Такой диалог позволил бы уточнить и сблизить концептуальные основы подхода АСЕАН и Индокитая по вопросам структуры, параметров и механизма будущей системы поддержания мира и стабильности в регионе. Параллельно он содействовал бы изживанию недоверия, предрассудков и враждебности, вырабатывая какие-то промежуточные, временные или паллиативные, частичные решения существующих крупных вопросов. В качестве возможных тем для обсуждения можно было бы также назвать, к примеру, шаги по мерам доверия, взаимное ознакомление общественности этих групп стран с положением в странах региона, обмен людьми и идеями, проведение научных конференций, уточнение позиций сторон по разделу континентального шельфа и экономических зон, другим международным вопросам, освоение ресурсов бассейна Меконга, минеральных и других природных богатств и т. д.

Не существует препятствий принципиального порядка для урегулирования проблем ЮВА «по модели Хельсинки», когда две группы госу-

¹¹ Государства Индокитая предлагают провести такую конференцию (по типу Женевских конференций или Парижского совещания по Вьетнаму 1973 г.) с участием всех десяти стран региона ЮВА, генерального секретаря ООН, представителя страны — координатора движения неприсоединения и великих держав, которые по окончании конференции, как предполагается, подтвердят признание принятых решений и выработают гарантии их претворения в жизнь.

дарств, осуществляя процесс переговоров по всему комплексу двусторонних отношений путем диалога двух группировок (формулирующих каждая единую позицию для переговоров с другой стороной), вырабатывают своеобразный «кодекс поведения», реализуют применительно к данному региону принципы мирного сосуществования. Индокитайские страны давно заявили и подтвердили практическими делами готовность к такому диалогу. Однако соответствующие жесты индокитайской стороны не встречают должного ответа со стороны АСЕАН.

Жесткая, неконструктивная линия проводится Ассоциацией в отношении форм диалога. В ответ на готовность стран Индокитая вести диалог в любом сочетании заинтересованных государств АСЕАН в 1983 г. по настоянию Таиланда и Сингапура поставила непременным условием включение в число «полноправных» участников переговоров представителей так называемого коалиционного правительства, в том числе полпотовцев.

В настоящее время диалог двух групп стран по официальной линии поддерживается в форме проводящихся довольно регулярно встреч министров иностранных дел, инициативу в проведении которых проявляют Вьетнам и Лаос, а также «диалога коммюнике» (коммюнике проводящихся по два раза в год совещаний министров иностранных дел стран Индокитая и конференций министров иностранных дел АСЕАН). Интересной и перспективной представляется такая получившая развитие в последнее время форма диалога, как связи между формально неправительственными организациями.

В конце января 1984 г. Ханой посетила с дружественным визитом представительная делегация комиссии по иностранным делам нижней палаты парламента Таиланда во главе с видным политическим деятелем страны, бывшим премьер-министром Криангсаком Чамананом, которая была принята высшими руководителями СРВ, имела обстоятельные беседы по широкому кругу вопросов двусторонних отношений в комиссиях парламента, министерствах и ведомствах СРВ. По завершении переговоров К. Чаманан выразил «большое удовлетворение» результатами бесед, проходивших «в теплой и дружественной обстановке». Визит таиландской делегации явился важным вкладом в развитие тенденции к диалогу и разрядке в регионе.

Большой интерес вызвало проведение в Ханое в феврале 1984 г. международного научного семинара по проблемам Юго-Восточной Азии, организованного Ханойским институтом международных отношений и Джакартским центром стратегических исследований. Участники семинара были единодушны в том, что различия в позициях АСЕАН и Индокитая не только не являются препятствием для переговоров и дискуссий, но, наоборот, делают такой диалог актуальным и необходимым. В качестве основы для решения проблем Юго-Восточной Азии были названы принципы Бандунгской конференции, решения конференции стран движения неприсоединения в Дели, предложения стран Индокитая, а также формула АСЕАН о создании «зоны мира» в том виде, в каком она была выдвинута в Куала-лумпурской декларации 1971 г.

В докладе, подготовленном для семинара руководителем центра стратегических исследований Индонезии, экспертом комиссии ГОЛКАР¹² по внешнеполитическим вопросам Ю. Вананди, подчеркивалось, что уже существует реальная основа для конструктивного диалога по целому ряду конкретных проблем, и был очерчен круг таких вопросов. Важной представляется выдвинутая Ю. Вананди мысль о том, что страны региона не должны оказывать давление друг на друга и должны быть достаточно сильны и самостоятельны, чтобы самим улаживать конфликты

¹² ГОЛКАР («Объединение функциональных групп») — аналог правящей партии или блока правящих партий в Индонезии.

между собой. В результате отпадет необходимость искать «заступничества» у великих держав. При этом не исключается «нормальное» присутствие великих держав в регионе.

Высказанные индонезийскими участниками семинара соображения о возможных путях создания зоны мира в Юго-Восточной Азии сводятся к следующему: первоначальные переговоры по схеме «Вьетнам и Лаос — страны АСЕАН», затем международное урегулирование проблемы, в котором примут участие некоторые государства (назывались, например, СССР, Китай, Япония). На какой-то стадии к переговорам можно было бы подключить по взаимному согласованию некоторые «кампучийские фракции». Как видно, в основных деталях эта схема совпадает с тем, что предлагают страны Индокитая (региональные консультации — региональная конференция — подтверждение и гарантии великих держав). Документы семинара свидетельствуют, что в Ханое шла дискуссия между людьми, в целом мыслящими в одном направлении.

Нет нужды лишней раз убеждать кого-то в том, что политика СССР в этом районе мира предельно честна и лишена какой-либо двусмысленности. Советский Союз не несет в отличие от некоторых других великих держав ответственности за проблемы, возникшие в ЮВА. Напротив, США явно расширяют и в этом районе мира свое военно-политическое присутствие. Вместо того чтобы способствовать развитию реалистических миротворческих тенденций в странах региона, они стремятся нажить здесь политический капитал, поддерживая те круги, которые срываю процесс политического урегулирования в регионе. Их активность направлена на взвинчивание военных расходов стран АСЕАН, предоставление им новых наступательных видов оружия, подталкивание Ассоциации к укреплению военных связей, стандартизации оружия на основе американской военной техники, превращению «шестерки» в конечном итоге в военную группировку, ассоциированную с США и их союзниками. И уж, конечно, не собираются США отказаться от военных баз на территории Юго-Восточной Азии.

В СССР неоднократно подчеркивали, что наша страна выступает за упрочение мира и безопасности народов, в том числе в Юго-Восточной Азии. Товарищ К. У. Черненко указывал, что «Советский Союз поддерживает конструктивную программу Вьетнама, Лаоса и Кампучии, направленную на то, чтобы превратить Юго-Восточную Азию в зону мира и стабильности, наладить диалог между странами Индокитая и государствами АСЕАН»¹³. Советский Союз не раз заявлял, что он приветствовал бы усиления государств Юго-Восточной Азии по созданию мирных стабильных и безопасных условий жизни в этом регионе, готов участвовать в случае необходимости в обсуждении этой проблемы и в возможных гарантиях ее решения наряду с другими великими державами. Советский Союз за то, чтобы это обсуждение началось как можно скорее и затрагивало самый широкий круг вопросов, волнующих государства региона, включая, возможно, и предлагаемое самими государствами АСЕАН создание «безъядерной зоны» в Юго-Восточной Азии. СССР за диалог — открытый и честный.

¹³ «Правда», 27.X.1984.

Правовые аспекты политики «открытых дверей» в КНР

*Е. Г. ПАЩЕНКО,
кандидат исторических наук*

В связи с осуществлением Китаем политики «открытых дверей» в области внешнеэкономических связей, расширения экономического и технического обмена с зарубежными странами одним из важных направлений правотворческого процесса, возобновившегося в КНР с конца 70-х годов, стала разработка и утверждение актов, регулирующих привлечение и использование иностранного предпринимательского капитала в экономике страны в различных формах. Долговременный характер политики «открытых дверей»¹ был также закреплен в Конституции КНР 1982 г. Статья 18 Конституции гласит, что КНР «разрешает иностранным предприятиям и другим иностранным хозяйственным организациям либо отдельным лицам» в соответствии с законами КНР «вкладывать свои капиталы в Китае и осуществлять в различных формах экономическое сотрудничество с китайскими предприятиями или другими китайскими хозяйственными организациями». Та же статья устанавливает, что «законные права и интересы» иностранных вкладчиков охраняются китайским законодательством.

Для правового оформления политики «открытых дверей» характерны последовательность и целеустремленность, с которыми принимаются акты, вступающие в силу, как правило, с момента опубликования. К концу 1983 г. в этой области действовало более пятидесяти законов, положений, постановлений, принятых центральными и местными органами власти и управления с лета 1979 г.

Первым шагом в законодательном оформлении политики «открытых дверей» стал закон об эксплуатации совместных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале, принятый II сессией ВСНП пятого созыва в июле 1979 г.² Закон показал, что китайское правительство намерено привлекать иностранный капитал прежде всего в достаточно сложной форме совместных предприятий, которая позволяет комплексно использовать зарубежные инвестиции, технику и технологию, управленческий опыт и одновременно через участие иностранных партнеров в прибылях и убытках призвана гарантировать рациональное и экономически выгодное функционирование этих предприятий. Их выгодность для Китая также заключается в их «экономичности» — в возможности избежать значительных капитальных затрат путем использования наличных материальных ценностей и ресурсов.

Одновременно стало ясно, что практическое осуществление политики «открытых дверей» будет носить в значительной мере эмпирический характер. Это подтверждалось тем, что закон о совместных предприятиях

¹ Премьер Госсовета Чжао Цзянь на встрече с министром финансов США Д. Риганом подчеркнул, что политика «открытых дверей» не только рассчитана на длительный период, но и будет «еще более открытой» («Жэньминь жибао», 21.III.1984).

² См.: «Жэньминь жибао», 9.VII.1979. В советской литературе подобные предприятия также именуются смешанными.

был очень краток (всего 15 статей) и составлен неспецифическим для нормативных актов подобного рода языком. Он фактически играл роль программного документа, в общем виде определяющего институциональные рамки разворачивающегося процесса привлечения иностранного капитала, а также основные методы деятельности таких предприятий в Китае. Хотя позже заместитель премьера Госсовета Ли Сяньнянь (ныне председатель КНР) признал, что новый закон «далек от совершенства», поскольку Китай не имеет опыта в создании совместных предприятий³, такая позиция руководства КНР во многом объясняется несовершенством всей китайской правовой системы. В ней до настоящего времени недостаточно разработаны такие отрасли права, как гражданское, административное, хозяйственное, трудовое, патентное⁴, которые прямо или косвенно должны регулировать вопросы использования иностранных инвестиций.

Закон о совместных предприятиях как основополагающий акт содержал нормы, определяющие цели и принципы создания этих предприятий, их общую правоспособность, организационную структуру.

Законом устанавливался разрешительный порядок создания предприятий с участием иностранного капитала. Организацией, санкционирующей это, выступал вскоре созданный Комитет по контролю за иностранными капиталовложениями (после реорганизации системы учреждений Госсовета КНР и создания, в частности, министерства внешних экономических связей и внешней торговли, на основании постановления XXII заседания ПК ВСНП пятого созыва в марте 1983 г. функции этого Комитета перешли к указанному министерству). Партнерами совместных предприятий выступают китайские и иностранные компании, предприятия и иные экономические организации, а также иностранные граждане. Предприятия создаются в рамках китайской правовой системы и подчиняются китайской юрисдикции (законом устанавливалось, что в своей деятельности они должны «строго соблюдать» соответствующие китайские законы и положения). По закону компания с ограниченной ответственностью является формой этих предприятий. Однако это положение «повисало в воздухе», поскольку в КНР нет закона или правового института, регулирующего деятельность подобных компаний.

В соответствии с общепринятыми принципами законодательства о совместных предприятиях предусматривалось, что их имущество образуется из капиталов партнеров, оборудования (особо оговаривалось, что иностранные техника и оборудование должны соответствовать мировому уровню), производственных строений, прав промышленной собственности, секретов производства («ноу-хау»); китайская сторона получала возможность включать в свою долю капиталовложений право пользования земельными участками. Также устанавливалось, что каждый партнер получает прибыль, несет убытки и подвергается риску пропорционально доле своего участия.

В отличие от других государств, привлекающих иностранный капитал, по законодательству которых доля иностранного участия, как правило, не должна превышать 50 %, минимум участия зарубежных партнеров по китайскому закону составляет 25 %, а верхний предел не оговаривается. Следовательно, законом теоретически допускается создание предприятий, полностью основанных на иностранном капитале, хотя подобные случаи требуют специального правового регулирования. Отсутствие верхнего предела иностранного участия одновременно говорит о том, что закон нацелен на привлечение зарубежных инвестиций в максимальном объеме. По этому поводу Дэн Сяопин в беседе с японским министром

³ См.: «Жэньминь жибао», 18.VII.1982.

⁴ Закон КНР о патентах, принятый на IV заседании Постоянного комитета ВСНП шестого созыва в марте 1984 г., вступает в силу с 1 апреля 1985 г.

юстиции Ё. Фуруи сделал следующее пояснение: «Если ограничить долю иностранного капитала на уровне 49 %, Китаю нужно будет обеспечить остальные 51 %. Но поскольку мы не располагаем излишками средств, этот лимит был снят»⁵. В целом же из закона следовало, что совместные предприятия, имущество которых представляет сочетание китайской государственной собственности с иностранной частной собственностью, приобретают характер государственно-капиталистических, хотя действующая Конституция КНР не предусматривает существования в экономике страны государственно-капиталистического уклада.

Определенная законом достаточно широкая правосубъектность предприятий, в том числе их право самостоятельного участия в экономическом обороте, означает, что совместные предприятия создаются как юридические лица (хотя этот термин в законе не фигурировал) под эгидой китайской правовой системы. Исходным положением о деятельности этих предприятий было установление о том, что их производственные планы доводятся до сведения компетентных органов и выполняются хозяйственно-договорным способом. То есть закон был направлен на обеспечение функционирования предприятий в рамках планируемой экономики и под контролем соответствующих китайских административных органов.

Что касается организационной структуры предприятий, то законом предусматривалось создание на них советов директоров из представителей сторон, численный состав и члены которых определяются по соглашению между сторонами в каждом конкретном случае. С целью обеспечения административного контроля с китайской стороны за деятельностью предприятия устанавливалось, что председателем совета директоров независимо от доли участия иностранного партнера всегда является гражданин КНР.

Одна из главных целей закона о совместных предприятиях заключалась в создании достаточно льготных условий для зарубежных инвесторов. В этой связи предусматривалась возможность частичного или полного освобождения совместных предприятий «с передовым техническим уровнем» от подоходного налога в первые два-три года прибыльной деятельности, перевода прибылей иностранных партнеров за границу в неограниченном объеме после уплаты налогов, а также возвращения им части налоговых сумм в случае реинвестиции прибылей в Китае. С целью получения инвалютных доходов предприятия поощрялись к сбыту своей продукции на внешних рынках, получали право учреждать свои филиалы за пределами КНР, иметь собственный валютный фонд в Китае в виде счетов в Банке Китая, закупать в необходимых случаях сырье, материалы за рубежом.

Однако многие важные аспекты создания и функционирования предприятий с иностранным капиталом в законе не отражались. Не упоминались, в частности, отрасли экономики, в которые допускается иностранный капитал, методы оценки образующегося имущества предприятий, обходились молчанием вопросы урегулирования прав промышленной собственности, передачи технологии; сохранялась неясность в отношении механизма взаимодействия совместных предприятий с регулируемой экономикой, порядка их ликвидации. Ничего не говорилось о таком крайне важном для зарубежных инвесторов моменте, как уровень налогообложения предприятий. Думается, подобные недостатки закона нельзя отнести за счет невнимательности его составителей. При наличии достаточно разработанных во многих странах принципов законодательства, направленного на привлечение иностранного капитала, это объяснялось не столько отсутствием опыта у китайской стороны, сколько ее стремлением к последующему юридическому оформлению нового курса с учетом

⁵ «Экономисуто», 1979, № 3, с. 6.

его практических результатов. Одновременно это означало, что на начальном этапе политики «открытых дверей» многие, в том числе ключевые, вопросы создания и деятельности совместных предприятий будут решаться путем переговоров сторон и отражаться в контрактах о создании предприятий. Как отмечалось в зарубежной печати, иностранец, намеревающийся создать совместное предприятие в Китае, обнаруживает, что «вместо закона, которым он должен руководствоваться на переговорах, сами переговоры служат средством разработки законодательства»⁶.

После принятия закона о совместных предприятиях прошел год, прежде чем последовали дальнейшие шаги в сфере законодательного оформления курса, рассчитанного на получение финансово-экономической поддержки со стороны капиталистических государств. В июле 1980 г. Госсовет КНР принял два акта — Положение о регистрации совместных предприятий и Положение о труде на этих предприятиях⁷.

Первое Положение передавало вопросы привлечения зарубежных инвестиций в ведение Главного управления промышленно-торговой администрации КНР, а также местных административных органов, занимающихся делами промышленности и торговли на уровне провинций, городов центрального подчинения и автономных районов. В целях обеспечения государственного контроля в отношении функционирования предприятий с иностранным капиталом устанавливался перечень необходимых для регистрации документов, отражающих основные данные о предприятиях и характере их деятельности. Местным административным органам предоставлялось право регистрации предприятий с последующим утверждением Главным управлением промышленно-торговой администрации.

Второе Положение, также развивавшее установления закона 1979 г., предоставляло администрации предприятий ряд выгод по сравнению с предприятиями государственного сектора: возможность отбора квалифицированной рабочей силы на условиях повышенной заработной платы, достаточная свобода в решении вопросов найма, увольнения, нормирования труда и т. д. Из этого Положения также следовало, что трудовые договоры, заключаемые между администрацией и профсоюзом, создающимся на предприятии, могут в значительной степени выполнять роль регулятора трудовых условий в каждом отдельном случае. Одновременно Положение было направлено на то, чтобы предприятия выполняли роль центров по подготовке квалифицированных рабочих и управленческого персонала.

Заложив, таким образом, исходные начала правового регулирования, связанного с политикой «открытых дверей», китайские власти перешли к созданию юридической основы, обеспечивающей получение реальных доходов от деятельности иностранного капитала. Очередная серия законодательных актов была направлена на создание налоговой системы, применяемой в отношении совместных предприятий. Первым шагом в данной области явился закон о подоходном налоге с совместных предприятий — акт, играющий ключевую роль в курсе на «сотрудничество» с зарубежным капиталом, за принятием которого внимательно следили за границей. Закон был принят на III сессии ВСНП пятого созыва в сентябре 1980 г.⁸ Он показал, что руководство КНР осталось верным обещаниям создать достаточно благоприятные условия для иностранного предпринимательства в Китае.

Подчиняя финансовые дела совместных предприятий контролю китайских налоговых органов, закон устанавливал ставку подоходного налога в размере 30 % чистого дохода, полученного как в Китае, так и за

⁶ «Far Eastern Economic Review», 30.V.1980, p. 79.

⁷ In: China's Foreign Economic Legislation, vol. 1. Beijing, 1982, p. 13—26.

⁸ См.: «Жэньминь жибао», 16.IX.1980.

рубежом. С учетом дополнительного 10 %-го местного налога общий уровень подоходного налога составляет 33 % вне зависимости от объема прибыли. Зарубежные обозреватели были единодушны в том, что этот уровень налогообложения ниже обычного уровня налогов для предприятий в развитых капиталистических странах.

Законом предусматривался и трехлетний «налоговый кредит», рассчитанный на привлечение иностранных капиталов в китайскую экономику на длительный период: предприятия, создаваемые на срок 10 и более лет, могли освобождаться от налога в первый год получения прибыли, а на второй и третий год допускалось его сокращение наполовину. Особые налоговые льготы устанавливались для совместных предприятий в экономически слабо развитых районах Китая или в отраслях, дающих невысокую прибыль (сельское хозяйство, лесоводство и т. д.). На привлечение капиталов в экономику было рассчитано положение закона о возмещении 40 % ранее взысканного подоходного налога зарубежным вкладчикам, реинвестирующим свои доходы в КНР на срок более пяти лет. В отличие от мировой практики для иностранных партнеров также предусматривался необычно низкий уровень налогообложения переводимых за границу прибылей. Китайская печать подчеркивала, что такой уровень налогообложения является достаточно льготным и одновременно обещала предоставление новых льгот в дальнейшем⁹.

Действие закона, однако, не распространялось на совместные предприятия по добыче нефти, газа и освоению иных природных ресурсов.

Одним из элементов создаваемой налоговой системы явился принятый той же сессией ВСНП закон о личном подоходном налоге¹⁰. С формально-юридической точки зрения этот закон подлежит применению по отношению ко всем китайским гражданам. Однако с учетом времени его принятия, ставок налогообложения (годовой доход до 800 юаней не облагается налогом), положений о взимании налога с лиц, проживающих в Китае не менее года и получающих доходы в Китае или за его пределами, ясно, что объектом регулирования данного закона выступают доходы не рядовых тружеников, а прежде всего иностранных инвесторов, персонала совместных предприятий, а также представителей буржуазии, сохраняющихся в стране.

С целью завершения формирования относительно законченной налоговой системы, связанной с политикой «открытых дверей», Госсовет КНР в декабре 1980 г. принял два Положения о порядке применения упомянутых налоговых законов. В них давалось толкование ряда формулировок, используемых в законах, подробно излагались методы расчета облагаемых налогов, детализировался порядок уплаты налогов. С этого времени характерной чертой китайской законодательной практики, связанной с использованием зарубежных инвестиций, становится принятие вслед за законами подзаконных актов, уточняющих сферу действия законов, регламентирующих процесс их проведения в жизнь.

Еще до начала привлечения иностранного капитала в форме совместных предприятий в КНР стали использоваться и иные, менее сложные, чем совместные предприятия, формы кооперации с зарубежным предпринимательским капиталом. Именно таким путем Китай в настоящее время привлекает основную массу прямых зарубежных инвестиций в свою экономику. К таким формам относятся заключаемые между китайскими предприятиями и иностранными компаниями контракты на изготовление в Китае по зарубежной технологии и с использованием иностранного оборудования идущих на экспорт готовых изделий или их деталей, полуфабрикатов и т. д. Подобные формы привлечения иностранного капитала, техники и технологии практикуются преимущественно в трудо-

⁹ Ип: «Beijing Review», 1982, N 17, p. 20.

¹⁰ См.: «Жэньминь жибао», 16.IX.1980.

емких и низкотехнологичных отраслях китайской промышленности. Широкое распространение гибких форм «сотрудничества» с иностранными предпринимателями (в виде так называемой компенсационной торговли, совместного или «кооперативного» производства, поручительской переработки) объясняется тем, что зарубежные партнеры усматривают их преимущества в отсутствии необходимости тщательных, а порой и долгих переговоров с учетом действующего законодательства (как в случае создания совместных предприятий), в краткосрочности контрактов, возможности быстро ликвидировать дело при неблагоприятных обстоятельствах. При этом китайское участие выражается в предоставлении рабочей силы, производственных строений, сырья, а иностранный партнер обеспечивает, как правило, оборудование, технологию, комплектующие узлы и детали, капиталы. Производимая продукция сбывается главным образом на внешнем рынке. Совместное предприятие как таковое не создается, стороны делят доходы в заранее согласованной пропорции. По истечении контракта иностранное оборудование и технология переходят за выкуп в собственность китайской стороны, то есть таким путем ведется реконструкция китайских предприятий.

Невзирая на очевидную необходимость разработки общих правовых основ промышленной и торговой кооперации с иностранными предпринимателями в таких формах, китайская сторона предпочла, как и ранее, прежде всего юридически обеспечить получение доходов. В декабре 1981 г. IV сессией ВСНП пятого созыва был принят еще один налоговый закон — о подоходном налоге с иностранных предприятий¹¹, рассчитанный на применение в отношении зарубежных инвесторов, помещающих капиталы в китайскую экономику на основе подобных отдельных контрактов. Установленный законом уровень налогообложения тоже нельзя было отнести к чрезмерному: он колебался от 20 до 40 % в зависимости от дохода по прогрессивной шкале от 250 тыс. до 1 млн. юаней. Одновременно местные правительства получали право снижать уровень дополнительного 10 %-го местного налога или освобождать от него предприятия с небольшим масштабом производства или низкой прибылью. В плане предоставления дальнейших льгот предусматривался ряд моментов, сходных с «налоговым кредитом», ранее установленным в законе о подоходном налоге с совместных предприятий.

С 1982 г. Китай приступил к практической реализации планов целенаправленного использования зарубежных инвестиций в целях развития энергетической и сырьевой базы. При этом учитывалось, что одним из основных видов энергоносителей и сырья, необходимого Китаю, а также пользующегося постоянным спросом на мировом рынке, является нефть. В этой связи отдельным направлением процесса законодательного оформления политики «открытых дверей» стали вопросы освоения и разработки нефтяных месторождений на континентальном шельфе Китая¹². В январе 1982 г. Постоянным бюро Госсовета было принято Положение о разработке морских нефтяных ресурсов совместно с иностранными компаниями¹³.

Подтверждая, что все нефтяные ресурсы, находящиеся на континентальном шельфе КНР, являются государственной собственностью, этот акт разрешал иностранным компаниям участвовать в совместной с Китаем их разработке под контролем китайских властей. Министерство нефтяной промышленности КНР становилось органом, ответственным за разработку и реализацию программы освоения нефтяных ресурсов, а практическая работа возлагалась на Китайскую генеральную компанию по разработке морских нефтяных ресурсов (создана по вступлении По-

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 17.XII.1981.

¹² См. там же, 11.II.1982.

¹³ В настоящее время КНР активно ведет переговоры с рядом западных компаний о содействии в освоении также угольных месторождений.

ложения в силу), которая наделялась исключительными правами в данной области. Положение также было направлено на то, чтобы китайская сторона вкладывала капиталы в освоение месторождений, перспективность которых доказана. Поэтому предусматривалось, что иностранная компания ведет нефтеразведку в отведенном ей морском районе за счет собственных средств и сама несет связанный с этим риск. Только после выявления коммерчески перспективного месторождения нефти (газа) предусматривается его освоение за счет совместных капиталовложений иностранного партнера и Китайской генеральной компании (или ее филиалов). При этом возникает предприятие типа «кооперативного», основанное на контракте, после исполнения которого китайская сторона получает в свое распоряжение налаженное производство по добыче нефти, поскольку к ней переходит право собственности на все имущество, произведенное или привнесенное иностранным партнером. Стоимость имущества иностранного партнера возмещается в процессе совместной добычи нефти.

Провозгласив курс на привлечение иностранного капитала в экономику страны, КНР рассчитывает достичь двух основных целей — повысить научно-технический уровень промышленности и получить источник финансовых (валютных) поступлений. Как показывает практика, ради этого китайское руководство намерено идти двумя путями. Совместным и крупномасштабным капиталоемким предприятиям типа «кооперативных», создаваемых, в частности, для добычи нефти, отводится преимущественная роль в решении первой задачи, хотя и они призваны обеспечить поступление бюджетных доходов. Использование иностранных капиталов в такой достаточно сложной форме подразумевает длительность функционирования подобных предприятий и значительный объем зарубежных инвестиций. Все это требует тщательной разработки правовых аспектов «сотрудничества» с иностранными компаниями, создания ряда правовых институтов, пока не существующих в Китае. Но в подходе к этим проблемам китайские власти предпочли действовать не спеша и, как отмечалось выше, во многом эмпирически.

С целью же максимального и быстрого удовлетворения инвалютных потребностей страны с 1980 г. был взят курс на создание на китайской территории специальных анклавов — особых экономических зон типа зон свободной торговли или экспортных зон, которые выступают важной составной частью политики «открытых дверей».

Первым и до настоящего времени основополагающим актом, определяющим режим этих зон, является принятое в августе 1980 г. гуандунским провинциальным собранием народных представителей Положение об особых экономических зонах провинции Гуандун¹⁴. Его анализ показывает, что в отличие от большинства государств, имеющих подобные зоны, в КНР вопросами контроля за их повседневной деятельностью занимаются не центральные, а провинциальные органы.

В соответствии с Положением создавался главный административный орган — Комитет по управлению особыми экономическими зонами (со штаб-квартирой в Шэньчжэне), который от имени собрания народных представителей (СНП) провинции Гуандун «осуществляет единое руководство всеми особыми зонами». Комитет получил исключительные права рассмотрения и утверждения проектов, предусматривающих использование иностранных капиталов в различных формах. В его компетенцию входят разработка и реализация планов развития зон, координация «рабочих отношений» между различными учреждениями в зонах,

¹⁴ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1981. Пекин, 1981, разд. II, с. 147—148. Хотя это Положение, оформившее важное решение в области государственной политики, вступило в силу после его одобрения XXI заседанием ПК ВСНП в этом же месяце, оно не было опубликовано в центральной печати и не приобрело юридической силы всекитайского закона по действовавшей тогда Конституции КНР 1978 г.

специально создаваемыми для обеспечения деятельности иностранных компаний, поддержание законности и порядка.

С целью максимальной либерализации условий для функционирования иностранного капитала впервые со времени провозглашения политики «открытых дверей» в зонах было разрешено создание не только совместных предприятий, но и предприятий, основанных полностью на иностранном капитале, то есть фактически частнокапиталистических. Положение также устанавливало особые налоговые льготы: подоходный налог определялся на уровне всего 15 % (ниже, чем в Сянгане), предусматривался беспошлинный ввоз предприятиями особых зон необходимых для производства оборудования, запасных частей, сырья, транспортных средств и т. д.

Особый характер зон заключается также и в том, что продукция их предприятий подлежит сбыту на внешнем рынке; для продажи товаров на внутреннем китайском рынке требуется не только специальное разрешение Комитета по управлению зонами, но и уплата таможенных пошлин. Иначе говоря, зоны отделяются от системы плановой экономики. С отводимой зонам ролью «государств в государстве» сочетается положение о том, что «вкладчики могут руководить своими предприятиями независимо». Подтверждая это, премьер Госсовета Чжао Цзыян заявил: «Правительственные органы (в зонах. — Е. П.) никоим образом не будут вмешиваться в управление предприятиями и будут предоставлять им полную свободу для развития производства»¹⁵. Смысл этого установления разъяснила китайская печать, отметившая, что, если регулирование производства в зонах плановым путем будет носить чрезмерный характер, это помешает привлечению иностранных капиталов. Одновременно говорилось о возможности тесной взаимосвязи между деловой активностью в зонах и рыночной конъюнктурой Сянган и Аомыня¹⁶. Другими словами, ради получения инвалютных доходов китайские власти отводят особым зонам роль придатков капиталистической экономики. Не случайно при въезде из Сянган в Шэньчжэнь установлен большой плакат «Время — деньги»¹⁷.

Характерной чертой регулирования статуса особых зон явилась передача полномочий по определению их режима местным властям. Нормативные акты, расширяющие или конкретизирующие исходное Положение, разрабатывались постоянным комитетом провинциального СНП. В ноябре 1981 г. были приняты четыре временных положения, относящиеся к вопросам въезда и выезда из зон, системе труда и заработной платы, регистрации деловой активности, использования земли (последнее положение, правда, распространялось только на зону Шэньчжэнь). Юридическим обоснованием полномочий гуандунской администрации принимать такого рода акты стало Постановление XXI заседания ПК ВСНП от 26 ноября 1981 г., предоставившее СНП провинций Гуандун и Фуцзянь и их постоянным комитетам право вырабатывать отдельно действующие положения по всем экономическим вопросам для подчиненных им особых экономических зон¹⁸.

В соответствии с этими четырьмя положениями упрощалась процедура передвижения людей и транспортных средств между зонами и Сянганом (Гонконгом) и Аомынем (Макао); иностранные предприниматели по сравнению с предприятиями, находящимися вне зон, получали еще

¹⁵ «Ta Kung Pao» (Weekly Supplement), August 20—26, 1981, N 789, p. 1.

¹⁶ In: «Beijing Review», 1981, N 50, p. 15.

¹⁷ См.: «Жэньминь жибао», 6.V.1983. Китайские экономисты оценивают социальную сущность экономики особых зон как государственный капитализм, когда определяющие позиции принадлежат социалистическому государству, но вместе с тем допускаются некоторые элементы капитализма — не только частная собственность, но и рыночное регулирование — «Цзинцзи яньцзю», 1983, № 2, с. 28.

¹⁸ In: China's Foreign Economic Legislation, vol. 1, p. 207—244.

большую возможность самостоятельной разработки конкретных условий найма рабочей силы и форм оплаты труда; устанавливалось, что земля в особых зонах предоставляется в пользование (сдается в аренду), оставаясь собственностью государства¹⁹.

Характеристики особых экономических зон позволяют сделать вывод, что они сейчас выступают также в качестве районов, где Пекин проводит эксперименты, направленные не только на получение валютных доходов, но и на апробацию возможных направлений реформы хозяйственного механизма (включая повышение самостоятельности предприятий) в общегосударственном масштабе с целью модернизации экономики страны. Однако представляется, что особые зоны, по замыслу китайского руководства, призваны в перспективе сыграть важную роль с точки зрения китайской политической стратегии восстановления единства государства. Речь прежде всего идет о Сянгане (Гонконге).

Эмпирический подход китайских властей к правовому оформлению политики «открытых дверей», проявляющийся в поэтапном введении в действие связанных с ней юридических норм, в последнее время приобретает все более прагматический характер.

С весны 1983 г. в китайской печати стали появляться материалы, в которых обосновывалась необходимость дальнейшей либерализации курса на использование иностранного капитала и давались соответствующие обещания²⁰.

Практическим шагом в направлении существенного увеличения льгот для зарубежных предпринимателей явилось Постановление II заседания ПК ВСНП шестого созыва от 2 сентября 1983 г. о внесении изменений в закон о подоходном налоге с совместных предприятий²¹.

В соответствии с Постановлением «налоговый кредит» для этих предприятий увеличивался с 3 до 5 лет: теперь совместные предприятия, созданные на период 10 и более лет, могут освобождаться от подоходного налога в первые два года прибыльной деятельности и уплачивать его в половинном размере на третий-пятый годы.

Крупным событием в процессе правового оформления политики использования зарубежного капитала стало принятие Госсоветом КНР 20 сентября 1983 г. Положения о применении исходного закона 1979 г. о совместных предприятиях — единственного законодательного акта, содержание которого оставалось нераскрытым в подзаконных актах²². Китайские официальные лица расценили это Положение как «новый этап в развитии торговли и политики инвестиций в Китае»²³.

Учитывая значительный объем этого документа (118 статей, сгруппированных в 16 глав), широкую сферу его установлений, основанных, как правило, на систематизации многих положений, найденных опытным путем и отраженных в контрактах о совместных предприятиях, заключенных за период с 1979 г., этот нормативный акт можно рассматривать как относительно заверченный юридический документ, призванный играть роль своего рода китайского инвестиционного кодекса. Принятие этого документа одновременно явилось наглядным свидетельством того, что

¹⁹ Менее чем через год после вступления в силу упомянутых четырех временных положений было объявлено о новых льготах в ведущей зоне — Шэньчжэне. Была предусмотрена возможность освобождения в некоторых случаях предприятий от единого промышленно-торгового налога, а также сокращения подоходного налога на 15—20 % на трехлетний период для «относительно крупных предприятий»; для таких предприятий на 20—40 % сокращается арендная плата за земельные участки, причем исходным уровнем для расчета новой ренты берется минимальный из ранее определенных — 10 юаней за 1 м² в год («China Business Review», 1982, N 6, p. 4).

²⁰ См.: «Жэньминь жибао», 9.IV.1983; «Beijing Review», 1983, N 19, p. 7; «China Daily», 12.V.1983.

²¹ См.: «Жэньминь жибао», 3.IX.1983.

²² См.: «Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуянь гунбао» (Бюллетень ГС КНР), 1983, № 21, с. 969—987.

²³ «China Daily», 27.IX.1983.

в предшествующий период политика «открытых дверей» в значительной степени находилась в стадии апробации.

Развивая исходный закон 1979 г., Положение было направлено преимущественно на оформление механизма взаимодействия совместных предприятий с системой государственной плановой экономики при одновременном обеспечении достаточно широкой автономии их деятельности. Немаловажным аспектом этого акта явились также дальнейшие уступки в направлении обеспечения привилегий для деятельности зарубежного капитала.

Положение впервые определяло правовой статус совместных предприятий как юридических лиц; в развитие ранее закрепленной их формы как компаний с ограниченной ответственностью устанавливалось, что партнеры по предприятиям несут ответственность в пределах внесенных ими объемов инвестиций, а само предприятие отвечает по долгам всем своим имуществом.

Исходный закон развивался и в том отношении, что Положение разрешало создание предприятий с иностранным участием в ведущих отраслях китайской экономики: энергетике, химии, металлургии, машиностроении, добыче нефти на морском дне, электронике, включая производство ЭВМ и средств связи, различных отраслях легкой промышленности, а также туризме и сфере обслуживания.

Регулируя механизм взаимодействия совместных предприятий с плановой экономикой, Положение не только подтверждало их хозяйственную самостоятельность. Учитывая ранее высказывавшиеся опасения зарубежных вкладчиков насчет невозможности независимого ведения дел в Китае, оно также запрещало плановым и административным органам всех уровней давать указания предприятиям в отношении их производственных планов. Продолжая линию на юридическое закрепление привилегированного положения совместных предприятий по сравнению с государственными, новый акт обязывал ведомства, отвечающие за эти предприятия, обеспечивать выполнение их планов путем предоставления им ряда преимуществ с точки зрения материального снабжения. При определении каналов, по которым совместные предприятия закупают сырье и материалы, им обеспечивается доступ к ресурсам, распределяемым в плановом порядке. Привилегированное положение, в которое ставятся совместные предприятия, убедительно проявляется и в том, что новый нормативный акт обязал народные правительства провинций, автономных районов и городов центрального подчинения содействовать поддержанию инвалютных балансов предприятий в случае необходимости за счет своих резервов; если это невозможно, вопрос подлежит решению путем включения его в государственный план.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что привилегии, прежде характерные для предприятий особых экономических зон, начинают распространяться и на совместные предприятия вне их. Так, Положение предусматривает возможность свободного (беспошлинного) импорта основной массы материалов и оборудования, необходимых предприятиям для производства, а также отмену единого промышленно-торгового налога на экспортную продукцию предприятий в случае возникновения затруднений в начальный период их деятельности.

Отражая желание получить от совместных предприятий дефицитную продукцию или продукцию, которую Китай вынужден ввозить, а также учитывая стремление иностранных компаний к укреплению своих позиций на внутреннем китайском рынке, Положение впервые со всей определенностью предоставляет возможность предприятиям с иностранным участием сбывать такую продукцию «главным образом» на внутреннем рынке за валюту. Иначе говоря, пересмотрена ранее установленная преимущественно экспортная направленность производственной деятельности этих предприятий. В этой связи совместные предприятия с точки

зрения цен на закупаемые в Китае сырье и материалы, стоимости коммунальных услуг приравниваются к государственным; цены на продукцию, сбываемую на внутреннем рынке, устанавливаются с учетом ее качества.

Одновременно Положением устанавливались льготы для иностранного персонала совместных предприятий: теперь после уплаты личного подоходного налога этот персонал может переводить за границу все остающиеся доходы, а не половину, как прежде.

Приобретая все более законодательно оформленный характер, политика «открытых дверей» набирает темпы. При этом расширяются ее формы, методы, масштабы на фоне ослабления контроля и координирующего воздействия центральной власти.

Все больше полномочий в сфере привлечения иностранного капитала передается на местный уровень. Все китайские провинции получили право самостоятельно одобрять инвестиционные проекты стоимостью до 3 млн. долл. Что же касается Гуандуна и Фуцзяни, включая особые экономические зоны, то санкционирование проектов независимо от масштабов привлечения капитала необходимо только на провинциальном уровне²⁴.

В апреле 1984 г. Китаем сделан еще один важный шаг в плане «открытия дверей перед миром» — в 14-ти портовых городах на побережье страны было разрешено создание так называемых районов экономического и технического развития, где иностранному капиталу предоставляются преимущества, сходные с льготами в особых зонах. Отличие этих районов от особых зон состоит в том, что там делается упор на создание промышленных предприятий с высокой технологией, предприятий, основанных на иностранном капитале, на модернизацию китайских предприятий с иностранной помощью. В связи с этим 14-ти городам были предоставлены широкие полномочия по одобрению проектов с иностранным участием: Тяньцзинь и Шанхай могут одобрять проекты стоимостью 30 млн. долл., Далянь и Гуанчжоу — до 10 млн., все остальные города — до 5 млн. Характерно, что эти права относятся к проектам, которые с точки зрения снабжения, ценообразования не охватываются государственным планированием²⁵.

В духе общего курса на усиление льгот для предприятий с передовым техническим уровнем и крупными суммами инвестиций Госсовет КНР в ноябре 1984 г. принял временное положение, в соответствии с которым совместные, а также полностью иностранные предприятия в особых зонах и приморских городах в зависимости от их характера освобождаются от налогов в первые два года, а в последующие три года могут уплачивать налоги в размере до 10 % прибыли²⁶.

Стремясь к созданию еще более благоприятного «инвестиционного климата» для зарубежного капитала, КНР как страна-реципиент в последние годы пошла по пути принятия международно-правовых обязательств перед иностранными государствами. К концу 1984 г. правительство Китая подписало 7 соглашений о содействии и защите иностранных капиталовложений (со Швецией, Румынией, ФРГ, Францией, Бельгией, Финляндией, Норвегией) и ведет переговоры по этому вопросу с Японией, США, Швейцарией, Австрией, Голландией, Италией²⁷.

Правовому оформлению политики «открытых дверей» продолжает уделяться большое внимание. Судя по сообщениям китайской печати, в КНР готовятся законы о предприятиях, основанных полностью на иностранных инвестициях, о контрактах с зарубежными предпринимателями, ряд актов, регулирующих использование инвестиций в форме «кооперативных» предприятий, компенсационной торговли и т. д.

²⁴ In: «China Business Review», 1983, N 5, p. 20.

²⁵ In: «Beijing Review», 1984, N 50, p. 16.

²⁶ См.: «Жэньминь жибао», 18.XI.1984.

²⁷ См.: «Цзиньши жибао», 30.X.1984.

Проблема урегулирования в Корее на современном этапе

В. И. АНДРЕЕВ,
кандидат экономических наук

В. И. ОСИПОВ,
кандидат юридических наук

В ряду проблем мировой политики, требующих своего решения, находится вопрос о нормализации положения на Корейском полуострове. В условиях нынешней крайне обострившейся по вине наиболее агрессивных сил империализма во главе с США международной обстановки военно-политическая ситуация в Корее становится одной из наиболее взрывоопасных. Все послевоенные годы положение в Корее характеризуется опасным балансированием «холодной войны» на грани войны реальной. Именно здесь империализм предпринял первую попытку силой оружия изменить соотношение сил в мире, сложившееся в результате второй мировой войны, развязав в 1950 г. агрессию против Корейской Народно-Демократической Республики. Здесь же империализм потерпел жестокое поражение в результате коллективных усилий всех социалистических стран, героической борьбы корейского народа.

Разделение Кореи на Север и Юг — это один из нерешенных вопросов, оставшихся после второй мировой войны как следствие экспансионистской империалистической политики США, игнорирования ими союзнических обязательств.

Корейский народ проявляет нарастающее стремление к мирному объединению страны, но одновременно усиливается и вмешательство империалистических государств в его внутренние дела, прилагаются все возрастающие усилия для укрепления антинародного сеульского режима и таким образом для закрепления ситуации «двух Корей». Включив Корейский полуостров в «сферу жизненных интересов США», Вашингтон наращивает свое военное присутствие в Южной Корее, активно использует расквартированные там американские войска для подрыва мира и безопасности, нагнетания напряженности на Дальнем Востоке и в Азии. Примером агрессивных замыслов Пентагона в дальневосточном регионе явилась организованная спецслужбами США провокация с использованием в шпионских целях южнокорейского самолета, глубоко вторгшегося в воздушное пространство Советского Союза.

В последние годы предпринимаются все более настойчивые попытки для формирования новой военно-политической структуры — трехстороннего военного альянса с участием США, Японии и Южной Кореи. Визит президента США Р. Рейгана в Токио и Сеул в ноябре 1983 г., демонстрация им «силового дипломатии» создают на Корейском полуострове и в целом в регионе Дальнего Востока крайне опасный очаг напряженности. Положение совместного заявления Рейгана и Чон Ду Хвана о том, что «безопасность Корейской Республики (Южной Кореи. — Авт.) жизненно важна для безопасности Соединенных Штатов»¹, выявляет намерение Вашингтона подключить другие страны, и прежде всего Южную Корею, к своим милитаристским планам в районе Азии и Тихого океана.

¹ «Korea Herald», 15.XI.1983.

VI съезд Трудовой партии Кореи, состоявшийся в октябре 1980 г., подчеркнул, что в результате противостояния на Корейском полуострове значительных контингентов вооруженных сил Севера и Юга и наличия в Южной Корее американских войск здесь сохраняется напряженная обстановка. Съезд также отметил, что ликвидация военной конфронтации между обеими частями Кореи является важнейшей предпосылкой их мирного объединения².

Вместе с тем в наше время, когда все теснее становится взаимосвязь между различными районами мира, любой локальный конфликт легко может перерасти во всеобщий. В силу этого корейская проблема выходит за национальные рамки и является одной из важных проблем борьбы за мир во всем мире.

Международное значение корейского вопроса не ограничивается, однако, военным аспектом. На протяжении всей своей истории он, по существу, выступает как проблема противоборства двух диаметрально противоположных общественно-политических систем и двух линий во внешней политике. Единственный реальный путь его решения — устранение всякого вмешательства в дела корейского народа со стороны империализма и достижение мирного демократического объединения Кореи.

* * *

Достижение объединения Кореи — одно из центральных направлений деятельности Трудовой партии Кореи и правительства Корейской Народно-Демократической Республики. За время своего существования КНДР более 200 раз обращалась к южнокорейским властям с конкретными предложениями, направленными на мирное демократическое решение корейского вопроса³.

Долгое время инициативы КНДР оставались без ответа. И лишь в начале 70-х годов впервые были налажены официальные контакты на корейской земле между Севером и Югом Кореи — сначала по линии обществ Красного Креста для решения гуманитарных вопросов, а затем и на правительственном уровне⁴. Они явились в первую очередь следствием наметившегося в тот период общего сдвига в международной обстановке в сторону разрядки в результате неустанной деятельности Советского Союза и других социалистических стран. Этому также способствовала растущая поддержка мировой общественностью, странами мировой социалистической системы справедливого стремления корейского народа жить одной семьей.

20 августа 1971 г. в небольшом селении Пханмунчжоме, находящемся в районе демаркационной линии, разделяющей страну по 38-й параллели, произошла первая встреча представителей обществ Красного Креста Северной и Южной Кореи, а ровно через месяц, 20 сентября, в зале заседаний Комиссии нейтральных государств по наблюдению за перемирием в Корее были начаты предварительные переговоры для согласования повестки дня и процедурных вопросов основных переговоров. Приветствуя начало контактов, товарищ Ким Ир Сен отмечал: «Весь народ Северной и Южной Кореи... единодушно желает, чтобы эти переговоры стали важным отправным моментом в разрушении барьера между Севером и Югом, в достижении мирного объединения родины»⁵.

² См.: Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК VI съезду партии. Пхеньян, 1980, с. 81—82.

³ См.: Предложения КНДР по объединению страны. Пхеньян, 1982, с. 1.

⁴ В 1963 г. имели место контакты между Олимпийскими комитетами КНДР и Южной Кореи в Гонконге и Лозанне по поводу формирования единой корейской команды для выступления на Токийской олимпиаде.

⁵ «Нодон синмун», 1.1.1972.

Предварительные переговоры длились почти целый год и были весьма напряженными, в общей сложности на рабочем уровне состоялось 38 заседаний — 25 пленарных и 13 закрытых. Лишь на 20-м заседании 16 июня 1972 г. в условиях уже начавшихся правительственных контактов стороны согласовали на основе предложения представителей КНДР повестку дня основных переговоров обществ Красного Креста Северной и Южной Кореи. Она включала следующие вопросы:

- розыск разлученных родственников и оповещение об их местонахождении;

- взаимные посещения родственников на Севере и Юге и обеспечение условий для их встреч;

- обеспечение свободной переписки между разлученными родственниками;

- воссоединение родственников по их свободному волеизъявлению;

- прочие гуманитарные вопросы⁶.

Состоялось семь раундов основных переговоров по линии обществ Красного Креста, в ходе которых стороны обсуждали первый пункт повестки дня. К середине 1973 г. они, однако, зашли в тупик вследствие нежелания южнокорейской стороны решать вопросы конструктивно, с позиций подлинного гуманизма⁷.

Переговоры на правительственном уровне между Северной и Южной Кореей были начаты негласно и проходили в Пхеньяне с 2 по 5 мая и с 29 мая по 1 июня 1972 г. — в Сеуле⁸. Они вылились в подписание полномочными представителями правительств КНДР и Южной Кореи «Совместного заявления Севера и Юга Кореи», которое было одновременно опубликовано в Пхеньяне и Сеуле 4 июля 1972 г.

Важность этого документа заключается в том, что в нем стороны зафиксировали общий подход к проблеме объединения страны, получивший название «три принципа объединения родины», а также пришли к соглашению об осуществлении ряда практических мероприятий. В соответствии с Совместным заявлением объединение страны должно быть достигнуто, во-первых, самостоятельно, без иностранного вмешательства; во-вторых, мирным путем; в-третьих, на основе «национальной консолидации»⁹.

Выдвигая принцип самостоятельного мирного объединения страны без иностранного вмешательства, правительство КНДР имело в виду устранение империалистического вмешательства, в первую очередь американского империализма, в дела корейского народа, вывод американских войск с территории Южной Кореи¹⁰.

Принцип «национальной консолидации» означает участие в диалоге широких кругов общественности как Севера, так и Юга и соответственно осуществление с этой целью демократизации южнокорейского общества, обеспечение свободы политической деятельности всем партиям и общественным организациям Юга, отказ сеульских властей от политики антикоммунизма. «Разве можно осуществить национальную консолидацию, — говорил тов. Ким Ир Сен. — не сотрудничая с коммунистами и выступая

⁶ См.: Современная история Кореи. Пхеньян, 1979, с. 622—623.

⁷ В июле 1983 г. Общество Красного Креста Южной Кореи выступило с предложением возобновить переговоры с Обществом Красного Креста КНДР по вопросу о разлученных родственниках. В этой связи ЦК Общества Красного Креста КНДР 24 июля опубликовал заявление, в котором, осудив южнокорейское Общество Красного Креста как «политическую игрушку» в руках сеульских властей, предложил ему в качестве предварительного условия начала переговоров «признаться в своих преступлениях, связанных со срывом переговоров обществ Красного Креста в 70-е годы, и принести за это извинение перед нацией...». — «Нодон синмун», 25.VII.1983.

⁸ См.: Предложения КНДР по объединению страны, с. 105.

⁹ См.: «Нодон синмун», 4.VII.1972.

¹⁰ См.: Ким Ир Сен. О самостоятельном мирном объединении родины. Пхеньян, 1980, с. 76.

против коммунистов?»¹¹ Правительство КНДР включает в понимание этого принципа также и то, что, ведя диалог и стремясь к объединению, стороны не должны навязывать друг другу свои общественно-политические системы. Оно изъявило готовность разрешить деятельность на территории КНДР любой политической партии Южной Кореи, если такая же возможность будет предоставлена политическим партиям Северной Кореи на Юге. Национальная консолидация означает, кроме того, широкое сотрудничество Севера и Юга во всех областях политики, экономики, культуры и военного дела¹².

В Совместном заявлении от 4 июля 1972 г. стороны также договорились «прекратить взаимную клевету и вооруженные провокации друг против друга», принять активные меры для предотвращения неожиданного военного столкновения, содействовать углублению взаимопонимания и всестороннему обмену между Севером и Югом, установить прямую телефонную связь между Пхеньяном и Сеулом. Для реализации всех практических вопросов и осуществления вышеуказанных договоренностей было принято решение о формировании в дальнейшем Координационного комитета Севера и Юга и были назначены его сопредседатели: со стороны КНДР — заведующий отделом ЦК ТПК Ким Ен Чжу, со стороны Южной Кореи — директор Центрального разведывательного управления Ли Ху Рак¹³.

На третьем заседании сопредседателей, состоявшемся в Сеуле 30 ноября—1 декабря 1972 г., было достигнуто официальное соглашение об учреждении Координационного комитета Севера и Юга и о начале его деятельности. В функции комитета входило обсуждение, решение и обеспечение реализации следующих вопросов:

- достижение мирного объединения страны на основе согласованных принципов;
- осуществление широкого обмена между политическими партиями, общественными организациями и отдельными лицами Севера и Юга;
- осуществление экономического, культурного и социального обмена, объединение сил в решении экономических вопросов;
- разрядка напряженности в отношениях между Севером и Югом, предотвращение военных столкновений и уменьшение военного противостояния;
- согласование внешнеполитической деятельности Севера и Юга.

В соответствии с соглашением при Координационном комитете предполагалось образовать пять подкомитетов: политический, военный, дипломатический, экономический и культурный¹⁴.

Несомненно, что реализация достигнутых договоренностей как по линии обществ Красного Креста, так и Координационного комитета открывала реальные перспективы для постепенного смягчения напряженности на Корейском полуострове, появления взаимного доверия, что в конечном итоге могло бы способствовать достижению в дальнейшем мирного объединения страны.

КНДР, однако, отдавала себе отчет в том, что имевшиеся контакты носят ограниченный характер как с точки зрения круга обсуждаемых вопросов, так и числа обсуждающих их лиц и что они одни не могут решить всех проблем, накопившихся за долгие годы раскола страны, устранить недоверие между Севером и Югом. Поэтому после подписания

¹¹ Ким Ир Сен. О самостоятельном мирном объединении родины, с. 77—78.

¹² См. там же, с. 123—124.

В КНДР, помимо Трудовой партии Кореи, являющейся руководящей и организующей силой корейского народа, существуют также Социал-демократическая партия (до 1981 г. — Демократическая партия) и религиозная партия Чхондогё-Чхонудан. Эти партии не имеют низовых организаций и полностью поддерживают деятельность ТПК.

¹³ «Нодон синмун», 4.VII.1972.

¹⁴ См.: Современная история Кореи, с. 617—618.

Совместного заявления правительство КНДР предложило провести совместное совещание политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи или совещание представителей властей Севера и Юга, а также объединенное заседание депутатов Верховного народного собрания КНДР и южнокорейского парламента¹⁵. Выполняя достигнутые с Южной Кореей договоренности, КНДР предприняла ряд практических мер. Средства массовой информации страны прекратили критические выступления против южнокорейского режима. Реальной демонстрацией искренности стремления КНДР к смягчению военной напряженности на Корейском полуострове явилось абсолютное и относительное снижение в 1972 г. расходов на оборону более чем на одну треть — с 1959,82 млн. вон в 1971 г. до 1256,06 млн. вон, или с 31,1 % всех расходов госбюджета до 17 %. В дальнейшем эти расходы не поднимались выше уровня 1972 г. в процентном отношении к общим расходам госбюджета, хотя в абсолютном выражении и несколько выросли.

Три заседания Координационного комитета, состоявшиеся поочередно в Сеуле и Пхеньяне, показали, что южнокорейская сторона при посредничестве США пытается использовать начавшийся диалог между Севером и Югом с целью получения односторонних выгод на основе размывания социалистического строя в КНДР. Уже на первой пресс-конференции в день опубликования Совместного заявления Севера и Юга директор Центрального разведывательного управления Ли Ху Рак, подписавший его с южнокорейской стороны, заявил: «С сегодняшнего дня мы начинаем двигаться от конфронтации без диалога к новой эре — конфронтации с диалогом»¹⁶. В дальнейшем такой подход к контактам с КНДР со стороны Южной Кореи стал еще более явным. «Южнокорейская сторона, — отмечают ученые КНДР, — только на словах выступала за «полное открытие дверей», а на деле предложила лишь ограниченные меры в области экономики и культуры, настаивала на создании только двух подкомитетов при Координационном комитете, препятствовала принятию мер для ликвидации военной конфронтации, созданию политического, военного и дипломатического подкомитетов и созыву политической конференции Севера и Юга»¹⁷.

К середине июня 1973 г. работа Координационного комитета зашла в тупик. С декабря 1973 г. вновь возобновились контакты заместителей сопредседателей Координационного комитета, но и они прекратились по вине южнокорейских властей после десятой встречи, состоявшейся 14 марта 1975 г.

Как свидетельствуют факты, диалог с КНДР, равно как и проявленные в этом направлении некоторые инициативы, нужен был сеульским властям не для того, чтобы за столом переговоров действительно попытаться найти взаимоприемлемое решение судеб страны, а лишь затем, чтобы отвлечь внимание демократически настроенной корейской общественности и мирового общественного мнения от фактов дальнейшей милитаризации страны, наращивания военной мощи в рамках осуществления «доктрины Никсона» в целях усиления конфронтации с КНДР и «отбрасывания коммунизма» с Корейского полуострова. Такое отношение Сеула к диалогу с Пхеньяном отмечалось и американскими исследователями. «Южная Корея использовала показной интерес к проблеме объединения с тем, чтобы выиграть время для укрепления своих позиций», — писал американский политолог Р. Клоф¹⁸.

¹⁵ См.: Ким Ир Сен. О самостоятельном мирном объединении родины, с. 11—12.

¹⁶ «Asian Survey», November 1980, vol. XX, N 11, p. 1113.

¹⁷ Современная история Кореи, с. 620.

¹⁸ R. Clough. Deterrence and Defence in Korea. The Role of US Forces. Washington, 1976, p. 28.

Стремление южнокорейских правящих кругов, а также имперализма к закреплению раскола страны со всей очевидностью проявилось в так называемом специальном заявлении тогдашнего «президента» севульского режима Пак Чжон Хи, с которым он выступил утром 23 июня 1973 г. после предварительного согласования с администрацией США и правительством Японии. Предложение Пак Чжон Хи заключалось в том, чтобы Северная и Южная Корея вступили в Организацию Объединенных Наций раздельно. В этом случае ситуация «двух Корей» получила бы свое международно-правовое оформление и закрепление, что признавалось и самим Паком. Именно поэтому правительство КНДР вечером того же дня, категорически отвергнув идею раздельного вступления двух корейских государств в ООН, выступило с новыми предложениями по объединению, состоящими из 5 пунктов. Они включают:

- ликвидацию военной конфронтации и ослабление напряженности между Севером и Югом;

- реальное осуществление многостороннего сотрудничества и обмена между Севером и Югом;

- созыв Великого национального собрания, состоящего из представителей всех слоев населения и представителей политических партий и общественных организаций Севера и Юга;

- введение конфедерации Севера и Юга под единым государственным названием;

- вступление страны в ООН под единым государственным названием¹⁹.

Эти предложения из 5 пунктов в сочетании с тремя принципами, содержащимися в Совместном заявлении Севера и Юга, и в настоящее время служат основой последовательного курса правительства КНДР, направленного на мирное демократическое объединение страны.

Выше мы рассмотрели содержание «трех принципов объединения» страны. Посмотрим, какое содержание вкладывается правительством КНДР в «предложения из пяти пунктов».

Как неоднократно подчеркивалось правительством КНДР, одним из важнейших вопросов в деле объединения страны является ликвидация военной конфронтации и смягчение напряженности на Корейском полуострове. «Наличие у Севера и Юга весьма значительных вооруженных сил и военная конфронтация, — подчеркивал тов. Ким Ир Сен, — сами по себе являются серьезным фактором, ставящим под угрозу существование мира в нашей стране, а также являются источником недоразумений и недоверия»²⁰. Устранение этого фактора, несомненно, способствовало бы установлению атмосферы взаимного доверия в Корее и таким образом содействовало бы реализации других мер на пути объединения страны. Для этих целей КНДР предлагает южнокорейским властям прекратить наращивание вооруженных сил и гонку вооружений, вывести все иностранные, в первую очередь американские, войска с территории Южной Кореи (на территории КНДР иностранных войск нет), сократить численность вооруженных сил Севера и Юга до 100 тыс. человек и менее, а также ограничить вооружения, прекратить ввоз оружия из-за рубежа, заключить мирное соглашение между заинтересованными сторонами, то есть между КНДР и США, вместо существующего шаткого соглашения о перемирии.

Многостороннее сотрудничество между КНДР и Южной Кореей предлагается осуществлять в политической, военной, дипломатической, экономической и культурной областях. Оно имеет целью предотвратить полное экономическое, политическое и культурное порабощение Южной

¹⁹ См.: Ким Ир Сен. О самостоятельном мирном объединении родины, с. 19—20.

²⁰ Там же, с. 20—21.

Кореи США и другими империалистическими странами, наладить совместную разработку природных ресурсов, возобновить традиционный экономический обмен между Севером и Югом, унифицировать родную речь, способствовать развитию национального искусства. Подкрепляя свои предложения конкретными шагами, КНДР, в частности, предлагала южнокорейским властям организовать единую корейскую команду для участия в XXII летних Олимпийских играх в Москве. Сеульский режим не только не пошел на это, но и, следуя за своими американскими хозяевами, подключился к так называемому бойкоту Олимпиады-80.

На основании имеющегося опыта ведения диалога с Югом в КНДР считают, что переговоры об объединении Кореи не могут вестись только представителями властей обеих частей Кореи. Вполне очевидно, что южнокорейские власти не представляют интересы всех классов и политических слоев общества. Поэтому в таких переговорах должны принимать участие широкие круги общественности Юга и Севера. Для этого и предлагается созыв Великого национального собрания.

Смысл создания конфедерации Севера и Юга состоит в том, чтобы при сохранении на определенное время существующих в КНДР и Южной Корее различных общественно-политических систем образовать объединенное корейское государство в качестве первого шага на пути окончательного объединения Кореи.

Таким образом, КНДР выдвигала конкретную программу мирного демократического объединения Кореи. Вместе с тем она никогда не считала ее единственно возможной и выражала готовность пойти на компромиссы, деловое сотрудничество с южнокорейскими властями с целью выработать взаимоприемлемые пути объединения страны²¹. Этими соображениями были продиктованы и другие инициативы правительства КНДР по возобновлению диалога с Южной Кореей, с которыми оно выступило в последние годы.

23 января 1979 г. на совместном заседании политических партий и общественных организаций КНДР, созданном ЦК Единого демократического отечественного фронта (ЕДОФ), по предложению Трудовой партии Кореи было принято заявление ЦК ЕДОФ. В этом заявлении, адресованном различным слоям населения Южной Кореи, проживающим за границей соотечественникам, политическим партиям и общественным организациям Южной Кореи, южнокорейским властям, предлагалось осуществление ряда мер для «ускорения дела объединения страны»²².

Во-первых, Север и Юг должны вернуться к идеалам и принципам Совместного заявления от 4 июля 1972 г. Для этого обеим сторонам предлагалось официально подтвердить свою приверженность этим идеалам и принципам в согласованное время. Во-вторых, прекратить пропагандистские выпады одной стороны против другой. В-третьих, немедленно и безоговорочно прекратить все действия с использованием вооруженных сил, враждебные и угрожающие другой стороне. В районах, прилегающих к военно-демаркационной линии, прекратить наращивание вооруженных сил, осуществление военных операций, оборудование военных сооружений, военные учения. В-четвертых, созвать общенациональную конференцию с участием представителей всех политических партий и общественных организаций Севера и Юга, включая председателя правящей демократической республиканской партии Южной Кореи, а также представителей организаций соотечественников, проживающих за рубежом (в Японии, США, ФРГ и других странах), для обсуждения вопросов всестороннего сотрудничества и обмена во всех областях политики, экономики, обороны, культуры, свободной деятельности политических партий Севера и Юга на всей территории Корейского полуострова. В целях подготов-

²¹ См.: Ким Ир Сен. О самостоятельном мирном объединении родины, с. 97.

²² «Нодон синмун», 24.I.1979.

ки к проведению этой конференции и решения других вопросов объединения предлагалось создать подготовительный комитет национального объединения, который включил бы в себя не только представителей властей, но и всех политических партий и общественных организаций КНДР и Южной Кореи, а также представителей зарубежных организаций корейцев²³.

Правительство КНДР неоднократно напоминало южнокорейским властям о своих предложениях, подчеркивало, что в условиях политического кризиса, охватившего южнокорейские правящие круги в связи с убийством скомпрометировавшего себя диктатора Пак Чжон Хи, как никогда ранее необходимо объединить усилия для поисков рационального пути мирного воссоединения страны. Несмотря на то что сеульские власти 26 января 1979 г. опубликовали заявление, где положительно оценили предложение ЦК ЕДОФ²⁴, практических результатов в его реализации достигнуто не было. Южнокорейская сторона попросту не прислала своих делегатов на четвертую встречу представителей Севера и Юга в Пханмунчжоме, сорвав тем самым новый раунд контактов.

В январе 1980 г. КНДР выступила с очередной инициативой, направленной на возобновление диалога между Севером и Югом. Вице-президент КНДР, председатель Комитета по мирному объединению родины Ким Ир обратился к лидерам правящей и оппозиционных партий Юга, а премьер Административного совета КНДР Ли Ден Ок — к премьер-министру Южной Кореи с предложением о проведении консультативного совещания и многосторонних переговоров между политическими и общественными организациями обеих частей Кореи, а также встречи премьер-министров.

Премьер-министр Южной Кореи дал свое принципиальное согласие, и с 6 февраля по 24 июня 1980 г. в Пханмунчжоме было проведено 9 рабочих совещаний представителей сторон для согласования условий предстоящей встречи премьеров (места, состава участников, повестки дня). Проявляя конструктивный подход и высокую ответственность, северокорейская сторона предлагала проводить встречи премьеров на территории Кореи, а не в третьих странах и не ограничивать круг обсуждаемых вопросов узкой повесткой дня, на чем настаивал Сеул. Вскоре, однако, проведение этих совещаний было прекращено, поставленные перед ними цели достигнуты не были. Ведя переговоры с КНДР, военные власти во главе с Чон Ду Хваном, пришедшие на смену короткому периоду гражданского правления после убийства Пак Чжон Хи, развернули беспрецедентный даже для Южной Кореи террор против демократических деятелей и народа, силой оружия подавили в мае 1980 г. выступление жителей города Кванчжу за восстановление в стране демократии. В этих условиях КНДР была вынуждена прекратить контакты с южнокорейским режимом.

Что же касается послания Ким Ира, то ни партийные, ни общественные деятели Южной Кореи не имели возможности ответить на содержащиеся в нем предложения, поскольку были арестованы Чон Ду Хваном. Эти и другие действия сеульских правящих кругов имели характер преднамеренных акций, направленных на ухудшение атмосферы и осложнение внутрикорейского диалога.

Большое внимание проблеме политического урегулирования на Корейском полуострове было уделено на VI съезде Трудовой партии Кореи, который состоялся в октябре 1980 г. В развитие ранее выдвинутых предложений и учитывая реально сложившуюся на Корейском полуострове и вокруг него ситуацию, съезд вновь выступил с инициативой создания конфедерации КНДР и Южной Кореи в качестве одного из этапов на пути

²³ См.: «Нодон синмун», 6.II.1979.

²⁴ См. там же, 28.I.1979.

нормализации положения в Корее и создания предпосылок для мирного, демократического решения корейской проблемы без вмешательства империалистических сил.

Составной частью выдвинутой VI съездом ТПК программы политического урегулирования положения на Корейском полуострове является обращение высшего форума корейских коммунистов к Соединенным Штатам Америки с предложением провести переговоры по вопросу замены соглашения о перемирии в Корее, подписанного в 1953 г., мирным соглашением. Впервые подобное предложение США, главному участнику агрессии против КНДР в 1950—1953 гг., содержалось в послании Верховного народного собрания КНДР конгрессу США, направленном в марте 1974 г., однако до сих пор какого-либо ответа из Вашингтона не последовало²⁵. Съезд также потребовал как можно скорее вывести из Южной Кореи американские войска, подчеркнув при этом, что такие действия США отвечали бы не только интересам корейского народа, но и народов других стран, в том числе и США, делу обеспечения мира во всем мире.

Новые инициативы Трудовой партии Кореи, направленные на скорейшее достижение мирного демократического объединения страны, получили широкую поддержку корейской общественности. Состоявшееся в Пхеньяне 11 ноября 1980 г. совещание представителей ТПК, Демократической партии, партии Чхондогё-Чхонудан, Комитета по мирному объединению родины и других общественных организаций КНДР обратилось к населению Южной Кореи, а также к корейцам, проживающим за рубежом, с письмом, в котором призвало их содействовать претворению в жизнь предложений по объединению страны, одобренных VI съездом ТПК²⁶. В письме, в частности, отмечается, что эти предложения встречают единодушную поддержку корейского народа и положительно расцениваются международной общественностью. Участники совещания, кроме того, предложили созвать консультативное совещание представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, а также корейцев, проживающих за рубежом, для решения вопросов, связанных с практическим осуществлением предложений КНДР. Это письмо в ноябре — декабре 1980 г. было направлено в адрес 1336 политических и общественных деятелей Южной Кореи и 870 корейцев, проживающих в других странах.

В 80-е годы основные усилия КНДР в деле урегулирования положения в Корее сосредоточены на проведении широкой кампании внутри страны и за рубежом по обеспечению поддержки идеи создания конфедерации Севера и Юга, изоляции нынешних правителей Южной Кореи, обогривших свои руки кровью патриотов города Кванчжу. Вместе с тем резкое обострение обстановки в мире и в дальневосточном регионе в этот период вследствие агрессивных происков империалистических сил и форсированного создания милитаристского альянса Вашингтон — Токио — Сеул вызвало необходимость внесения определенных корректив в политику ТПК по корейскому урегулированию, которые, однако, не затронули ее существа, а несколько видоизменили предлагаемые пути достижения поставленных последним съездом задач.

На состоявшемся 10 января 1984 г. совместном заседании Центрального народного комитета (ЦНК) и Постоянного совета Верховного народного собрания (ВНС) КНДР был рассмотрен вопрос «О новых мерах по мирному решению корейского вопроса» и выдвинуто предложение провести переговоры с участием КНДР, США и Южной Кореи²⁷.

²⁵ См.: Современная история Кореи, с. 633—634.

²⁶ См.: «Нодон синмун», 12.XI.1980.

²⁷ См. там же, 11.I.1984.

Известно, что сама идея проведения трехсторонних переговоров об обеспечении прочного мира в Корее с участием на равных правах США, Южной Кореи и КНДР принадлежит Вашингтону, выдвинувшему ее еще в 1979 г. Выступая в южнокорейском парламенте в ходе своего визита в Сеул в ноябре 1983 г., президент Р. Рейган заявил о готовности США провести переговоры с КНДР, в которых участвовали бы и южнокорейские власти. С подобными предложениями США неоднократно обращались к КНДР и конфиденциально²⁸.

В КНДР справедливо считают, что такие переговоры дадут возможность обсудить вопросы ликвидации напряженности на Корейском полуострове, создания благоприятных предпосылок для мирного объединения страны, позволят найти рациональный выход из создавшегося здесь положения в соответствии с интересами представленных сторон.

В этих целях КНДР предлагает в первую очередь рассмотреть на трехсторонних переговорах вопрос о заключении корейско-американского мирного соглашения вместо соглашения о перемирии от 1953 г., которое бы юридически положило конец корейской войне, и о выводе американских войск из Южной Кореи. «Подписание корейско-американского мирного соглашения и вывод из Южной Кореи американских войск, — подчеркивается в сообщении о совместном заседании ЦНК и Постоянного совета ВНС КНДР, — являются основным залогом прочного мира в Корее и предпосылкой для осуществления корейским народом дела объединения на самостоятельных началах без вмешательства извне»²⁹.

Другим важнейшим вопросом, предлагаемым КНДР в повестку дня переговоров, является принятие декларации о ненападении между Севером и Югом, которая предусматривала бы взаимное обязательство сторон о неприменении вооруженных сил друг против друга, резкое сокращение численности войск и вооружений, устранение состояния военной конфронтации на Корейском полуострове.

После достижения соглашения по этим двум вопросам, отмечалось на совместном заседании, было бы возможно решение вопроса объединения Кореи на основе согласованных принципов заявления Севера и Юга от 4 июля 1972 г. путем создания конфедеративной республики и созыва в этих целях общенациональной конференции.

Проявляя гибкость и добрую волю в подходе к урегулированию в Корее, КНДР выразила готовность обсудить на трехсторонних переговорах и другие вопросы по предложению США или Южной Кореи.

Центральный народный комитет и Постоянный совет ВНС КНДР направили письма правительству и конгрессу США, а также сеульским властям, в которых изложено содержание новых мер по мирному решению корейского вопроса. В этих документах США и Южной Кореи предлагается принять участие в трехсторонних переговорах.

Высший орган государственной власти КНДР — Верховное народное собрание — на очередной сессии в конце января 1984 г. подтвердил предложения КНДР, рассмотрев вопрос «О создании гарантий мира в Корее и ускорении самостоятельного мирного объединения родины». В результате было принято постановление и Обращение к парламентам и правительствам стран мира.

В ответ на политическую инициативу КНДР Вашингтон, изменив свое отношение к идее трехсторонних переговоров и пытаясь уйти от обсужде-

²⁸ См.: «Нодон синмун», 25.I.1984. В этой связи весьма характерен комментарий журнала «Фар истери экономик ревью». Отмечая компромиссный характер предложений КНДР, журнал указывает, что выдвинутым этой инициативы Пхеньяна фактически «отказывается от своей позиции, которой он придерживался в течение длительного времени, — не иметь прямых контактов с сеульским правительством Чон Ду Хвана». Новые предложения Севера в принципе согласуются с ранее выдвигавшейся идеей Сеула о «заключении пакта о ненападении и других мерах доверия». — «Far Eastern Economic Review», January 26, 1984, vol. 123, N 4, p. 12.

²⁹ «Нодон синмун», 11.I.1984.

ния вопроса о выводе американских войск с Юга Корейского полуострова, выдвинул предложение о двусторонней встрече Севера и Юга Кореи. Такую же позицию занял и Сеул.

В развитие северокорейской мирной инициативы премьер Административного совета КНДР Кан Сен Сан 7 марта 1984 г. обратился с письмом к премьер-министру Южной Кореи Чин И Чону, в котором выражено непонимание позиции сеульских властей, отказывающихся от трехсторонних переговоров. Пхеньян, отмечается в послании Кан Сен Сана, готов к контактам с Сеулом, если южнокорейская администрация будет иметь соответствующие прерогативы, а именно: право командования собственной армией (известно, что объединенными силами США и Южной Кореи командует американский генерал), добьется вывода войск США с Юга Корейского полуострова, получит право на замену соглашения о перемирии мирным соглашением и изъявит готовность подписать декларацию о ненападении между Севером и Югом³⁰. В таком случае КНДР может приступить к внутрикорейскому диалогу, видя в нем реальный путь решения корейской проблемы.

Таким образом, выражая волю корейского народа, Трудовая партия Кореи и правительство КНДР прилагают усилия для того, чтобы Корея была единой. У тех, кто действительно стремится к миру и не желает конфронтации на Корейском полуострове, нет недостатка в инициативах и предложениях, осуществление которых могло бы привести к мирному урегулированию на Корейском полуострове.

* * *

Вопрос о мирном демократическом урегулировании в Корее весьма остро стоит в повестке дня современной международной политической жизни. Борьба корейского народа за нормализацию положения на полуострове — составная часть борьбы всех народов за устранение угрозы ядерной войны, против дальнейшей гонки вооружений, за мир, безопасность и социальный прогресс.

В этой борьбе Советское государство всегда находилось и находится на стороне КНДР. В ходе визита в СССР в мае 1984 г. корейской партийно-государственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК ТПК, президентом КНДР Ким Ир Сеном с советской стороны была вновь подтверждена солидарность со справедливой борьбой корейского народа за воссоединение своей родины. «Советский Союз, — подчеркивал товарищ К. У. Черненко, — последовательно выступает за то, чтобы Корея была воссоединена мирным путем, на демократической основе, после вывода из Южной Кореи американских войск. Такова наша твердая, неизменная позиция. Мы поддерживаем важные инициативы КНДР, предусматривающие подписание мирного договора взамен существующего соглашения о перемирии, принятие декларации о ненападении между Севером и Югом, взаимное сокращение вооруженных сил, превращение Корейского полуострова в безъядерную зону. Реализовать эти предложения — значит существенно оздоровить обстановку в Корее, создать благоприятные условия для продуктивного диалога между Севером и Югом»³¹.

³⁰ См.: «Нодон синмун», 8.III.1984.

³¹ «Правда», 24.V.1984.

Модернизация сельского хозяйства КНР: вопросы капитальных вложений

З. А. МУРОМЦЕВА,
кандидат экономических наук

Выход Китая на современный путь развития сельского хозяйства, с которым в стране связано свыше 800 млн. человек, представляет по многим направлениям сложнейшую проблему. Экономическая база деревни остается чрезвычайно отсталой. На Всекитайском совещании по работе в деревне в ноябре 1983 г. отмечалось, что с введением семейного подряда, который называют «крупномасштабной и смелой реформой», «в целом вопросов возникает все больше и они становятся все более сложными»¹. В числе неразрешенных проблем наряду с такими, как выработка политических установок, усовершенствование положений о землепользовании, упразднение народных коммун и создание новых форм хозяйственной организации в деревне, повышение экономической эффективности сельского хозяйства, выдвигаются, возможно, более частные в сегодняшней ситуации, но по значимости серьезные проблемы, касающиеся создания инфраструктуры в деревне (в первую очередь ирригационных сооружений, транспортной сети), обеспечения сельского хозяйства источниками энергии, распространения в селе науки и техники, культуры и образования.

Необходимость крупных мелиоративных работ, строительства дорог, электростанций, линий электропередач, поддержания на соответствующем уровне плодородия почвы, истощающейся в результате интенсивного использования, освоения новых земель как взамен пахотных площадей, выбывающих из-за промышленного, жилищного и других видов строительства, так и для обеспечения ими быстро растущего населения, требует значительных сумм капитальных вложений.

Без определенных затрат не может быть осуществлено и ускорение развития сельского хозяйства на основе достижений науки и техники, так как внедрение агротехнических новшеств требует выделения капитальных вложений на информацию, обучение и пр., то есть на формирование нового для Китая компонента инвестиционной структуры.

Как отмечалось в «Решении ЦК КПК по некоторым вопросам ускоренного развития сельского хозяйства» (1979), развитие сельского хозяйства шло «извилистым путем», «поддержка сельского хозяйства со стороны государства была недостаточной, техническая реконструкция сельского хозяйства не выдвигалась в качестве центральной задачи и за нее не взялись по-настоящему»².

Рассмотрим подробнее структуру формирования и основные направления капитальных вложений в сельское хозяйство со времени образования КНР. Источниками капиталовложений в эту отрасль являются бюджетные средства, выделяемые государством, и внутренние накопления сельского хозяйства.

¹ «Жэньминь жибао», 18.I.1984.

² Там же, 6.X.1979.

Средства, расходуемые из госбюджета на капиталовложения в сельское хозяйство, согласно официальным сообщениям, используются на освоение целинных земель, лесонасаждения, сооружение крупных ирригационных объектов, шоссейных дорог, телеграфной связи, крупных хранилищ и пр.

Хозрасчетные единицы в деревне (в подавляющем большинстве до последнего времени — производственные бригады) обеспечивали капитальные вложения за счет собственных средств в мелкие и средние ирригационные сооружения, в строительство мелких гидроэлектростанций, дорог местного значения, хранилищ, мастерских по ремонту и производству сельскохозяйственных орудий.

При рассмотрении вопроса капиталовложений в сельское хозяйство следует принять во внимание и долгосрочные сельскохозяйственные кредиты, часть которых также расходуется на нужды капитального строительства (в годы первой пятилетки эта часть составляла чуть более 20 % от суммы кредита).

Хотя государственные капиталовложения составляют значительно меньшую долю по сравнению с капиталовложениями, идущими на капитальное строительство из внутренних накоплений сельского хозяйства, они тем не менее являются главным источником проникновения наиболее прогрессивных форм технического и технологического развития в традиционную структуру сельскохозяйственного производства. Поэтому первоначально остановимся на динамике развития государственных капиталовложений. До начала 80-х годов в государственных капиталовложениях в сельское хозяйство от 60 до 70 % занимали расходы на строительство ирригационных сооружений.

По сравнению с ирригационным строительством растениеводство и животноводство получали до начала 80-х годов значительно меньшие суммы капитальных вложений. Так, в 1957 г. в ирригационное строительство было вложено 0,7 млрд. юаней (61,5 %), в сельское хозяйство (кроме лесного хозяйства, водного промысла и метеорологии) — 0,4 млрд. юаней (35,9 %), в 1965 г. соответственно 1,5 (60,7 %) и 0,7 (29,5 %), в 1975 г. — 2,6 (67 %) и 0,9 (22,3 %), в 1979 г. — 3,5 (72,7 %) и 0,6 (12,8 %), в 1982 г. — 1,8 (52 %) и 1,3 млрд. юаней (37,3 %) ³.

В 80-е годы уменьшилось число крупных и средних сельскохозяйственных объектов, введенных в строй действующих. В 1982 г. в сельском хозяйстве и ирригационном строительстве не было введено ни одного такого объекта, в 1981 г. их было введено четыре. В 1983 г. положение несколько изменилось. Из общей суммы государственных капиталовложений, составившей 3,5 млрд. юаней, в ирригационное строительство было направлено 2,1 млрд. юаней ⁴, то есть 59 %.

Капиталовложения в новейшие мероприятия в области сельского хозяйства (улучшение агротехники, создание научно-исследовательских учреждений и т. д.) в 1981 г. составили сумму 584 млн. юаней, в 1982 г. — 876 млн. юаней, в 1983 г. — 685 млн. юаней, то есть соответственно 2,6 %, 3 и 1,9 % от общей суммы вложений в новейшие мероприятия по преобразованию различных отраслей экономики ⁵. В 1983 г. на проведение сельскохозяйственных исследований и развитие агротехники было использовано около 1 млрд. юаней ⁶. Намечившаяся тенденция прогрессивна, но для ее закрепления и дальнейшего развития необходимы более высокие и стабильные темпы увеличения прироста государственных капиталовложений.

³ По данным «Чжунго нунъе няньцзянь — 1980». Пекин, 1981, с. 41; «Чжунго тунцзи няньцзянь — 1983». Пекин, 1983, с. 333.

⁴ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1984. Пекин, 1984, с. 314.

⁵ См. там же, с. 361. Чжунго тунцзи чжайяо — 1984. Пекин, 1984, с. 71.

⁶ См.: «Цзинцзи жибао», 20.III.1984.

Наиболее ощутимо уменьшение государственных капиталовложений в сельское хозяйство в начале 80-х годов отразилось на введении основных фондов в ирригационном строительстве. Суммы вновь введенных основных фондов в растениеводстве и животноводстве сравнивались с аналогичным показателем в области ирригационного строительства, причем за счет сокращения ввода основных фондов в ирригационном строительстве. Вновь созданные основные фонды в ирригационном строительстве в 1981—1982 гг. составляли в среднем менее 1,1 млрд. юаней⁷. Это значительно ниже их среднего уровня в 1975—1980 гг., когда в ирригационном строительстве ежегодно вводилось почти 1,8 млрд. юаней основных фондов.

В начале 80-х годов удельный вес государственных капиталовложений в сельское хозяйство в общей сумме капиталовложений госбюджета КНР составлял менее 7 % (в 1953—1978 гг. он в среднем превышал 11 %), в шестой пятилетке он запланирован в размере 6,1 %.

Опубликованные статистические данные по пятилеткам показывают динамику государственных капиталовложений в сельское хозяйство в целом, в том числе затраты на ирригационное строительство.

Таблица

**Динамика государственных капиталовложений в сельское хозяйство
и рост орошаемых площадей по периодам**

Годы	1953— 1957	1958— 1965*	1966— 1970	1971— 1975	1976— 1980	1981— 1985 (план)
Назначение						
I. Капиталовложения в народное хозяйство — всего (в млрд. юаней)	58,8	162,8	97,6	176,4	234,2	230,0
Сельское хозяйство (млрд. юаней)	4,2	21,0	10,4	17,3	24,6	14,1
в том числе: ирригационное строительство	2,5	13,6	6,9	11,9	15,3	5,2**
II. Увеличение орошаемых площадей (млн. га)	7,4	5,7	2,9	7,3	1,6	1,3

Источники: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1984, с. 306, 308, 314; Чжунхуа жэньминь гунхэго. Гоминь цинцзи хэ шэжуэй фачжань дилюэ унянь цзихуа, 1981—1985. Пекин, 1983, с. 26.

* В промежутке с 1958 по 1965 г. китайская статистика выделяет вторую пятилетку (1958—1962), сорванную политикой «большого скачка», и период «урегулирования» 1963—1965 гг. Поскольку к 1965 г., по существу, закончились восстановление и стабилизация народного хозяйства страны, разоренного экспериментами «большого скачка», то целесообразнее объединить эти годы.

** 1981—1983 гг. (факт.)

Как показывает таблица, наиболее результативными были капиталовложения в ирригационное строительство в период осуществления первого пятилетнего плана. Площадь орошаемых земель за этот период возросла на 7,4 млн. га и составила в 1957 г. 27,3 млн. га⁸.

В последующие годы, с 1958 по 1980 г. включительно, в сельское хозяйство было вложено более 73 млрд. юаней, из них почти 48 млрд. юаней в ирригационные сооружения (свыше 65 % от общей суммы капиталовложений в сельское хозяйство). Орошаемые площади увеличились за этот период на 17,5 млн. га.

В связи с ростом населения показатель орошаемых площадей в расчете на одного сельского жителя практически остался на уровне второй половины 50-х годов, составляя 0,05 га.

⁷ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1983, с. 346.

⁸ См.: Чжунго тунцзи чжайяо — 1983, с. 33. По оценке сборника «Великое десятилетие» (Пекин, 1959, с. 115), площадь орошаемой земли в 1957 г. составляла 34,3 млн. га.

К началу 80-х годов орошаемые площади в КНР увеличились до 45 млн. га, то есть составили почти половину всей пашни. По данным ГСУ КНР, на более чем 56 % орошаемых земель орошение производилось при помощи электроэнергии. Однако показатели орошаемой земли и фактически политых площадей во многих районах не совпадают. В китайской прессе указывалось, что от одной четвертой до половины так называемых орошаемых земель практически в целом ряде мест не орошалось⁹.

С 1980 по 1982 г. официальная статистика КНР констатировала сокращение орошаемых площадей в стране. Если в 1979 г. они достигли рекордного в истории КНР уровня — 45 млн. га., то в 1980 г. они составили 44,89 млн. га, в 1981 г. — 44,57 млн. га, в 1982 г. — 44,17 млн. га¹⁰, то есть за три года площадь орошаемых земель сократилась на 830 тыс. га.

По всей видимости, значительную роль в этом сыграло уменьшение государственных капитальных вложений, а также неналаженность ремонтных работ ирригационной системы в связи с введением семейного подряда.

Действительно гарантированные от засух и наводнений площади в настоящее время не превышают 20 млн. га. В 1983 г. площадь орошаемых земель стала возрастать и составила 44,64 млн. га¹¹.

Объем капитальных вложений, запланированный на шестую пятилетку (1981—1985), составляет немногим более 57 % от уровня капитальных вложений в сельское хозяйство в 1976—1980 гг. В области ирригационного строительства с помощью государственных средств проводятся работы в бассейнах рек Хуанхэ, Янцзы, Хуайхэ и Хайхэ в целях повышения способности противостоять паводковым водам. В течение пяти лет намечено расширить орошаемые площади на 1,334 млн. га. На северо-западе страны будут продолжены работы по лесонасаждениям и борьбе с выветриванием почв, в районах северного и северо-восточного Китая также будут проводиться мероприятия по борьбе с эрозией почвы. Наряду с этим государство примет участие в создании баз товарного зерна в провинции Хэйлуцзян, Цзянси, Хунань и Аньхой, а также в некоторых других мероприятиях. В 1983 г. Госсовет КНР потребовал ускорения создания баз товарного зерна, отметив, что работы ведутся недостаточно быстро.

До начала 80-х годов в народных коммунах и бригадах от 50 до 60, а в некоторых до 80 % основных фондов составляла сельскохозяйственная техника. Тем не менее, по официальным данным, в 30 % народных коммун не было специальных подразделений, которые управляли бы имеющимися сельскохозяйственными механизмами. В результате возрос процент простоев, сельскохозяйственная техника использовалась не по назначению, хозрасчетные единицы не желали применять механические устройства. К середине 1979 г. на складах Всекитайской компании сельскохозяйственной техники лежала нереализованная продукция на сумму 7 млрд. юаней¹².

Рост государственных капитальных вложений в сельское хозяйство в 60—70-х годах в целом не оказал существенного влияния на увеличение производительности труда и повышение научно-технического уровня подавляющей массы крестьянства. Отставание темпов роста производительности труда в сельском хозяйстве от темпов роста вооруженности основными средствами производства в расчете на одного ра-

⁹ См.: «Гуанмин жибао», 10.V.1980.

¹⁰ См.: Чжунго тунцзи чжайяо — 1983. Пекин, 1983, с. 33.

¹¹ Чжунго тунцзи чжайяо — 1984, с. 38.

¹² См.: «Жэньминь жибао», 16.V.1979.

ботника привело к удорожанию себестоимости сельскохозяйственной продукции и резко снизило эффективность капитальных затрат.

Основные фонды в сельском хозяйстве в 1982 г. превысили 100 млрд. юаней (для сравнения: в 1957 г. их сумма составляла 15,5 млрд. юаней). Ежегодные темпы прироста основных фондов в сельском хозяйстве с 1957 по 1978 г. составляли в среднем 9,2 %¹³, при этом производительность труда в сельском хозяйстве за указанный период возросла лишь на 1 %, а по другим, также официальным китайским данным, она снизилась на 4 %.

Главным источником капитальных вложений в деревне остаются внутренние накопления сельского хозяйства. На конец 70-х годов, по расчетным данным, накопления в китайской деревне составляли 6—7 млрд. юаней ежегодно¹⁴. Повышение нормы накопления посредством принудительных бюджетно-денежных методов не способствовало росту массы накопления, а, напротив, вызвало ее стагнацию. Накопления прошлого труда, включающие орудия и предметы труда, а также способность работников к труду, проявляющаяся в уровне квалификации рабочей силы, по существу, происходили в основном лишь за счет количественной прибавки овеществленного труда, реализованного в механизмах (главным образом в дорогостоящих тракторах). Эту технику значительная часть хозрасчетных единиц зачастую вынуждена была покупать у государства не в силу ее необходимости, а ради формального выполнения лозунга «осуществить механизацию до 1980 г.». Из 200 млн. л. с. энергетических мощностей сельскохозяйственной техники в 1981 г. эффективно использовалось лишь 20 %¹⁵, остальные простаивали из-за недостатка горючих и смазочных материалов, отсутствия запасных деталей, квалифицированных кадров, умеющих управлять механизмами, и т. д.

В условиях народных коммун создавалось положение, при котором крестьяне не были заинтересованы в результатах своего труда. Незаинтересованность крестьян в результатах коллективного труда вела к тому, что инвентарь в коллективном хозяйстве выходил из строя во много раз быстрее, чем в индивидуальном, и такое положение стало правилом.

У крестьян, по существу, не было не только средств, но и стимулов для капитальных вложений в собственное хозяйство. Привычность низкого материального уровня производства, стагнация стандартов потребления в китайской деревне делали рост семьи единственным стимулом к накоплению и последующим вложениям в особенности тогда, когда крестьянам разрешили иметь приусадебный участок и заниматься домашними подсобными промыслами. Капиталовложения, обеспечивающие поддержание прежнего подушевого уровня производства, практически являлись единственным стимулом накоплений в сельском хозяйстве на протяжении двух с половиной десятилетий со времени создания народных коммун.

С введением семейного подряда в сельском хозяйстве возникли новые проблемы, касающиеся накопления средств и политики капитальных вложений в сельскохозяйственное производство. С одной стороны, с ростом интенсификации ручного труда в связи с появлением осязаемой материальной заинтересованности у крестьян значительно возросли доходы и стремление их увеличить. В китайской печати отмечается, что в 1981 г. доходы крестьян увеличились на 48,5 % по сравнению с 1977 г.¹⁶ С другой стороны, как подчеркивается в жур-

¹³ См.: Чжунго нунъе няньцзянь — 1980, с. 339.

¹⁴ Оценка в соответствии с данными журнала «Нунъе цзинцзи вэньпи» (1980, № 2, с. 33): накопления на 1 му в среднем составляют 4,16 юаня. По данным других источников, накопления в китайской деревне составляли 8—9 млрд. юаней.

¹⁵ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1982, № 5.

нале ЦК КПК «Хунци», встала проблема, «как приспособить пути формирования и способы использования внутренних накоплений сельского хозяйства к новым обстоятельствам, при которых главным является разрозненное нецентрализованное хозяйство»¹⁷.

Распределение производственных заданий по дворам привело к резкому сокращению отчислений в общественные фонды производственных бригад. За 3 года (1979—1981) они снизились почти на четверть, при этом особенно уменьшились отчисления в фонд накопления. Если в 1979 г. отчисления в фонд накопления производственных бригад составляли 8,7 млрд. юаней, то в 1981 г. они составили всего лишь 4,8 млрд. юаней, то есть снизились более чем на 40 %.

В настоящее время считается, что коллективная организация в форме бригады, заключая контракт, поддерживает с крестьянскими дворами договорные отношения по производству и сбыту продукции, то есть по-прежнему сохраняет «некоторые функции централизованного хозяйства»¹⁸. По контракту крестьянский двор обязуется поставить государству определенное количество сельскохозяйственной продукции, а коллектив в свою очередь должен обеспечить крестьянскую семью средствами производства, включая орудия труда, химические удобрения, средства борьбы с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений и пр.

Но, как констатирует китайская печать, в некоторых сельских районах система контрактов еще не создана, в других, хотя и создана, но ее необходимо усовершенствовать, кроме того, в целом ряде мест контракты превратились в односторонние долговые обязательства крестьян. Там, где контракты соблюдают односторонне лишь крестьянские дворы, имеет место административное воздействие на крестьян, самовольное изменение кадровыми работниками контрактов, крестьяне лишены возможности защищать свои законные интересы, что ведет к снижению их производственной активности. Несоблюдение контрактов со стороны коллектива наносит ущерб не только крестьянам, но и в конечном итоге, как подчеркивается в печати, может нанести урон интересам государства и коллектива. Поэтому «ни в коем случае нельзя отказываться от контрактов, заменять их в зависимости от мнения отдельных людей», «контракты не являются односторонним долговым обязательством крестьянских дворов»¹⁹.

Соблюдение контрактов со стороны коллективов легче осуществить в крепких коллективных хозяйствах, располагающих достаточными финансовыми и материальными средствами. Но в настоящее время для дворов нет единых нормативов отчислений в коллективные фонды, хотя эти отчисления считаются важнейшим составным элементом коллективной экономики. Многие дворы либо вообще не передают средства в коллективный фонд бригады, либо отчисляют очень мало.

При семейном подряде весь объем сельскохозяйственных работ доводится до двора. Сами дворы стали отвечать за прибыли и убытки. Но двор ведет хозяйство на коллективной земле, коллектив является единым владельцем и пользователем земли, ирригационные сооружения находятся в ведении государства²⁰.

Если до начала 80-х годов средства для технической реконструкции деревни предоставлялись в большинстве случаев в форме безвозмездных государственных вложений и банковских кредитов, а машины

¹⁶ См.: «Хунци», 1983, № 9, с. 21.

¹⁷ Там же, с. 22.

¹⁸ Там же, с. 22.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 4.IV.1983

²⁰ См.: Тезисы Всекитайского совещания по работе в деревне. — «Жэньминь жибао», 6.IV.1982.

распределялись посредством централизованных закупок и сбыта, то при полном семейном подряде крестьяне фактически взяли на себя большую часть капиталовложений. Они сами расплачиваются за работы по механизированной обработке земли, ремонту сельскохозяйственной техники, горюче-смазочные материалы, оплачивают химические удобрения, ядохимикаты, электроэнергию и т. д. Производственная бригада — основная хозрасчетная единица в сельском хозяйстве до введения подрядной системы — утратила свои возможности аккумулировать материальные и финансовые средства для ведения капитального строительства. Собственные источники финансовых поступлений сохраняются лишь в тех случаях, когда бригады (комитеты сельских жителей) имеют промышленные предприятия.

Хотя во многих районах продолжают изымать деньги на коллективные нужды, их объем резко снизился. Имеются районы, где налоги не сдают, а предназначенные на эти цели денежные средства распределяют между членами коммун. Таким образом, часть накоплений концентрируется не в руках коллектива, а у отдельных крестьянских дворов. Объем денежных средств для коллективных накоплений снизился в 1980 г. по сравнению с 1979 г. на 15,2 %, а в 1981 г. по сравнению с 1980 г. еще на 11,2 % ²¹.

Общая сумма финансовых средств, затраченная коллективными хозяйствами на капиталовложение в основные фонды в сельском хозяйстве, составила в 1982 г. 13,1 млрд. юаней, в 1983 г. — 11,1 млрд. юаней, или соответственно 10,9 % и 8,1 % от суммы всех капитальных вложений в основные фонды страны ²².

В соответствии с выборочными данными ГСУ, в общих доходах крестьян возросла доля доходов от домашнего подсобного хозяйства, в период с 1978 по 1981 г. она увеличилась с 33,7 % до 48 % ²³. Как правило, с этой части доходов не производятся отчисления в общественные фонды (в том числе и в фонд накопления). По мнению китайской печати, это явилось одной из причин, вызвавших уменьшение отчислений в коллективные фонды, так как почти половина денежных средств в обследованных районах не была учтена.

В большинстве крестьянских семей накопленные сбережения сложно разделить на производственное накопление и личное потребление вследствие реально существующих трудностей. Низкий жизненный уровень подавляющей массы китайских крестьян и отсутствие его улучшения на протяжении двух десятилетий обусловили чрезвычайно плохие жилищные условия, отсутствие многих предметов домашнего обихода и даже необходимой одежды. Поэтому увеличение доходов в крестьянских семьях в последние годы дало возможность части крестьян наесться досыта и купить одежду, а другим — отремонтировать жилье, приобрести товары длительного пользования (велосипеды, часы, швейные машины, радиоприемники и т. д.) и начать строительство новых домов.

Статистические данные 1979—1981 гг. показывают, что возросшие доходы крестьян используются преимущественно на непроизводственные цели: питание, покупку товаров широкого потребления и индивидуальное жилищное строительство. Так, например, объем розничного оборота товаров широкого потребления увеличился в 1980 г. по сравнению с 1979 г. на 33,8 %, а в 1981 г. по сравнению с 1980 г. еще на 15,7 % ²⁴. В 1980—1981 гг. площадь индивидуального жилищного строи-

²¹ См.: «Хунци», 1983, № 9, с. 22.

²² Чжунго тунцзи чжайяо — 1983, с. 57; Чжунго тунцзи чжайяо — 1984, с. 63.

²³ См. там же, с. 23.

²⁴ См.: «Хунци», 1983, № 9, с. 23.

тельства на селе составила 1,1 млрд. м², в 1982—1983 гг. — 1,3 млрд. м². В 1982 г. объем индивидуальных капиталовложений в жилищное строительство в деревнях составил 16,9 млрд. юаней, в 1983 г. поднялся до 24,4 млрд. юаней²⁵, что составляет небывало высокую сумму за последние десятилетия. В то же время объем коллективных расходов на производство в бригадах и коммунах в 1980 г. по сравнению с 1979 г. увеличился менее чем на 3 %, а в 1981 г. по сравнению с 1980 г. снизился на 2 %²⁶.

Сбережения, сосредоточенные в сельском хозяйстве и составляющие, по данным китайской печати, 70 млрд. юаней²⁷, не были израсходованы на приобретение современных средств производства для расширения производства. Если в 1980 г. розничный оборот средств производства сельского хозяйства возрос по сравнению с 1979 г. на 6,8 %, то в 1981 г. он почти не вырос²⁸.

По данным ежегодника «Сельское хозяйство Китая — 1980», долгосрочные банковские ссуды использовались в китайской деревне для строительства промышленных предприятий (с выплатой 3,6 % ежемесячно), для строительства сельскохозяйственных предприятий (с выплатой 1,8 % ежемесячно), для капитального строительства в бригадах (с выплатой 1,8 % ежемесячно), на нужды механизации сельского хозяйства (этот вид кредитования производился без выплаты процентов сроком до 15 лет)²⁹.

В 50-е и 60-е годы долгосрочные и краткосрочные займы производились циклически (то есть выданные кредиты после возвращения выдавались вновь), с тем чтобы государство не вкладывало новых средств. Со времени «культурной революции» и до середины 70-х годов сельское хозяйство не получало кредитов. В широких масштабах кредитование сельского хозяйства было возобновлено в конце 70-х годов. В 1982 г. долгосрочные государственные кредиты сельскому хозяйству составили около 3 млрд. юаней.

Так как прямые капиталовложения в сельское хозяйство в настоящих условиях делать трудно, в Китае большие надежды возлагают на банковские кредиты международных организаций и отдельных стран. С конца 70-х годов иностранные кредиты используют для мероприятий по охране земельных угодий, сооружению гидротехнических объектов, созданию животноводческих ферм, проведению научных исследований в области сельского хозяйства и т. д. Так, в 1982 г. Госсовет КНР утвердил программу преобразования 200 тыс. га засоленных и щелочных земель на Северо-Китайской равнине. Из 350 млн. юаней, которые требуются для ее осуществления, 120 млн. юаней в виде беспроцентной ссуды предоставил Китаю Международный банк реконструкции и развития. МБРР также ссудил Китаю кредиты на сумму 74 млн. долл. для проведения научных исследований в области сельского хозяйства и 60 млн. долл. для подъема целинных земель на Северо-Китайской равнине. С помощью МБРР планируется наладить производство уборочных комбайнов и тяжелых тракторов мощностью 130—160 л. с.³⁰ С 1977 по февраль 1984 г. было подписано 91 соглашение о помощи и льготных кредитах сельскому хозяйству и заключены контракты на общую сумму 606,8 млн. ам. долл.³¹

В целом, однако, государственный кредит как механизм направления денежных средств в сельское хозяйство страны для обеспечения

²⁵ См.: Чжунго тунцзи чжайяо — 1983, с. 57, Чжунго тунцзи чжайяо — 1984, с. 63.

²⁶ «Хушци», 1983, № 9, с. 23.

²⁷ См.: «Жэньминь жибао», 7.IX.1983.

²⁸ См.: «Хушци», 1983, № 9, с. 23.

²⁹ См.: Чжунго тунцзи чжайяо — 1980, с. 335.

³⁰ In: «China Business Review», 1982, November—December, vol. 9, N 6, p. 21.

³¹ In: «China Daily», 23.II.1984.

его современными средствами производства и увеличения платежеспособного спроса на них, по существу, находится в стадии становления.

Для капитального строительства в сельском хозяйстве планируется шире привлекать различные формы вкладов населения в сберкассы и свободных средств общественных фондов.

Важнейшей целью государственной кредитной политики должно стать стимулирование производительного использования ссуд для создания материально-вещественных предпосылок расширения применения современных средств производства.

Преодоление экономической отсталости китайской деревни состоит не только в решении проблемы внутренних накоплений, но и в необходимости придания им соответствующей производительной формы. Внедрение же передовой техники и технологии в сельском хозяйстве связано с необходимостью развития производства современных отраслей промышленности, обслуживающих сельское хозяйство, что в значительной степени зависит от импорта из-за рубежа. В настоящих условиях низкопроцентные долгосрочные займы, включая правительственные кредиты и кредиты международных финансовых организаций, приобретают для КНР заметную роль, но в процентном отношении их удельный вес бесконечно мал.

В структуре капитальных вложений в сельское хозяйство на начало 80-х годов государственные капиталовложения и долгосрочные кредиты, используемые на цели капитального строительства, занимали примерно 21 %, и почти 79 % приходилось на внутренние капиталовложения сельского хозяйства. Абсолютная сумма годовых капиталовложений в предприятия коллективной и государственной собственности в сельском хозяйстве на начало 80-х годов ниже среднего уровня конца 70-х годов. В 1982 г. она составила 15,6 млрд. юаней³², в 1983—1984 гг. существенных изменений в этой области не произошло.

В структуре целевого назначения сбережений крестьян капитальные вложения в землю, в образование значительно уступают таким статьям, как строительство жилья, покупка товаров длительного пользования, текущее потребление, расходы на свадьбы и похороны.

В настоящих условиях коллектив не может диктовать крестьянскому двору, какую часть денежных накоплений последний должен направить на расширение производства. Китайская печать призывает крестьян добиваться оптимального соотношения между накоплением и потреблением³³.

С точки зрения перспектив развития сельского хозяйства, как указывает китайская пресса, необходимо заботиться об обеспечении факторов расширенного воспроизводства в этой отрасли. При этом необходимо поощрять трудовые накопления для осуществления капитального строительства сельскохозяйственных угодий (выравнивание и расчистка земель, строительство небольших ирригационных сооружений, противоэрозионные работы и т. д.), а также помогать развитию производственных объединений крестьян. В этих объединениях должна концентрироваться часть личных сбережений, которая будет направляться в основном для покупки дорогостоящих средств производства, так как в китайской деревне очень низок коэффициент использования современных сельскохозяйственных орудий, приобретаемых крестьянскими дворами индивидуально.

По данным статистических органов КНР, капитальные вложения в производство сельскохозяйственной техники, химических удобрений и

³² Подсчитано по сборнику: «Чжунго тунцзи чжайяо — 1983», Пекин, 1983, с. 57, 61.

³³ См.: «Хунци», 1983, № 9, с. 23.

ядохимикатов не включаются в сумму госбюджетных капиталовложений в сельское хозяйство. Тем не менее появившиеся в последнее время статистические данные дают довольно полное представление о направлении их использования.

Наиболее крупные капиталовложения были сделаны в производство химических удобрений и ядохимикатов, а также в производство сельскохозяйственной техники в 70-е годы: в 1970 г. они составили около 1,7 млрд. юаней, в 1975 г. — свыше 3 млрд. юаней, в 1978 г. — свыше 2,1 млрд. юаней, в 1979 г. — более 1,6 млрд. юаней³⁴. Подавляющая часть этих капиталовложений использовалась на строительстве импортированных Китаем заводов по производству химических удобрений. Капиталовложения в производство сельскохозяйственной техники в 70-е годы составляли в среднем 500 млн. юаней в год. В начале 80-х годов государственные капиталовложения в производстве средств производства для сельского хозяйства сократились: в 1981—1983 гг. капиталовложения в производство сельхозтехники в среднем составили 108 млн. юаней, в производство химических удобрений и ядохимикатов — немногим более 550 млн. юаней³⁵.

Экономическая и техническая отсталость сельского хозяйства ставит преграды на пути развития рынка современных средств производства. Крестьяне используют и будут использовать примитивные орудия труда, или произведенные в деревне самими, или приобретенные у других крестьян за натуральную плату.

Если не будет государственной помощи и направляющей роли коллективного хозяйства, то большинство крестьян будет прибегать к услугам традиционного ремесла и мелкой местной промышленности не в силу косности и привычки, а скорее потому, что производимый и особенно остающийся у них прибавочный продукт слишком мал, его достаточно лишь для приобретения традиционных средств труда, а это в конечном итоге окажет депрессивное воздействие на общее состояние производительных сил в сельском хозяйстве.

Развитие товарно-денежных отношений в китайской деревне, наметившееся в последнее время, при целенаправленной деятельности государства может постепенно формировать тип производства, ориентированный на рынок, создавать условия перехода крестьянских хозяйств к более совершенным средствам производства.

В связи с этим особенно остро встает проблема увеличения производства промышленности КНР и снабжения сельского хозяйства средствами производства повышенного спроса. Если денежные накопления, имеющиеся у крестьян, не могут в подходящее время превратиться в средства расширенного воспроизводства, то они становятся либо деньгами, запрятанными в кубышки, либо расходуются на текущее потребление. Поэтому мнение китайских экономистов о том, что денежные средства, необходимые для технического перевооружения сельского хозяйства Китая, можно получать с самих крестьянских дворов в размере 100 юаней с каждого двора, а в целом 18 млрд. юаней ежегодно³⁶, оправдывается лишь частично и будет касаться главным образом развитых сельскохозяйственных районов.

Китайская печать справедливо утверждает, что «без финансовой помощи государства сельское хозяйство обойтись не может, и по мере улучшения финансового положения государства капиталовложения в сельское хозяйство могут постепенно возрасти»³⁷. На современном этапе, однако, капитальные вложения в китайской деревне, используемые на производственное накопление, сократились как по линии госу-

³⁴ См.: Чжунго пунъ няньцзянь — 1980, с. 335.

³⁵ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1983, с. 331; то же — 1984, с. 312, 313.

³⁶ См.: «Хунци», 1983, № 9, с. 22.

³⁷ Там же, с. 21.

дарственного бюджета, так и в сфере внутридеревенской экономики.

Рост валовой продукции сельского хозяйства происходит в последние годы не столько за счет внедрения современных агротехнических средств, сколько за счет интенсификации крестьянского труда.

При остроте земельной проблемы использование традиционной агротехники для повышения плодородия приобретает важное значение.

Процесс возрождения традиционной агротехники на основе внедрения семейного подряда происходит в связи с тем, что новые технологические приемы не всегда учитывали специфику китайской деревни и не привели к необходимому повышению производительности труда.

Использование традиционной агротехники семейным подрядом предотвратило падение многоотраслевого направления сельскохозяйственного производства и производительности труда.

Более тревожным является то, что государственный бюджет КНР, освободившись наполовину от бремени расходов на капитальное строительство в деревне, медленно разворачивает работу по повышению и распространению грамотности среди крестьян, по сосредоточению производственных капиталовложений на строительстве по единому плану масштабных мелиоративных сооружений (в первую очередь ирригационных и противозероизийных), государство недостаточно помогает коллективным хозяйствам выполнять контракты по обеспечению крестьян необходимыми средствами производства. Крестьянские дворы может захлестнуть мелкособственническая стихия, не способствующая росту производственных капиталовложений в интересах поступательного развития сельского хозяйства в целом.

Китайские экономисты понимают, что в ближайшее время можно потерять контроль над экономическими процессами в деревне. Но в этом случае первоочередная задача видится не в целенаправленной помощи деревне в области образования и внедрения современных технологических приемов, а в контроле над процессами потребления и увеличения производственных накоплений³⁸.

Следует отметить, что пропаганда необходимости контроля над процессами потребления и увеличения производственных вложений в 1983 г. возымела действие. В 1983 г. объем розничного товарооборота товаров широкого потребления увеличился на 11,6 % по сравнению с 1982 г., что представляет собой снижение в сравнении со средним уровнем этого показателя в 1980—1982 гг. В то же время в 1983 г. на 10,2 % по сравнению с 1982 г. повысился объем продажи средств производства сельскохозяйственного назначения (реальное повышение будет несколько меньшим, если учесть, что в 1981 г. продажа средств производства сельскому хозяйству снижалась).

По плану на 1984 г. расходы госбюджета КНР на оказание помощи сельскому хозяйству (эта статья включает и государственные капитальные вложения в сельскохозяйственное производство) составят 8,1 млрд. юаней, то есть сократятся по сравнению с 1983 г. на 6,5 %.

На всекитайском совещании по работе в деревне, состоявшемся в конце ноября 1983 г., было отмечено, что сельское хозяйство страны находится на историческом повороте от традиционного натурального производства к товарному³⁹. Чтобы этот поворот не оказался болезненным для сотен миллионов крестьян, живущих в условиях натурального и полунатурального хозяйства, видимо, должны быть предприняты действенные меры по увеличению эффективной государственной помощи сельскому хозяйству.

³⁸ См.: Сунь Сянцзянь, Пэй Чжанхун. Исследование и обсуждение вопросов, касающихся внутренних накоплений в сельском хозяйстве нашей страны на современном этапе. — «Хунцзи», 1983, № 9, с. 21—24.

³⁹ См.: «Жэньминь жибао», 18.I.1984.

АНЗЮС: лабиринты и тупики блоковой политики

В 80-е годы реакционные круги США, выступающие под флагом воинствующего антикоммунизма, превратили в плацдарм опасных милитаристских, в том числе ядерных, приготовлений обширный Тихоокеанский бассейн, который покрывает разветвленная сеть военных союзов, баз и опорных пунктов, созданных ими еще в годы «холодной войны». Вашингтон тем не менее ведет дело к созданию новых альянсов, предпринимает шаги по реанимации пришедших в упадок организаций и их интеграции в рамках всеобъемлющей военно-стратегической системы империализма в названном регионе. Во время пребывания в Японии в мае 1984 г. министр обороны США К. Уайнбергер настойчиво проводил мысль о том, что самая актуальная задача — даже не наращивание индивидуальных военных усилий союзников Пентагона по различным блокам, а их объединение и координация.

В южной и юго-западной части Тихого океана главным проводником американского влияния призвана служить (а во многом и служит) Австралия, входящая вместе с Соединенными Штатами и Новой Зеландией в блок АНЗЮС. До недавнего времени США настойчиво добивались — и не без успеха — расширения сферы деятельности этого альянса, подключения его к осуществлению уже не региональных, а глобальных функций, что на практике означало поддержку интервенционистских акций старшего партнера в различных районах развивающегося мира. На настоящем этапе, однако, Вашингтону пришлось столкнуться с ростом центробежных тенденций внутри АНЗЮС, усилением антиблоковых, антиамериканских и антиядерных настроений. Немалое раздражение вызвал у него приход к власти в Новой Зеландии лейбористского правительства, которое обещало избирателям закрыть доступ в местные порты американским кораблям с ядерным оружием на борту. Подобное намерение было воспринято в Белом доме как подрыв пакта АНЗЮС, как вызов всей блоковой политике США. В правительственных сферах США открыто выражались опасения по поводу того, что решение правительства Новой Зеландии в случае его претворения в жизнь может иметь широкий резонанс и нанести немалый ущерб стратегическим замыслам Вашингтона в Тихоокеанском бассейне.

Последние события дали новый толчок дебатам по поводу перспектив блока. Что же представляет собой данный альянс и какую роль играет он в блоковой политике США?

АНЗЮС, созданный в 1951 г., в разгар «холодной войны», можно считать проектом, сотворенным по заказу военных кругов США. Текст договора во многом совпадает с положениями Североатлантического пакта. Договор АНЗЮС предусматривает непрерывное «поддержание и развитие индивидуальной и коллективной способности отражать вооруженное нападение», что, естественно, предполагает постоянное наращивание милитаристских усилий стран-членов. Преамбула и статья 8 договора фактически представляли АНЗЮС как начальный шаг на пути «создания более обширной системы безопасности в тихоокеанском районе». Это положение, очевидно, было сформулировано с учетом периферийного значения блока с точки зрения глобальных интересов американского империализма. АНЗЮС в то время рассматривался в Вашингтоне как инструмент обеспечения «тыловой поддержки» американских планов в различных районах Азии. Пентагоновские стратеги, конечно, предпочли бы сразу создать то, что именовалось в договоре «более обширной системой». На настоящем этапе решение этой задачи мыслится уже в рамках проектируемого так называемого Тихоокеанского сообщества.

Высшим органом блока является совет АНЗЮС, сессии которого проходят ежегодно на уровне министров иностранных дел или их заместителей поочередно в каждой из стран-членов. В инфраструктуру альянса входят также группы военных советников и расположенный в Вашингтоне специальный орган для постоянных консультаций. Пакт АНЗЮС и дополнившие его соглашения санкционировали беспрепятственные заходы американских боевых кораблей и их обслуживание в портах стран-членов, использование австралийских аэродромов, а также авиабазы Крайстчерч в Но-

вой Зеландии ядерными бомбардировщиками США, обмен разведывательной информацией, размещение на пятом континенте баз Пентагона.

Военно-политические круги Австралии, поощряемые Вашингтоном, стремятся распространить деятельность АНЗЮС на обширные регионы мира. Так, Индийский океан включен в сферу деятельности блока АНЗЮС (что зафиксировано в пункте 26 коммюнике 32-й сессии совета блока, состоявшейся в Вашингтоне 18—19 июля 1983 г.). Возвращаясь с этой сессии, министр иностранных дел Австралии У. Хэйден объявил во время остановки в Гонконге о расширении австралийского военного присутствия в бассейне Индийского океана, которое, по его словам, отнюдь не будет ограничиваться примыкающей к пятому континенту зоной. При этом правительство Австралии, помимо обеспечения собственных интересов в регионе, обещало оказывать «соответствующую поддержку интересам Запада» (читай — США). Время от времени австралийские военные корабли осуществляют патрулирование в северо-западной части Индийского океана и участвуют в совместных маневрах с ВМС США. Согласно данным газеты «Острэлиан», в планы Канберры входит создание так называемой комиссии Индийского океана, которую газета определяет (надо сказать, довольно вольно) как «региональный эквивалент организации АСЕАН».

Замыслы австралийских военных, поддерживаемые Вашингтоном, простираются и на обширный район Тихого океана, где за последние годы возник ряд малых независимых государств. В упомянутом документе вашингтонской сессии АНЗЮС так и записано: «Безопасность островных государств Тихого океана тесно связана с безопасностью партнеров по АНЗЮС».

Однако считать АНЗЮС просто анахронизмом, изжившим себя порождением «холодной войны» было бы неверно. Это — действующий блок. Таким он оставался, во всяком случае, до недавнего времени. Но чьим конкретно интересам, защитой от какой угрозы он служит? Многие австралийцы и новозеландцы справедливо полагают, что выполнение вытекающих из членства в блоке обязательств само по себе подвергает их серьезной опасности. Они испытывают серьезные сомнения в том, можно ли полагаться на мудрость и благоразумие старшего партнера. «Поддержка (со стороны Австралии. — Э. Г.) международного порядка, за который стоят США, неизбежно поднимает вопрос о способности Вашингтона увязывать свои национальные цели с более широкими интересами западного сообщества, — пишет авторитетный австралийский журнал. — ...Это новая проблема для тех, кто отвечает за политику безопасности Австралии...»¹

Поскольку в существование угрозы для безопасности страны на региональном уровне мало кто верит, в определенных кругах усиленно муссируют тезис о «глобальной угрозе», источником которой, понятно, объявляется Советский Союз, и в частности его военно-морской флот. Заметим, однако, что блок АНЗЮС, как и другие агрессивные альянсы, появился на свет задолго до возникновения разговоров о «морской экспансии Советов».

Правящие круги Австралии, а в свое время и Новой Зеландии прилагали большие старания, чтобы мотивировать и как-то оправдать свое участие в блоке. Членство в нем преподносилось как доказательство принадлежности к «западному лагерю», а сам этот пакт — как нерасторжимое звено глобальной цепи. «Три союза в наибольшей мере затрагивают национальные интересы Австралии, — недвусмысленно подчеркивал в 1983 г. тогдашний министр иностранных дел А. Стрит. — АНЗЮС, НАТО и японо-американский договор безопасности»².

По-своему закономерно, что именно на Японию и Австралию возложена Вашингтоном задача проталкивать и пропагандировать концепцию «Тихоокеанского сообщества» — некоего сверхблока, призванного объединить под империалистической эгидой целую систему двусторонних и многосторонних союзов и группировок. При этом если первая преимущественно несет ответственность за северо-восточную часть бассейна, то вторая как бы «курирует» южную и юго-западную.

Однако старания пактоманов не могли заглушить настойчивых требований о выходе из блока АНЗЮС или о пересмотре его положений.

Состоявшаяся в начале сентября 1984 г. национальная конференция лейбористской партии Новой Зеландии потребовала выхода страны из всех военных союзов с ядерными державами, что подразумевает, понятно, выход и из АНЗЮС. Надо сказать, что и руководители лейбористской партии Австралии до своего прихода к власти неоднократно обещали более точно сформулировать и максимально ограничить рамки действия договора АНЗЮС. На одной из пресс-конференций в июле 1983 г. министр иностранных дел У. Хэйден утверждал, что Австралия должна играть «региональную роль... и поэтому мы должны освободиться от путаницы, которая всегда сбивала с толку наших военных стратегов, а именно от того, что ее роль носит глобальный характер». Однако широко заявленная переоценка свелась, как писала газета «Эйдж», к «подтверждению прежних деклараций о солидарности» с линией Белого дома. С точки зрения последнего блок АНЗЮС должен «дисциплинировать» младших членов, пресекать их отклонения от курса заокеанского патрона, побуждать их безостановочно наращивать свои военные усилия.

¹ «Australian Outlook», April 1983, p 24.

² Ibid., p. 18.

США сообща с Австралией побуждают шагать в ногу с ними Новую Зеландию. Как сообщала газета «Острэлиан», еще на заседании совета АНЗЮС в июле 1983 г. Вашингтон и Канберра призывали ее «приложить большие усилия для увеличения военной мощи». Давление, оказываемое на Новую Зеландию, резко возросло после состоявшихся там 14 июля 1984 г. досрочных парламентских выборов. Итоги последних дали, как известно, несомненное доказательство силы и глубины существующих анти-блоковых настроений.

В общей сложности почти две трети новозеландских избирателей высказались за запрещение заходов американских кораблей с ядерным оружием на борту и атомными силовыми установками в местные порты. Широкий размах получило движение за безъядерный статус Новой Зеландии; выдвигается также требование о пересмотре договора АНЗЮС или даже выходе страны из состава альянса.

По стечению обстоятельств выборы в Новой Зеландии состоялись за два дня до созыва очередной, 33-й сессии блока АНЗЮС, и их результаты в известной мере затенили ход ее работы³. Во всяком случае, делегация США во главе с госсекретарем Дж. Шульцем добилась включения в итоговый документ сессии положения о том, что «право доступа самолетов и кораблей союзников на аэродромы и в порты стран — членов АНЗЮС... является необходимым условием сохранения эффективности этого союза». Американские правящие круги предприняли ряд демаршей, сочетая плохо завуалированные угрозы с уговорами и внушениями. Лейбористов обвинили чуть ли не в намерении подорвать мир и стабильность «в своем регионе и во всем мире». Именно им были адресованы слова Дж. Шульца, который заявил по возвращении в США: «В конечном счете АНЗЮС — это не просто изолированный блок, предназначенный для защиты одного района земного шара; он составляет часть более широкой системы отношений, которые помогают отражать глобальную угрозу».

В Вашингтоне, да и в Канберре, которая немедленно подключилась к усилиям старшего партнера, считают, очевидно, вполне естественным, что «союзническая солидарность» обязывает новозеландских лейбористов с легкостью отказаться от предвыборных обещаний. В США не скрывают надежд на то, что позиция новозеландских лидеров эволюционирует в том же направлении, что и позиция нынешних австралийских руководителей, после прихода к власти отказавшихся от ряда установок, не устраивавших Вашингтон. Впрочем, Веллингтону как будто готовы сделать одну «уступку»: предоставить какое-то время, скажем до созыва в будущем году очередной сессии блока АНЗЮС, для «урегулирования» вопроса о заходе в новозеландские порты американских ядерных кораблей.

Вашингтон особенно встревожен тем, что новозеландский пример стимулирует антиядерные выступления и «нейтралистские» тенденции в других странах. Характерно, что антиядерные установки правительства Д. Лонги уже нашли сочувственный отклик на региональной конференции глав государств Содружества, состоявшейся в начале августа 1984 г. в Папуа-Новой Гвинее. Их приветствовали, в частности, премьер-министр этой страны М. Сомаре, генеральный секретарь Содружества Ш. С. Рампал, многие другие политические деятели.

Все более массовый характер принимают выступления за ликвидацию американских военных баз и объектов, разрыв с блоковой политикой и в Австралии. 88 местных административных советов объявили свои территории безъядерными зонами. Тем не менее премьер-министр этой страны воспользовался своим участием в конференции Содружества для очередной попытки склонить Д. Лонги к отходу от провозглашенной им позиции.

Параллельно с кампанией политического и психологического давления на Новую Зеландию разрабатываются запасные варианты. Если АНЗЮС все же даст серьезную трещину, то, как ожидается, будут предприняты шаги по его перестройке в двусторонний пакт Вашингтон — Канберра. «Индонезия таймс» указывала на возможность «преобразования» АНЗЮС (понятно, в целях камуфляжа) в социально-экономическую организацию. Газета полагает, что Белый дом в любом случае не допустит прорыва в его «тихоокеанской оборонительной системе».

Вашингтонская дипломатия никогда не отказывалась от стремления использовать своих партнеров по АНЗЮС в качестве «троянского коня» для проникновения в развивающиеся государства и подчинения их влиянию Запада. Определенные возможности открывало в этом плане членство Австралии и Новой Зеландии в ряде региональных и иных организаций — СЕАТО и АЗПАК (до роспуска первой и упадка второй), плане Коломбо, наконец, в пятистороннем соглашении АНЗЮК. До начала нынешнего десятилетия последнее можно было бы отнести к категории полузабытых военно-политических группировок.

Однако в период обострения по вине империализма США международной обстановки и роста напряженности в Юго-Восточной Азии это образование как бы обрело второе дыхание. Напомним, что данная организация возникла в апреле 1971 г. в

³ В официальной повестке дня сессии значились вопросы, касающиеся безопасности в бассейне Тихого океана, контроля над вооружениями, международных экономических отношений, но отсутствовала проблема доступа американских ядерных кораблей в новозеландские порты («The Times», 16.VII.1984).

составе Англии, Австралии, Новой Зеландии, Малайзии и Сингапура. Это соглашение предусматривает, что в случае «организованного или поддержанного извне вооруженного нападения или угрозы нападения» на Малайзию и Сингапур правительства пяти стран прибегнут к консультациям с целью определения ответных мер, какие могут быть приняты ими совместно или индивидуально.

У АНЗЮК нет постоянного штата сотрудников и секретариата. Как известно, последние британские контингенты покинули Малайзию и Сингапур в марте 1976 г. Хотя масштабы военного присутствия Австралии и Новой Зеландии в указанной зоне сократились, его едва ли можно квалифицировать как «чисто символическое». Австралийское присутствие здесь носит не только военный, но и отчетливо выраженный политический характер и может при возникновении «кризисных ситуаций» служить зацепкой для развертывания более крупных сил. Это присутствие служит материальным воплощением доктрины об «обороне на выдвинутых рубежах», которая обосновывала в прошлом пособничество Австралии интервенционистским акциям США и Англии.

В июле 1980 г. страны — члены АНЗЮК приняли по инициативе Австралии решение возобновить военные учения стран — участниц блока⁴. В августе 1982 г. в Южно-Китайском море состоялись крупномасштабные маневры военно-морских сил пяти стран под кодовым наименованием «Старфш-82». Практиковались они и позднее. В рамках АНЗЮК проводятся также сухопутные командно-штабные учения. В ходе их отрабатываются и приобретаются навыки и опыт совместного планирования и управления войсками. На них осваиваются, по свидетельству прессы, «тактические концепции натовского образца». В перспективе это может облегчить операции держав НАТО (например, Великобритании) по поддержанию «порядка и спокойствия» в столь далеком от европейского театра военных действий районе. Иначе говоря, предпринимаются шаги, которые можно истолковать как постепенную натоизацию (если не американизацию) АНЗЮК.

Находясь в рядах оппозиции, австралийская лейбористская партия обещала свернуть «в целях экономии средств» военное присутствие на Малаккском полуострове и отозвать австралийскую эскадрилью, базирующуюся на аэродроме в Баттеруорте (Малайзия). Позднее правительство Р. Хоука внесло коррективы, уведомив Куала-Лумпур, что австралийские самолеты «Мираж» (число которых уменьшится на восемь единиц) будут постоянно находиться на этой базе вплоть до конца 1988 г. Для участия же в маневрах, проводимых в рамках объединенной системы противовоздушной обороны АНЗЮК, намечается привлечение дополнительных сил австралийских ВВС. После 1988 г. в Баттеруорте планируется разместить новейшие истребители А-18, но уже на временной основе, по принципу ротации; причем период их пребывания здесь должен составлять не менее 16 недель в году. Из наземных сил в Малайзии останется также австралийская рота охраны. Министр обороны Австралии Г. Скоулз специально заверял в данной связи партнеров по АНЗЮК, что его правительство рассматривает присутствие на базе Баттеруорт «как важный вклад... в обеспечение региональной стратегической безопасности». В Сингапуре на постоянной основе расквартирован пехотный батальон и несколько боевых вертолетов из Новой Зеландии. Упомянутый выше форум новозеландских лейбористов принял резолюцию о выводе этих сил в течение года.

Осведомленный гонконгский еженедельник «Фар истерн экономик ревью» отмечал, что пятисторонние маневры под эгидой АНЗЮК «содействуют развитию сотрудничества между вооруженными силами Малайзии и Сингапура», то есть двумя членами социально-экономической по своим программным целям группировки АСЕАН⁵. На это обстоятельство обратил внимание и лондонский «Экономист»: «Военные связи между странами АСЕАН растут, но контакты между Малайзией и Сингапуром (в данной сфере) остаются самыми слабыми во всей этой цепи... Сингапурские части обучались операциям в условиях джунглей в Брунее, Таиланде и на Тайване, и лишь относительно недавно сингапурские офицеры были направлены для прохождения курса в военном учебном центре недалеко от Джохор-Бару», находящемся в ведении АНЗЮК⁶. В Сингапуре джунглей, как известно, нет, следовательно, речь здесь может идти о подготовке к созданию экспедиционного корпуса (мини-аналог американских сил быстрого развертывания?) для операций в других странах Азии.

В официальных и академических кругах США вынашиваются и иные замыслы, касающиеся использования АНЗЮК в целях, враждебных подлинным интересам народов Юго-Восточной Азии. Так, американский исследователь Х. Индорф, работающий в Национальном университете Сингапура, является автором формулы «5+1», которая предусматривает присоединение Таиланда к пятистороннему соглашению АНЗЮК. Он видит преимущество данной схемы в том, что она лишь «формализует» уже существующие между Таиландом и членами АНЗЮК военные связи (в первую очередь это относится к Австралии)⁷. В дальнейшем Х. Индорф считает возможным включить в АНЗЮК и Бруней. Непосредственного участия США не предусматривается, поскольку проводниками их влияния должны служить партнеры Вашингтона по блоку АНЗЮК.

Выдвигались также предложения о подключении Таиланда и Брунея к объединен-

⁴ In: «Asia Pacific Community», Winter 1984, p. 41.

⁵ «Far Eastern Economic Review», 21.VII.1983, p. 42.

⁶ «The Economist», 22.X.1983, p. 52.

ной системе ПВО АНЗЮК⁸. Что касается Бангкока, то там открыто выражают заинтересованность в расширении и активизации деятельности пятистороннего соглашения⁹. Не дают ли приведенные факты повода говорить о каком-то переплетении АНЗЮК и АСЕАН, а точнее, о попытках использовать механизм первого для ослабления Ассоциации и придания ей милитаристского характера?

Трудно отрицать наличие целенаправленной стратегии США — опутать страны южной части Тихого океана паутиной военных и военно-политических соглашений, про-извести стыковку и обеспечить взаимную страховку различных блоков и группировок: АНЗЮС, АНЗЮК и АСЕАН, скоординировав их деятельность с формирующимся бы-стрыми темпами тройственным альянсом Вашингтон — Токио — Сеул.

Усиленной обработке подвергается Ассоциация стран Юго-Восточной Азии. Уже на протяжении более десятилетия правящие круги Австралии добиваются установления «особых отношений» с АСЕАН. При этом сменяющие друг друга кабинеты, действуя как по двусторонним, так и многосторонним каналам, видели свою главную задачу в подталкивании группировки на путь далеко идущей милитаризации. «В ранний период существования Ассоциации, — пишет английский исследователь Ф. Фрост, — в Канберре были склонны рассматривать организацию в качестве потенциального военного альянса, с которым Австралия могла бы с пользой для дела быть ассоциирована»¹⁰. Министр иностранных дел Австралии заявил еще в апреле 1969 г., что Канберра расценила бы придание АСЕАН военной функции как «здоровое явление». В этом вопросе наблюдалось совпадение подходов США и Австралии: они не просто считали желательными трансформацию Ассоциации, ревизию ее уставных целей и задач, но и на деле пытались добиться этого.

В 1974 г. Австралия первой из капиталистических стран установила официальные контакты с группировкой АСЕАН. Такой шаг не мог встретить возражений со стороны Вашингтона, поскольку полностью отвечал его установке на более тесное приобщение Австралии к поддержке устрояющего Запад «баланса сил» в регионе и перекладывание на страны АСЕАН сопряженных с этим расходов.

Если АСЕАН как организации Канберрой предоставлялась главным образом экономическая помощь, да и то в скромных масштабах, то ее военные связи шли исключительно по двусторонним каналам. Об особенностях этих связей говорят следующие данные. В 1982/83 финансовом году из 1300 иностранцев, проходивших курс обучения в австралийских военных заведениях, три четверти прибыли из стран АСЕАН. Учебные программы составлены с учетом условий и запросов стран Азии и Тихого океана и, как отмечают специалисты, «не страдают излишней усложненностью». Такая постановка дела обеспечивает привязку военного строительства в этих государствах к Австралии, обещает ей поток заказов на оружие и боевую технику. Выпускники австралийских военных колледжей занимают впоследствии командные должности в вооруженных силах развивающихся государств — здесь уже налицо прямая политическая выгода.

Разумеется, и в прошлом не всегда как Австралия, так и Новая Зеландия проявляли абсолютную лояльность по отношению к США и слепую приверженность пакту АНЗЮС. Правящим кругам приходилось считаться не только с волей Вашингтона, но и в какой-то мере с умонастроениями широких кругов общественности, особенно в ходе предвыборных кампаний.

В октябре 1983 г. Австралия отказалась выступить соавтором резолюции в поддержку «коалиционного правительства» кхмерской реакции, узурпировавшей место Кампучии в ООН (Австралия не желала признавать законность притязаний полпотовцев на власть). Дипломатия Канберры отстаивала необходимость расширения диалога с Ханоем и решения проблем Юго-Восточной Азии на путях «терпеливой дипломатии». В рамках этих усилий министр иностранных дел У. Хэйден совершил в июне 1983 г. поездку во Вьетнам. Вьетнамский министр нанес ответный визит в Австралию в марте 1984 г.

Австралийские деловые и политические круги неоднократно высказывались за расширение взаимовыгодных связей с Советским Союзом, другими социалистическими странами.

Аналогичное стремление проявляется и со стороны Новой Зеландии, ведущей поиск новых перспективных рынков сбыта для своей продукции, реализация которой становится все более затруднительной из-за протекционистских и иных мер ее западных торговых партнеров.

И сегодня эти тенденции, стремление к большей автономии пробивают, хотя не без труда, себе дорогу, невзирая на все барьеры и препятствия. Становится все более очевидным, что пактомания приходит в противоречие с правильно понятыми интересами Австралии и Новой Зеландии.

Э. С. ГРЕБЕНЩИКОВ,
кандидат исторических наук

⁷ In: «Far Eastern Economic Review», 21.VII.1983, p. 42.

⁸ In: «Asia Pacific Community», Winter 1984, p. 41.

⁹ In: «Far Eastern Economic Review», 7.VI.1984, p. 28.

¹⁰ «Understanding ASEAN». Ed. by A. Broinowske. L., 1982, p. 146.

Планы создания «тихоокеанского сообщества» — новая угроза миру

Оказавшись в президентском кресле, Рональд Рейган заявил однажды: «Мы должны не колеблясь провозгласить наши конечные цели и предпринять конкретные действия для их достижения». Сегодня уже ни для кого не секрет, что эти «конечные цели» заключаются в установлении безраздельного мирового господства американского империализма. Бывший помощник президента США по национальной безопасности Р. Аллен совершенно откровенно признавал это: «Наша цель — восстановить ведущую роль Соединенных Штатов в мире»¹.

Главным средством достижения своих целей Вашингтон избрал политику глобальной конфронтации с миром социализма, со всеми прогрессивными силами современности и негодными ему режимам.

Процесс торпедирования разрядки международной напряженности и сложившегося примерного равенства сил в области вооружений был развернут Вашингтоном еще в период пребывания в Белом доме Дж. Картера. Особую активность в деле срыва политики разрядки и международного сотрудничества и при Картере, и в первые годы после избрания президентом США Р. Рейгана США проявляли в Западной Европе. Первоначально Вашингтон направил главные усилия на укрепление «атлантической солидарности». Здесь был разыгран сценарий под названием «двойное решение НАТО», результатами которого были срыв женевских переговоров, размещение евро ракет, беспрецедентное раскручивание гонки вооружений, предельный рост международной напряженности, усиление угрозы войны. В тот период, как известно, в США не делали секрета из того, что они рассматривают Европу как наиболее вероятное поле «локальной», «ограниченной» термоядерной войны с Советским Союзом.

События на Дальнем Востоке, в Азиатско-тихоокеанском регионе носили на рубеже 70—80-х годов как бы второстепенный, периферийный характер. Это не означало, однако, что Вашингтон «обошел вниманием» этот район. Еще при администрации Картера, во время поездки министра обороны США Г. Брауна в Японию и в Южную Корею в 1979 г., была предпринята попытка заложить основы нового военно-политического блока трех стран, придать ему ярко выраженную направленность против социалистических государств Азии, создать таким образом аванпост США на Дальнем Востоке в разветвлявшейся Вашингтоном политике глобальной конфронтации. Эта поездка Брауна положила начало новому подходу США к Японии: принуждению ее к форсированной милитаризации и превращению из «опекаемой» страны в важнейшего союзника и главную опору США в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Однако качественно иные масштабы активность США на Дальнем Востоке приобрела в последнее время. Соответственно принципиально иной характер стала носить складывающаяся в этом районе опасная международная обстановка, приковывающая сегодня к себе внимание широкой общественности многих стран далеко за пределами региона. Все больше признаков свидетельствует о том, что, по замыслам Вашингтона и его ближайших союзников, район Дальнего Востока и Тихого океана намечается превратить в крупный очаг международной напряженности.

«Второй фронт» или главное направление?

Западногерманский журнал «Ауссенполитик» в июне 1984 г. отмечал: «Следует иметь в виду, что перед американской внешней политикой все время ставится проблема: сосредоточиться ли в большей степени на атлантической ориентации или на тихоокеанской. Решение об этом отнюдь не зависит от того, кто составляет большинство: республиканцы или демократы». Далее журнал приводил слова влиятельного в администрации Рейгана заместителя госсекретаря США Иглбергера о том, что в предстоящие годы центр внимания внешней политики США переместится с трансатлантических связей с Европой к Тихоокеанскому региону.

¹ «Department of State Bulletin», July 1982, p. 27.

И действительно, не может остаться незамеченной стремительно нарастающая в последнее время дипломатическая, экономическая и военная активность Соединенных Штатов на Дальнем Востоке: визиты американского президента в Японию, Южную Корею, Китай, поездки ведущих деятелей американской администрации в страны этого района, ответные визиты на высшем уровне в Вашингтон; проведение беспрецедентных по размаху и по провокационности военно-морских маневров «Глоуб-шилд-84» и серии других подобного рода учений в районе Тихого океана; быстрый рост объема торгово-экономических и иных связей США со странами Азиатско-тихоокеанского региона, вследствие чего в 1983 г. товарооборот США с этими странами превзошел на 26 млрд. долл. показатели товарооборота с Западной Европой². Анализируя причины заметного смещения в последнее время внешнеполитической активности Вашингтона в районы Азии и Тихого океана, большинство наблюдателей как в социалистических странах, так и на Западе обоснованно делают вывод, что это объясняется главным образом стремлением Р. Рейгана и его команды обеспечить «подтягивание» до европейского уровня восточного фланга в создании обширного пояса окружения Советского Союза от Балтики на западе до Камчатки на востоке. Журнал «Новое время» писал по этому поводу: «Речь идет о возрождении старой стратегической доктрины империализма, предусматривающей создание военной угрозы для СССР одновременно с востока и запада». «Уроки второй мировой войны», — отмечал далее журнал, — когда азиатская часть СССР стала главной базой оборонной промышленности страны, не остались без внимания американских стратегов. Вот, в частности, почему эти районы стремятся поставить под непосредственную угрозу ядерных ударов»³.

Действительно не секрет, что в Советском Союзе в последние годы значительные инвестиции направлялись на ускоренное развитие восточных районов страны. Там закладывались самые современные гиганты индустрии, большинство из которых сегодня находится в предпусковом состоянии. Их ввод в строй призван обеспечить в предстоящий период ощутимый эффект в развитии народного хозяйства СССР в целом. Быстрый рост промышленного потенциала Советской Сибири неизбежно окажет влияние на состояние торговых связей и экономического сотрудничества СССР со странами Азии и Тихого океана. В США, где открыто разглажаются о планах «экономического удушения СССР и других социалистических стран», не могут смириться с такой перспективой. Развернуть и на Дальнем Востоке «войну нервов», заставив СССР отвлечь средства из сферы мирного строительства на нужды обороны, подорвать экономические и иные связи социалистических государств со странами региона — вот цели Вашингтона. Но, видимо, есть и иные причины, побуждающие его к смещению центра своей активности в Азиатско-тихоокеанский регион. Рассмотрим некоторые из них.

Одной из таких важных причин внутриамериканского характера является то обстоятельство, что в послевоенный период в Соединенных Штатах экономический потенциал неуклонно смещался на Запад, на побережье Тихого океана. Доля традиционной промышленной зоны в северо-восточных штатах, которая в 40-х годах составляла 72%, сократилась до немногим более 40%. Эти структурные преобразования оказывают глубокое воздействие на внутриполитическую ситуацию в США, происходит широкое перемещение населения на юго-запад страны. Поскольку количество мест в палате представителей зависит от численности населения отдельного штата, то это привело к потере целого ряда мандатов штатами Среднего Запада и Северо-восточного побережья и к увеличению удельного веса Юга и Запада. Монополии, базирующиеся на Тихоокеанском побережье страны, прежде всего такие, как «Силикон-вэлли», «Боинг», «Локхид», «Дженерал дайнэмикс», и многие другие, специализирующиеся в области военно-промышленного бизнеса, получили более широкие возможности диктовать свою волю при формировании политики США. Они во многом предreshили приход Рейгана в Белый дом как кандидата республиканской партии, которая традиционно тяготеет в своих внешнеполитических воззрениях к экспансионистскому курсу в тихоокеанском направлении. Еще в 1898 г. сенатор-республиканец Беверидж заявлял: «Тихий океан есть океан торговли будущего. Большинство будущих войн будут конфликтами из-за торговли. Держава, которая управляет Тихим океаном, будет державой, управляющей миром». Представитель калифорнийской финансовой группировки и военно-промышленного комплекса, пустившего свои корни в основном на Западном побережье США, Р. Рейган и его окружение сразу же после победы на выборах 1980 г. стали делать все больший акцент на то, что «Дальний Восток так же важен для жизненных интересов США, как и Западная Европа»⁴. Под занавес первого президентского срока команде Рейгана пришлось готовиться к отчету перед поддерживающими его монополиями, чтобы заполучить мандат на второй срок президентства. Отсюда, в частности, такой взрыв активности вояжеров из Вашингтона в странах Азии и бассейна Тихого океана.

Далее, если коснуться западноевропейских дел американской дипломатии, то, как это ни парадоксально выглядит в свете ее недавних «успехов» в Европе — срыва

² См.: «Правда», 25.IX.1984.

³ «Новое время», 1984, № 25, с. 22.

⁴ U. S. Foreign Policy for Asia: the 1980's and Beyond. Ed. by R. Myers. Stanford (Cal.), 1982, p. 12.

женевских переговоров, размещения евrorакет, демонстрации «атлантической солидарности», — на сегодняшний день ее потенциал дальнейшего нагнетания напряженности в Западной Европе, похоже, исчерпан. И в Вашингтоне это, видимо, почувствовали. Барьером на пути американской дипломатии стало мощное антивоенное движение в западноевропейских странах, усиленное резко возросшими оппозиционными настроениями масс против своих правительств, которые под диктовку Вашингтона проводят политику «жесткой экономии», увеличения ассигнований на военные нужды, сдерживания роста экономических связей со странами социализма. Такая политика Лондона, Бонна, Рима, Парижа еще более усугубила последствия экономического кризиса на Западе, подхлестнула рост безработицы, привела к дальнейшему ухудшению условий жизни трудящихся масс. Сегодня многим из правых западноевропейских правительств приходится давать задний ход, все больше оглядываясь на настроения своих избирателей. Разве не показательно, что одна из самых рьяных сторонниц политики Рейгана, направленной на конфронтацию с СССР, английский премьер-министр Маргарет Тэтчер вынуждена была отказать США в размещении ракет «Минитмен» на Британских островах с учетом настроений в стране? Или что правый западногерманский кабинет Г. Коля выступает в числе критиков курса Рейгана на милитаризацию космоса? Неприкрытое разочарование в связи со складывающейся ситуацией в Западной Европе звучит в словах только что ушедшего в отставку Иглбергера, приводимых упоминавшимся выше журналом «Ауссенполитик»: «Западная Европа в настоящее время настолько сильно озабочена своими внутренними проблемами, что становится все труднее побуждать союзников смотреть на вещи, не замыкаясь в пределах европейских границ. В то время, как трудности контактов с европейскими государствами могут все более усугубляться, страны бассейна Тихого океана, в первую очередь Япония, играют все более важную роль».

Большое значение для внешнеполитической ориентации США начинает оказывать то обстоятельство, что в обстановке обострившейся международной ситуации на Востоке вызрел и быстро набирает силу ближайший союзник Вашингтона в деле взвинчивания напряженности и углубления политики конфронтации с миром социализма — быстро ремилитаризирующаяся Япония, возглавляемая кабинетом Я. Накасонэ. Бывший госсекретарь США С. Вэнс так оценивал в 1981 г. отношение Вашингтона к Японии: «Из всех наших союзников и друзей никто не имеет для нас столь важного значения, как Япония».

Я. Накасонэ и его окружение из руководства ЛДП в последнее время, играя на публику, особенно в азиатских странах, где еще помнят милитаристскую Японию времен второй мировой войны, изображают дело таким образом, что в Токио «вынуждены» идти по пути наращивания своего военного потенциала исключительно под нажимом Вашингтона, присоединиться к политике конфронтации, руководствуясь «идеалами солидарности и сплоченности Запада», и опять-таки по требованию своего «старшего партнера». Однако дело обстоит совсем не так просто. Исследователям еще предстоит в полной мере вскрыть ту негативную роль, которую нынешнее руководство Японии сыграло и продолжает играть в торпедировании разрядки международной напряженности, потворстве применению администрацией Р. Рейгана грубых «силовых приемов» в международной политике, полному отказу от попыток достичь взаимоприемлемых решений по вопросу об ограничении гонки вооружений. Придя к власти в ноябре 1982 г., японское правительство во главе с Я. Накасонэ стало добиваться от западноевропейских держав их вступления на путь срыва разрядки и установления жесткой военной конфронтации с СССР, введения экономических «санкций» против социалистических стран. В конце января 1983 г. на переговорах с госсекретарем США Дж. Шульцем японский министр иностранных дел С. Абэ заверял, как сообщала японская печать, что Токио пойдет дальше в экономических «санкциях» против СССР, чем Западная Европа, и «использует свою экономическую мощь в качестве оружия против Советского Союза»⁵. На совещании глав семи ведущих западных держав в Вильямсберге в мае 1983 г. японский премьер Я. Накасонэ потребовал безусловного размещения американских ракет в Европе, заявив при этом: «В результате, возможно, возрастает напряженность. СССР прекратит переговоры, отзовет своих представителей. Однако пусть он делает все, что ему угодно»⁶. Западная печать впоследствии немало писала о том, что именно полная поддержка курса США и давление на западноевропейцев со стороны Японии оказали решающее воздействие на принятие в Вильямсберге решений, послуживших прологом к срыву переговоров в Женеве и размещению евrorакет.

Выдвинувшись на позиции наиболее привилегированного союзника США, в котором Вашингтон испытывает возрастающую нужду как для удержания в покорности остальных западных союзников, так и для продолжения политики глобальной конфронтации, Токио начинает исподволь навязывать американцам свою волю, свой взгляд на международные проблемы. В полной мере используются при этом и экономические рычаги давления на США, и то обстоятельство, что в конкурентной борьбе американцы сдают позицию за позицией японскому капиталу, вследствие чего в торговле двух

⁵ См.: «Правда», 25.VII.1984.

⁶ «Майнити симбун», 1.II.1983.

⁷ «Токио симбун», 30.V.1983.

стран растет хронический дефицит в пользу Японии, превысивший в 1983 г. рекордный уровень — 21,7 млрд. долл. и могущий достичь в 1984 г., по оценкам специалистов, 30 млрд. долл. В японо-американских отношениях усиливается, таким образом, элемент взаимозависимости, позволяющий Токио все чаще выступать в роли джинна, вырвавшегося из бутылки и повелевающего своим бывшим хозяином.

На возросшую самостоятельность, а следовательно, и ответственность Токио за складывающуюся ныне напряженную обстановку на Дальнем Востоке справедливо обращает внимание, в частности, советский исследователь Д. Петров, который писал по этому поводу: «Новым явлением в японской политике явилось и то, что от морально-политической поддержки курса США на срыв разрядки Япония перешла к прямому соучастию в подготовке Соединенными Штатами ядерной войны. ...Давление со стороны Вашингтона при всем его значении ни в коей мере не снимает с правительства Я. Накасонэ вину за усиление напряженности на Дальнем Востоке, ибо оно не только не проявило желания сопротивляться этому нажиму, а, наоборот, по своей инициативе объявило о готовности вносить возрастающий вклад в ядерную стратегию США...»⁸ В своей первой программной речи в декабре 1982 г. Накасонэ заявил: «Наш основной принцип в вопросах обороны заключается в проведении совместных японо-американских мероприятий по обеспечению безопасности и в достижении высокого уровня боеготовности вооруженных сил...»⁹ В Вашингтоне спустя два месяца японский премьер-министр подчеркнул, что «обе стороны находятся в непоколебимом двустороннем альянсе не только в экономической, но и в военной области»¹⁰.

Япония, таким образом, обретает все более широкие возможности оказывать влияние на формирование направлений внешней политики США, привлекать военно-экономический и политический потенциал своего «старшего партнера» для обслуживания собственных интересов. А эти интересы касаются, как известно, преимущественно Азиатско-тихоокеанского региона.

При рассмотрении лишь нескольких упомянутых факторов, обуславливающих рост активности США на Дальнем Востоке, обращает на себя внимание их долговременный характер. Логически напрашивается вывод о том, что ныне наблюдаемый взрыв этой активности — явление не эпизодическое, это не просто «подтягивание фланга», а, видимо, формирующееся важное направление агрессивных устремлений Вашингтона на предстоящие годы в рамках его политики глобальной конфронтации.

«Тихоокеанское сообщество» — детище японо-американского альянса

По мере роста внимания США к Азиатско-тихоокеанскому региону как к флангу в сконструированной в умах заправил Пентагона и нынешней американской администрации «глобальной цепи окружения СССР» и как в перспективе к возможному главному направлению в политике конфронтации и подготовки термоядерной войны со всей очевидностью проявилось стремление Белого дома превратить весь бассейн Тихого океана в зону своего влияния, создать там гигантские арсеналы ядерных и прочих вооружений, плацдармы агрессии. Страны этого региона уже не рассматриваются на Потомаке иначе, как вымуштрованные члены гигантского военно-политического блока, возглавляемого США, которые по команде из Вашингтона должны будут до зубов вооружаться, направлять весь свой экономический и военный потенциал на противоборство с Советским Союзом, его изоляцию и блокирование, «удушение» географически удаленных от СССР социалистических стран Азии и других районов мира, ликвидацию неугодных Вашингтону режимов в ряде развивающихся стран, полное прекращение экономического сотрудничества, культурных обменов, иных связей со странами социализма!

Планы у американских лидеров, конечно, далеко идущие, особенно если учесть, что в истекшем десятилетии страны этого региона продемонстрировали стремительные темпы экономического развития: доля Японии в мировом общественном продукте увеличилась с 3 до 11 %, ежегодный прирост валового национального продукта составлял в 70-е годы в Индонезии 11,3 %, Таиланде — 10,4, Южной Корее — 10,3, Гонконге — 9,4, на Филиппинах и в Сингапуре — по 8,4, в Малайзии — 7,9 %. Бассейн Тихого океана занимает выдающееся положение по богатству запасов природных ресурсов: страны региона располагают 56 % разведанных мировых запасов свинца, 47 — цинка, 41 — никеля, 37 — кобальта, 32 % — меди, богатыми залежами урана, олова, нефти, каучука... Следует учитывать также, что правительства большинства стран региона весьма терпимо относились к засилью и к хозяйничанью американских и японских монополий, что в итоге в ряде этих стран произошло слияние, переплетение национальных капиталов и капиталов транснациональных корпораций. Ныне страны региона превратились в один из важных рынков сбыта американского оружия. Они все глубже втягиваются в гонку вооружений, во многих из них сохранились старые и создаются новые американские военные базы. Наконец, в большинстве стран этого региона, за исключением

⁸ Д. В. Петров. Япония в ядерной стратегии США. — «Проблемы Дальнего Востока», № 2, 1984, с. 63.

⁹ «Asahi Evening News», December 4, 1982.

¹⁰ «Japan Times», January 20—21, 1983.

Японии, рабочий класс, трудящиеся массы еще не достигли в отличие от Западной Европы такой степени организованности и политического сознания, чтобы решительно встать непреодолимой преградой на пути планов Вашингтона, крайне опасных для судьбы этих стран.

Однако на сегодняшний день такой обширный военно-политический блок в бассейне Тихого океана, который был бы аналогом НАТО в Западной Европе, а то и более эффективным и послушным орудием в руках генералов Пентагона, существует пока лишь в их воображении: реальную ставку Вашингтон делает на своих главных союзников в этой части земного шара — Японию и Южную Корею. Идет интенсивное сколачивание блока этих трех стран, который хотя еще и не получил юридического оформления, однако уже, по сути, сформирован, действует и даже получил свое неофициальное название — НЕАТО (от английской аббревиатуры названия «Организация договоров стран Северо-Восточной Азии»). Именно задача сколачивания блока явилась главным содержанием визита Р. Рейгана в Токио и Сеул в конце 1983 г. Американцам, разумеется, хотелось бы, чтобы этот «треугольник» официально пополнился четвертым членом — Тайванем, но здесь приходится проявлять известную осторожность, дабы «не спугнуть» Китай и не слишком повредить американо-китайским отношениям. На деле же Тайвань рассматривается как составной элемент структуры вновь сколоченного блока, и китайское руководство после переговоров с Р. Рейганом в Пекине в апреле 1984 г. вынуждено было констатировать устами Дэн Сяопина, что Тайвань наряду с Японией и Южной Кореей является «непотопляемым авианосцем» США.

Что же касается остальных стран региона, то американская дипломатия развернула активные усилия по реанимации когда-либо существовавших в этом регионе объединений военно-политического характера и возрождению их деятельности. При администрации Р. Рейгана заметно возросла активность блока АНЗЮС (США, Австралия, Новая Зеландия) в южной акватории Тихого океана. Вашингтон упорно продолжает искать пути к тому, чтобы вынудить трансформироваться Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в военно-политический блок. В качестве одного из средств достижения этой цели рассматривается оживление «пятистороннего оборонного соглашения» (АНЗЮК), членами которого с 1971 г. являются Англия, Австралия, Новая Зеландия, Малайзия и Сингапур. В рамках АНЗЮК Австралия и Новая Зеландия располагают на территориях Малайзии и Сингапура военными объектами. В последние три года по наущению Вашингтона АНЗЮК «ожил», прошли серии совместных военно-морских и военно-воздушных маневров. США рассчитывают, писал недавно журнал «Новое время», «вползти в АСЕАН через „пятистороннее соглашение“ на плечах Австралии и Новой Зеландии»¹¹. Руководствуясь этими же соображениями, Вашингтон упорно продолжает рассматривать Таиланд и Филиппины как своих союзников по Манильскому договору, на основе которого в свое время был создан блок СЕАТО, несмотря на то что сам этот блок распался еще в 1977 г. США щедро наращивают в последние годы объем военной помощи странам АСЕАН.

Далеко не все, однако, идет по сценарию Вашингтона: только, казалось бы, удалось отладить механизм АНЗЮС, как сначала в Австралии на выборах победили лейбористы, а недавно к власти они пришли и в Новой Зеландии. Лейбористские партии этих стран весьма настороженно взирают на военные приготвления США в Тихом океане, а новозеландское лейбористское правительство даже заявило, что запретит заход в порты страны американским кораблям с ядерным оружием на борту и будет добиваться превращения южного района Тихого океана в безъядерную зону. Белому дому никак не удастся получить окончательное согласие на вступление в милитаристские блоки со стороны стран АСЕАН, особенно Индонезии, Малайзии, хотя некоторые страны — Таиланд, Сингапур, — кажется, уже «созрели» для того, чтобы занять свое место в строю, которое им отводит Вашингтон.

Далеко еще в конечном итоге до монолитного и послушного блока, тихоокеанского двойника НАТО, о котором мечтают на берегах Потомака. В этих условиях у Вашингтона возникает острая необходимость подвести под все эти НЕАТО, АНЗЮСы и АНЗЮКи некую общую платформу, связать входящие в них страны единым жестким механизмом, рычаги управления которым находились бы в США. Что может послужить такой сетью, охватывающей и связывающей воедино капиталистические страны Азиатско-тихоокеанского региона? Вот тут и всплыла опять на поверхность идея создания «тихоокеанского сообщества».

Проекты создания «тихоокеанской экономической зоны», а затем и «тихоокеанского сообщества» по образцу европейского Общего рынка возникли еще в 60-х годах в Японии. Когда в конце 70-х годов эта идея стала вновь и вновь муссироваться в Токио, в Соединенных Штатах первоначально взирали на японское новшество с большой подозрительностью: более конкурентоспособные и технологически более совершенные японские товары к тому времени уже теснили американскую продукцию на рынках стран Тихоокеанского бассейна, более того, наводняли рынок в самих США. В условиях разгоревшейся американо-японской торговой войны идея «тихоокеанского сообщества» воспринималась как «тройанский конь» на японский манер, призванный облегчить японскому капиталу доступ к рынкам стран региона и контроль над ними в ущерб конкурентам из США и Западной Европы.

¹¹ «Новое время», 1984, № 25, с. 19.

Подход Вашингтона к идее «тихоокеанского сообщества» кардинально менялся по мере того, как с приходом к власти в Токио кабинета Я. Накасонэ стал крепнуть американо-японский военно-политический союз. Стремясь подтолкнуть Японию по пути быстрого наращивания своего военного потенциала, а также заставить ее принять на себя бремя усилий по соответствующей обработке других стран региона в целях подчинения их воле США, Вашингтон, во-первых, пришел к пониманию того, что за это японцам необходимо платить определенными уступками, прежде всего в вопросах рынков и конкурентной борьбы. Во-вторых, в США крепнет надежда, что в рамках американо-японского военно-политического союза и складывающихся «особых» политических связей удастся ввести элемент волевого политического регулирования правительствами взаимоотношений между монополиями двух стран, перевести транснациональные корпорации (ТНК) двух стран с помощью мер координации, договоренности и взаимных уступок от конкурентной борьбы к согласованным действиям. Иными словами, речь идет об объединении усилий монополистического капитала двух держав для подчинения и установления экономического, а затем и политического диктата Вашингтона и Токио в отношении остальных стран региона.

Главная ставка, таким образом, делается на то, что в условиях экономического кризиса большинство стран региона оказались в тяжелой финансово-экономической зависимости от США, Японии и международных финансовых центров, контролируемых американцами; что они остро нуждаются в новых кредитах и займах и испытывают трудности с источниками финансирования в связи с концентрацией свободных капиталов в США, где искусственно поддерживается завышенная процентная ставка; что в экономике этих стран прочно пустили корни опять-таки американские и японские монополии, что национальная буржуазия этих стран связала свои интересы с американским и японским капиталом. Вследствие такого рода взаимоотношений с 1970 по 1980 г. Филиппины, Сингапур и Таиланд ежегодно сводили торговый баланс с отрицательным сальдо¹². Австралия в последнее время все больше превращается в аграрно-сырьевой придаток японской экономики. К 1983 г. Япония закупала в Австралии 87 % добываемой в стране медной руды, 79 % железной руды, 75 % угля, большое количество алюминия, сахара, мяса и др. При этом, активно осваивая австралийский рынок, Япония добилась резкого сдвига торгового баланса в свою пользу. Используя создавшееся положение, писала «Правда», японцы не только диктуют Австралии закупочные цены и еще больше закрепляются на австралийском внутреннем рынке, но и побуждают эту страну высказываться в пользу японских тезисов о «тихоокеанской экономической зоне», о «тихоокеанском сообществе», а также использовать свое политическое влияние в странах АСЕАН, чтобы и их склонить к этим тезисам¹³. Премьер-министр Малайзии охарактеризовал недавно политику Японии в отношении его страны как «классический пример экономического колониализма». Он отметил, что Токио, выступая на международных форумах против протекционизма, ограждает японский рынок высоким забором протекционистских мер, закупает в странах АСЕАН только сырье и противится импорту товаров местного производства¹⁴. Внешний долг стран АСЕАН в целом превысил к 1983 г. 56 млрд. долл. Индонезия в 1982 г. свела свой платежный баланс с дефицитом более 6 млрд. долл. Считают, что для разрешения экономических трудностей этой страны ей понадобятся новые внешние займы на сумму 16 млрд. долл. в течение пяти лет, и Джакарта обращает свои взоры к США и Японии¹⁵. Еще более укрепляя позиции в экономике стран АСЕАН, США и Япония наращивают здесь свои инвестиции. Японские инвестиции в этой группе стран превысили в 1983 г. 11 млрд. долл., что составило более пятой части всех японских инвестиций за рубежом, а инвестиции США здесь превысили 5 млрд. долл. по сравнению с 370 млн. долл. в 1966 г.

Чтобы упорядочить всю систему долговых отношений и экономической зависимости стран региона от США и Японии, обеспечить трансформацию их экономической зависимости в зависимость политическую, а также пресечь попытки противиться еще более глубокому проникновению американских и японских монополий в экономику этих стран, а тем более пытаться ослабить их зависимость от США и Японии за счет развития сотрудничества с социалистическими странами, Вашингтону и Токио необходим особый механизм, форум стран Азиатско-тихоокеанского бассейна. И таким механизмом призвано стать «тихоокеанское сообщество», в рамках которого США и Япония будут диктовать остальным его участникам правила и условия экономических и политических отношений как внутри «сообщества», так и вне его. Но главное — они смогут, применяя рычаги экономического давления, направлять потенциал стран этого региона на борьбу со странами социализма, беспрепятственно использовать территорию этих стран для строительства военных баз, размещения новых единиц ракетно-ядерного оружия. А в случае кризиса базы в этих странах послужат магнитом, притягивающим к их территориям неотвратимое возмездие, то есть отведут его подальше, как рассчитывают в Вашингтоне, от территории США.

¹² In: «Bulletin Mensuel de Statistique», ONU, Janvier 1983.

¹³ См.: «Правда», 22.XI.1983.

¹⁴ «Financial Times», August 28, 1984.

¹⁵ См.: «Международная жизнь», 1984, № 5, с. 102.

Далеко идущие замыслы этим, однако, не ограничиваются. Я. Накасонэ и его окружение взяли курс на возрождение военного могущества Японии. Судя по тому, как упорно сопротивляется сегодня кабинет Накасонэ требованиям оппозиции при- дать трем неядерным принципам силу закона, нельзя исключить, что в Токио вынашивают мечты о собственном ракетно-ядерном оружии. И видимо, с Вашингтоном на сей счет нет никаких разногласий. Напротив, администрация Рейгана жаждет заполучить в качестве союзника новую Японию — могущественную в военном отношении ракетно-ядерную державу.

В Токио и в Вашингтоне, однако, понимают, какую реакцию это вызовет в странах бассейна Тихого океана, которые уже были однажды объектами вовлечения в японскую «сферу совместного процветания». Уже сейчас там с беспокойством взирают на быстрое возрождение японского милитаризма. А значит, Японии и США нужно уже сегодня приучать страны региона к мысли о том, что Вашингтон будет заправлять в дальнейшем делами на Дальнем Востоке с помощью Японии, которая, дабы лучше справляться с возложенной на нее «миссией», должна стать могущественной в военном отношении державой, возможно, даже обладающей ядерным оружием. Нужно сделать страны региона соучастниками замыслов поджигателей войны из Вашингтона и Токио. И для этой цели кулуары «тихоокеанского сообщества» подойдут как нельзя лучше.

Пока «игра» только разворачивается, ее конечное содержание, подлинные цели тщательно скрывают. Скрывают истинные мотивы паломничества американских государственных деятелей — Буша, Шульца, Уайнбергера, Уолфовица, Киркпатрика и др. во главе с Рейганом — в страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Говорят о торгово-экономических интересах, о том, что центр деловой активности все больше смещается в сторону стран бассейна Тихого океана... Но провозглашая «тихоокеанскую эру внешней политики США», Рейган и его подручные уже не считают нужным скрывать, что острие их милитаристских замыслов, несущих угрозу судьбам человечества, нацеливается на Азиатско-тихоокеанский регион.

Что же представляет собой «тихоокеанское сообщество»? Когда оно будет провозглашено? Будет ли это договорная организация со своим уставом и органами, и, может быть, подобно ЕЭС, даже со своим наднациональным парламентом? Видимо, ответы на эти вопросы даст только время. Но не исключено, что никто не будет подписывать никаких договоров, не будет церемонии провозглашения новой, особой организации. Ведь Вашингтону и Токио нужны не договоры, не протоколы, им важно подчинение и послушание стран региона на деле, важно принятие навязываемых правил игры и неукоснительное их соблюдение этими странами. Выражая сходную мысль, журнал «Ауссенполитик» писал, что, «возможно, страны бассейна Тихого океана вообще не хотят создавать организацию, лимитированную договорами». Но сценарий «упорядочения» взаимоотношений государств региона по американскому плану уже готов и оживленно обсуждается не только в кулуарах, но и на таких представительных совещаниях, как прошедшая в июле 1984 г. в Джакарте конференция министров иностранных дел стран АСЕАН, и др.

Как же сами страны Тихоокеанского бассейна воспринимают идею «сообщества»? Отдают ли себе отчет в их столицах, какую судьбу им уготовили в Вашингтоне и Токио? Что касается таких стран, как Южная Корея, Тайвань, там, как говорится, «кто платит, тот и музыку заказывает» (а платит, к примеру, Япония, которая всего лишь год назад предоставила Сеулу кредит в размере 4 млрд. долл.).

Что же касается стран АСЕАН, то, судя по высказываниям некоторых официальных лиц этих государств, отзывам местной прессы, энтузиазма идея «тихоокеанского сообщества» там не вызывает. Так, говоря об обсуждении этого вопроса на конференции министров иностранных дел стран АСЕАН с участием госсекретаря США Дж. Шульца, газета «Джакарта пост» писала, что он «вызвал много дискуссий и очень мало единодушия... АСЕАН не хочет иметь дело с какой-либо формальной организацией, которая подорвет ее роль в Юго-Восточной Азии». Премьер-министр Малайзии М. Мохамад заявил Дж. Шульцу, что Юго-Восточную Азию прежде всего беспокоит угроза не со стороны Советского Союза или Вьетнама, а со стороны Китая вследствие развития военных связей между Пекином и Вашингтоном. И наконец, сам Шульц после поездки в ряд стран АСЕАН и участия в работе конференции министров иностранных дел в Джакарте вынужден был признать, что «страны АСЕАН опасаются, что отношения Соединенных Штатов с их северными соседями — Китаем и Японией — могут затронуть их интересы»¹⁶.

В то же время, если смотреть на вещи трезво, нельзя не заметить, что развернутая американцами и японцами кампания выкручивания рук в отношении стран региона с целью насильно втащить их в «тихоокеанское сообщество» и заставить подключиться к политике конфронтации с социалистическими странами, игра на экономических трудностях этих стран, применение приемов грубого давления, граничащего с шантажом, — все это не может не сказаться на поведении государств региона. Многие из них шаг за шагом уступают свои позиции под нажимом Вашингтона и Токио. Так, на примере ведущей страны АСЕАН — Индонезии хорошо видно, что массивная обработка Джакарты американцами с применением тактики «кнута и пряника» не

¹⁶ Цит. по: «Правда», 26.VII.1984.

проходит бесследно. «В последнее время Джакарта фактически прекратила критику милитаристских приготовлений и расширяющегося военного присутствия Вашингтона в ЮВА, в районах Тихого и Индийского океанов и воздерживается от осуждения агрессивных действий США на Ближнем Востоке, и даже в тех вопросах, где она не разделяет точку зрения Вашингтона, придерживается осторожной линии, опасаясь задеть его интересы»¹⁷. Если рассматривать подход стран АСЕАН к мирным предложениям стран Индокитая в качестве барометра готовности Ассоциации следовать конструктивным, самостоятельным курсом обеспечения мира и стабильности в регионе или идти на поводу у Вашингтона, то очевидно, что грубое искажение сущности политики Ханоя и Пномпеня в очередной резолюции конференции министров иностранных дел в Джакарте по так называемой «кампучийской проблеме» свидетельствует о новом отступлении стран АСЕАН под нажимом США и Японии.

Обеспечить мир Тихоокеанскому региону

Становится все более очевидным, что под прикрытием разглагольствований о «необходимости развития и упорядочения интеграционных связей в странах бассейна Тихого океана», о «тихоокеанском сообществе» происходит смещение сюда активности американского империализма и Японии по развертыванию конфронтации и доведению ее до предельной остроты в этом крайне взрывоопасном районе. США разместили здесь вторую после западноевропейской крупнейшую группировку вооруженных сил за рубежом и продолжают наращивать свое военное присутствие. Быстро набирает силу военная машина в Японии, где подумывают о пересмотре итогов второй мировой войны, мечтают о собственном ракетно-ядерном оружии.

В Вашингтоне и в Токио рассчитывают, что политика конфронтации, нагнетания международной напряженности, подготовки новой мировой войны не породит в странах Азии и бассейна Тихого океана столь мощного массового антивоенного движения, как в западноевропейских странах, а их правительства проявят даже меньше самостоятельности и больше уступчивости, чем союзники Вашингтона по Североатлантическому договору. Рассчитывают также на то, что в отличие от Европы, где на пути созданной Вашингтоном и его союзниками угрозы войны встали совместно с Советским Союзом страны социалистического содружества, их объединенная оборонная и экономическая мощь, здесь, на Дальнем Востоке, СССР будет вынужден держать оборону практически в одиночку.

Советский Союз, другие социалистические страны Азии прилагают значительные усилия, чтобы направить ход событий на Дальнем Востоке в иное русло, упрочить мир и стабильность в регионе, восстановить здесь атмосферу доверия и сотрудничества и на этой основе найти пути ликвидации очагов напряженности, решения корейской проблемы, сохраняющейся конфликтной ситуации в Юго-Восточной Азии. С этой целью, как известно, СССР предложил провести переговоры со всеми заинтересованными сторонами по мерам доверия на Дальнем Востоке; Советский Союз выразил готовность обсудить вопрос о распространении мер доверия на акватории морей и океанов; известно желание СССР восстановить прежний объем сотрудничества и достичь улучшения климата во взаимоотношениях с Японией. Большие усилия продолжают прилагать страны Индокитая в поисках взаимоприемлемых путей нормализации обстановки в Юго-Восточной Азии. Известны важные политические инициативы, направленные на улучшение международного климата в Азии и в целом во всем мире, которые выдвигает Монгольская Народная Республика, в частности ее предложения о заключении многосторонней конвенции о неприменении силы в регионе и решении спорных вопросов мирным путем, о рассмотрении Генеральной Ассамблеей ООН вопроса о праве народов на мир.

К сожалению, реакция в Вашингтоне, Токио да и в ряде столиц Азиатско-тихоокеанского региона на эти мирные условия такова, что закономерно задать вопрос: не разучились ли там понимать язык нормального дипломатического общения и признают лишь язык грубой военной силы?

Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко заявил в связи с этим следующее: «В наши дни империалисты продолжают применять тактику разобщения народов, направленного одной страны на другую. Несмотря на, казалось бы, поучительный опыт позорного краха таких антикоммунистических альянсов, как СЕНТО или СЕАТО, снова пытаются сколотить милитаристские оси и треугольники вроде блока Вашингтон — Токио — Сеул. Мы против такой геополитики, против всевозможных «сфер влияния» и «зон интересов», против замкнутых военных группировок везде и на Тихом океане в частности. Последний принадлежит всем, он может и должен стать океаном мира и добрососедства, который бы сближал, а не разъединял народы»¹⁸.

Н. А. ТРИПОЛЬСКИЙ

¹⁷ В. Андреев. Трудности и противоречия развития Индонезии. — «Международная жизнь», 1984, № 4, с. 52.

¹⁸ «Правда», 24.V.1984.

Китайское обществоведение о некоторых вопросах социалистического строительства

В конце 1983 г. в Китае была опубликована пространная книга «Беседы о капитализме и социализме», подготовленная группой сотрудников Института мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая во главе с бывшим директором этого института, ныне советником АОН Цянь Цзюньжунем¹. Цель работы авторы видели в том, чтобы «теоретически, а также исходя из истории и современных реалий, сравнительно систематизированно доказать огромные преимущества социалистического строя перед капиталистическим, показать, что их выявление требует немалых усилий, доказать неизбежность замены капитализма социализмом и победы социализма — в результате длительной, упорной, сложной борьбы — во всем мире»². При этом, как следует из «Предисловия», авторы стремились к «глубокому обсуждению» ряда еще нерешенных проблем теории социалистического строительства³.

Появление подобной работы, как и сам по себе интерес современного китайского обществоведения к широкому кругу вопросов теории социализма, далеко не случайны. Двадцатилетнее господство «левачества» в политической и экономической жизни страны, борьба в китайском руководстве, продолжавшаяся и после устранения от власти «четверки», привели к глубокой идейной дезориентации значительной части населения страны, кадровых работников, членов КПК. Задача преодоления этого своеобразного «кризиса веры» с начала 80-х годов заняла одно из центральных мест в идеологической работе КПК.

Китайское обществоведение, поощряемое призывами к «раскрепощению сознания», с конца 70-х годов активно включилось в расчистку теоретических «завалов», нагроможденных «набившим оскомину китайскому народу лжемарксизмом»⁴, в выяснение заново проблем периодизации и основных закономерностей социалистического строительства, характера современного этапа общественного развития Китая.

Хотя общие рамки дискуссии о социализме были явно очерчены директивой «сверху» о необходимости считать современный Китай государством, уже прошедшим этап переходного периода и вступившим в

¹ Цзыбэньчжун юй шэжуэйчжун цзун хэн тань (Беседы о капитализме и социализме). Шицзе чжиши чубаньшэ. Пекин, 1983, 634 с. (на кит. яз.) Объясняя название книги (буквально «Беседы по вертикали и горизонтали»), авторы заявляют, что они стремились сначала показать — «вертикально, в соответствии с последовательностью исторического развития», — особенности зарождения и функционирования капитализма и социализма, а затем дать «горизонтальное» сравнение важнейших аспектов социализма и капитализма (с. 18—19). Далее в тексте используется сокращение «Беседы».

² Беседы..., с. 2—3.

³ См.: Предисловие. — В кн.: Беседы..., с. 2.

⁴ См.: Ли Хунлинь. Что показал «кризис веры»? — «Жэньминь жибао», 11.XI.1980.

стадию собственно социалистического развития⁵, тем не менее в ходе ее был высказан ряд смелых суждений, в том числе и подвергнутых позднее критике или не получивших дальнейшего развития. Среди них — оценка системы «народных коммун» как внедрения на деле «утопического крестьянского социализма»⁶, признание ненаучности утверждений о том, «будто у председателя Мао имеется законченная целостная теория периода социализма»⁷.

Как бы то ни было, данная дискуссия стимулировала рост интереса в Китае к трудам классиков марксизма-ленинизма, к изучению теории и практики общественного развития социалистических государств, способствовала подготовке — после многолетнего перерыва — работ по научному коммунизму⁸, анализу преимуществ социалистического экономического строя над капиталистическим⁹.

Вместе с тем с конца 70-х годов на трактовах теоретических проблем социализма китайским обществоведением неизбежно сказывались — наряду с объяснимой трудностью быстрого преодоления прежней инерции, груза ошибочных воззрений предшествовавшего двадцатилетия — такие факторы, как проведение китайским руководством курса на «оживление экономики» внутри страны и «политики открытых дверей» в области внешнеэкономических связей, сохранение недружественной позиции в отношении СССР и ряда других социалистических стран, ориентация на использование «идей Мао Цзэдуна» (рассматриваемых теперь как «квинтэссенция коллективной мудрости партии») в качестве идейной основы поиска «собственного пути» социалистического строительства. Их воздействие и предопределило то обстоятельство, что теоретическая разработка проблем особенностей социалистического строя, его преимуществ перед капитализмом оказалась нацелена не только на пропаганду тех или иных положений теории научного коммунизма, их очищение от левачьих извращений, но и прежде всего на обоснование идеи «множественности моделей социализма», на «право» Китая идти по пути создания «китаизированного» социалистического строя¹⁰. Все это выдается за «творческое применение» принципов марксизма-ленинизма в соответствии со своими (китайскими. — В. Ж.) особенностями.

Прямым следствием подобного «целевого подхода» являются и такие характерные черты большинства современных китайских публикаций по вопросам социализма, как, во-первых, преобладание неверных, предвзятых оценок мирового социализма, его состояния и задач, положения в мировом сообществе социалистических государств, в отдельных социалистических странах и, во-вторых, претензии на некий весомый вклад в разработку общей теории социалистического строительства.

Приходится констатировать, что в освещении китайским обществоведением процессов, происходящих в социалистическом содружестве,

⁵ Так, уже на состоявшейся в ноябре 1979 г. в городе Уси научной конференции по проблеме закономерностей социалистического общества однозначно указывалось, что Китай «есть государство социалистическое, и на этот счет не может и не должно быть каких-либо разнотолков» (См.: «Гуанмин жибао», 23.XI.1979). Принятое в 1981 г. «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» официально объявило ошибочными воззрения, отрицающие факт вступления Китая в социалистическое общество (см.: «Жэньминь жибао», 1.VII.1981).

⁶ См.: Ху Фумин. Об особенностях развития социализма в нашей стране. — «Шэньхуэй кэсюэ», Шанхай, 1980, № 3.

⁷ См.: Ван Жюшуй. Критерий истины и теоретические исследования. — «Душуй», 1980, № 1, с. 6.

⁸ См.: Научный социализм. Цзинань, 1980; История учения о диктатуре пролетариата (1895—1952). Цзиньинь жэньминь чубаньшэ, 1981, и др.

⁹ Сюэ Муцяо и др. Преимущества экономического строя социализма и практика нашей страны. Пекин, 1981; Цзян Сюэмо. Преимущества экономического строя социализма. Цзянсю жэньминь чубаньшэ, 1981; Дун Фужэн (гл. ред.). Экономический строй социализма и его преимущества. Пекин, 1981.

¹⁰ См.: Чжун Цзиньэн. «Китайская специфика» — это форма выражения социалистического содержания. — «Гуанмин жибао», 31.X.1983.

деятельности Совета Экономической Взаимопомощи и Организации Варшавского Договора, внешнеполитического курса СССР и других стран социализма все еще сохраняются антисоветизм, старые штампы и клеветнические измышления, порожденные «культурной революцией» и концепцией «трех миров». Правда, в последние годы в китайской научной литературе стало упоминаться понятие «мировая социалистическая система»¹¹, ставится задача изучения новых вопросов, возникших в связи с выходом социализма за рамки одной страны и появлением ряда социалистических государств¹², однако сколько-нибудь серьезная разработка или хотя бы освещение проблем социализма как мировой системы пока отсутствует.

Что касается дальнейшего развития теории социализма, то необходимость этого вообще не ставится под сомнение. Показательно, что ныне КПСС, уделяя «большое внимание осмыслению особенностей современного периода»¹³, требует от советского обществоведения усиления разработки актуальных вопросов политической экономии социализма¹⁴, всестороннего изучения присущих зрелому социализму неантагонистических противоречий.

Соответственно, замечания китайских обществоведов о том, что «сегодня нельзя считать марксистскую политическую экономию социализма полной, завершенной наукой», что «марксистская теория научного социализма сегодня настоятельно требует нового развития»¹⁵, не представляют собой чего-то необычного и, разумеется, сами по себе не вызывают возражений, так же как и стремление китайских ученых участвовать в разработке теории социализма. Важно, однако, чтобы такая разработка опиралась на тот поистине огромный коллективный опыт социалистического строительства, который уже накоплен в мире, на его обобщение¹⁶, равно как и на трезвый анализ собственных просчетов и ошибок. В китайском же обществоведении на сегодня преобладает иной подход, базирующийся на послышке об «отсутствии» в мировой практике успешного опыта социалистического строительства¹⁷. Тезисы об отсутствии полноценного интернационального опыта создания нового общества или в лучшем случае о невозможности крупномасштабного его применения в Китае в силу «несоответствия» специфике страны используются, с одной стороны, для обоснования необходимости «идти собственным путем и строить социализм со спецификой Китая»¹⁸, а с другой — для объявления тех или иных аспектов сегодняшней теории и практики общественного развития КНР вкладом в устранение множества «белых пятен», будто бы существующих «в марксистской теории социалистического строительства...»¹⁹. Может сло-

¹¹ См.: Юй Гуанъюань. Об исследованиях в области общественных наук. Чэнду, 1981, с. 89 (на кит. яз.); История международных отношений (1945—1980), т. 2. Ухань, 1983, с. 76 (на кит. яз.).

¹² См.: Су Шаочжи. Необходимо уделять внимание сравнительному изучению социалистического строя. — «Цзинцзисюэ чжоубао», 23.V.1983.

¹³ Речь товарища К. У. Черненко на встрече с избирателями 2 марта 1984 г. — «Коммунист», 1984, № 4, с. 9.

¹⁴ См.: «Правда», 24.II.1984.

¹⁵ См.: Юй Гуанъюань. Исследования в области политической экономии социализма, ч. 2. Пекин, 1981, с. 379, 381 (на кит. яз.).

¹⁶ Именно такой подход отличает теоретическую деятельность КПСС. Как заявил товарищ К. У. Черненко, готовящаяся ныне новая редакция Программы КПСС «пополнится рядом новых положений, отражающих выводы современной марксистско-ленинской мысли, опыт нашей и братских партий...» («Коммунист», 1984, № 7, с. 6).

¹⁷ Так, еще в начале 1980 г. Дэн Сяопин заявил, что и через 63 года после победы Октябрьской революции Советский Союз «не может похвастаться знанием того, как строить социализм». — В кн.: Дэн Сяопин энь сюань (1975—1982). Пекин, 1983, с. 215.

¹⁸ XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Пекин, 1982, с. 3—4 (на русск. яз.).

¹⁹ «Цзинцзисюэ чжоубао», 23.V.1983.

житься впечатление, не экстраполирует ли китайское обществоведение собственное, судя по ведущимся дискуссиям, не всегда ясное понимание ряда проблем социалистического строительства на теоретическую мысль других стран. Вероятно, в какой-то мере это действительно так — ведь в течение многих лет Китай в основном приобретал опыт того, как не надо строить социализм, да и после 1978 г. непосредственное знакомство китайских ученых с достижениями обществоведения социалистических стран остается сравнительно ограниченным. В данном случае, однако, превалируют не столько неосознанные заблуждения, сколько сознательное принижение, а то и преднамеренная политическая дискредитация успехов и значимости опыта социалистического строительства СССР, других социалистических государств. Не удивительно, что то «новое», которое отыскивается на расчищенном таким образом для собственного «творчества» пути, подчас оказывается на деле хорошо забытым (некоторыми китайскими обществоведами) старым. Например, У Чжэнькунь приписывает заслугу «научного обобщения основных особенностей социализма» XII съезду КПК, без тени сомнения воспроизводя при этом несколько видоизмененный и сокращенный перечень главных закономерностей социалистической революции и социалистического строительства, сформулированных в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1957 г.²⁰

В свете вышесказанного «Беседы о капитализме и социализме» можно рассматривать как работу, отражающую основные тенденции анализа теоретических проблем социалистического строительства современным китайским обществоведением. Эта книга и своеобразный итог дискуссий о социализме в Китае периода 1978—1983 гг. Одновременно здесь как бы очерчены общие контуры той идейно-теоретической платформы, на которой в Китае разрабатывается выдвинутая на XII съезде КПК концепция «строительства социализма с учетом специфики Китая». «Беседы» отличаются и своим неприкрытым антисоветизмом — в этом плане из китайских обществоведческих работ последних лет в один ряд с ними можно поставить, пожалуй, лишь «Историю международных отношений (1945—1980)», т. 2, изданную Уханьским университетом. По-видимому, здесь сыграла свою роль позиция самих авторов, в частности, главного редактора Цянь Цзюньжуя. Авторская позиция проявилась, на наш взгляд, не в повторении домыслов о «распаде социалистического лагеря», не в подтверждении «правомочности» концепции «трех миров»²¹, — все это достаточно общепринято для нынешнего китайского обществоведения мотивы, — а, например, в извращении причин событий 1956 г. в Венгрии, в массированной клевете на советскую внешнюю политику и особенно в нарочитой нечеткости, затуманенности вопроса о характере современного строя в СССР, его принадлежности к мировой социалистической системе.

Показательно, что, несмотря на оговорку о вступлении «свыше трети населения на путь социализма», авторы «Бесед» ограничиваются приведением данных о развитии СССР самое позднее за 1960 г., взваливают на Советский Союз, ни много ни мало, «ответственность за подрыв престижа социализма».

Да и в целом, надо сказать, китайское обществоведение избегает ясной и четкой характеристики СССР как социалистического государ-

²⁰ См.: У Чжэнькунь. Об исследовании «строительства социализма с учетом специфики Китая». — «Гуанмин жибао», 25.IX.1983.

²¹ Симптоматично, что Цянь Цзюньжуй попытался, по сути дела, скорректировать эту концепцию, выдвинув идею о делении мировой экономики на четыре района. — См.: «Шинцзе цзинцзи даобао», 10.X.1983.

ства, что резко контрастирует с прямой констатацией советской стороной на самом высоком уровне «наличия в Китае социалистического общественного строя» («Коммунист», 1982, № 6, с. 20; «Правда», 27.X.1984). Конечно, в даваемых научной печатью КНР оценках современного этапа общественного развития Советского Союза в последние годы произошли некоторые сдвиги. В частности, авторы «Бесед» уже не рискнули утверждать, будто экономической основой СССР является «государственно-монополистический капитализм», как это было сделано в опубликованном в 1974 г. учебнике «Основные знания о политической экономии», в котором глава о Советском Союзе вообще фигурировала в разделе «Капитализм» (См.: «Чжэнчжи цзинцзи сюэ цинчэ чжиши» (Цзыбэньчжун буфэнь), Шанхай, 1974, с. 182—203). Однако и поныне китайское обществоведение в освещении данной проблемы ограничивается, как правило, лишь отдельными полупризнаниями и намеками в узко специализированных публикациях. Так, в редакционной аннотации к сборнику переводных материалов «Советская экономическая реформа» (1979—1981) говорится, что книга издается с целью «изучения и обсуждения теории и практики различных моделей социализма в рамках современного международного коммунистического движения»²². На состоявшейся в июле 1983 г. в Пекине конференции по теоретическим проблемам экономики СССР указывалось, что «следует признать, а не отрицать приверженность Советского Союза на протяжении длительного периода времени принципу общественной собственности»²³.

Еще одной характерной особенностью «Бесед» является настойчивое стремление «реанимировать» старое положение об «огромном вкладе» Мао Цзэдуна в теорию марксизма-ленинизма. Хотя соответствующие пассажи даются не концентрированно, а как бы вкраплениями²⁴, их обилие в целом выделяет «Беседы» среди других крупных работ китайских обществоведов последних лет.

Думается, что далеко не все трактовки и суждения, содержащиеся в «Беседах о капитализме и социализме», заслуживают критического анализа или полемики с ними. В их числе прежде всего инсинуации по поводу внешней политики Советского Союза. Да и на вопрос о «вкладе» Мао Цзэдуна в теорию марксизма-ленинизма уже давно и безоговорочно ответила сама жизнь.

Если же говорить о существовании анализа капитализма и социализма в указанной работе и их сопоставления, то можно отметить, что характеристика капиталистической формации, сравнение с ней социализма даются в основном в общепринятом ключе. Например, при сопоставлении двух типов общественного строя обоснованно указывается, что новые производственные отношения доказывают свое преимущество перед старыми лишь в длительных временных рамках, что непосредственное сравнение только достигнутых на данный день результатов развития производительных сил неправомерно и может привести к неверным выводам²⁵. В то же время, констатируя неизбежность ухода капитализма с исторической арены, признавая, что «за послевоенный период капиталистический строй вовсе не обрел новой жизнеспособности», авторы всемерно подчеркивают длительность («дело столетий») исторического процесса «умирания» капитализма, «неавтоматический» характер этого процесса, предостерегая в связи с этим против «чрезмерного оптимизма», который якобы был присущ И. В. Сталину²⁶.

²² Сулянь цзинцзи гайгэ 1979—1981. Харбин, 1982.

²³ «Синьхуа вэньчжай», 1983, № 11, с. 42.

²⁴ См.: Беседы..., с. 309—310, 397, 621.

²⁵ Там же, с. 432—434.

²⁶ Там же, с. 105, 179.

По-видимому, эта теоретическая посылка призвана косвенно оправдать курс руководства КНР на всестороннее расширение и углубление отношений с развитыми капиталистическими государствами.

Особый интерес представляет являющаяся центральной частью книги трактовка широкого круга проблем теории социализма, практики его строительства в СССР и КНР, свидетельствующая о повышенном внимании китайского обществоведения к тем аспектам теории и истории социалистического строительства, которые являются предметом дискуссий ученых-обществоведов СССР и других социалистических стран. Наряду с общепринятыми положениями эта трактовка включает немало и дискуссионных суждений.

Рассматривая социализм в традиционном ключе, то есть как начальный этап коммунизма, первую, низшую фазу коммунистической общественной формации, авторы «Бесед» вместе с тем особо подчеркивают, что социализм есть общество, не свободное от традиций и «родимых пятен» капитализма, подробно показывают их проявление²⁷. При этом вопрос о возможности развития социализма на базе собственных производственных отношений не ставится, хотя в китайском обществоведении подразделение периода социалистического строительства на этапы неполного (несовершенного) и полного социализма распространено достаточно широко.

В целом обоснованной, соответствующей общезвестным положениям представляется даваемая в «Беседах» характеристика особенностей экономического строя (создание общественной собственности на средства производства, удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа как цель общественного производства, действие закона распределения по труду), политического строя и духовной культуры социализма. Справедливыми и вполне уместными выглядят признание авторами глубокого влияния в Китае разного рода непролетарских идей и опасения по поводу появления в условиях широких связей с Западом «еще большего числа каналов распространения буржуазных идей»²⁸. В то же время вызывают решительное возражение грешащие полным забвением положений В. И. Ленина о роли культурной революции в строительстве социализма²⁹ попытки выдать «стратегическое решение XII съезда КПК о строительстве высококультурной духовной культуры» за «великий почин в международном коммунистическом движении, обогащение и развитие марксизма-ленинизма»³⁰.

Заметное место в разделе книги, посвященном социализму, занимает анализ причин «извилистости» пути социалистического строительства для выявления, по словам авторов, «ряда общих, носящих закономерный характер проблем»³¹. В числе этих проблем называются, в частности, недооценка сложностей и трудностей строительства социализма в экономике, приведшая к ускоренному обобществлению средств производства на базе посылки «чем обобществленнее, тем лучше», к поспешности в развитии производства и чрезмерному упору на тяжелую промышленность; отход от принципов социализма в политической области (культ личности, чрезмерная концентрация власти в руках одного лица). Среди объективных причин ошибок в социалистическом строительстве выделяются сложность процесса познания и овладения объективными законами развития социализма, отсталость социально-экономического базиса большинства стран, где победила

²⁷ Там же, с. 233—244.

²⁸ Там же, с. 411.

²⁹ См., например, В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 337; т. 44, с. 168—169, 174.

³⁰ Беседы..., с. 279.

³¹ Там же, с. 346.

революция, вредительство внутренних и внешних классовых врагов. Достаточно правомочными выглядят и отдельно взятые положения (высказываемые и советскими учеными) о необходимости правильно понимать связь и различие сущности, законов социализма и конкретной политики и действий в той или иной стране.

Заслуживает внимания вывод авторов о проявлении преимуществ социализма «не в том, что он будто бы гарантирует от любых ошибок, а в возможности преодоления и исправления ошибок», в отсутствии при социализме непреодолимых ошибок и кризисов, подобных существующим при капитализме³².

Вместе с тем со многим сказанным в «Беседах» об ошибках в социалистическом строительстве нельзя согласиться.

Прежде всего это касается самих претензий авторов на новаторство в рассмотрении данной тематики. Общеизвестны положения В. И. Ленина «о невероятно сложной» дороге к социализму³³, о невозможности безошибочного свершения революции теми трудящимися классами, «которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания»³⁴, о необходимости анализировать ошибки вчерашнего дня, чтобы учиться «избегать ошибок сегодня и завтра»³⁵.

КПСС, открыто признавая, что на большом историческом пути строительства нового общества «были и недостатки, и сбои, связанные как с объективными, так и субъективными причинами»³⁶, постоянно работала над их преодолением. Такой же подход отличает и деятельность коммунистических и рабочих партий братских стран. Например, анализ ошибок в управлении и организации народного хозяйства СРВ, конкретизацию путей и методов их устранения осуществляет ныне Коммунистическая партия Вьетнама³⁷. Кроме того, в трактовке авторов «Бесед» ошибки в социалистическом строительстве едва ли не превалируют над позитивными его результатами, превращаются, по сути дела, в одну из основных «закономерностей» всей более чем 60-летней социалистической практики. Вольно или невольно авторы книги тем самым уподобляются буржуазным идеологам, в изображении которых реальный социализм выглядит как «непрерывная цепь ошибок, поражений, трудностей, и при этом замалчиваются его всемирно-исторические достижения...»³⁸.

В последние годы некоторые китайские обществоведы заявляют о возможности достичь «более полного выявления преимуществ социализма» путем... отхода в области производственных отношений «от прогнозировавшегося К. Марксом классического социализма»³⁹. Подобная точка зрения выражена и в «Беседах», где важной причиной «догматических ошибок» в ходе строительства социализма в странах с первоначальным преобладанием мелкокрестьянской экономики объявлено не что иное, как использование в качестве руководства к действию тех выводов, которые были сделаны К. Марксом и Ф. Энгель-

³² См. там же, с. 366.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 47.

³⁴ Там же, т. 37, с. 60—61.

³⁵ Там же, т. 34, с. 257.

³⁶ Выступление товарища К. У. Черненко на приеме в честь участников Экономического совещания стран—членов СЭВ на высшем уровне 14 июня 1984 года.— «Коммунист», 1984, № 9, с. 18.

³⁷ См.: До Мыой. Совершенствуя управление.— «Правда», 25.VII.1984.

³⁸ М. Мчедлов. Год Маркса и идеологическая борьба.— «Коммунист», 1984, № 10, с. 51.

³⁹ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 5.III.1984.

⁴⁰ Беседы..., с. 370. Авторы, однако, оговариваются, что возникавшие при этом те или иные негативные явления были результатом не «ошибочности» разработанного К. Марксом и Ф. Энгельсом учения научного социализма, а «догматического подхода к его использованию» (там же, с. 371).

сом на основе анализа ситуации развитых капиталистических стран⁴⁰. Что можно сказать по этому поводу? Думается, хороший ответ на такого рода суждения дал в свое время видный китайский ученый-экономист Сунь Ефан, указавший, что неудачи финансово-экономической работы в КНР были вызваны «не заимствованием каких-либо «догм» «Капитала», а нарушением многих основополагающих принципов, давно и четко определенных в «Капитале»⁴¹.

Наконец, авторы «Бесед» прямо связывают многие недостатки экономического строительства в Китае с «механическим заимствованием советского опыта»⁴² в начальный период после образования КНР. Действительно, хотя В. И. Ленин подчеркивал необходимость приспособления основных революционных принципов к особенностям разных стран, возражая против буквального подражания русской революции в других государствах⁴³, однако на практике, как справедливо указывают советские обществоведы, «наряду с творческим использованием советского опыта социалистического строительства имело место и некритическое восприятие этого опыта, его копирование даже в деталях, мелочах»⁴⁴. В основном это было обусловлено такими объективными причинами, как отсутствие у стран народной демократии на начальном этапе их развития собственного опыта создания нового общества, искренняя убежденность многих руководителей этих стран во временном, преходящем характере различий в формах строительства этого общества в СССР и других государствах. Поэтому вполне объяснимым и по-своему естественным для второй половины 40-х — первой половины 50-х годов было стремление данных стран обеспечить, говоря словами К. Готвальда, «все более тесное приближение к советскому примеру, к обществу, которое уже построило социализм и за нас вытерпело много страданий в поисках, познании и открытии новых форм жизни...»⁴⁵. Вероятно, не был здесь исключением и Китай.

Однако неправомочно сваливать на советский опыт собственные просчеты. Уж кому-кому, а китайским обществоведам хорошо известно, например, что не «механическое копирование» советского опыта, а, напротив, отказ «под видом ломки «устаревших шаблонов»... от соблюдения обычного порядка в промышленном строительстве»⁴⁶ вверг страну в хаос «большого скачка». Логика авторов «Бесед» ведет, хотя они того или нет, к фактическому оправданию и «большого скачка», и других «экспериментов» того же сорта, коль скоро они были «освящены» целями борьбы со «слепым копированием» чужого опыта и поисками «собственного, подходящего для Китая пути». Об этом свидетельствует, например, статья Хуан Дацяна «Теоретическая основа строительства социализма с китайской спецификой», в которой без малейших критических комментариев воспроизводится высказывание Мао Цзэдуна от 18 июня 1960 г. (!) о том, будто с 1956 г. развитие страны «начало отражать объективные экономические законы Китая»⁴⁷. Напомним для справки, что из пяти лет данного периода один год — 1956-й — приходится на так называемое «малое забегание вперед», а три года — 1958—1960 — на «большой скачок», когда, как писал в Китайском экономическом ежегоднике за 1981 г. заместитель председателя Государственного экономического комитета КНР Юань

⁴¹ См.: «Цзиньцзи яньцзю», 1981, № 10, с. 16.

⁴² Беседы..., с. 617.

⁴³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 14, 21.

⁴⁴ Проблемы и пути совершенствования международных отношений нового типа. М., 1983, с. 51.

⁴⁵ Цит. по: Марксизм-ленинизм о пролетарском интернационализме. М., 1969, с. 399.

⁴⁶ «Шэхуэй кэсюэ», Шанхай, 1981, № 5, с. 12.

⁴⁷ См.: «Гуанмин жибао», 26.XII.1983.

Баохуа, «возникла тенденция несоблюдения объективных законов, гоним за завышенными показателями, пренебрежения качеством и экономической эффективностью»⁴⁸.

Красной нитью через книгу «Беседы о капитализме и социализме» проходит стремление доказать «множественность моделей социализма».

Наличие различных «моделей» социалистического строительства декларируют авторы, позволяет обогащать, разнообразить суммарный опыт создания нового общества, совершать в целом меньше ошибок. «При наличии различных путей и моделей можно проводить сравнение, изучение, взаимодополнение, то есть можно меньше плутать и тем самым ускорить социалистическое строительство»⁴⁹.

Отправной точкой обоснования тезиса о «множественности моделей социализма» выступает положение о том, что основоположники марксизма не дали-де готового ответа на вопрос о путях перехода к социализму в условиях неразвитых производительных сил⁵⁰, в результате чего требовалось «дальнейшее развитие теории марксизма»⁵¹. Одним из важнейших направлений такого развития и явился, по мнению авторов, всеобщий поиск того, как «строить социализм на базе соединения общих принципов марксизма с конкретной ситуацией и особенностями своих стран»⁵².

Разработка в Китае проблемы «моделей социализма», и прежде всего «моделей социалистической экономики», началась с конца 70-х годов под явным влиянием работ некоторых буржуазных авторов — теоретиков «рыночного социализма», в первую очередь О. Шика и В. Бруса⁵³. Немалую лепту в нее внес Цянь Цзюньжуй, по-видимому, первым среди китайских обществоведов пустивший в оборот сам термин «модель социалистического строительства»⁵⁴ и выдвинувший задачу «настоящего сравнительного исследования всех неодинаковых моделей строительства социализма»⁵⁵. Цель такого исследования состояла не в заимствовании той или иной теоретической модели, а в «отыскании модели социалистической экономики, соответствующей особенностям Китая»⁵⁶.

При наличии неодинаковых точек зрения по вопросу о принципах классификации «моделей» на практике в работах китайских авторов преобладает выделение советской («периода И. В. Сталина»), югос-

⁴⁸ Чжунго цзинцзи няньцзянь 1981. Пекин, 1981, с. III — 42.

⁴⁹ Беседы..., с. 10.

⁵⁰ Будучи формально правы, авторы «Бесед» не точны по сути в данном утверждении. Как справедливо пишут советские обществоведы, «К. Маркс и Ф. Энгельс... первыми высказали мысль о возможности перехода к новому строю стран с докапиталистическими отношениями и очертили круг тех международных условий, которые делают возможным такой переход». Теоретические проблемы перехода к социализму стран с неразвитой экономикой. М., 1983, с. 20. Так, Ф. Энгельс, указывая на возможность для стран, находящихся на докапиталистической ступени развития, «...сократить процесс своего развития к социалистическому обществу...», связывал ее с материальной и духовной поддержкой со стороны нового строя, победившего в цивилизованных странах (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 446). В то же время, Ф. Энгельс не считал уместным предугадывать конкретные ступени и формы перехода отсталых стран к социализму, отмечая лишь сложность, многоступенчатость такого перехода (см., например, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 298).

⁵¹ Беседы..., с. 370.

⁵² Там же, с. 281.

⁵³ В. Брус до середины 60-х годов работал в Польше, затем эмигрировал в Англию. В КНР опубликованы переводы книг О. Шика «План и рынок при социализме» (1982), «Третий путь» (1982), В. Бруса — «Политика и экономика социализма» (1981). Издан также сборник их лекций «О реформе социалистической экономической системы» (1982), прочитанных во время пребывания в Китае.

⁵⁴ См.: «Шицзе цзинцзи» («Мировая экономика»), Пекин, 1979, № 1, с. 6.

⁵⁵ См. там же, 1980, № 3, с. 5.

⁵⁶ «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 12, с. 16.

лавской и венгерской ⁵⁷ «моделей социализма» с анализом различий не только в хозяйственном механизме этих стран, но подчас также в политической системе, истории социалистических преобразований и т. п. Такой подход нашел отражение и в «Беседах», дающих в целом позитивную оценку югославскому и венгерскому опыту социалистического строительства.

Характеристика в книге «советской модели» следует в основном шаблонным трактовкам «плюсов и минусов» социалистического строительства в СССР, появившимся в последние годы в Китае. Наряду с признанием большой международной значимости многих аспектов социалистических преобразований, впервые в мировой практике осуществленных в Советском Союзе и доказавших возможность победы социализма в одной стране, авторы «Бесед» в то же время подчеркивают обусловленное «спецификой исторических условий» «несовершенство» пути социалистического строительства, пройденного СССР, в том числе изъяны «одностороннего курса на развитие тяжелой промышленности» и недостатки «высокоцентрализованной системы планового управления» ⁵⁸. Чувствуется и опосредованность некоторых авторских оценок истории строительства социализма в СССР сегодняшними концепциями путей экономического развития самого Китая. Таковы, например, положения о том, что Советский Союз «механически заимствовал прогнозы марксизма о социалистическом обществе», «не исходил из собственных основных особенностей», преждевременно отошел «от правильного курса новой экономической политики» ⁵⁹.

Как упоминалось выше, в «Беседах» не рассматривается внутреннее развитие СССР за последнее двадцатилетие. Здесь авторы явно идут вразрез с усиливающейся в китайском общественном мнении тенденцией более объективно оценивать и скрупулезно изучать ту работу по совершенствованию структуры экономики и хозяйственного механизма, которая проделана в Советском Союзе с середины 60-х годов и активно продолжается в настоящее время ⁶⁰.

В целом же представленный в «Беседах» подход к проблеме «моделей социализма» не нов. Здесь мы обнаруживаем такие уже не раз встречавшиеся в прошлом приемы, как постановка знака равенства между бесспорным положением марксистско-ленинской теории о возможном своеобразии конкретных особенностей создания нового общества, форм социалистических общественных отношений в различных странах и будто бы вытекающей из него концепцией «множественности моделей социализма», выдвижение надуманной альтернативы — или шаблонное копирование всеми странами одного образца, или «национальная модель социализма».

Исчерпывающе ясный ответ тенденциозным суждениям такого рода дан в докладе Ю. В. Андропова «Ленинизм — неисчерпываемый источник революционной энергии и творчества масс» на торжественном заседании в Москве 22 апреля 1982 г., посвященном 112-ой годовщине со дня рождения В. И. Ленина: «Сама жизнь предопределяет многообразие форм социализма, но сущность его одна. В этой связи хотелось бы затронуть столь модный сейчас вопрос о «моделях» социализма. Говорят, что трудности, с которыми встречаются некоторые социалистические страны, происходят из того, что им будто бы навязывается советская «модель».

⁵⁷ Заметим, что венгерские товарищи неоднократно возражали против распространения на Западе попыток выделить Венгрию в некую самостоятельную «модель социализма».

⁵⁸ См.: Беседы..., с. 282—294.

⁵⁹ Там же, с. 294, 349, 351.

⁶⁰ Например, Шу Дун, констатируя накопление Советским Союзом большого опыта плановой работы, считает, что «весь процесс реформы хозяйственного механизма в Советском Союзе заслуживает... внимания и изучения» — «Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуацзыли» («Экономическая теория и экономическое управление»), Пекин, 1983, № 1, с. 69.

Странное умозаключение. Достаточно непредвзято посмотреть на действительность, чтобы понять всю абсурдность подобных утверждений. Какое социалистическое государство ни взять — всюду видно проявление самобытных, национальных, исторических, культурных и других особенностей. Предмет для дискуссии появляется тогда, когда за разговорами о всевозможных моделях становится все более расплывчатым, туманным представление о самой сути социализма, его коренных отличиях от капитализма» (Ю. В. Андропов. Избранные речи и статьи. — М., 1983, с. 197).

Обществоведение Советского Союза и братских стран социализма исходит из того, что «существует только одна, общая для всех стран, научная модель социализма — это единое для всех марксистов-ленинцев логическое представление о социалистическом обществе, созданное на основе познания объективных закономерностей преобразования капитализма в социализм и содержащее основные структурные характеристики нового общества, раскрывающее его главные черты, обязательные для всех стран принципы. Общая модель социализма... дает основные контуры для конкретной программы действий»⁶¹. Такая постановка вопроса не только не отрицает, а, напротив, диктует обязательный учет каждой страной, строящей социализм, ее конкретно-исторической специфики в полном соответствии с мыслью В. И. Ленина о том, что «это новое общество опять-таки есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство»⁶².

Следует заметить, что некоторые китайские ученые с тревогой восприняли проникновение в обществоведческие исследования в Китае буржуазных и иных немарксистских формулировок, концепций, оценок, в том числе в связи с разработкой проблемы «моделей социализма». Как подчеркивает, к примеру, Хуан Фаньчжан, часть зарубежных исследований «моделей социалистической экономики» содержит «ревизионистские взгляды, нарушающие основные принципы марксизма»⁶³. Еще резче высказался по этому поводу Цзян Сюэмо. По его словам, в работах буржуазных авторов «со всех сторон приукрашивается экономический строй капитализма и очерняется экономический строй социализма, он клеветнически объявляется нерациональным, нарушающим объективные законы и человеческую сущность... При анализе (буржуазными учеными) экономических моделей всегда модель с наибольшей ролью государственного планового регулирования объявляется наихудшей. А некоторые наши товарищи под прямым или косвенным влиянием этих теорий... также выступают против единого централизованного планового руководства и управления народным хозяйством со стороны государства и даже рассматривают его как источник бюрократизма и приказного стиля. Совершенно очевидно, что, следуя этим идеям, нельзя найти механизм хозяйственного управления, по-настоящему соответствующий социалистическим экономическим отношениям»⁶⁴.

Мультиплицирование идеи о «множественности моделей социализма» обычно отражает не стремление к терминологическому обогащению теории социализма, а вполне определенные политические цели⁶⁵. Отчетливо прослеживается такая цель и в «Беседах»: обосновать историческую обусловленность выдвижения своеобразно толкуемой концепции «строительства

⁶¹ А. П. Бутенко. Социализм как общественный строй. М., 1974, с. 279.

⁶² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 301—302.

⁶³ См.: «Цзинцзисюэ вэньчжай», Пекин, 1983, № 4, с. 6.

⁶⁴ «Чжунго цзинцзи вэньти», 1982, № 3, с. 25.

⁶⁵ Как пишет советский обществовед Х. Н. Момджян, «конструирование «моделей социализма», связанное с расчленением единого социалистического общества на разновидности, коренным образом отличающиеся друг от друга по экономической, социально-политической структуре, направлено против интернационального единства всех отрядов мирового коммунистического движения, стран мировой системы социализма». — «Коммунист», 1970, № 2, с. 69.

социализма с учетом специфики Китая», правомочность и жизнеспособность этой концепции. Хотя за точку отсчета здесь берется XII съезд КПК (1982), в Китае признается и даже подчеркивается ее «генетическая связь» с суждениями Мао Цзэдуна, в частности, высказанными им в работе 1956 г. «О десяти важнейших взаимоотношениях». Исходным пунктом практического формирования «отличающегося собственным своеобразием пути строительства социализма в Китае» провозглашен III пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва (1978).

Вокруг политической направленности концепции⁶⁶ и ее детализации, наполнения конкретным содержанием продолжаются дискуссии, в ходе которых высказываются весьма различные точки зрения⁶⁷. По-видимому, наиболее далеко идущие последствия могло бы иметь официальное «закрепление» той или иной политической направленности концепции. Пока здесь чаще других встречается (в разных вариациях) формула, согласно которой «строительство социализма с учетом специфики Китая» представляет собой «не оторванное от основных положений научного социализма и общих принципов социалистического строительства «единичное», равно как и не «общее», не наделенное спецификой Китая, а соединение общих законов социалистического строительства с конкретной практикой Китая...»⁶⁸. Вместе с тем в «поименном» описании компонентов «социализма с китайской спецификой» подчас преобладает акцент не на общность с другими странами, а на отличие от них.

Пожалуй, к настоящему времени наиболее детально изложенной можно считать экономическую часть концепции «строительства социализма с китайской спецификой». В «Беседах» в число ее составляемых включаются устоявшиеся, традиционные положения: десять пунктов дальнейшего экономического строительства, выдвинутых в докладе Чжао Цзыяна на IV сессии ВСНП КНР пятого созыва (1981); создание системы хозяйственного управления с «китайской спецификой», в том числе внедрение систем производственной ответственности в сельском хозяйстве и систем хозяйственной ответственности в других сферах экономики; осуществление принципа «плановая экономика — главное, рыночное регулирование — вспомогательное»; допущение определенного развития индивидуальной экономики при преобладании многообразных форм экономики общественной собственности, и т. п. При этом в книге достаточно четко формулируются преимущества плановой экономики, подчеркивается неправомочность «чрезмерного преувеличения или даже неограниченного расширения роли рыночного механизма»⁶⁹. Обращает на себя внимание невключение — ни в «Беседах», ни в других работах — в характеристику экономического содержания «социализма с китайской спецификой» ряда отличительных черт народного хозяйства страны, которые неизбежно сохраняются на долгое время, например, значительной роли мелкого производства, сосредоточения преобладающей части экономически активного населения в деревне, и т. п. Вероятно, тем самым в Китае стремятся придать экономической платформе «социализма с китайской спецификой» более привлекательный облик, чем тот, который реально вытекает из особенностей и возможностей страны.

В. Я. ЖУРАВЛЕВ

⁶⁶ На наш взгляд, в конечном счете, именно такой характер носят дискуссии в КНР по вопросу соотношения, соподчиненности, взаимосвязи «общего» (социалистическое содержание, общие закономерности строительства социализма) и «единичного» (китайская специфика), а также полемика о том, должна ли специфика Китая найти отражение только в «пути» строительства социализма или прежде всего в самой цели, в окончательном результате.

⁶⁷ Обобщение некоторых аспектов дискуссии см. в «Гуанмин жибао», 5.IX и 26.XII.1983, «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 5, с. 73—76.

⁶⁸ «Гуанмин жибао», 31.X.1983.

⁶⁹ Беседы..., с. 477.

Китайско-американские связи в оценке политологов США

С. М. ОЛЕСИН

Внешнеполитический курс КНР является объектом постоянного и неослабного внимания американской политологии. Оценки экспертов, выводы и конкретные рекомендации американских политологов оказывают определенное, хотя и не всегда прямое, воздействие на официальную линию Вашингтона. С другой стороны, на этих оценках в значительной степени сказывается влияние Белого дома. За последний период в политологических изданиях США появился целый ряд различных публикаций, в которых подвергается анализу практическая линия Пекина после XII съезда КПК, воздействие съезда на характер китайско-американских отношений, осмысливается содержание, некоторые итоги и перспективы китайской политики Р. Рейгана на этапе своеобразного промежуточного финиша — президентских выборов 1984 г.

* * *

Разумеется, центральным — и наиболее существенным — вопросом для американских наблюдателей является вопрос о характере и глубине изменений, которые принес XII съезд КПК в китайскую внешнюю политику. Для ответа на него потребовалось некоторое время, чтобы провести анализ практических дел после сентября 1982 г. Этот анализ позволил сделать в целом обнадеживающий американских экспертов вывод: несмотря на некоторые «нюансы» и «модификации», отмеченные в формулировках съезда, генеральная направленность китайской внешнеполитической стратегии, подход Пекина к ключевым международным проблемам, оценка им политических «врагов» и «союзников» остались, по существу, неизменными. К такому выводу приходит, например, сотрудник исследовательской службы госдепартамента США К. Хэмрин¹.

Неизменным после XII съезда КПК, как констатируется на Западе, остается стремление КНР сохранить «стратегическую связь» с США, ее желание и впредь опираться на американского партнера в своей международной деятельности. «Китайцы, — отмечал в этой связи авторитетный в США эксперт-китаевед Д. Загория, — будучи большими мастерами в искусстве практической политики, очень хорошо знают, что их перспективные интересы зависят от сдерживания силы Советов и что связи с Америкой крайне необходимы, чтобы достичь этих целей... Китай не сможет проводить политику «равноудаленности» между сверхдержавами. По главным вопросам, затрагивающим баланс сил, Китай будет продолжать склоняться к Западу»².

¹ C. Hamrin. China Reassesses the Superpowers. — «Pacific Affairs», 1983, vol. 56, N 2, p. 220.

² D. Zagoria. The Moscow—Beijing Detente. — «Foreign Affairs», 1983, vol. 61, N 4, p. 870, 873.

Вместе с тем в американских политико-академических кругах не остались незамеченными и некоторые новые моменты в китайской внешнеполитической линии, и прежде всего определенные «жесты» КНР в отношении Советского Союза, сделанные в начале 80-х годов. Несмотря на ограниченный характер этих «жестов» — китайская сторона пошла на определенное расширение торговли, некоторое оживление политических, научных, культурных контактов с СССР, — этого оказалось достаточно, чтобы вызвать на Западе целую волну разного рода спекуляций по поводу возможных последствий гипотетической китайско-советской разрядки для интересов США. Этой теме было посвящено множество разнообразных печатных материалов, в том числе и публикаций аналитического характера³. Пожалуй, наиболее интересной и представительной из них (особенно в плане обобщения интересующих нас точек зрения) явился обзор «Будущее китайско-советских отношений и их последствия для США», подготовленный исследовательской службой конгресса Соединенных Штатов⁴. Этот обзор, как отмечает его автор Р. Саттер, основан на мнениях большой группы авторитетных американских китаеведов, высказанных (без права персональной ссылки на них) осенью 1982 г., то есть сразу после XII съезда КПК. В обзоре сводится воедино и систематизируется аргументация экспертов, и вследствие этого он может рассматриваться как один из первых откликов политологов США на внешнеполитическую программу XII съезда, на некоторые новые «симптомы» в китайско-советских отношениях.

Р. Саттер выделяет две доминирующие тенденции в американских оценках по рассматриваемому вопросу. Первая из них объединяет тех политологов, которые считают, что любое потенциальное сближение Пекина с Москвой будет непременно происходить за счет ослабления американских позиций в треугольнике СССР — США — КНР. Согласно этому подходу, разрядка между Китаем и СССР, особенно если она примет ощутимые масштабы и коснется военной области, сделает возможной существенную переориентацию военных усилий СССР с китайского фланга на Европу и другие стратегические направления, увеличив тем самым «сдерживающее» бремя США и их союзников. По мнению сторонников этой точки зрения, подобное развитие китайско-советских отношений практически исключило бы возможность тесных военных связей Вашингтона и Пекина, важность которых как эффективного рычага давления на Москву признают многие в Белом доме. Далее, по утверждению группы экспертов, в случае определенной стабилизации отношений Пекина с Москвой они могут даже привести к тактическому сотрудничеству двух сторон по ряду международных вопросов, в частности по проблемам Ближнего Востока, Центральной Америки, Юга Африки, проблематике Север—Юг и т. д., что, естественно, будет иметь негативные последствия для США. Наконец, хотя данный прогноз наименее вероятен, как считают эти эксперты, возможное развитие технико-экономического сотрудничества СССР и Китая в будущем во многом снизит заинтересованность последнего в экономической помощи и связях с Западом, что в настоящее время является одним из главных стимулов китайско-американского партнерства.

В целом эта группа экспертов, явно отражающая господствующую в США точку зрения, считает невозможным для США допустить нормализацию китайско-советских отношений и выступает за закрепление Пекина в русле активной антисоветской стратегии.

³ In: D. Zagoria. The Moscow — Beijing Detente. — «Foreign Affairs», 1983, vol. 61, N 4, p. 853—873; Future Sino-Soviet Relations and Their Implications for the US. Congressional Research Service. By R. Sutter. Washington, 1982; W. Griffith. Sino-Soviet Rapprochement. — «Problems of Communism», 1983, vol. 32, N 2, p. 20—29.

⁴ In: Future Sino-Soviet Relations...

Сторонники другой выделяемой автором тенденции более «оптимистично» оценивают возможные последствия потенциальной китайско-советской разрядки для международных позиций США. Их оптимизм, конечно же, проистекает главным образом из убеждения в весьма ограниченных масштабах подобной разрядки. «В настоящее время, — отмечается в обзоре, — многие наблюдатели делают вывод, что современные изменения в китайско-советских отношениях вряд ли приведут к чему-либо большему, чем ограниченный рост экономических, технических и культурных обменов и установление более нормального дипломатического диалога между соседними странами. Эти изменения не рассматриваются как ведущие к существенным негативным последствиям для американских интересов»⁵. Такая ограниченная разрядка в китайско-советских отношениях при условии сохранения «конструктивных» отношений Китая с США, утверждают эксперты-«оптимисты», позитивно скажется и на американской политике. Аргументируется это, в частности, тем, что Советский Союз, проявляющий «меньшую нервозность и беспокойство» в связи с китайской проблемой, может стать более «умеренным» и «рациональным» в своих отношениях с США. Сторонники данного подхода заявляют, что это якобы «позволило бы Советскому Союзу занять более умеренную позицию по вопросам контроля над вооружениями»⁶, как будто его позиция в данном вопросе до сих пор была неумеренной и это он, а не Соединенные Штаты приступил к размещению новых ядерных ракет в Европе, затруднив таким образом процесс достижения договоренности.

Далее, снижение уровня китайско-советской конфронтации, как считают сторонники второго подхода, в частности в Азиатском регионе, вокруг проблем Афганистана и Кампучии, сможет способствовать благоприятному разрешению этих проблем, привести к созданию «стабильной, мирной и процветающей» Азии, соответствующей, разумеется, «долговременным внешнеполитическим интересам» США. Не следует опасаться также и активизации экономического сотрудничества Китая с Советским Союзом. Более того, как отмечают эти эксперты, оно способно в существенной степени высвободить экономические ресурсы США для их использования в других районах мира. Что касается возможного тактического сотрудничества СССР и КНР по ряду международных вопросов, то и в этом эксперты-«оптимисты» видят возможные позитивные последствия для США — дополнительные стимулы для поиска двусторонних советско-американских договоренностей. Таким образом, представители второй точки зрения как бы «успокаивают» Вашингтон, внимательно следящий за развитием китайско-советских отношений и заинтересованный в закреплении их в совершенно определенном русле. Они доказывают, что при главном условии — сохранении «конструктивных отношений» КНР с США — у последних остаются немалые возможности для эффективного международного маневрирования и в случае гипотетической китайско-советской разрядки.

Совершенно очевидно, что сторонники обеих точек зрения в американской политологии в конечном счете озабочены одним и тем же — обеспечением односторонних внешнеполитических преимуществ для США при любом повороте событий. Однако с учетом современных реалий американской политики подход к развитию трехсторонних взаимоотношений США — КНР — СССР, характерный для экспертов-«оптимистов», производит впечатление полностью оторванных от жизни

⁵ Ibid., p. 3. Подобную точку зрения вне данного обзора выражает авторитетный американский эксперт по Китаю А. Д. Барнетт. В ответ на вопрос о перспективах китайско-советских отношений на данном этапе он прямо заявил, что, по его мнению, в этих отношениях «никаких эффектных изменений не предостоят» («U.S. News and World Report», 7.V.1984).

⁶ Future Sino-Soviet Relations..., p. 45.

ни чисто академических построений. Этот подход не только не стыкуется с практической китайской политикой Белого дома, не оказывает на нее сколь-нибудь заметного воздействия, но, более того, находится с этой политикой в резком противоречии.

Как известно, главную ценность стратегического сближения с Китаем — и это недвусмысленно явствовало из действий всех администраций США, начиная с администрации Никсона, — Вашингтон видит прежде всего в совместном противодействии Советскому Союзу. Время от времени заявляя на словах, что китайско-американское партнерство не направлено против третьих стран и Соединенные Штаты «приветствовали» бы нормализацию китайско-советских отношений, Вашингтон на практике всегда делал и делает все от него зависящее, чтобы затормозить подобную нормализацию, максимально «привязать» к себе Пекин в политическом, экономическом и военном отношении, сделать прозападную, проамериканскую ориентацию внешней политики КНР необратимой. Именно такую цель, помимо всех других, преследуют шаги, направленные на становление военного сотрудничества США и КНР, продолжающееся смягчение ограничений на продажу Пекину американской технологии «двойного» и военного назначения, предоставление КНР льготных условий в торгово-экономическом сотрудничестве. Как явствует, в частности, из откровений одного из бывших творцов американской политики, З. Бжезинского, «увеличение потока современной технологии в Китай рассматривалось в Белом доме как существенный компонент стратегического сотрудничества, стремление к которому росло в прямой зависимости от ухудшения американо-советских отношений»⁷.

При этом показательно, что, разыгрывая в различных вариантах «китайскую карту» и фактически не скрывая этого, Соединенные Штаты пытаются, что называется, свалить с больной головы на здоровую и обвинить в такого же рода маневрах и Советский Союз. Такую попытку предпринимает, например, американский советолог Д. Строуд в статье «Контроль над вооружениями и китайско-советские отношения», опубликованной в «Орбисе», журнале правоконсервативной ориентации⁸. Согласно интерпретации автора, Советский Союз в качестве одной из существенных целей своих взаимоотношений с США якобы всегда видел поиск договоренностей, направленных на то, чтобы ущемить Китай, воспрепятствовать росту политического влияния и военного потенциала этой страны. В таком ракурсе автор извращает, например, истинные цели и действия Советского Союза в ходе переговоров с США по Западному Берлину (1959—1960 гг.), во время Карибского кризиса (1962 г.), при заключении Договора между СССР и США об ограничении подземных испытаний ядерного оружия (1974 г.) и в целом ряде других политических ситуаций⁹. За отсутствием каких-либо фактов и аргументов, обосновывающих его позицию, автор ограничивается лишь собственными спекуляциями на данный счет¹⁰.

Д. Строуд пытается представить дело так, что Советский Союз в начале 80-х годов именно вследствие резкого обострения американо-советских отношений проявил «особую заинтересованность» в нормализации отношений с КНР и его шаги в этом направлении якобы не впи-

⁷ K. Manning. Reagan's Change Hit. — «Foreign Policy», 1984, N 54, p. 95.

⁸ In: D. Strode. Arms Control and Sino-Soviet Relations. — «Orbis», 1984, vol. 28, N 1, p. 163—188.

⁹ Ibid., p. 164—167.

¹⁰ Китаевед Ч. Джонсон заметил, что «каким бы тщательным или логичным порой ни выглядел анализ китайско-советских отношений, иностранные комментарии на эту тему основаны преимущественно на спекуляциях» («Foreign Affairs», 1984, vol. 62, N 3, p. 736). Это заключение, на наш взгляд, весьма уместно и в связи с данной публикацией Д. Строуда, с той лишь оговоркой, что «тщательным» или «логичным» «анализ» автора назвать трудно.

сывались в контекст прежней — более жесткой, по мнению автора, — советской линии. Автор разрабатывает версию «непоследовательности» и «конъюнктурности» советской позиции в отношении КНР, стремится показать якобы «противоречивый» характер оценок КПСС по данному вопросу¹¹.

Эта версия, однако, ничего общего не имеет с реальным положением вещей. В Советском Союзе никогда не рассматривали отношения с Китаем как объект политического торга и конъюнктурного маневрирования и на протяжении всей истории существования КНР придавали этим отношениям особое значение. Строить двусторонние связи с КНР в СССР всегда хотели на принципах добрососедства, мира, взаимной выгоды и без ущерба для каких-либо третьих стран. Данные принципы лежат в основе многочисленных инициатив и предложений СССР, направленных на нормализацию советско-китайских отношений и неоднократно высказывавшихся с самых различных политических трибун, включая высокие трибуны съездов КПСС. Подтверждая принципиальный характер и последовательность этой линии, XXVI съезд КПСС подчеркнул: «Советский Союз не искал и не ищет конфронтации с Китайской Народной Республикой. Мы следуем курсу, определенному XXIV и XXV съездами КПСС, и хотели бы строить связи с ней на добрососедской основе. Остаются в силе наши предложения, направленные на нормализацию отношений с Китаем, как остаются неизменными наши чувства уважения и дружбы к китайскому народу»¹².

* * *

Как известно, начальный период пребывания президента Р. Рейгана в Белом доме совпал с периодом некоторого охлаждения китайско-американских отношений, вызванного главным образом протайваньскими настроениями президента, его консервативно антикоммунистическим подходом к КНР. Со своей стороны в Пекине возобновили «дозированную» критику США по ряду внешнеполитических аспектов, предприняли ряд активных дипломатических демаршей в ответ на ущемление суверенитета КНР со стороны Белого дома. Такая ситуация в двусторонних отношениях в начале 80-х годов придавала новые стимулы и остроту дебатам в американской политологии относительно использования «китайской карты» в глобальной стратегии Вашингтона.

Сторонники активного использования «китайской карты» критиковали «жесткую» линию президента Р. Рейгана, возлагали на него основную ответственность за торможение динамики «стратегического партнерства» с КНР, подчеркивали, что его позиция многократно увеличивала «опасность» китайско-советского сближения. Наиболее напористо эту критику вели те политологи и практики, которые с самого начала выступали за наиболее крайние и безоговорочные формы использования «китайской карты» в антисоветской линии США и, более того, лично проводили эту линию в жизнь при прежних американских администрациях. К таким деятелям относится, в частности, З. Бжезинский.

В одной из публикаций¹³, ориентированной главным образом на то, чтобы дать «советы» Японии о том, как оптимальнее и эффективнее обеспечивать американские интересы в Восточноазиатском регионе, З. Бжезинский еще раз подчеркнул важную роль и «заслуги» Китая в

¹¹ Ibid., p. 181.

¹² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 11.

¹³ In: Z. Brzezinski, *East Asia and Global Security: Implications for Japan*. — «Journal of International Affairs», 1983, vol. 37, N 1, p. 5—12.

подобного рода деятельности. Заявляя, что в военно-стратегическом отношении Пекин-де «обходится» Советскому Союзу в 25 % всех военных затрат и это приблизительно столько же, сколько «оттягивают» на себя европейские страны НАТО, автор еще раз подтвердил, что известные заявления о Китае как о «восточном» члене этой агрессивной группировки наполнены вполне конкретным содержанием¹⁴.

З. Бжезинский с явным одобрением отзывался о результатах действия «китайского фактора» как фактора, благоприятствующего империалистической линии США в Азиатском регионе. В таком ключе Бжезинский оценивал, например, китайскую агрессию против Вьетнама весной 1979 г., которая, по его выражению, оказала «отрезвляющее» воздействие на вьетнамцев и должна, по его расчетам, ободрять союзников Китая и США в ЮВА, в частности Таиланд. Как весьма благоприятную для Соединенных Штатов, заявлял З. Бжезинский, следует рассматривать и «сдерживающую» позицию Пекина в отношении КНДР¹⁵. Иными словами, З. Бжезинский и солидарные с ним влиятельные силы выражали признательность китайским партнерам за те «параллельные» действия, которые направлены против интересов социалистических стран Азии, а иногда и прямо угрожают их существованию.

Разумеется, перспектива потери столь ценного во всех отношениях стратегического союзника крайне беспокоила З. Бжезинского. Он подчеркивал, что китайско-американские отношения могут серьезно ухудшиться из-за «чрезмерно жестких идеологических предубеждений некоторых политиков в новой американской администрации». Особенно остро он критиковал позицию Рейгана в вопросах о поставках оружия Тайваню, считая их абсолютно неоправданными. «Я был глубоко поражен, — писал З. Бжезинский, — доминированием, особенно в Белом доме, неоправданного обязательства обеспечить Тайвань более современным оружием, — обязательства, политический смысл которого я не в состоянии понять ни с точки зрения необходимости противодействия какой-либо реальной угрозе, ни с точки зрения получения каких-либо политических выгод для США»¹⁶.

Иными словами, прагматичный антикоммунист Бжезинский упрекал ортодоксального антикоммуниста Рейгана за неспособность более гибко подходить к оценке реальных внешнеполитических приоритетов Соединенных Штатов, за нежелание осознать, что внешнеполитический курс КНР, по крайней мере в тех его параметрах, которые превалировали в нем во второй половине 70-х годов, оказывает куда более эффективную поддержку Соединенным Штатам, чем та, которую способны предоставить им «старые друзья» — тайваньцы.

Необходимость поддержания китайско-американских отношений на уровне, существовавшем при прежних американских администрациях, имея в виду в первую очередь стратегический и антисоветский аспекты, настойчиво аргументируют многие американские политологи. Б. Гаррэт и Б. Глейзер, в частности, отмечают, что «у США и Китая нет общих целей, но они играют большую роль в стратегических представлениях друг друга и считают важным сдерживать Советский Союз от агрессивности»¹⁷. Призывая КНР и США к большему взаимопониманию, эти авторы подчеркивают, что Соединенные Штаты должны продемонстрировать китайским лидерам свою строгую приверженность уже данным обязательствам, в частности положениям августовского 1982 г. двустороннего коммюнике, а китайские лидеры в свою очередь

¹⁴ In: «Journal of International Affairs», 1983, vol. 37, N 1, p. 8.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ B. Garrett, B. Glaser. The Strategic Importance of Sino-American Relations. — «USA Today», 1983, vol. 112, N 2458, p. 15—16.

должны предпринять конкретные шаги, чтобы продемонстрировать Вашингтону свое желание развивать стратегическое сотрудничество¹⁸.

В американских публикациях наряду с этой присутствует и иная интерпретация внешнеполитических приоритетов США, несколько отличная трактовка «застойных явлений» в китайско-американских отношениях, происходивших в первые годы президентства Р. Рейгана. Она характерна главным образом для тех авторов, которые с самого начала более критически оценивали значение «китайской карты» в глобальной стратегии Вашингтона, подчеркивали необходимость не допускать чрезмерного прокитайского крена США в ущерб отношениям Соединенных Штатов с Советским Союзом, другими странами. Этим политологам свойственно рассматривать проявляющееся торможение в динамике американо-китайских отношений как следствие более глубоких, фундаментальных причин, имеющих двусторонний характер, а не просто как результат рейгановского консерватизма и китайской неудовлетворенности. К тому же они в большей мере, чем прагматические критики Рейгана, обращают внимание на эволюцию его подхода к Китаю на протяжении всего периода президентства.

С подобной трактовкой современного этапа китайско-американских отношений выступает, в частности, активно публикующийся в последние годы политолог-китаевед Д. Коппер¹⁹. Последний подчеркивает, что с американской стороны определенные предпосылки для торможения двусторонних отношений наметились еще до прихода в Белый дом президента Р. Рейгана. К ним автор относит в первую очередь проявившееся в США известное разочарование невысокой, по его мнению, стратегической и дипломатической результативностью «китайской карты». В военно-стратегическом смысле, утверждает Д. Коппер, стало ясно, что Вашингтон не в состоянии оказать Пекину военную помощь в тех масштабах, которых требуют нужды модернизации НОАК и которые делали бы Китай серьезным противовесом Советскому Союзу. В дипломатическом смысле, отмечает автор, «китайская карта» также не принесла США особых дивидендов, и, более того, в ряде случаев, например на Корейском полуострове и в Индокитае, она оказала обратное воздействие²⁰. Подчеркивая тот факт, что Рейган отнюдь не игнорировал возможностей для поддержания хороших отношений с Китаем²¹ и значительно приглушил свои протайваньские симпатии, уже находясь на посту президента, Д. Коппер констатирует, что китайско-американские разногласия проистекают из более фундаментальных проблем, чем это подчеркивают критики Рейгана, и эти проблемы свидетельствуют о том, что «Соединенным Штатам необходима большая гибкость во внешней политике, а в результате чрезмерных обязательств перед Китаем США проигрывают в других частях мира»²².

Аналогичную точку зрения выражает и видный американский политический обозреватель Дж. Крафт. В статье, опубликованной накануне визита Р. Рейгана в Пекин, он призывал «не переоценивать Китай», подчеркивая, что огромные возможности для связей США со странами Тихоокеанского бассейна, в частности с Японией, Южной Кореей, Тайванем, Гонконгом, Филиппинами, Малайзией, Сингапуром, Индонезией «будут упущены, если США возьмут на себя неблагоприятную задачу — поддерживать развитие и целостность материкового Китая»²³. При этом необходимо подчеркнуть, что сторонники данной точки зрения отнюдь

¹⁸ Ibid.

¹⁹ In: J. Copper. Sino-American Relations: On Track or off Track? — «Asia Pacific Community», 1983, N 19.

²⁰ Ibid., p. 16—17.

²¹ Так, первым иностранным послом, который был принят Рейганом после его вступления в должность, был, как отмечает автор, посол КНР.

²² J. Copper. Sino-American Relations..., p. 18.

²³ «Washington Post», 24.IV.1984.

не высказываются в том смысле, что «китайский фактор» не следует использовать в империалистической стратегии США. Они призывают лишь к большему «реализму», сбалансированному подходу к различным направлениям американской глобальной политики, выступают за более умеренные и потому, по их мнению, оптимальные формы использования «китайского фактора».

* * *

Анализируя подходы американских политологов к китайской политике США, необходимо отметить, что если при прежних администрациях сторонники активных контактов и «стратегического партнерства» с КНР оказывали прямое и доминирующее влияние на практические решения Белого дома, то сейчас, когда их позиции наверху несколько потеснены с приходом группировки Р. Рейгана, они вынуждены маневрировать, искать дополнительные, «непрямые» каналы воздействия на Белый дом, использовать и «неамериканскую» аргументацию. В этой связи симптоматичной, на наш взгляд, является статья, появившаяся в одном из весьма солидных политологических изданий США — журнале «Форин полиси»²⁴. Она примечательна тем, что выступающий под псевдонимом автор, как сообщает журнал, является специалистом-международником одного из исследовательских учреждений КНР и выражает «редкую» неофициальную точку зрения. Материалы такого рода действительно редки, если не единичны, для ведущих политологических органов США, и в этом смысле появление данной публикации в «Форин полиси» — весьма многозначительное явление.

В статье, которая и терминологически, и по стилю аргументации выдержана в классическом духе западных политологических исследований, большое внимание уделяется разбору современных внутренних условий формирования внешнеполитического курса КНР. «Влиятельные силы внутри Китая, — пишет автор, — настаивают на серьезном обсуждении в Пекине независимой внешней политики, не ориентирующейся ни на Вашингтон, ни на Москву»²⁵. Рисуя картину внутривнутриполитической борьбы в китайском руководстве, автор выделяет в нем три ведущие политические группировки — «группировку реформ», возглавляемую Дэн Сяопином, Ху Яобаном и Чэнь Юнем, «маоистов» во главе с Хуа Гофэном и «консерваторов», представленных Е Цзяньном и Ли Сяньнянем. В 1978—1979 гг., пишет автор, группировка Дэн Сяопина при поддержке консерваторов нанесла серьезное поражение «маоистам» и попыталась провести в жизнь целую серию политических и экономических реформ. Однако, за исключением некоторых сфер, в частности сельского хозяйства и внешней торговли²⁶, эти реформы, по мнению автора, оказались малоэффективными и непоследовательными. В итоге, оказавшись под существенным давлением и критикой «консерваторов», группировка Дэн Сяопина была вынуждена лавировать, отступать, подчеркивая необходимость политической стабильности²⁷.

Центральный тезис автора заключается в том, что в результате усилившегося влияния «консервативных» сил в Китае происходит процесс «восстановления» политической модели «советского образца» и это обстоятельство вступает в серьезное противоречие с проводившимся ранее

²⁴ E. Lee. Beijing's Balancing Act. — «Foreign Policy», 1983, N 51, p. 27—46.

²⁵ Ibid., p. 28.

²⁶ Данная публикация в «Форин полиси» вышла в свет весной 1983 г. Автор, естественно, не имел возможности отразить в ней последующие этапы экономических реформ в КНР, в частности реформы, одобренные III пленумом ЦК КПК двенадцатого созыва (октябрь 1984 г.).

²⁷ Ibid., p. 29—30.

откровенно прозападным внешнеполитическим курсом. Объясняя происшедшие изменения в китайско-американских отношениях, автор, помимо прочего, говорит и о большей гармоничности связей Китая с СССР, чем с США, об опасениях Пекина «по поводу влияния западных идей и ценностей на молодое поколение»²⁸.

Разумеется, что под восстановлением модели «советского образца» автор, употребляя шаблонный (и если говорить прямо, глубоко неверный по существу) пропагандистский термин, имеет в виду воздействие социалистических принципов и целей на внутривнутриполитическое развитие КНР, — принципов, которые не могут не вступать в противоречие с определенными аспектами внешнеполитического курса страны.

В целом при анализе этой публикации создается впечатление, что автор намеренно пугает американского читателя, рисуя эволюцию Китая в неблагоприятном для Запада «просоветском» направлении. Его цель состоит в том, чтобы подтолкнуть западных партнеров к принятию более гибкого, податливого курса в отношении КНР. Примечательно, что законспирированный «ученый из КНР» критикует линию Рейгана во многом с тех же позиций, что и упоминавшийся выше З. Бжезинский, обвиняя президента в отсутствии достаточной «широты взглядов», разыгрывании «тайваньской карты» и даже принижении роли КНР как стратегического союзника Соединенных Штатов. Автор утверждает также, что подобная линия США во многом стимулировала поиск Пекином диалога с Москвой, а жесткая позиция Рейгана в тайваньском вопросе поставила под серьезный удар в Китае группировку Дэн Сяопина²⁹. В этом смысле не такой уж независимой оказывается позиция «независимого специалиста» из КНР. Если последний и представляет какие-то политические силы в Китае, то совершенно очевидно, что это силы вполне определенной прозападной ориентации, да и вряд ли для выражения каких-либо иных точек зрения, существующих в КНР, предоставил бы свои страницы уважаемый американский журнал.

В заключение, рассматривая различные варианты будущей внешнеполитической линии КНР, автор в качестве наиболее «оптимального» и вероятного называет следующий вариант: ограниченная разрядка с СССР, некоторый «отход» от Соединенных Штатов, но в целом сохранение более тесных, чем с СССР, политических и экономических связей с США, продолжение сотрудничества с ними, «особенно по проблемам азиатской безопасности». Такая стратегия, по его аргументации, обеспечила бы Пекину стабильные и безопасные условия для программы внутреннего экономического развития страны с опорой главным образом на западную помощь и была бы внутривнутриполитически приемлема для различных фракций китайского руководства. Таким образом, попугав западного читателя возможной «эволюцией» Пекина в «просоветском» направлении, автор в конце концов все же успокаивает своих американских единомышленников: принципиальная внешнеполитическая ориентация Китая на США останется неизменной.

* * *

Основная сфера расхождений в политологических дебатах в США, как уже отмечалось, касалась и касается главным образом не вопроса об использовании или неиспользовании «китайского фактора» в американской глобальной стратегии и в отношениях с СССР — на этот счет крайне редко можно встретить безоговорочный отрицательный ответ, — а, скорее, вопроса о наиболее оптимальных и эффективных формах та-

²⁸ Ibid., p. 33.

²⁹ Ibid., p. 36—37.

кого использования. Разумеется, на каждом данном этапе при ответе на этот вопрос американские эксперты учитывали и учитывают уже накопившийся «опыт» взаимоотношений с Китаем, а также соответствующую эволюцию своего партнера, ряд основополагающих процессов и тенденций в его внутренней политике.

Наряду со «стратегическими» аспектами взаимоотношений, развитием военно-политического сотрудничества с КНР подчеркнутое внимание политологов США проявляется к контактам в экономической и научно-технологической областях. Более того, отдельные американские эксперты считают акцент на экономические связи с КНР политикой, наиболее эффективно и надежно обеспечивающей долгосрочные американские интересы в двусторонних отношениях. Такого мнения, например, придерживается известный американский китаевед, профессор Ч. Джонсон³⁰.

Выступая на страницах журнала «Форин афферс», этот политолог подчеркивает, что линия на форсирование военного сотрудничества с Китаем, которая традиционно велась Белым домом в отношениях с КНР, является неоправданной и, более того, потенциально опасной для интересов США. Что же касается экономических и научно-технологических форм связей с КНР, то они, как полагает Джонсон, с учетом современных внутренних процессов в Китае способны привести к глубоким и гораздо более благоприятным для США сдвигам внутри китайского общества. «По моему мнению, — указывает этот политолог, — ...куда более важным, чем какое-то там гипотетическое сотрудничество по вопросам безопасности с КНР, является продолжение обучения тысяч китайских студентов в западных университетах, укрепление коммерческих связей Китая со странами Тихоокеанского бассейна и упор, который многие китайцы делают на модернизацию своей страны»³¹. Поощрение именно такого рода связей с КНР, по убеждению Джонсона, будет способствовать укреплению позиций «экономических реформаторов» в китайском обществе, под которыми на Западе совершенно определенно имеют в виду политические силы, заинтересованные в прозападной, прокапиталистической эволюции страны. Иными словами, наиболее желательный эффект экономических связей США с Пекином автор видит в эрозии социалистического строя в КНР, в постепенном втягивании страны в орбиту мирового капиталистического хозяйства.

С позицией Джонсона в той ее части, где он говорит о большой перспективности и важности экономических рычагов воздействия на Китай, выражают свое согласие многие американские эксперты-китаеведы. Однако Д. Загория, например, в отличие от Ч. Джонсона отнюдь не приписывает значимости и военно-политическим форм сотрудничества с Пекином. «Общий стратегический интерес в совместном противодействии советскому экспансионизму», пишет он, является «ключевым фактором для поддержания добрых долгосрочных отношений с КНР». Более того, этот фактор ставится им на первое место³². Да и в большинстве других американских публикаций, несмотря на словесный камуфляж и разного рода оговорки, продолжают придавать соответствующее значение «стратегическим аспектам» взаимоотношений, в частности «немаловажной способности Пекина скрывать на советско-китайской границе 25 % советских вооруженных сил»³³.

Судя по всему, точка зрения Д. Загории и солидарных с ним американских специалистов в большей мере, чем позиция их оппонентов, разделяется в официальном Вашингтоне и оказывает воздействие на прак-

³⁰ In: Ch. Johnson. East Asia: Another Year of Living Dangerously. — «Foreign Affairs», 1984, vol. 62, N 3, p. 721—745.

³¹ Ibid., p. 734—735.

³² D. Zagoria. China's Quiet Revolution. — «Foreign Affairs», 1984, vol. 62, N 4, p. 904.

³³ K. Manning. Reagan's Change Hit, p. 87.

тическую китайскую политику администрации Р. Рейгана. Ее действия в последние годы свидетельствуют о том, что, развивая как экономическое, так и военно-политическое сотрудничество с Пекином, Вашингтон не только преодолел некоторое торможение в динамике двусторонних отношений, но в ряде аспектов пошел дальше предыдущих администраций. Так, администрация Р. Рейгана еще более увеличила масштабы экономического обмена с КНР, доведя объем двусторонней торговли до суммы свыше 6 млрд. долл. (1984 г.); она предоставила Китаю статус «несоюзной дружественной страны», что значительно расширило возможности последнего в доступе к технологии «двойного» и военного назначения, распространила на КНР действие американской государственной программы продажи оружия иностранным государствам, предусматривающей предоставление кредитов под закупки американской военной техники.

Принципиальная заинтересованность Белого дома в стабилизации и развитии «особых» отношений с Китаем, в подчеркивании антисоветской направленности этих отношений была со всей очевидностью продемонстрирована в ходе визита президента Рейгана в Пекин весной 1984 г. В ходе встречи с китайскими руководителями для призывов к совместному противодействию СССР американский президент максимально использовал все темы и тезисы, начиная от проблем вокруг Афганистана и Кампучии, так называемого вопроса о перемещении советских ракет средней дальности в Азию, до инцидента с южнокорейским самолетом. В ходе визита было парафировано соглашение между КНР и США о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии, был придан новый импульс развитию военных связей³⁴.

Таким образом, современная внешнеполитическая линия Вашингтона, определяемая интересами правящих кругов США, как и прежде, исходит из их классовых глобальных приоритетов и в том числе из необходимости максимального поддержания антисоветского стратегического сотрудничества с КНР.

* * *

Таковы некоторые доминирующие тенденции в американских оценках курса КНР, современного этапа и перспектив китайско-американских отношений. Разбор этих оценок показывает, что американские политологи-китаеведы, анализируя новые факты и динамику китайско-американских отношений в начале 80-х годов, в целом не констатируют переориентации международных приоритетов Китая, кардинального отхода от тех внешнеполитических концепций, стратегических целей и глобальных союзников, которые определяли основные параметры внешней политики КНР, место Китая в мировой расстановке сил в предыдущем десятилетии.

Соответственно американская политология не отказалась от призывов к всемерному использованию «китайской карты» в антисоветской линии Вашингтона. При этом характерно, что наряду с призывами к дальнейшему развитию военно-политического сотрудничества выдвигаются и иные, экономические формы «привязки» КНР к стратегии США. Эти формы, по мнению американских экспертов, весьма соответствуют специфике современного этапа внутреннего развития КНР.

³⁴ Подробнее см.: В. И. Бирюков. Китай в стратегических расчетах США. — «Проблемы Дальнего Востока», 1984, № 3; В. И. Петухов, Г. И. Рагулин. КНР — США: связи в военной области. — «Проблемы Дальнего Востока», 1984, № 4.

Страницы жизни Сюй Бэйхуна¹

ЛЯО ЦЗИНВЭНЬ

Наньчан. 1931

В 1931 г., воспользовавшись свободным временем в дни летних каникул, Бэйхун поехал в Наньчан. Едва он прибыл в город, как об этом тут же сообщили местные газеты, и к нему непрерывным потоком потянулись посетители, в большинстве своем молодые любители изобразительного искусства, жаждавшие услышать его советы и наставления.

В Наньчане жил Фу Баоши, который впоследствии стал известным художником². В то время он не мог найти работы и крайне бедствовал. Как-то вечером Фу Баоши при тусклом свете керосиновой лампы увлеченно занимался живописью... Вдруг кто-то громко забарабанил кулаком в ворота его дома. От неожиданности он испуганно вздрогнул, но в этот же момент услышал знакомый голос своего старого приятеля:

— Баоши! Баоши! Скорей открой! Ну, открывай же!

Фу Баоши быстро встал и открыл двери. Тяжело переводя дыхание, его приятель проговорил:

— К нам в Наньчан приехал сам Сюй Бэйхун! Обязательно сходи к нему, он, вероятно, сможет тебе помочь...

На следующий день утром, взяв под мышку свои картины, Фу Баоши поспешил в гостиницу, где остановился Сюй Бэйхун. Несмотря на ранний час, в номере Сюй Бэйхуна собралось уже столько гостей, что яблоку негде было упасть. А к тому времени, когда очередь дошла до Фу Баоши и его принял Бэйхун, посетителей стало еще больше. Бэйхун лишь мельком просмотрел картины, попросил оставить их и прий-ти еще раз вечером.

Когда Фу Баоши вернулся домой, Ло Шихуэй, его жена, делившая безропотно с ним все горести и радости жизни, первым делом спросила:

— Ну как, был у Сюй Бэйхуна?

— Был.

— И что он тебе сказал?

— Он велел оставить ему картины и хочет, чтобы я еще раз пришел вечером.

— Вот как! — Глаза жены засветились надеждой. — А Сюй Бэйхун заметил твои способности?

— Не знаю.

— Так он и другим говорил то же самое?

¹ Окончание. Начало см. № 4 за 1984 г. Портрет Ляо Цзинвэнь (1943) работы Сюй Бэйхуна.

² Фу Баоши (1903—1965) — известный мастер китайской национальной живописи «гохуа», пейзажист, заместитель председателя Союза китайских художников (с 1960 г.).

— Да нет, как будто, — подумав, ответил Фу Баоши.

Ло Шихуэй, женщина сообразительная, радостно рассмеялась...

Вечером того же дня Фу Баоши снова пошел к Бэйхуну. Тот встретил его, как старого друга, — беседовал с ним тепло и доверительно. Пораженный своеобразием таланта Фу Баоши, Бэйхун спросил его с доброй улыбкой:

— Вы не ходили в художественную школу и не были учеником старого мастера — как же вы научились рисовать?

Этот вопрос пробудил у Фу Баоши воспоминания о том, что он пережил с детских лет — как он был сначала подмастерьем, а потом и мастером по изготовлению зонтов, как позже преподавал в начальной школе... Глядя прямо перед собой на стену, будто там оживали картины прошлого, неторопливо, тихим голосом он начал рассказывать:

— В детстве, на улице, где жила наша семья, была мастерская, в которой реставрировали и оформляли³ произведения каллиграфии и живописи. Особенно часто встречались картины таких известных мастеров, как Ши Тао и Ши Си⁴. Я нередко заходил в эту мастерскую посмотреть картины — мысленно копировал их во всех деталях, изучал и запоминал технические приемы. А потом использовал все это, когда рисовал с натуры. Со временем я познакомился с хозяевами мастерской, подружился с ними, и они разрешили приходить и понастоящему копировать картины...

— Вы часто пишете с натуры?

— Да. Я чувствую красоту природы. Наблюдать и изображать ее изменения в зависимости от погоды и освещения для меня большая радость.

Державшийся поначалу несколько скованно Фу Баоши чувствовал себя все более свободно.

— Ну, а где вы доставали книги? — спросил Бэйхун, указывая на кипу принесенных Фу Баоши набросков. — Откуда вы черпаете сюжеты своих картин?

— Это тоже недалеко от нашего дома. Там есть одна старая книжная лавка, куда я часто ходил, чтобы, стоя у прилавка, почитать книги. Со временем, видя мое усердие, хозяин проникся ко мне симпатией и разрешил подниматься наверх, в его книгохранилище. Так я прочел много книг по искусству.

Взволнованный до глубины души этим рассказом, Бэйхун задумался — в жизни Фу Баоши он увидел отражение своей собственной судьбы. Такой одаренный и упорный в учебе человек, но доведенный безработицей и бедностью почти до крайности. Это ведь золотой сверкающий самородок, погребенный в пустой породе! Его необходимо оттуда извлечь, чтобы он явился во всем своем великолепии. Бэйхун встал и, обращаясь к Фу Баоши, с чувством произнес:

— Я очень хочу посмотреть и другие ваши работы. Завтра я сам приду к вам.

Вернувшись домой, Фу Баоши обо всем рассказал жене. Та разволновалась и сразу же начала наводить порядок в их единственной тесной комнатухе, служившей одновременно и спальней, и кабинетом для рисования. Вычищая скопившуюся за многие годы пыль и грязь, она старалась все довести до блеска. «Может быть, с этого момента нам будет сопутствовать удача», — радостно думала она, подмывая комнату.

³ Традиционная китайская картина не вставляется в раму, а оформляется в виде свитка — наклеивается на более длинную и широкую, чем сама картина, бумажную основу и обрамляется наклеенным на ту же основу шелком.

⁴ Ши Тао и Ши Си — известные художники второй половины XVII — начала XVIII в.

На следующий день она внезапно о чем-то вспомнила. Посмотрела на свой залатанный халат из синей хлопчатобумажной ткани и в замешательстве воскликнула:

— Ой! Что же я одену?

— Это не имеет значения. Наденешь тот же халат, что и сейчас, — ответил Фу Баоши, посмотрел на любимую жену и подумал, что переноса вместе с ним нужду и тяжкие испытания она никогда не жаловалась на судьбу. А он не имеет возможности сделать хотя бы так, чтобы она ходила в одежде без заплат. Чувство острой жалости к ней охватило его, но чтобы успокоить жену, он принял беззаботный вид.

— Но ведь он большой человек, разве можно его принимать в залатанной одежде? — с сомнением проговорила жена.

В этот момент неожиданно раздался громкий стук в двери.

— Ой! Господин Сюй Бэйхун пришел! — вскрикнула Ло Шихуэй и с этими словами быстро спряталась в стоявшем у стены огромном старом деревянном шкафу, где обычно хранились картины Баоши, но в этот день их вытащили, приготовив для показа Сюй Бэйхуну, и потому шкаф был пуст.

Бэйхун стремительно вошел в комнату и, не присев и не выпив чаю, сразу же предложил: «Прежде всего посмотрим картины». Одну за другой он стал просматривать картины, с готовностью помогая Фу Баоши их разворачивать. Бесконечное количество свитков, созданных энергичными и стремительными движениями кисти, свидетельствовало об огромной трудоспособности Фу Баоши. «Великолепно, — думал про себя Бэйхун, любясь и восхищаясь работами. — Талант рождается в труде. Это — неопровержимая истина».

Ло Шихуэй тем временем из шкафа наблюдала за происходящим через маленькую щель. Она видела, что Бэйхун одет в длинный летний халат из белой ткани. А на спине халата вроде бы тоже была заплатка! И говорил Бэйхун так просто, так задушевно!

Тут она услышала, как Бэйхун, обращаясь к ее мужу, спросил: «А вашей супруги нет дома?» Фу Баоши замялся, не зная, что сказать, а Ло Шихуэй, воспользовавшись тем, что Бэйхун склонился над очередной картиной, на цыпочках потихоньку выбралась из шкафа.

— Она здесь, — с облегчением проговорил Фу Баоши и, представляя Ло Шихуэй Бэйхуну, добавил: — Вот моя супруга.

После короткого обмена любезностями они снова стали смотреть картины — первую, вторую, третью... десятую, двадцатую... Пришло время обеда. Чем угостить дорогого гостя? Устроить роскошный пир нет возможности, а подать на стол то, что есть в доме — неловко перед Сюй Бэйхуном — слишком скудны припасы. Это очень беспокоило Ло Шихуэй. Она, захватив бамбуковую корзину, вышла на улицу и купила фаршированных пампушек и лепешки с розовым вареньем.

— Господин Сюй, вы только не смейтесь над нами, — несколько смущаясь, сказала она по возвращении домой. — Дом у нас очень скромный, и мы не можем как следует принять гостей.

На лице ее мужа при этом тоже появилось извиняющееся выражение. Однако Бэйхун весело воскликнул:

— О, фаршированные пампушки! Еще и лепешки с розовым вареньем! Да ведь это же просто деликатесы! — И он с видимым удовольствием принялся за еду, не переставая нахваливать угощение. Было ясно, что он хотел избавить хозяев от чувства неловкости и поднять им настроение.

После еды Ло Шихуэй попросила Бэйхуна что-нибудь нарисовать и взялась сама растирать для него тушь⁵.

⁵ В китайской живописи используют брусочки сухой туши, которую перед употреблением растирают, добавляя необходимое количество воды.

— Что же госпожа хочет, чтобы я нарисовал? — обратился к ней Бэйхун. — Предложите мне тему.

— Нарисуйте утку, — не задумываясь ответила Ло Шихуэй.

К ее радости Бэйхун охотно согласился. Сколько раз, думала Ло Шихуэй, наблюдая, как рисует Бэйхун, хотела она купить утку, чтобы как следует накормить постоянно недоедающего мужа, отдающего все силы работе. Бедность так и не позволила ни разу осуществить это желание. Но еще древние говорили: «Нарисуешь лепешку — утолишь голод». Вот и сегодня можно будет подкрепиться нарисованной уткой!

Бэйхун взял в руки кисть, насыщенную черной тушью, и через минуту на бумаге появилась расправившая крылья утка. Она была как живая — казалось, она вот-вот оторвется от листа бумаги и полетит. Менее сочной тушью Бэйхун написал тростник, а затем вывел на картине нероглифы: «Госпоже Ло Шихуэй на строгий суд». «Такой большой человек и такой скромный, — думала про себя Ло Шихуэй. — Предлагает мне судить его работу!»

Потом, когда картину повесили на стену, Фу Баоши вместе с женой долго ею любовались...

Посреди ночи Ло Шихуэй проснулась, встала и, опасаясь, что картина запылится, осторожно сняла ее и положила в шкаф.

Утром, когда Фу Баоши встал как всегда очень рано, чтобы поработать, он обнаружил, что картины на стене нет. Страшно расстроившись, он спросил у жены:

— Как же так? Вчера, когда я ложился спать, я видел ее на стене. Почему же теперь ее там нет?

— Говорят, в древности однажды, когда дракону, изображенному на стенописи, нарисовали глаза, он улетел, — посмеиваясь про себя, сказала жена. — Может быть, и утка так же улетела.

— Неужели действительно было так? Странно, очень странно! — пробормотал огорченный Фу Баоши.

— До чего же ты все-таки не от мира сего! — прыснула Ло Шихуэй. — Это я убрала ее в шкаф.

Супруги посмотрели друг на друга и, не сдержавшись, расхохотались...

В Советском Союзе. 1934

...Из Берлина Бэйхун переехал во Франкфурт⁶, куда был приглашен с персональной выставкой. Здесь она экспонировалась всего две недели. Многие зрители хотели бы продлить срок работы выставки, но в связи с тем, что Бэйхун получил приглашения из других мест и программа его поездки была очень плотной, этого сделать не удалось.

Бэйхун собирался отправить все картины в Рим, чтобы в первых числах мая открыть выставку там. Однако в это время он получил приглашения в Англию и в Советский Союз, причем тоже на первые дни мая. Особенно срочным было приглашение в Советский Союз: в нем выражалась надежда, что Бэйхун сможет приехать к 1 Мая, поскольку в этот день в Москве собираются видные люди со всей страны, а на Красной площади будет праздничная демонстрация.

Обдумав все как следует, Бэйхун решил отказаться от выставок в Лондоне и Риме и поехать в Москву. В статье «Современное изобразительное искусство Китая» (1946) Бэйхун так объяснял, почему он, изменив свои первоначальные планы, принял такое решение: «Совет-

⁶ В январе 1933 г. Сюй Бэйхун с Цзян Бивэй выехали в Европу с выставкой современной китайской живописи. Помимо работ самого Сюй Бэйхуна, на ней были представлены картины других известных художников из его собственного собрания или взятые на время у частных коллекционеров. К апрелю 1934 г., когда Сюй Бэйхун приехал во Франкфурт, выставка уже демонстрировалась в Париже, Брюсселе, Милане и Берлине.

ский Союз стал первым государством, отказавшимся от неравноправных договоров с нашей родиной... Там победила великая революция и ведется строительство новой жизни. Я давно хотел побывать в этой стране, да все никак не получалось. И вот для этого представился великолепный случай».

Изменение планов доставило Бэйхуну немало хлопот: ему пришлось через Швейцарию ехать на поезде в Геную, а уж оттуда на пароходе добираться до Советского Союза. Приехав в Геную, Бэйхун обнаружил, что посланные им ящики с картинами еще не пришли. Только через несколько дней, получив прибывшие ящики, Бэйхун с Цзян Бивэй на итальянском пароходе отплыли на восток...

Пароход вошел в Черное море... Затем вдаль показалась необъятная земля Советского Союза.

В Одессе Бэйхун сошел на берег. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей прислало из Москвы своего представителя, который встретил Бэйхуна и сопровождал его в поездке по историческим местам и новостройкам города.

Приехав в Москву, Бэйхун сразу же активно включился в подготовку выставки, за организацию которой в целом отвечал представитель Всесоюзного общества связи с заграницей.

Вернисаж выставки современной живописи Китая состоялся 1 мая 1934 г. в помещении Исторического музея на Красной площади. Выступивший на нем председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей⁷, остановившись на истории дружбы между народами Китая и Советского Союза, высказал уверенность в том, что культурный обмен будет способствовать углублению взаимопонимания между двумя народами. Ответное слово произнес Бэйхун. Он поблагодарил Советский Союз за теплый прием и выразил надежду на дальнейшее развитие культурных связей между Советским Союзом и Китаем.

Выставка имела небывалый успех. По возвращении на родину в статье «По Европе с пропагандой китайского искусства» Бэйхун с удовольствием вспоминал: «После открытия выставки наплыв зрителей был такой, какого еще нигде не было. Обратило на себя внимание также то, что, помимо интеллигенции, составлявшей в других странах основную часть зрителей, в Советском Союзе выставку посещало очень много рабочих и крестьян. Некоторые приходили по пять-шесть раз. Они подолгу стояли перед свитками, внимательно разглядывая и смакуя их, а если я оказывался поблизости, спрашивали об их содержании, вникая во все тонкости. К искусству они питают такой глубокий интерес, какой трудно встретить даже среди ученых знатоков в других странах, не говоря уж о китайских рабочих... По их мнению, наша выставка стала самой большой и интересной экспозицией зарубежного искусства за все время после революции».

Пока работала выставка, Бэйхун неоднократно выступал с лекциями в Союзе советских художников, художественных учебных заведениях и других организациях, куда его приглашали. Он познакомился и обменялся работами с известными советскими художниками, такими как Нестеров⁸ и Кравченко⁹. Особенно радовался Бэйхун тому, что у него сложились хорошие дружеские отношения с замечательным советским скульптором Меркуровым¹⁰.

⁷ Председателем ВОКС в то время был А. Я. Аросев (1890—1938).

⁸ М. В. Нестеров (1862—1942) — известный советский живописец, в эти годы работал главным образом в жанре портрета.

⁹ А. И. Кравченко (1889—1940) — советский живописец и график, в те годы работал преимущественно в технике гравюры.

¹⁰ С. Д. Меркуров (1881—1952) — советский скульптор-монументалист.

Меркуров, которому тогда было уже за пятьдесят (умер он в 1952 г.), носил большую бороду, но сохранил густые волосы и яркий блеск живых черных глаз. Он радушно пригласил Бэйхуна к себе в гости. Жил он под Москвой в загородном доме, при котором имелся большой участок площадью около 80 му. По всему этому участку громоздились бесчисленные гранитные глыбы, приготовленные для работы. Меркуров сказал, что, по его расчетам, уже полученных им от Советского правительства заказов хватит более чем на десять лет.

На участке росло много больших берез. Каждую весну Меркуров делал в толстом стволе березы небольшое отверстие и укреплял под ним бутылку. За день бутылка заполнялась березовым соком, содержащим различные витамины и способствующим, как говорят, долголетию. Из одного дерева ежегодно можно брать сок до десяти раз.

— Если бы вы приехали на месяц раньше, можно было бы выпить этого несравненно вкусного напитка, — сказал улыбаясь Меркуров.

— Мне хоть и не удалось выпить сока, но даже от вашего рассказа о нем я почувствовал прилив бодрости, — тоже с улыбкой ответил Бэйхун.

Меркуров преподнес Бэйхуну драгоценный дар — выполненные им посмертные маски Ленина и Толстого. Они были изготовлены из гипса, но скульптор покрасил их таким образом, что они производили впечатление бронзовой скульптуры. Бэйхун навсегда сохранил чувство глубокой благодарности за этот подарок.

Когда выставка в Москве закрылась, Бэйхуна пригласили в Ленинград, где экспозиция разместилась в Эрмитаже — самом большом музее Советского Союза. Чтобы шире познакомить советский народ с прекрасной культурой Китая, одновременно экспонировались произведения искусства старого Китая из фондов Эрмитажа: бронза, керамика, фарфор, изделия из нефрита, слоновой кости, дака, резьба по дереву и т. п. Выставка привлекла большое число советских посетителей.

В Ленинграде Бэйхун познакомился с известным советским китаеведом Алексеевым¹¹, который специально занимался изучением древнекитайского языка и перевел на русский язык «Книгу перемен», трудную для понимания даже китайцами¹². Бэйхуну показалось забавным, что Алексеев разговаривал с ним на старом китайском литературном языке. Позже, во время антияпонской войны, когда в беседе с посетившим Советский Союз Го Можо Алексеев вспомнил о Бэйхуне, то опять вместо того, чтобы просто спросить: «Как здоровье Сюй Бэйхуна?», задал вопрос на старом литературном языке: «Миновал ли недуг благородного Сюй Бэйхуна?»

Бэйхун познакомился также со старым художником Рыловым¹³. Через много лет он не раз все еще с большим восторгом говорил мне о его картине «Зеленый шум».

Рылов пригласил Бэйхуна к себе домой, где во время беседы между прочим со вкусом рассказал такую смешную историю.

Однажды Советское правительство решило собрать картины на тему революции и Красной Армии и устроить тематическую выставку. Когда Рылова тоже пригласили принять участие в ней, он ответил: «Я пишу только пейзажи, которые не имеют отношения к теме революции. Как же можно их выставлять?» Все же кто-то настоял на включении его пейзажа в экспозицию. Один из посетителей выставки, недоумевая, какое отношение этот пейзаж имеет к Красной Армии, обра-

¹¹ В. М. Алексеев (1881—1951) — крупнейший советский китаевед, академик, автор более 260 научных работ по языку, литературе и культуре Китая.

¹² Здесь автор допускает неточность. Перевод «Книги перемен» на русский впервые выполнен Ю. К. Щуцким, хотя В. М. Алексеев, конечно, читал и прекрасно знал этот памятник древнекитайской литературы.

¹³ А. А. Рылов (1870—1939) — советский живописец-пейзажист.

тился за разъяснениями к администратору. Тот ответил: «Разве вы не видите на картине избу? Вот за ней и скрывается отряд Красной Армии». Услышавшие этот ответ зрители рассмеялись. Посмеялся над этой историей и Бэйхун¹⁴.

Среди советских художников старшего поколения одним из самых замечательных мастеров в то время был Нестеров, которого Бэйхун также посетил. До революции, будучи искренне верующим человеком, Нестеров расписал несколько русских храмов. При встрече с Бэйхуном он с интересом расспрашивал о его связях с французскими и немецкими художниками, уделив особое внимание дружеским отношениям Бэйхуна с Даньян-Бувре. Затем он показал несколько выполненных в последнее время живописных портретов, отмеченных блестящим мастерством. Бэйхун считал, что среди всех современных художников мира немного нашлось бы таких, кого можно сравнить по мастерству с Нестеровым.

Нестеров всего себя отдавал живописи и жил как бы отгородившись от мира. Он не хотел выставлять свои работы, и Советское правительство не имело возможности приобрести его произведения. Со временем его все же уговорили послать на выставку портрет художника Васнецова, назначив свою цену. Нестеров нарочно назвал невероятно высокую цену, превышающую обычную более чем в десять раз. Однако Советское правительство купило этот портрет, и он был выставлен в художественной галерее. На следующий год Нестерова уговорили выставить свой автопортрет, и Советское правительство снова купило его за очень крупную сумму. Потом Нестерова попросили послать на выставку его последние работы, которые также были все приобретены.

Это произвело на Бэйхуна большое впечатление. В 1936 г. в своих воспоминаниях он писал: «Такая поддержка, оказываемая Советским правительством искусству, проявляемая им терпимость и настойчивость, глубоко уважительное отношение к настоящему искусству могут действительно тронуть до слез».

Выставка китайской живописи в Ленинграде проводилась в июне. Как раз в этом месяце там стоят «белые ночи», во время которых так светло, что не требуется зажигать лампы. В эти бесконечные вечера Бэйхун часто бродил по набережным Невы, подставляя лицо легким дуновениям свежего ветра... Днем, помимо визитов и осмотра достопримечательностей, Бэйхун использовал свободное время, чтобы походить по букинистическим магазинам и художественным салонам... Как во сне прошли для него эти короткие, но счастливые дни.

Перед отъездом Бэйхуна из Ленинграда Союз советских художников выразил пожелание, чтобы он оставил в Советском Союзе часть картин. Бэйхун дал согласие и предоставил работникам Эрмитажа право самим выбрать то, что их заинтересовало. Кроме 12 картин, отобранных Эрмитажем, Бэйхун сам еще подарил 15 работ известных китайских художников Московскому музею современного искусства¹⁵.

Когда выставка в Ленинграде закрылась, Бэйхун получил приглашение поехать в Киев. Но уж очень долго он не был на родине, где студенты с нетерпением ждали его возвращения и возобновления занятий. Пришлось с благодарностью отказаться от приглашения.

Бэйхун выехал во Владивосток, там пересел на японский пароход и 17 августа 1934 г. вернулся в Шанхай. Студенты устроили ему торжественную встречу, приветствуя его славное возвращение. Бэйхун привез с собой бесценные посмертные маски Ленина и Толстого, он при-

¹⁴ В этом рассказе А. А. Рылова речь шла о более раннем периоде. В 30-е годы он писал не только пейзажи, но обращался и к историко-революционному жанру.

¹⁵ Неточность: картины были подарены ВОКС, а затем переданы Государственному музею искусства народов Востока, где они и хранятся поныне.

вез с собой также и раздарил студентам репродукции работ мастеров реалистического искусства Европы. Среди них было много картин Репина, Сурикова и других русских художников — «Иван Грозный и сын его Иван», «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова»... Бэйхун преклонялся перед этими творениями и стал первым, кто познакомил Китай с искусством русских художников-передвижников.

Еще до отъезда из Советского Союза Бэйхун предложил, чтобы советские художники провели в Китае выставку своих работ. Это его предложение способствовало организации выставки советской гравюры, которая в 1935 г. была показана в Нанкине и Шанхае. Бэйхун написал предисловие к этой выставке, где подчеркнул: «Искусство отражает жизнь народа, выражает его думы... Взаимопонимание и чувство взаимной дружбы между различными народами мира должны начинаться с культурного обмена».

Из Гуйлиня в Чунцин. 1942

...Через несколько дней мы с Сюй Бэйхуном, нагруженные книгами, отправились в Чунцин¹⁶.

На вокзале в Гуйлине мы распрощались с провожавшими нас друзьями и сели в скорый поезд. Я заметила, что Сюй Бэйхун задержался в нерешительности у дверей вагона и бросил прощальный взгляд на город, который покидал. Я не знала, о чем он думал, но ясно помню этот его печальный взгляд. Да, он любил Гуйлинь. Только много позже я узнала, какое глубокое чувство испытывал он к этому городу. Предстояло расстаться с ним навсегда...

Паровоз, пронзительно свистя и с шумом выпуская клубы пара, сдвинулся с места и вскоре Гуйлинь остался далеко-далеко позади. По сторонам расстилались бескрайние поля, виднелись горные вершины. Был прекрасный ясный день, и солнце пригревало все теплей. Все говорило о приближении весны.

Некоторое время Сюй Бэйхун смотрел в окно, затем достал из своего коричневого портфеля толстую книгу на французском языке и начал читать. Он прислонился к окну, держа книгу обеими руками, и на лице его появилось такое сосредоточенное выражение, будто он находился не в поезде, а сидел в библиотеке или в своем кабинете.

Я же не могла успокоиться — мое сердце рвалось вперед вместе с мчащимся поездом. Одна за другой за окном мелькали небольшие станции. Поднимались дымки над одинокими хижинами, сверкали на солнце крохотные пруды и залитые водой рисовые поля, проносились мимо фигурки крестьян и буйволов... Вдруг поезд вошел в туннель — все задрожало кругом, загремело... Паровоз оглушительно свистнул, и через мгновение поезд, как гигантский дракон, вновь вынырнул из туннеля и понесся дальше вперед, выплевывая сгустки черного дыма. По горизонту бесконечной цепью тянулись горы.

Примостившись у окна, я почувствовала, что меня клонит в сон, и, чтобы прогнать дремоту, по привычке, выработавшейся за время моей работы в ансамбле, стала что-то потихоньку напевать. Я не думала, что потревожу этим Сюй Бэйхуна, но он спокойно закрыл книгу и поднял на меня свои чуть уставшие глаза.

— Учитель¹⁷, вы любите музыку? — прервала я свое пение.

— О да, очень, — ответил он улыбаясь. — В трудные времена в Париже я предпочитал остаться голодным, чем пропустить хороший концерт.

¹⁶ Незадолго до этого Ляо Цзинвэнь познакомилась с Сюй Бэйхуном, поступив работать библиотекарем в группу по подготовке организации Академии изобразительных искусств Китая, которую он возглавил.

¹⁷ Традиционное в Китае обращение к образованным людям.

Я с удивлением посмотрела на него — его слова показались мне странными.

— Пойте, — обратился он снова ко мне. — Продолжайте.

Я смутилась — Сюй Бэйхун за свою жизнь слышал так много прекрасных певцов, как можно мне петь при нем. И сочтя легкомысленным свое поведение, я покраснела от стыда.

— Учитель, — сменила я тему разговора, — живопись вы должны любить больше музыки?

— Конечно, — без малейшего колебания ответил он.

— А как вы полюбили живопись? — спросила я. На самом деле я хотела спросить, как он стал выдающимся художником, но постеснялась произнести слова, которые он мог принять за лесть.

— Об этом не расскажешь в двух словах, — почему-то не захотел он ответить мне.

— Но ведь мы сейчас в поезде. Рисовать здесь вы не можете. Да и нельзя все время читать.

Он по-прежнему молчал.

— Учитель, расскажите мне что-нибудь о своей жизни, — с детской настойчивостью просила я. — Может быть, ваш жизненный опыт будет полезен такому молодому человеку, как я.

И все-таки невольно произнесла слова, которые можно было принять за лесть.

Лицо его стало серьезным, подумав немного, он начал рассказывать, будто читая по книге.

— Я родился в бедной семье, — начал он.

— В городе? — спросила я и тут же прикусила язык, увидев, как Сюй Бэйхун чуть нахмурил густые черные брови, как будто недовольный тем, что я его прервала.

— Нет, в деревне, — по-прежнему мягко ответил он мне. — В Цзинтинцяо, в уезде Исин провинции Цзянсу...

Его рассказ заставил меня представить себе живописный сельский пейзаж Южного Китая, перед моим мысленным взором прошли его добрый отец, трудолюбивая мать, хорошие, простые люди из маленькой деревни... Я будто собственными глазами увидела его трудное детство. Он рассказал также о своей жизни в Шанхае — скитаниях без работы, голоде, нищете... И я будто слушала шум бурлящей воды в реке Вампу, свист ветра и шелест дождя над ее волнами, видела борьбу между жизнью и смертью...

Сюй Бэйхун замолчал и сидел с потемневшим лицом. Я выглянула в окно: оказывается, солнце спряталось за толстый слой облаков, которые клубясь быстро мчались по небу. Поезд подрагивая быстро несся вперед. Бесконечные горы проплывали мимо окон.

Наверное, впервые в своей жизни я услышала такую искреннюю и печальную историю. Она так тронула меня, что слезы навернулись на глаза, я встала и отвернулась, чтобы их вытереть. Потом налила из термоса горячей воды в чашку и протянула ее Сюй Бэйхуну.

— Учитель, выпейте горячей воды, — тихо предложила я.

Он принял чашку, сделал несколько глотков, держа ее двумя руками, и задумчиво произнес:

— Жизнь — жестокая штука. Если ты не преодолеешь трудности, то они сломают тебя.

Я надеялась, что он продолжит свой рассказ, но он молчал. Казалось, что он мысленно вернулся в те тяжелые времена, вновь переживая прошлые беды и горести.

Вагон сильно тряхнуло, раздался протяжный свисток, и поезд вновь вошел в туннель...

Небо постепенно темнело — приближались сумерки. Сюй Бэйхун, то ли задремав, то ли продолжая думать о прошлом, хранил молчание.

— Учитель, я вам так благодарна. Ваш рассказ действительно может тронуть. Но вы не закончили, — глядя на его грустное лицо и надеясь, что он продолжит рассказ, обратилась я к нему.

— Поскольку вы теперь работаете у нас, мы еще не раз сможем поговорить. К тому же сейчас ничего интересного я больше рассказать не могу.

— Нет, учитель. Ваша история для меня очень поучительна, в особенности непреклонность вашего духа, — я опять произнесла хвалебные слова в его адрес, но на этот раз не почувствовала никакого смущения.

Он опять промолчал.

— Учитель, а ваша жена тоже художница? — с любопытством спросила я, заинтересованная им как персонажем из захватывающей прекрасной книги, судьбу и жизнь которого хочется узнать как можно лучше. Но, к моему удивлению, лицо его вдруг на мгновение исказилось, как от боли, словно мои слова ножом резанули его по незажившей ране. Широко открытыми от изумления глазами я смотрела на него.

— У меня нет семьи, мы расстались с женой семь лет тому назад, — почти не разжимая губ, наконец, выдал он ответ.

— Почему, учитель? Почему вы ее бросили? — Я не знаю, для чего я употребила слово «бросили». Тогда, еще не зная жизни, я была убеждена, что во всех несчастьях семейной жизни всегда виноват мужчина.

— Бросил? — повторил он мое слово. — Я вовсе ее не бросал!

— Так почему же тогда?..

— Чтобы ответить вам, нужно слишком много рассказать. Но главная причина в том, что мы по-разному относились к жизни, стремились к разным целям. И она совершенно была равнодушна к искусству.

— А вы не пробовали помочь ей измениться?

— Я сделал все, что мог, и поступил так же всем, чем мог. Но она выбрала другой путь, который, как она считает, ведет к счастью.

— Вы хотите сказать, что она сама хотела разойтись с вами?

— Да.

— У вас есть дети?

— Сын и дочь. Они оба живут с ней.

— Значит, семь лет вы живете один?

Сюй Бэйхун молча кивнул головой.

Ночь опустилась на поля. За окном был черный, холодный мрак без конца и края. Я лежала в купе покачивающегося вагона и вспоминала разговор с Сюй Бэйхуном. Передо мной проплывала широкая панорама несчастий человеческой жизни. Неужели каждый человек должен пройти через такие жестокие испытания? Что ждет меня на моем жизненном пути?.. Сердце мое никак не могло успокоиться. Хотя мы были еще далеко от Чунцина, но и Гуйлинь остался уже далеко позади. Когда я снова смогу вернуться туда? С чувством глубокой печали и тоски под мерный стук колес я незаметно заснула.

Перевод с китайского и примечания В. Л. СЫЧЕВА

Из истории общественно-политической мысли Китая

Этико-философские концепции Ли Юя

*Д. Н. ВОСКРЕСЕНСКИЙ,
кандидат филологических наук*

В истории китайской культуры XVII век занимает особое место. Это период, которому свойственны черты переломности в социальной, политической, идейной сферах. Это период значительной переоценки и даже кризиса многих традиционных представлений — философских, религиозных, научных, моральных и пр. Это время мучительных раздумий и поисков новых путей подхода к явлениям культуры и общественной мысли¹. Разумеется, они возникли не в один день, но были подготовлены и предопределены всей логикой развития китайского общества и его духовной жизни предшествующих периодов, когда в интеллектуальных кругах общества возникли необычные идеи, идеи Ван Янмина и его последователей, своеобразное учение представителей Тайчжоуской школы, оригинальные идеи Хэ Синьиня, Линь Чжаоэня, Ли Чжи и других «исортодоксальных мыслителей», как их нередко называют. Заметим, что на Западе примерно в то же самое время рождались смелые, порой еретические, взгляды борцов со средневековой схоластикой Рэбле и Монтеня, которые в значительной мере предопределили развитие общественной мысли и культуры, — философию Ф. Бэкона, французский либертизм, литературные открытия Шекспира — новые идеи о мире, обществе и человеке. Схожесть некоторых сторон социальной и духовной жизни Запада и Китая XVII в. позволяет заметить идейные созвучия мыслителей двух далеких друг от друга регионов. В Китае это такие представители различных областей культуры, как Гу Янью, Хуан Цзунси, Ван Фучжи, Сюй Гуанци, Фэн Мэнлуи, Ли Юй. Новые импульсы интеллектуальной жизни улавливаются литературой, искусством (на Западе новые философские идеи отразились в литературе либертистов), и это можно заметить в творческой практике, в стиле жизни, нормах поведения многих литераторов и художников Китая (Тан Сяньцзу, Ли Юй, Пу Сунлина, Ши Тао, Чжу Да и др.). Современники, дабы показать необычность взглядов и действий этих людей, нередко награждали их эпитетами «удивительный», «странный», даже «безумный», подчеркивая их исключительность. Симптоматично, что в более позднюю эпоху столь же острых социальных и идеологических перемен (в конце XIX — начале XX в.) эти тенденции XVII в. широко усваивались общественной мыслью Китая, а некоторые их представители воспринимались как образцы для подражания.

Одним из этой плеяды людей XVII столетия, отразивших в своем творчестве новые веяния, был Ли Юй, он же Ли Ливэн («Старец Ли в Бамбуковой Шляпе»). В стиле его жизни, творческой деятельности и философии отразились многие существенные черты духовного бытия той поры. Ли Юй не был философом в строгом смысле этого слова, создателем философской школы или этической системы. В этом

¹ О некоторых идейных и культурных процессах в Китае XVII в. см.: Д. Н. Воскресенский. Особенности культуры Китая в XVII веке и некоторые новые тенденции в литературе. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969; его же. К вопросу об особенностях развития творческой мысли в Китае XVI—XVII вв. — «Вестник МГУ», Серия «Востоковедение», 1971, № 2; его же. Демократическая культура в китайском обществе XVI—XVII вв. — Общество и государство в Китае. М., 1973. Отдельным вопросам идеологии этого периода посвящены некоторые западные работы: J. R. Levenson. Confucian China and its Modern Fate. London, v. 1, 1958; J. Fairbank. Chinese Thought and Institutions. Chicago, 1957; Th. de Bary. Self and Society in Ming Thought. New York — London, 1970; J. D. Spence, J. F. Wills-Jr., eds. From Ming to Ch'ing. New Haven—London, 1979. Литературное преломление некоторых фактов идеологии и культуры XVII в. дается в книге: O. A. Plaks (ed.). Chinese Narrative: Critical and Theoretical Essays. Princeton, 1977. Специфике социальных и культурных процессов в Китае этого времени была посвящена советско-американская конференция 1982 г. «XVII век в Китае: последние открытия и концепции в области истории, литературы и социальных наук». — См.: «Народы Азии и Африки», 1983, № 2, с. 137—141.

отношении он не походил на своего предшественника Ли Чжи, ни тем более на Ван Янмина с их глубоким проникновением в сущность философских, социально-исторических, этических вопросов. Ли Юй был прежде всего деятелем искусства, представителем литературного мира, который, однако, проповедуя идею «естественного развития» человека, использования им всех богатств и радостей жизни, сумел подойти к явлениям реальности, исходя из своих критериев и вкусов, во многом отличных от общепринятых. Самые простые, порой тривиальные жизненные проявления были для него предметом серьезных раздумий. Некоторые западные его современники (Ф. Бэкон, Ларошфуко) подобным же образом находили в обыденной жизни много интересного материала, позволявшего им делать широкие философские и морально-этические обобщения. Взгляды Ли Юя можно вполне назвать своеобразным «учением о человеческой жизни» — «жэньшэн сюэ» (традиционный китайский термин, характеризующий систему жизненных принципов). Это учение впитало в себя многие представления о жизни и человеке, сформулированные последователями конфуцианской и даосской мысли, но отразило и вполне самостоятельные суждения. Вырабатывая свою систему взглядов, Ли Юй не старался теоретизировать, в большей мере он исходил из своей собственной практики. Об этом говорят и высказывания его современников, равно одобрительные и критические.

Ли Юй родился в 1611 г., а умер в 1679 или 1680 г.² Социальный и политический кризис в стране, усугубившийся вторжением маньчжур (1644), приходится как раз на середину его жизни. До года «цзяшэнь» (так обозначался год установления новой династии Цин) Ли Юй жил спокойно и относительно безбедно. Он сдал экзамен на первую ученую степень сюэя, занимался литературой, театральной деятельностью. Со сменой «треножника» династии его жизненные условия, как, впрочем, и многих других современников, резко ухудшились. Благополучие неожиданно сменилось бедностью. Произошли перемены в его общественном положении: из представителя привилегированных кругов он фактически превратился в человека из низов, что немедленно сказалось и на его мировоззрении. В изменении его социального статуса (характерно одно из прозваний Ли Юя — «Разжалованный в простолудины»), очевидно, следует искать одну из причин появления в его сознании черт неортодоксальности, нетрадиционности. Ли Юй был и профессиональным литератором, и торговцем, и издателем, и содержателем актерской труппы. Специфика его деятельности заставляла много ездить по стране, встречаться с разными людьми. В этих встречах складываются взгляды на жизнь и людей. Его высказывания, часто весьма своеобразные, воспринимались современниками с интересом, однако отношение их к Ли Юю, оценки его как человека и творческой личности были неоднозначны. Один из современников Юй Хуэй писал: «Старец в Бамбуковой Шляпе — человек крупного таланта и тонкой мысли». Другой литератор, имевший прозвание Праведник Ясень, добавлял о Ли Юе — художнике: «Старое у него выходит новым, гнилое — цветущим, привычное становится грозным (буквально «опасным». — Д. В.), застывшее вдруг оживает»³. А некий ортодокс писал: «Ли Юй нравом нечист, любит всякие встречи и знакомства. Часто бывает, обняв трех-четырех наложниц, он так встречает знатных гостей. Велит женщинам петь из-за занавеса песни и подносить гостям чару с вином». И далее: «Нрав его легкомысленный, что соответствует его литературным сочинениям, хотя и искусным, но насмешливым и разнузданным, целиком потворствующим вкусам тех, кто живет у городских колодцев (то есть простолудинов. — Д. В.)»⁴. Правоверный конфуцианец усмотрел в поведении и взглядах писателя угрозу господствующей морали. И все же рассуждения Ли Юя пользовались популярностью. Ведь Ли Юй говорил об искусстве жизни, об умении приобщиться к окружающему бытию, но не примиряться с ним и найти в нем радость, каким бы мрачным оно ни было, учил умению стойко переносить беды. Словом, это были своеобразные «этюды оптимизма» (слова И. И. Мечникова об «оптимистическом воззрении на жизнь» кажутся вполне приемлемыми в данном случае). Жизнеутверждающий тон его учения хорошо передает одно из стихотворений: «Голова моя инеем белым покрыта, А я, как и прежде, ветротекучий. Целый день могу шутить и смеяться, Хотя плоть мою терзает ветер и холод».

Известности Ли Юя как проповедника оригинальных взглядов способствовало его творчество прозаика и драматурга (повести «Двенадцать башен», роман «Подстилка из плоти», автором которого он, вероятно, являлся). Здесь его миросозерцание и мировосприятие отразили образ жизни и психологию определенной социальной группы, чей статус особенно пострадал в период социального кризиса и нашествия завоевателей. Этим и интересно учение Ли Юя о жизни и человеке. Оно сформулировано главным образом в произведении под названием «Случайное пристани-

² Отдельные стороны жизни и деятельности Ли Юя освещены в книге китайского литературоведа Ду Суинна: *Лунь Ли Юй-ды си цзюй мэисюэ* (Об эстетике драматургии Ли Юя). Пекин, 1982; см. также: *Хуан Личжэнь. Ли Юй. Тайбэй, 1978* (на кит. яз.).

³ *Хуан Личжэнь. Ли Юй яньцзю* (Исследование о Ли Юе). Тайбэй, 1974, с. 30—31.

⁴ Цит. по: *Сунь Кайди. Предисловие к книге: Ли Юй. Шнэр лоу* (Двенадцать башен). Шанхай, 1947, с. 33—34.

ше для праздных дум» («Сяньцин оуцзи»), которое иногда рассматривается как часть обширного собрания (эссеистического, эпистолярного и поэтического) «Слово одного» («И цзя янь»). Свою главную установку автор раскрыл в предисловии к «И цзя янь»: «Прежде всего, я не стараюсь извлекать правил из древности; далес, я не стремлюсь подражать современникам; наконец, я не тшусь передать [свои мысли] потомкам. Я просто хочу сказать то, что желал бы высказать человек»⁵. В этой непритязательности, в отсутствии поучений раскрывается привлекательная искренность. Слова «случайность» («случайное пристанище») и «праздность» («праздные думы») таит в себе глубокий не прямой смысл, характеризуют это произведение как «философское» по своему духу, напоминающее образцы «исповеднической литературы» (как на Западе Гельвеций, Монтень, Ф. Бэкон)⁶.

Книга «Случайное пристанище для праздных дум» состоит из шестнадцати цзюаней (глав) эссе — рассуждений о разных сторонах человеческого бытия, окружающем мире, искусстве и т. д. Примерно треть ее посвящена театру — области постоянного и особого интереса Ли Юя. Но и раздел о театре не ограничивается узко профессиональным разговором, это продолжение раздумий о человеческих нравах. Последующие разделы также заостряют внимание на «человековедческой» проблематике: это разделы «Дом», «Предметы быта», «Напитки и яства», «Уход за стенами».

Ли Юй делает акцент не только и не столько на описании самих предметов и явлений быта, сколько на показе человеческого к ним отношения, в нем ищет путь к познанию смысла жизни, а прежде всего — в выборе тех предметов и явлений бытия, которые, по мнению Ли Юя, способствуют формированию особого духовного настроения человека, доставляя радость и отвлекая от беспокойных дум. Поэтому Ли Юй наделяет предметы, окружающие человека, отчетливой эстетической функцией. Эстетическую роль у него играет материал, из которого сделано то или иное орудие или утварь, расположение и величина предметов. Напоминая о качествах столовой посуды, автор считал, что рисунок на ней не должен быть слишком витиеватым и особенно плохо, если на ней делается надпись. Расставляя многообразную утварь на столе, надо остерегаться унылой парности, в которой он видел признак дурного вкуса. Рассуждая о ростках бамбука, которые употребляются в пищу, Ли Юй пишет, с какими компонентами они лучше сочетаются, дабы человек получил удовольствие не только от вкуса пищи, но и от ее созерцания. Бамбук у Ли Юя вызывает особые эмоции как растение, способное породить в человеке возвышенное состояние духа, и приводит слова Су Дунпо: «Лучше есть пищу без мяса, нежели жить без бамбука. Пища без мяса может заставить человека похудеть. Жизнь без бамбука огрубляет человека». Сунский поэт, конечно, имел в виду не только гастрономические, но и эстетические свойства растения. Такими замечаниями Ли Юй часто сопровождает многие свои рассуждения об окружающих человека предметах и явлениях, которые призваны формировать внутренний лад и эстетический вкус человека. Ли Юй стремился прежде всего подчеркнуть естественную красоту, ему претили вычурность, изощренность форм. О жилище он пишет: «При строительстве дома следует избегать роскоши. Скромность и простоту должны ценить не только простолюдины, но и вельможа». «Следует дорожить утонченностью [цзин], а не вычурностью [ли]. Надо ценить новое и необычное, а вовсе не изощренно искусное». Поэтому Ли Юй часто говорит об «изысканной чистоте» («я су»), под которой он подразумевает невзыскательную, но утонченную простоту. В этом, по его мнению, проявляется высота человеческого духа, его несхожесть с другими. Надо сказать, что тезис «несхожести», «самости» присутствует во всех рассуждениях Ли Юя о человеке и его микрокосме. По мнению Ли Юя, созданный человеком микрокосм должен не копировать принятые образцы, а прежде всего выражать существо данного индивида, особенности его личности: «Вошел в свою комнату, и ты знаешь, что она твоя», — писал Ли Юй. «Вошел в дом, и тебе показалось, что прочитал книгу Старца в Бамбуковой Шляпе», то есть мельчайшие факты и предметы должны воссоздавать облик того или иного человека.

Идея «несхожести», оригинальности заботила Ли Юя, так как она выражала одну из главных сторон его философии — идею «новизны» бытия. Новизна для Ли Юя — важный признак удивительно меняющегося мира. Поэтому люди в своем восприятии действительности не должны «цепляться за сложившиеся взгляды», но стремиться «по-иному раскрыть лицо жизни»⁷ («бе кай шэн мянь»), разные ее стороны, нередко скрытые от людских глаз. Следует отметить, что этот фразеологизм был весьма популярным в XVII в. среди мыслителей и деятелей культуры, которые стремились к оригинальному творчеству (Гу Яньу, Ван Фучжи). Для Ли Юя тезис новизны безусловно играл важную роль, поскольку отражал вечный закон Природы и человеческого бытия — постоянное их обновление. Вот почему обычные предметы, увиденные Ли Юем, приобретали необычные оттенки или свойства, ту «новизну» и «непохожесть», которая присуща самой жизни. «Люди отвергают старое и стараются

⁵ Цит. по: Хуан Личжэнь. Указ. соч., с. 153.

⁶ См.: Л. Я. Гинзбург. О психологической прозе. Л., 1971.

⁷ Ли Юй. Случайное пристанище для праздных дум. Тайбэй, 1979, с. 169 (на кит. яз.).

ся возлюбить новос. Они ненавидят обычное и устремляются к неизведанному. Если поступать так, то ты всей своей плотью (букв. «телом и костями». — Д. В.), с рожденной существующей, скоро ощутишь, что все старое и ветхое вызывает лишь отвращение, что надобно все изменить и обновить. Скажем, нынче твою душу влечет к одному, а завтра — уже к другому. Разве не приятно, что все изменяется и обновляется? Наоборот, все, что не меняется и не обновляется, как бы затвердевает на всю жизнь!» Этот тезис «обновления» в эпоху насаждения маичжурами ортодоксии был весьма важен.

В рассуждениях Ли Юя о жизни большое место занимает Природа, которая играет у него роль не пассивного объекта, но некоего активного контрагента, с которым человек находится в постоянном общении. Понимание Природы как соучастника человеческих действий проникает буквально во все разделы сочинения Ли Юя и находит отражение в его литературном творчестве в целом. В цикле повестей «Двенадцать башен» есть рассказ «Башня, где внемяют советам», в котором мысль о гармоническом слиянии человека с природой подчеркивается весьма заметно. Герой повести, некий Гу по прозвищу Тугодум (прозвище говорит вовсе не о глупости героя, а о его необычности — неприятии им привычной жизни), отвергает жизненную тщету, дабы жить на природе, где он мог бы «мотыжить тучи и удить луну в воде». В «Случайном пристанище» идея активной Природы приобретает все более ясные философские очертания. В разделе «Дом» описание обиталища и разных его атрибутов непременно сопровождается изображением окрестного пейзажа. «Когда открываешь окно, нет ничего милее, чем взирать на окрестные виды», — писал Ли Юй, и это не просто лирика, но своеобразная философская ремарка, призванная в данном случае оттенить мысль о «сочетаемости» жилища с природой. Интересно, что в этом сочинении Ли Юя есть даже небольшая глава с характерным названием «Использование пейзажа», где дается своеобразное философско-эстетическое обоснование названного тезиса.

Ли Юй формирует идею общности человека и природы, существования человека внутри природного бытия. Вспоминая о своей жизни на Сиху, он пишет, что находился среди чудесного мироздания, где обрел благодатный покой: «Вокруг меня прекрасные виды, которые как будто устремляются внутрь моей лодки. И все, кто сидят в ней, а также утварь, циновки — все это уходит куда-то за окно, словно приглашая гуляющих полюбоваться». Своеобразный культ слияния с природой Ли Юй пытался осуществить на деле. В родном местечке Ланьси он создал жилище на горе Ишань, впоследствии погибшее в пожарище войны. Через несколько лет он приобрел усадьбу «Сад с горчичное зерно», которую вынужден был продать. А на склоне лет снова купил жилище, которое назвал «Ступенчатым садом». Для Ли Юя дом был не столько местом, где он жил, но скорее некоей обителью, в которой человек и мир будто сливались вместе и где человек постигал сущность бытия. Академик Д. С. Лихачев в своей работе «Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей» подчеркивает роль сада в формировании определенного микрокосма человека, его «эстетического мировидения». Сад для Ли Юя играл именно эту роль. Ли Юй писал: «Позади небольшой холм, не больше чжана высотой, а шириной достигает одного сюня. На нем красный камень, а подле струится бирюзовый ручеек. Вокруг пышные кроны деревьев, растет бамбук, щебечут птицы, журчит вода. Хижина, крытая камышом, мостик — простая доска. Кажется, все есть в этом горном жилище. Если бы сейчас кто-то попытался создать мой образ, то несомненно он передал бы то, что действительно есть во мне. Поскольку я имею прозвание Старца в Бамбуковой Шляпе, дабы сочетать название с содержанием, следует изобразить рыболова. Памятуя об этом, я беру удилище с леской и сажусь на скалу. Коли есть камень, значит, должна быть и вода. Если есть вода, непременно должны быть и горы. Горы и воды — это и есть то место, где Старец в Бамбуковой Шляпе занимается рыбной ловлей, предавшись отдохновению»⁸. Характерно в этих словах упоминание о «горах и водах» («шаньшуй»). Это понятие вмещает в себя образ Природы и ее художественно осмысленный и воспроизведенный слепок (понятие «шаньшуй», как известно, имеет терминологический смысл — «пейзажная живопись» — «шаньшуйхуа»). Упоминание об «ужении рыбы» здесь также не случайно, имя автора (Юй) означает «ловля рыбы», прозвание «Старец в Бамбуковой Шляпе» также намекает на простолудина-рыбара и его «природную» деятельность. В упомянутой выше повести есть даже стихотворение «Благодать рыболовства», которое входит в круг других «естественных» действий человека-землепашца, дровосека, садовника и т. д.

Созданию такого радостного и деятельного микрокосма Ли Юй придавал большое значение в своем учении о Человеке, считая, что человек именно таким образом лучше всего находит самого себя и наилучшим образом проявляет свои природные качества. Вспоминаются в связи с этим слова современника Ли Юя Ф. Бэкона: «Природу человека всего лучше обнаружить в уединении, ибо тут он сбрасывает с себя показное». Интересно, что у Ф. Бэкона есть сочинение «О садах», где он дает подробнейшее описание цветов, которые должно иметь в саду. Причем цветы у него не только олицетворение красоты природы, но и символы разных этапов человеческой жизни⁹.

⁸ Ли Юй. Случайное пристанище..., с. 179—181.

⁹ См.: Ф. Бэкон. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М., 1962, с. 112; см. также: Ф. Бэкон. Сочинения, т. 2. М., 1978, с. 453—454.

В Природе и Ли Юй видел путь очищения Человека от искусственного и показного.

Природа — это горы и воды, это мир растений и животных, с которыми соприкасается человек. У Ли Юя антропоморфное отношение к природе, она предстает перед нами в «очеловеченном» виде. Описывая свойства растений, деревьев, живых существ, он нередко связывает их с различными качествами человека. Один из разделов упомянутого сочинения («Корни деревьев») начинается с разговора о корнях, которые у автора приобретают и прямой, и переносный смысл. Ли Юй отмечал: «Корни деревьев прочные, потому деревья трудно поддаются увяданию. Их долголетие таится в корнях». И далее: «Дабы увеличить долготу жизни многочисленных явлений, следует прежде укрепить корни». И сразу же после этой фразы следует: «В деяниях Старого Землепаша и Садовника я обретаю способ «поддержания жизни» [яншэн] и «отношения к жизни» [чжун]. Смысл термина «яншэн» состоит в поддержании физического, психического и интеллектуального потенциала человека. Слово «чуши» означает искусство восприятия жизни и взаимоотношения с ней (китайский словарь толкует это слово как способность «реагировать на условия жизни» — «инфу шицин», то есть как отношение к бытию). В общении с природой Ли Юй видел путь к раскрытию субъективных возможностей человека и к его умению существовать в этом мире¹⁰.

«Очеловеченный» Ли Юем мир, в котором и растения способны ощущать и даже «понимать» («чжи»), выступает перед человеком как естественный «врачеватель». Населенный подобными «одухотворенными существами», он способен изгонять горести и вселять радость. Ли Юй пишет: «Растение хэхуань (само название несет в себе идею радости, букв. «соединенное удовольствие». — Д. Б.) устраняет гнев, трава сюаньцяо помогает забыть про печали. Оба растения приносят пользу чувствам человека и его нраву». И далее: «Когда видишь эти цветы, печаль обращается в радость, слезы — в смех»¹¹. Мир природы в глазах Ли Юя обладает и моральной функцией. Он способствует очищению человека, совершенствованию его нравственных качеств. Преклонение перед Природой как целителем и духовным наставником он выразил так: «Когда я сажаю цветы, соперничающие друг с другом своим изяществом, или наблюдаю за птицами, показывающими свое [певческое] мастерство, я всякий раз обращаюсь со словами благодарности к Природе за то, что она сотворила. Подобно верному почитателю Будды, как добрый муж или достойная старца, я готов поставить на ее алтарь все напитки и яства. По ночам я ложусь спать лишь после того, как ухнут цветы, а утром встаю перед тем, как запоют птицы. Я боюсь одного, вдруг ускользнет от меня какой-нибудь звук или цвет. Я испытываю боль при виде увядшего цветка или одряхлевшей птахи. И мне кажется, что я что-то утратил»¹².

Примечательно, что в этих словах автор подчеркивает созидательное начало природы, для чего выбирает слово «хунцзюнь» — один из синонимов понятия «Небо», буквально означающий «Великий гончарный круг», на котором рождаются мириады творений. Как писал Палладий, «хунцзюнь» — это «творческая образовательная сила в Природе»¹³. Тем самым Ли хотел подчеркнуть связь человека с другими природными явлениями, рождающимися в созидательном горниле Природы-творца. Ли Юй хотел сказать, что человек должен воспринимать себя как неотрывную частицу этого живого-творного вселенского бытия. Человек должен взращать в себе это умение согласовать свое бытие с бытием мира. Это и есть «самовоспитание», которое получило у Ли Юя название «И ян», то есть «Упокоение и поддержание», — своеобразный вариант учения «яншэн». Понятие «И ян» сформировалось под воздействием различных философских и морально-этических взглядов (конфуцианских, даосских, чань-буддистских). Вместе с тем оно отличается от традиционных концепций, о чем упоминал и сам Ли Юй. В даосском учении о человеке он отвергал идею бессмертия. Весьма резко он выступал против даосов-ворожеев (шуши), которые, «толкуя об упокоении живого организма (и шэн)», «в действительности распространяют недобрые толки и сеют зло». Ли Юй предпочитал с оговорками называть себя последователем учения Конфуция, и он, по-видимому, делал это не только из желания оградить себя от упреков конфуцианских ортодоксов. Он писал: «Что до меня, то я не ворожей, а обычный конфуцианец (жушэн). Известно, что ворожей толкует об искусстве волшебства — «шу», конфуцианец же вещает об Истине — «Ли». Всем известно, что в главе «Сяндан» («Древняя») из «Луского трактата» (то есть «Лунь юй». — Д. В.) почти половина текста относится к рассуждениям о «яншэн». Не отличаясь особой остротой мысли, я тем не менее не отношу себя к числу учеников святого мудреца, а посему не рискну рассуждать о разных небылицах и вещах непотребных, дабы морочить людей». Ли Юй в уважительных тонах говорит об учении Конфуция, потому что оно, в отличие от практики даосов-ведунгов, соотносится с реальной жизнью, а не спекуляция вокруг снадобья «дань» — средства вечной жизни. Ли Юя привлекает в учении Конфуция и внимание к развитию «естественных» свойств человека, хотя в целом эта идея более характерна для даосов. Высоко ценя Кун-цзы, Ли Юй пишет, что «издревле и по сей день не было другого человека, кроме Кун-цзы, кто так хорошо постиг учение о «поддержании жи-

¹⁰ In: The Concept of Man in Chinese Thought. — Neo-Confucianism etc: Essays by Wing-tsit Chan (ed.). Hong Kong, 1969, p. 167.

¹¹ Ли Юй. Случайное пристанище..., с. 290.

¹² Там же, с. 342.

¹³ Китайско-русский словарь Палладия, т. II. Пекин, 1888, с. 265.

ни»¹⁴. И все же Ли Юй ссылается лишь на одно место из сочинения древнего мудреца, где Кун-цзы говорил о том, как лучше сохранить естественность жизни, но ни разу не упоминал ни одной из многочисленных морально-этических догм конфуцианства, к ним он, несомненно, относился с настороженностью. Ли Юй отвергал и учение буддистов об «уходе из мира» и «пресечении желаний», хотя не раз в своем сочинении говорил об «умерении страстей». «И ян» — вполне земное учение о естественном течении жизни и реальном восприятии ее человеком. Понимание жизни доступно человеку, надо лишь найти правильные пути ее осмысления и управления ею. Таково генеральное направление учения об «упокоении и поддержании».

Самым близким Ли Юю из предшествующих концепций человека было учение «яншэн», разработанное последователями даосской школы. В слове «яншэн» важна семантика обеих частей. «Шэн» означает «жизнь». Морфема «ян» имеет множество значений, которые, присутствуя в слове, усложняют его смысл. Спектр этих значений не уходит от идеи «возвращения» и «поддержания». Именно эти значения способствовали складыванию философского и морально-этического вокабулярия, который использовали равно даосские, конфуцианские и буддистские толкователи. Понятие «яншэн» часто встречается у древних мыслителей — последователей даосской школы (Чжуан-цзы, Ле-цзы, Ян Чжу), хотя, как мы видели, оно не чуждо и конфуцианству. В сочинении «Чжуан-цзы» есть глава «Яншэн чжу» — «Основы поддержания жизни». Ее содержание, как и содержание понятия «яншэн», разъясняется в двух притчах. Одна рассказывает о поваре-мяснике, который ловко разделяет тушу в присутствии князя Вэнь Хуэя. Владыка, видя его искусство, в восхищении говорит, что теперь он понял «яншэн» (как своеобразный путь познания объективного мира). Во второй притче говорится о фазане, который хочет жить на свободе, а не в клетке, где он мог бы существовать по-царски, но вряд ли обрел бы радость. Эти притчи вполне понятны. В обоих случаях речь идет о «свободном развитии человека», о нахождении его в круговерти природных явлений. Идея «яншэн» уделил внимание Ле-цзы. В ответ на вопрос, что такое «яншэн», здесь дан был следующий ответ: «Поступать своевольно (цзысы), не мешая и не ставя преград»¹⁵. «Своевольство» у Ле-цзы сочетается с рассуждениями о «следовании природе» («цунсин»), о естественности поведения и влечений сердца человека.

Древние мыслители и их продолжатели, в том числе и Ли Юй, понимали «яншэн» как естественный, действительный жизненный процесс. У Чжуан-цзы жизнь сравнивается с горящим хворостом, который «горит, и неизвестно, есть ли предел». В комментарии делается важный вывод: «Ясно, что поддержание жизни («яншэн») — это то, почему жизнь является жизнью»¹⁶. Благодаря этому жизнеутверждающему смыслу, учение «яншэн» стало весьма распространенной философией на протяжении веков. Причем оно пользовалось особой популярностью в критические моменты истории, когда человек сталкивался с тягчайшими испытаниями. Не случайно оно получило распространение после Хань наряду с «темным учением» («сюаньсюэ»). Для той эпохи было характерно сочинение Цзи Кана «Яншэн лунь» («Трактат о поддержании жизни») и трактат «Баопуцзы» Гэ Хуна, в котором ставился вопрос о жизни и смерти. Учение «яншэн» стало обрести дополнительные атрибуты из области врачебной практики — дыхательной гимнастики, гигиены, психотерапии и т. д. О «яншэн» говорили Су Дунпо, Ван Янмин и другие представители разных сфер и эпох интеллектуальной жизни. Смысловая ткань этого понятия сильно уплотнялась за счет включений, имевших и прямое, и косвенное отношение к «яншэн» как философии человеческого бытия. В таком виде оно дошло до XVII в., когда жил Ли Юй, и даже до нашего времени.

Здесь следует упомянуть о поздней интерпретации «яншэн», чтобы понять специфику учения Ли Юя. Понятие «яншэн» в позднее время, а некоторые его элементы и сейчас употребляются в узком и широком смысле: как искусство долголетия («шоумин») и как своеобразное учение о человеке, об искусстве такого «поддержания и воспитания человеческой жизни» («жэньшэн сюансюэ»), которые ведут к некоему «внутреннему прозрению». Адепты даосизма видели в «яншэн» путь «внутренней эстетизации», направленный к «надмирной святости». Учение «яншэн» — это «преодоление обыденности и приобщение к состоянию совершенномудрых — «шэн»; это преодоление совершенномудрия и вступление в святость — «шэнь»; это преодоление святости и вступление в состояние преображения — «хуа». Даосское «преображение», по существу, есть слияние с жизнью, с природой, как бы растворение в ней, когда «Небо и Человек сливаются воедино». Поэтому «яншэн» — это не «вхождение в жизнь», как в конфуцианстве, и не «выход из жизни», как в буддизме, но «преодоление жизни». Однако, чтобы произошло такое преображение человека, он должен мобилизовать свои внутренние ресурсы: физические, умственные, нравственные. «Преобразованная природа человека есть его сердце; его преобразованная жизнь-судьба есть его тело», то есть учение «яншэн» было призвано формировать тело и сердце человека. Большое значение придается здесь «трем драгоценностям», которые трактуются иначе, чем в

¹⁴ Ли Юй. Случайное пристанище..., с. 324, 338.

¹⁵ «Ле-цзы», гл. «Ян Чжу», цзюань 7.

¹⁶ «Чжуан-цзы», гл. «Яншэн чжу», цзюань 2.

буддизме. Это философская триада: «цзин» — первозданная энергия; «ци» — жизненное, субстанциональное начало и «шэнь» — духовная сущность. Каждая из трех субстанций взаимосвязана с другими и находится в процессе движения и развития, в процессе взаимообращения. «Когда преобразуется „цзин“, оно превращается в „ци“; когда преобразуется „ци“, оно превращается в „шэнь“. Когда преобразуется „шэнь“, он возвращается к „пустотности“ (ирреальности — „сюй“). — Д. В.). Когда преобразуется „пустотность“, получается единение с Дао». Так в представлении даосов происходит процесс взаимообращения. Поддержание и совершенствование каждого элемента триады приводит к формированию определенного образа жизни (судьбы) и природы человека (его характера). Иначе говоря, физиологическое и психическое, интеллектуальное и нравственное в человеке, с одной стороны, обуславливает характер внешних проявлений его жизнедеятельности, а с другой, обуславливаются ими. Вот почему в учении «яншэн» большое внимание уделяется сохранению, восстановлению и концентрации внутреннего потенциала организма: «накоплению „ци“, сосредоточению „цзин“, концентрации „шэнь“». Это достигается разными средствами: системой «защиты тела» (различные способы профилактики), «упокоением сердца» путем «безмятежного восседания», «совершенствованием Дао» и т. д. В числе этих средств — отказ от дурных привычек и недостойных поступков, от избыточных желаний. «Забыв о вещах», ты «взращиваешь душу»; «забыв о страстях», ты «взращиваешь форму»; «забыв о себе», ты «взращиваешь пустотность», то есть очищаешься от себялюбия, суетных, пустых, ненужных привязанностей и т. д. Последователи «яншэн» часто приводят слова мифического Пэнцзу (Предка Пэна): «Путь Дао состоит в отсутствии забот. И если способен ты забыть о пище, одежде, о звуках и красках... то сердце твоё избавится от волнения, а форма станет беспредельной»¹⁷. Так яншэнисты-даосы формулировали свою философию жизни.

Ли Юй многое воспринял в их учении, но и дополнил его своим пониманием человека в координатах «естественного бытия». Он говорил о жизни, исходя из непреложного закона старения и обновления, исчезновения и возрождения. Вот один из исходных тезисов философии Ли Юя: «Увы! Смерть зловеща, но от нее никуда не уйдешь! Закон жизни таков, что бессмертных людей в природе не существует. Мы со сторонызираем на смерть, постоянно слышим о ней. Нам кажется, что смерть — это извечная несправедливость, самая большая, какую мог придумать творец. Но хотя это так, можно сказать, что в этой несправедливости заключается и высшая справедливость. Мне ведомо, что я умру, жизнь то и дело напоминает мне о смерти. Понятно, что сия мысль рождает во мне ужас. Однако то же чувство заставляет меня беречь время для обретения радости». Исходная мысль о скоротечности жизни рождает один из важных тезисов учения Ли Юя — тезис «синлэ», то есть «сотворения радости», который перекликается с понятием «радость» у ранних конфуцианцев и последователей даосизма. Понятие «лэ» («радость») у Конфуция встречается в разных контекстах, но чаще всего означает «естественное состояние» человека, который ест простую пищу, пьет чистую воду и т. д. (см. «Лунь юй», кн. VII, гл. 15). Ли Юй формулировал его так: «Когда речь заходит о „яншэн“ [поддержании жизни], следует прежде всего сказать о „синлэ“ [сотворении радости] и напомнить людям о том, что, трепеща перед смертью, надобно уметь творить радость». Он говорил, что идею радости он взял у предков, которые смогли воплотить «высшую гармонию Неба и Земли». Ли Юй воспринимал радость как «упокоение» духа. Однако у даосов радость, как известно, сочетается с идеей надежды, которую Ли Юй не приемлет. Радость у него в большей степени понимается в конфуцианском смысле — радость деятельности с целью воспитания в человеке неких высоких нравственных качеств. Но в отличие от конфуцианцев у Ли Юя очень сильна идея самоценности жизни и человека. «Сотворение радости» — это умение жить так, чтобы в поступках, чувствах, мыслях человек проявлял свои естественные свойства и, ощущая себя частицей Природы, обретал бы удовлетворение от самого процесса жизни.

По мнению Ли Юя, радость может обрести любой человек, независимо от его положения или материального достатка. В сочинении Ли Юя есть даже отдельные главы: «Сотворение радости знатым мужем», «Сотворение радости богачом», «Сотворение радости в сирости и бедности» и т. д. Ценящий Человека как творение Природы, Ли Юй не отказывает в радости никому, но все же некоторые различия в его подходах можно заметить. Большую радость у него обретает тот, кто находится на низших ступенях общественной лестницы. Причина проста: знать, чиновничество находят в во власти «разнообразных забот и суетных дум». Их главная страсть — погоня за большими богатствами и за более громкой славой. Ли Юй не приемлет этих устремлений. «Там, где другие находят высшую радость, я вижу лишь пустые хлопоты». Он провозглашает над богачами: «Если человек хочет получить все сразу, то в этом случае владыка может уподобиться Нефритовому государю, а обычный чиновник — небожителю. Не вызывает ли это зависть на Пэнлае или в других обителях бессмертных?» Заботясь о совершенствовании человеческой природы, Ли Юй отрицательно относился к чрезмерному обогащению. В этом он напоминает европейских мыслителей — своих современников, считавших, что улучшение человеческой природы несовместимо с алчным

¹⁷ Сяо Тяньши. Основы даосского учения «яншэн». Тайбэй, 1971, с. 1, 30, 31, 390, 401 (на кит. яз.).

меркантилизмом. Ф. Бэкон по этому поводу писал: «Богатство для добродетели — то же, что обоз для армии: без него не обойтись, нельзя также и бросить его, но он затрудняет движение, а забота о нем стоит подчас победы». Ли Юй также сделал вывод, аналогичный выводу Ф. Бэкона: «Из этого видно, что если богатства не разделять, то даже такой мудрый человек, как государь Яо, владыка всех владык, не может избежать многочисленных хлопот. Что же говорить о тех, кто своими добродетелями отличаются от мудрецов или положением своим не достигают государя?» По Ли Юю, человек должен разумно умерять свои желания и довольствоваться малым. «Тот, кто желает творить радость, прежде должен понять границу достаточности».

По мнению Ли Юя, легче всего обрести радость бедняку, так как он лишен суетных желаний. «Бедняку, лишенному всего, легче проявить добродетель», — писал Ли Юй. С понятием «умеренного достатка» у Ли Юя связывается важная идея умения «отступить на один шаг», то есть вовремя отказаться от чрезмерных амбиций, довольствоваться малым во имя высоких целей. В главе «Сотворение радости в сироты и бедности» автор приводит эпизод с богачом, который попал на почтовую станцию. Богач страдает от духоты и москитов, а между тем бедный почтовый смотритель, находясь в тех же условиях, испытывает удовольствие. Надо сказать, что эта же сцена воспроизведена в одной из повестей автора (цикл «Двенадцать башен»), что говорит о ее важности для Ли Юя. Подтекст этой идеи: радости, равно как и беды, исходят от самих людей, а следовательно, от самого человека зависит то, как он сможет контролировать их. Судьба человека находится в его руках. И Ли Юй не любил говорить о роке и предопределении. Фатализма в буддистском понимании его сочинение не обнаруживает.

Сердцевинной учения Ли Юя являлась тема жизни как высшего блага. Вот почему в своем сочинении Ли Юй давал подробные советы, как людям лучше обрести радость и извлечь таким образом пользу из самых обыденных явлений и простейших занятий. Он отвергал советы даосских и буддистских наставников-гигиенистов, проповедовавших некоторые способы дыхательной гимнастики или созерцательного сидения. Ли Юй считал их методы «поддержания жизни» искусственными. Если человек поступает, как надо, он «попадает в восхитительные сферы Персикового источника или Тяньтая»¹⁸. Упоминание Персикового источника здесь симптоматично, так как многие места учения Ли Юя окрашены в тона своеобразной утопии.

Большое место в философии Ли Юя занимает идея праздности или «чистой праздности»¹⁹. Для Ли Юя праздность была тем благодетельным состоянием духа, когда мысли и чувства человека находятся в состоянии гармонии и каждая частица его организма развивается в согласии с окружающим бытием. Это состояние праздничной просветленности, ауры, когда человек приобщается к Истине. Для Ли Юя «чистая праздность» — согласованный ритм внутренней жизни, создающий удовлетворенность и духовный подъем, но не безделье. «Я жил среди гор спасаясь от смуты, и наслаждался отсутствием всяких забот. Летом я никого не навещал, и никто не бывал у меня в гостях. Я ходил с обнаженной головой, бросив прочь шляпу и сандалии. Я лежал в зарослях лотосов, и никто, ни жена, ни служанки, не могли меня найти. Порой я возлежал под высокой сосной. Рядом резвились обезьяны, расхаживали журавли, но они будто меня не замечали». В такие минуты, пишет Ли Юй, человек забывает о «пустой славе» и «постигает блаженство бессмертных»²⁰.

Оценить в целом учение Ли Юя непросто. В нем затейливо переплетались материи высокие и явления обыденные, черты оригинальные и эклектика. Тем не менее размышления о человеке и бытии, отразившие взгляды определенной группы современников, являлись интересным и важным дополнением в общественной мысли XVII в., выразив сложный характер духовной атмосферы той эпохи. Новые владыки Китая, жестоко расправляясь с инакомыслием, весьма активно насаждали ортодоксальные правила жизни и феодальные нормы. Учение Ли Юя было своеобразной реакцией на идеологическое наступление завоевателей, в которой проглядывали черты социального протеста. Воспеваемые Ли Юем идеи радостного восприятия бытия, раскованности человека в общении с Природой способствовали укреплению важной мысли о творческом развитии человека. Созвучия идей европейских и китайских мыслителей той эпохи — явление не случайное, не простая синхронность событий. При всех различиях духовного развития отдельных народов и цивилизаций само это развитие имеет общечеловеческий характер. Гуманисты и утописты Европы тех лет были провозвестниками буржуазных революций. Духовные новаторы китайского XVII века — «антитрадиционные протестанты», предвестники общественного движения, которое «не состоялось» из-за губительного маньчжурского завоевания. Глубокое и широкое исследование этих проблем может дать более полную и достоверную картину развития общественной мысли в Китае XVII столетия.

¹⁸ Ли Юй. Случайное пристанище..., с. 323—326, 335—336.

¹⁹ Некоторые ученые считают эту идею сердцевинной учения Ли Юя («идеологией праздных чувств» — «сяньцин чжун»). — См.: Ло Сюэлунь. Идеи и эпоха, отраженные в пьесах и прозе Ли Юя. — «Далу цзачжи», 1975, № 2, с. 31.

²⁰ Ли Юй. Случайное пристанище..., с. 333.

О реформе государственного аппарата КНР

К. А. ЕГОРОВ,
кандидат юридических наук

Генеральной задачей Китая в современный период XII съезд КПК (1982) назвал проведение курса «модернизации» страны, включая форсированное экономическое строительство¹. Выполнение этой задачи предполагает поиски рациональных форм организации государственного аппарата, способствующих созданию благоприятных политических условий для проведения намеченного курса и более эффективного функционирования государственных органов. Поэтому съезд в резолюции по отчетному докладу ЦК КПК связал осуществление «модернизации» с проведением «реформы государственной структуры КНР»². Ее необходимость объяснялась в отчетном докладе требованием совершенствования системы государственного руководства, повышения эффективности работы государственного аппарата³.

На организации и деятельности этого аппарата в недавнем прошлом сказывалось отсутствие стабильной конституционно-правовой основы: за тридцать лет существования КНР в ней сменили друг друга четыре Основных закона (Общая программа Народного политического консультативного совета Китая 1949 г., Конституции КНР 1954, 1975, 1978 гг.). В процессе многократной модификации государственного аппарата упразднялись одни и создавались другие институты, использовались и те формы организации деятельности государственных органов, которые успешно функционировали в 50-х годах. При этом прежние формы наполнялись новым содержанием, предназначением для выполнения иных политических задач. Вместе с тем с изменением характера задач, ставившихся государственной властью, менялись и структурные формы ее организации.

Так, после III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (декабрь 1978 г.) в государственную структуру, предусматривавшуюся Конституцией КНР 1978 г., в 1979 г. был внесен ряд существенных изменений, а в 1980 г. — поставлен вопрос о пересмотре этой Конституции, включая структурные изменения в государственном аппарате. На сессии ВСНП, принявшей 4 декабря 1982 г. ныне действующую Конституцию КНР⁴, в этой связи указывалось, что прежний Основной закон (1978) перестал соответствовать «реальному положению дел и требованиям государственной жизни»⁵.

Новые конституционные установления ставили своей целью не только обеспечение политической стабильности, необходимой для осуществления форсированного экономического развития, но и усиление государственного руководства обществом. Отсюда вытекало требование более четкой организации всего государственного аппарата. А такая организация могла обеспечиваться принятием соответствующих законодательных актов, развивающих конституционные установления общего порядка. Вот почему наряду с Конституцией КНР 10 декабря 1982 г. были приняты и введены в действие четыре важных закона: Закон об организации Всекитайского собрания народных представителей⁶, Закон об организации государственного совета⁷, Закон об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств⁸, а также Закон о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей различных ступеней⁹.

Первые два закона были разработаны на основе соответствующих актов, принятых в 1954 г., с учетом последующих изменений, а два других — на основе законов 1979 г. с изменениями, внесенными 10 декабря 1982 г. Продолжают действовать принятые в 1979 г. Закон об организации народных судов и Закон об организации

¹ «Жэньминь жибао», 9.IX.1982.

² Там же, 7.IX.1982.

³ Там же, 8.IX.1982.

⁴ Там же, 5.XII.1982.

⁵ Там же, 6.XII.1982.

⁶ Там же, 15.XII.1982.

⁷ Там же.

⁸ Там же, 16.XII.1982.

⁹ Там же.

народной прокуратуры, в которые в сентябре 1983 г. также были внесены соответствующие изменения, приводящие эти законы в соответствие с действующей Конституцией КНР¹⁰.

Конституция и шесть упомянутых законов, выработанных на основе и в развитие ее положений, определили порядок образования, состав, полномочия и формы деятельности органов государственной власти, управления, суда и прокуратуры, то есть составили конституционно-правовую базу современного государственного аппарата КНР.

В отличие от своих непосредственных предшественниц — Конституций 1975 и 1978 гг. — Основной закон 1982 г. был принят сессией ВСНП после 4-месячного публичного обсуждения его проекта. Представленный на рассмотрение сессии доклад о проекте Конституции обсуждался в группах депутатов ВСНП, подвергших резкой критике распространявшиеся ранее в КНР идеи правового нигилизма, доходившие до полного отрицания существования норм права¹¹, а с поднятием авторитета Конституции и законов связывались надежды на достижение политической стабильности в стране и «успешное развитие процесса модернизации» Китая¹².

Указанные обстоятельства повлияли на характер законодательно закрепляемых изменений в системе государственных органов, начавшихся с 1982 г. Прежде всего речь идет о более четком правовом определении верховенствующего положения Всекитайского собрания народных представителей во всей системе государственных органов КНР. Как отмечалось при подведении итогов обсуждения проекта ныне действующей Конституции, именно этого требовали авторы предложений, направленных в государственную комиссию по выработке ее проекта¹³.

Юридическое закрепление статуса ВСНП как высшего органа государственной власти произведено несколько своеобразно. С одной стороны, по Конституции prerogативы верховной власти в государстве принадлежат ВСНП. С принятием последнего Основного закона его исключительные полномочия даже расширены по сравнению с прежними. Теперь оно правомочно не только назначать премьера, утверждать весь состав Государственного совета КНР, избирать председателя Верховного народного суда и Генерального прокурора Верховной народной прокуратуры, но и избирать председателя впервые учрежденного Центрального военного совета, назначать Главного режизора и членов впервые образованного в структуре Государственного совета Ревизионного управления КНР, отменять ненадлежащие решения Постоянного комитета ВСНП. Восстановлено и предусматривавшееся Конституцией 1954 г. исключительное право ВСНП избирать Председателя КНР и его заместителя.

С другой стороны, часть важнейших функций ВСНП в период между его сессиями, проводимыми один раз в год, возложена на образуемый им постоянный орган — Постоянный комитет ВСНП. Это касается прежде всего предоставления ему практически равных с ВСНП законодательных прав, а также расширения его контрольных полномочий. По Конституции КНР 1954 г. ПК мог принимать только указы (фалин). В 1955 г. II сессия ВСНП первого созыва предоставила ему право принятия законов частного характера. I сессия ВСНП второго созыва (1959) расширила законодательные полномочия Постоянного комитета, предоставив ему право вносить по мере необходимости изменения в действовавшие законы и принимать новые нормативные акты. Согласно же Конституции 1982 г., ПК, наряду с ВСНП, «осуществляет законодательную власть государства» (ст. 58). Кроме Конституции, которая принимается (или изменяется) решением сессии ВСНП, ПК правомочен принимать все другие законы государства. К этой же форме его деятельности относится принятие решений о «необходимой частичной перестройке» планов экономического и социального развития, а также государственного бюджета в ходе их исполнения, что позволяет своевременно корректировать план и бюджет, приводить их в соответствие с последними политическими установками. Как считают китайские юристы, дальнейшее расширение законодательных полномочий ПК ВСНП потребовалось в связи с проведением курса на форсированное экономическое развитие и необходимостью в связи с этим усиления правотворческой деятельности, придания ей повседневного характера¹⁴.

Право вносить изменения в Конституцию предоставлено только ВСНП, однако право контроля за проведением Основного закона в жизнь дано по Конституции как ВСНП, так и его Постоянному комитету, который, кроме того, пользуется исключительным правом ее толкования. Китайские юристы полагают, что эти установления имеют важное значение с точки зрения обеспечения соблюдения норм законности, поскольку они направлены на поддержание высшей юридической силы Конституции и ее самого высокого авторитета в системе права¹⁵.

Контрольные функции ПК ВСНП обеспечиваются также правом входящих в его состав лиц направлять во время его заседаний запросы в Государственный совет,

¹⁰ «Жэньминь жибао», 3.IX.1983.

¹¹ Там же, 30.XI.1982.

¹² Там же, 6.XII.1982.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, 20.I.1983.

¹⁵ «Фасюэ цзачжи», 1983, № 2, с. 31.

¹⁶ Там же, с. 32.

министерства и центральные ведомства, а на органы, в которые направляются запросы, при этом возлагается обязанность давать на них надлежащие ответы. Подобное положение отсутствовало в трех предыдущих конституциях КНР, и его введение в Основной закон, по мнению китайских юристов, значительно усиливает контрольные полномочия Постоянного комитета, поскольку запрос имеет достаточно большую юридическую силу, способную обязать соответствующий орган дать исчерпывающий ответ¹⁶. В то же время установление более регулярного контроля органа государственной власти (ПК ВСНП) за работой административного аппарата может способствовать улучшению работы и повышению эффективности его деятельности.

В связи с усилением контрольных функций ПК ВСНП лица, входящие в его состав, больше не могут, как прежде, занимать по совместительству официальные должности в органах государственного управления, суда и прокуратуры.

Расширены и полномочия ПК ВСНП в сфере назначений и освобождения от занимаемых постов руководящих должностных лиц центрального аппарата. Так, в период между сессиями ВСНП Постоянный комитет по представлению премьер-министра Государственного совета решает вопросы о назначении и смещении министров, председателей госкомитетов, Главного ревизора, начальника секретариата Госсовета, а по представлению председателя Центрального военного совета — его членов. Ранее принимавшиеся конституции КНР не предусматривали аналогичных прав ПК ВСНП. В новом же Основном законе нашла закрепление практика последних лет. Кроме того, в данном случае это связано с проведением новой кадровой политики, рассчитанной на более оперативное, чем прежде, перемещение руководящих кадров центрального государственного аппарата в рамках проводимой в нем реформы.

Таким образом, расширяется общая сфера компетенции постоянного органа государственной власти, что китайские юристы объясняют специфическими условиями страны. В частности, они указывают на отсутствие практической возможности для более частого, чем раз в год, созыва сессий ВСНП (насчитывающего около 3 тыс. депутатов) ввиду неразвитости системы транспортных сообщений, средств связи и т. п. Вместе с тем довольно многочисленный состав Постоянного комитета (около 200 депутатов ВСНП) позволяет, по их мнению, считать его постоянным представительным органом государственной власти, способным оперативно обсуждать важные вопросы на своих пленарных заседаниях, проводящихся один раз в два месяца¹⁷.

Повседневная, текущая работа Постоянного комитета обеспечивается деятельностью впервые образованного после принятия Конституции 1982 г. Совета председателя ПК ВСНП, в состав которого входят председатель, его заместители и ответственный секретарь Постоянного комитета. На Совете, в частности, решаются такие вопросы, как составление ответов на запросы, направленные в ПК ВСНП, организация деятельности различных комиссий и т. п. Выполняя повседневную работу Постоянного комитета, Совет председателя, как указывают китайские юристы, не должен подменять ПК, а может служить лишь его рабочим органом¹⁸. К тому же, кроме Совета, ПК правомочен передавать решение многих текущих вопросов в образуемые им рабочие комиссии.

Действуя от имени ВСНП в период между его сессиями, ПК руководит работой образуемых ВСНП постоянных комиссий (по делам национальностей; по законодательству; финансово-экономической; по делам просвещения, науки, культуры и здравоохранения; по иностранным делам; по делам китайцев, проживающих за границей). Под его руководством находится и вся система постоянных органов государственной власти на местах — ПК СНП.

В связи с превращением ПК ВСНП в орган власти, действующий от имени ВСНП, китайские юристы (в частности, Ван Сянмин) ставят вопрос: а не может ли ПК подменить ВСНП? Они отвечают на него отрицательно, приводя при этом целый ряд формально-юридических аргументов.

Во-первых, согласно Конституции, ВСНП избирает весь состав ПК и правомочно его отозвать; ПК ответствен перед ВСНП и ему подотчетен (ст. 69 Конституции КНР). Формой такой подотчетности в практике последних лет является регулярное представление на сессии ВСНП докладов о работе ПК, причем эти доклады обычно обсуждаются депутатами ВСНП по группам, а по итогам обсуждений принимаются решения. Депутаты ВСНП правомочны направлять свои запросы в ПК, на который возложена юридическая обязанность за представление своевременных ответов.

Во-вторых, вносимые Постоянным комитетом частичные дополнения и поправки в законы, принятые ВСНП, не должны противоречить основным принципам этих законов (п. 3 ст. 67 Конституции КНР).

В-третьих, ВСНП правомочно изменять или отменять ненадлежащие решения ПК ВСНП (п. 11 ст. 62 Конституции КНР).

В-четвертых, в ныне действующих правовых актах дается четкое и сравнительно полное определение статуса депутатов ВСНП, обладающих правом запроса в высшие органы государства, пользующихся депутатской неприкосновенностью и не несущих юридической ответственности за свои выступления и голосование.

¹⁷ «Жэньминь жибао», 20.1.1983.

¹⁸ «Фасюэ цзачжи», 1983, № 2, с. 32.

На основании этих аргументов китайские юристы Ван Сянмин и Ли Буюнь¹⁹ делают вывод о существовании твердых гарантий верховенствующего положения ВСНП. С формально-юридической точки зрения действительно оказывается, что ВСНП занимает статус верховного органа государственной власти. Однако, видимо, следовало бы при этом учитывать два обстоятельства: во-первых, прежний политический опыт Китая, связанный с принижением роли ВСНП; во-вторых, существование в настоящее время конституционно-правовых предпосылок для превращения ВСНП в полновластный орган государства.

Реформа государственного аппарата затрагивает и реконструированный на новой основе институт коллегиального главы государства. Теперь часть полномочий главы государства наряду с Постоянным комитетом ВСНП осуществляет Председатель Китайской Народной Республики. Упразднение этого института в начале «культурной революции» было закреплено Конституциями 1975 и 1978 гг. Его восстановление с принятием Конституции 1982 г. китайские юристы объясняют необходимостью координации деятельности высших органов государства, а также потребностью в представительстве государства с миллиардным населением в международных отношениях с другими государствами²⁰.

С учетом исторического опыта существования института Председателя КНР Конституция изменила его статус, впервые определенный Основным законом в 1954 г. Председатель больше не правомочен созывать Верховное государственное совещание для обсуждения важных политических вопросов, возглавлять Государственный комитет обороны и командовать вооруженными силами КНР. Кроме того, он не может занимать должность более двух сроков подряд, то есть десяти лет (такой срок не оговаривался по Конституции 1954 г.). Оценивая его нынешний статус, китайские юристы считают, что Председатель КНР поставлен под контроль ВСНП, а его деятельность поставлена в рамки законов и иных нормативных актов, принимаемых как ВСНП, так и его Постоянным комитетом²¹.

Особый смысл приобретает изъятие из сферы исключительных полномочий Председателя КНР права командования вооруженными силами государства. По Конституции 1982 г. руководство всеми вооруженными силами осуществляет впервые образованный в КНР Центральный военный совет (ЦВС), председатель которого избирается ВСНП и несет персональную ответственность за работу ЦВС перед ВСНП и его Постоянным комитетом. По своему персональному составу ЦВС совпадает с Военным советом ЦК КПК, то есть является партийно-государственным органом. Поэтому на него не распространяется положение Конституции об ограничении срока пребывания в должности для руководителей других высших государственных органов (Председателя КНР, премьера Госсовета, председателя Верховного народного суда, Генерального прокурора Верховной народной прокуратуры). Таким образом, председатель ЦВС может занимать свой пост бессрочно, что приобретает немаловажное значение, если учесть, что он командует вооруженными силами, традиционно игравшими важную роль в политической жизни Китая. Такая роль фактически признается и ныне. Так, образование ЦВС официально объясняется в КНР стремлением модернизировать регулярную армию, призванную «справиться с современной неустойчивой обстановкой»²².

Вместе с тем в условиях форсированного экономического строительства основная часть выполняемых государством задач возлагается на административный аппарат, возглавляемый центральным правительством — Государственным советом КНР. Именно этот компонент государственной структуры в наибольшей степени затрагивается реформой.

Конституция 1982 г. закрепила курс на проведение широкой структурной реформы — от Госсовета до органов государственного управления низового звена. Этот курс был первоначально намечен IV сессией ВСНП пятого созыва (в конце 1981 г.), указавшей на целый ряд недостатков в работе управленческих органов: наличие большого числа структурных подразделений, дублирующих друг друга; раздутость штатов органов государственного управления; низкая эффективность работы государственного аппарата²³. Закрепляя эти установки, Конституция 1982 г. поставила задачу «неуклонного повышения качества и эффективности работы» всех государственных органов, а в качестве условия ее выполнения указала на необходимость применения принципа «упрощения аппарата и сокращения штатов», внедрения «системы служебной ответственности» (ст. 27).

В ходе структурной реформы в системе центральных органов государственного управления восстанавливались некоторые министерства и центральные ведомства, существовавшие в 50-е годы, и создавались новые структурные подразделения Госсовета, ставившиеся на службу новому политическому курсу. В частности, на основе Конституции 1982 г. в сентябре 1983 г. было образовано Ревизионное управление, возглавившее сеть ревизионных органов на местах и предназначенное для внедрения

¹⁹ «Жэньминь жибао», 20.I.1983; «Фасюэ яньцзю», 1983, № 1, с. 11—14.

²⁰ «Жэньминь жибао», 20.I.1983.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ «Гуанмин жибао», 14.XII.1982.

единой финансовой дисциплины по всей стране²⁴. Для нужд «урегулирования» китайской экономики, серьезно подорванной за десятилетие «культурной революции», был образован Государственный комитет по реформе хозяйственной системы, возглавляемый премьером Госсовета.

Вместе с тем, судя по официальным данным, по-прежнему не решен ряд проблем, связанных с необходимостью улучшения государственного административного руководства. В отчетном докладе о работе правительства на I сессии ВСНП шестого созыва (июнь 1983 г.) признавалось, что в системе государственного управления «существуют серьезные пороки и проблемы»²⁵. В частности, китайские юристы ставят вопрос о восстановлении существовавшей до конца 50-х годов системы органов государственного контроля во главе с бывшим министерством контроля²⁶.

В поисках путей разрешения существующих проблем по Конституции КНР и Закону об организации Государственного совета (1982) был несколько расширен объем полномочий центрального правительства. Прежний Органический закон (1954) указывал, что образование органов, непосредственно подчиненных Госсовету, подлежит утверждению Постоянным комитетом ВСНП. Теперь Госсовет не обязан передавать свои решения об этом в ПК. Новый закон предусматривает, что, несмотря на известное расширение сферы полномочий министерств и центральных ведомств, все намечаемые важные административные мероприятия подлежат утверждению Государственным советом. Министерства и госкомитеты издают приказы, распоряжения и установления на основе не только законов государства, но и постановлений и распоряжений правительства.

В целях усиления централизованного руководства государственной административной деятельностью введена система персональной ответственности премьера Госсовета, министров и председателей госкомитетов (ст. 86 Конституции КНР 1982 г.), сочетаемая с принципом коллективного руководства. При такой системе все важные вопросы решаются Госсоветом на его пленарных заседаниях или заседаниях его постоянного бюро, а важнейшие дела отраслевого управления — на заседаниях коллегий министерств и госкомитетов (ст. 90 Конституции КНР), при этом ответственность за общее состояние дел несут премьер Госсовета и руководители соответствующих отраслевых органов государственного управления.

Внедрение подобной «системы ответственности», по мнению китайских юристов, диктовалось необходимостью приведения административного аппарата в соответствие с потребностями хозяйственного строительства и осуществления реформы государственного аппарата²⁷.

Обосновывая необходимость такой системы, они указывали, что она не сможет привести к превышению власти руководителей соответствующих административных органов государства. При этом их рассуждения велись следующим образом. Во-первых, решения по важным вопросам государственного управления принимаются после коллективного обсуждения компетентными должностными лицами, а принцип единоначалия осуществляется на основе деятельности коллегиальных органов. Во-вторых, единоначалие руководящих работников аппарата ставится в рамки установленных властью законов. Согласно Конституции, Госсовет является исполнительным органом высшего органа государственной власти КНР (ст. 85 Конституции КНР), ему подотчетного и подконтрольного, а руководители органов государственного управления несут юридическую ответственность за свою административную деятельность. В-третьих, на премьера Госсовета и других руководителей административного аппарата распространяются требования, предъявляемые ко всем государственным должностным лицам согласно статье 27 Конституции КНР.

В соответствии с законом Госсовет не только определяет задачи и обязанности всех министерств и центральных ведомств, осуществляет единое руководство их деятельностью, но и обеспечивает централизованное руководство всеми государственными административными органами на местах, устанавливает конкретное разграничение полномочий между центральными государственными и местными административными органами провинциального звена.

Вместе с тем централизация административного руководства не исключает развития тенденции к некоторому расширению прав местных органов государственной власти, связанному с децентрализацией хозяйственной политики, учитывающей неравномерность развития различных районов страны, а также практику создания особых экономических зон, статус которых регулируется отдельно действующими установлениями. Децентрализация нашла выражение в предоставлении органам государственной власти провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, а также сравнительно крупных городов и всех провинциальных центров права выработать установления местного характера. Органы провинциальных центров правомочны составлять проекты местных законодательных актов, на основе которых постоянные комитеты СНП провинциального звена разрабатывают местные законы, о принятии

²⁴ «Жэньминь жибао», 16.IX.1983.

²⁵ Там же, 24.VI.1983.

²⁶ «Фасюэ», 1983, № 8, с. 8.

²⁷ Там же, с. 6.

которых сообщается в ПК ВСНП. При этом не требуется утверждения таких законов Постоянным комитетом²⁸.

В соответствии с изменениями, внесенными в Закон об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств (1979) в связи с принятием Конституции КНР (1982), образовавшиеся в период «большого скачка» конца 50-х годов народные коммуны лишились функций органов государственной власти и управления и сохранились только в качестве хозяйственных организаций в сельской местности. Подобные перемены сопровождались восстановлением существовавших до конца 50-х годов волостей и национальных волостей, где воссоздавались соответствующие органы государственной власти и управления низового звена.

Закон об организации местных СНП и народных правительств (1982), определяя сферу полномочий низовых СНП (волостей, национальных волостей и поселков), указывает, что последние не образуют постоянных комитетов, не принимают местные планы экономического и социального развития и бюджеты, не назначают руководящих должностных лиц. Но во всем остальном они в пределах своей компетенции выполняют функции, определенные законом для вышестоящих СНП.

Органический закон для местных органов государственной власти и управления обогатился в 1982 г. положениями о внутреннем регламенте собраний. По типу ВСНП местные СНП избирают президиум сессии, в период ее проведения образуют комиссии — мандатную, по рассмотрению предложений и законопроектов, а также другие, работающие под руководством президиума сессии. Право внесения предложений и проектов законодательных актов предоставлено на сессии ее президиуму, постоянному комитету СНП, народному правительству той же ступени, а также группе депутатов в составе не менее трех человек. Предложения и проекты решений, вносимые на рассмотрение сессии СНП, направляются в ее президиум либо в комиссию по рассмотрению предложений. Тем самым устанавливается единообразный порядок деятельности представительных органов государственной власти.

По аналогии с ВСНП на сессиях местных собраний разрешается присутствие ответственных работников различных функциональных подразделений народных правительств соответствующих ступеней, а также председателей народных судов и главных прокуроров данной административно-территориальной единицы.

Ряд положений Органического закона (в редакции 1982 г.) регулирует статус депутатов местных СНП. Во время сессий собраний депутаты могут направлять запросы в адрес народных правительств тех же ступеней или их структурных подразделений, а также органов судов и прокуратуры, причем все указанные органы обязаны давать ответы на запросы. Депутаты местных СНП образуют депутатские группы в составе трех и более депутатов. С учетом применения территориального и производственного принципов избрания депутатов их группы образуются как по месту жительства избирателей, так и по месту их работы. Определяя назначение таких групп, закон ограничивается указанием, что они помогают народным правительствам соответствующих ступеней в их работе.

Конституция 1982 г. закрепила полномочия постоянных комитетов СНП различных ступеней, впервые образованных в КНР по решению II сессии ВСНП пятого созыва (1979) в качестве постоянно действующих органов местных СНП. По аналогии с ПК ВСНП постоянные комитеты местных собраний правомочны принимать решения о внесении частичных изменений в планы экономического и социального развития и бюджеты соответствующих административно-территориальных единиц, решать (в период между сессиями СНП) вопросы о назначениях и смещениях заместителей руководителей местных народных правительств, а также начальников департаментов, бюро, отделов местных органов государственного управления. Они также «принимают решения относительно кандидатур», исполняющих обязанности глав местных правительств в случае невозможности исполнения последними своих обязанностей. Тем самым закон отвел значительную роль постоянным комитетам местных СНП в формировании государственного аппарата на местах.

Аналогично установлениям, касающимся ПК ВСНП, введен принцип должностной несовместимости для лиц, входящих в состав постоянных комитетов: председатели, заместители председателей, члены этих комитетов не могут по совместительству входить в состав местных народных правительств, занимать должности в органах суда и прокуратуры.

Образование постоянных комитетов местных СНП китайские юристы связывают со стремлением «развивать в полной мере активность и инициативу» на местах, для чего необходима деятельность постоянных органов государственной власти, способных в период между созываемыми один раз в год сессиями СНП обеспечивать своевременное и компетентное решение всех важных государственных дел. Создание таких органов также объясняют потребностью в установлении постоянного контроля органов государственной власти за административными органами с целью повышения эффективности работы местных народных правительств²⁹.

В докладе «О работе правительства» на II сессии ВСНП шестого созыва (15 мая 1984 г.) премьер Государственного совета Чжао Цзыян говорил об усиленном развитии

²⁸ «Жэньминь жибао», 16.XII.1982.

²⁹ Там же, 27.I.1983.

государственного строительства в КНР. Он сообщил, что к середине 1984 г. в основном закончилась перестройка административно-управленческого аппарата провинциального звена, делегированных органов — административных управлений округов, а также народных правительств городов провинциального подчинения. По словам докладчика, в это же время развернулась работа по перестройке аппарата народных правительств уездов, а также по отделению органов государственной власти и управления от органов хозяйственного руководства в низовом звене в сельской местности, то есть по созданию волостных СНП и народных правительств, соответственно принявших на себя функции упраздненных СНП и правлений народных коммун, которым передавались только функции хозяйственных организаций в сельской местности³⁰.

Во всех звеньях местного государственного аппарата, включая восстановленные с 1982 г. волости и национальные волости, в качестве исполнительных и распорядительных органов действуют народные правительства. В дополнение к установлениям Органического закона 1979 г. Конституция 1982 г. ввела во всех местных народных правительствах систему персональной ответственности их руководителей — губернаторов провинций, мэров городов, председателей автономных районов, начальников автономных округов, районов, волостей, национальных волостей, поселковых старост.

Нововведением, связанным с принятием Конституции 1982 г., явилось учреждение в народных правительствах уездного и вышестоящего звеньев ревизионных органов в качестве органов «двойного подчинения», которые несут ответственность за свою деятельность как перед образовавшими их народными правительствами, так и перед вышестоящими ревизионными органами, но в сфере своей компетенции контроль за финансовой деятельностью они осуществляют самостоятельно.

Расширение прав местных государственных органов коснулось также и административного аппарата, в связи с чем в 1982 г. в Органический закон 1979 г. были внесены соответствующие изменения. В частности, раньше назначение или смещение начальников секретариата и структурных подразделений местных правительств, произведенное решением постоянного комитета данной ступени, подлежало утверждению правительством вышестоящей ступени. Теперь такого утверждения не требуется, а о решении постоянного комитета лишь сообщается вышестоящему народному правительству. Местным народным правительствам различных ступеней предоставлены полномочия учреждать «в соответствии с потребностями работы» необходимые функциональные подразделения. При этом предусматривается соблюдение закрепленного в Основном законе принципа сокращения государственного аппарата и установок Госсовета об «упорядочении» руководящих звеньев всех административных органов.

Реформа местного государственного аппарата основана на принципах, применявшихся при реорганизации центральных органов государственного управления. Начавшаяся во второй половине 1982 г. работа по «упорядочению» административных органов провинциального звена (провинций, автономных районов, городов центрального подчинения) в основном была завершена в марте 1983 г., а народных правительств округов (единиц, занимающих промежуточное положение между провинциями и уездами, в которых провинциальными правительствами образуются правительства, но не создаются органы государственной власти) и большей части городов — к концу 1983 г.

В «Докладе о работе правительства» на 2-й сессии ВСНП шестого созыва (15 мая 1984 г.) премьер Госсовета Чжао Цзянь указал, что в основном закончилась перестройка аппарата народных правительств провинциального звена, а также окружных административных управлений и правительств городов центрального подчинения. По его словам, в масштабе всей страны «в определенной очередности» развернулась работа по перестройке аппарата уездных и организации заново волостных правительств в ходе проведения мероприятий по отделению низовой государственной власти и управления от народных коммун³¹.

В результате реформы прежде всего сократился численный состав руководящих работников. Так, общее число губернаторов и вице-губернаторов провинций, мэров и вице-мэров городов, председателей автономных районов уменьшилось на 34 %. Их средний возраст снизился на семь лет, а число лиц среди них с высшим специальным образованием увеличилось с 20 до 43 %³². Не исключается возможность, что при проведении реорганизации местного административного аппарата на первый план выдвигалась задача не изменения структуры, а замены кадров новыми, более компетентными лицами, способными проводить на местах установки центрального руководства.

Сказанное в наибольшей мере относится к руководящим работникам административного аппарата, состав которых за два года проведения реформы обновился наполовину. По официальным данным, новые руководящие кадры административных органов провинциального звена составляют теперь 44 % всех членов руководящих групп, а в округах и городах — около половины их общего числа. Из них около 70 % имеют специальное высшее образование³³.

Кроме повышения эффективности работы и компетентности административного руководства, реформа ставит своей задачей также окончательное завершение процесса

³⁰ «Жэньминь жибао», 2.VI.1984.

³¹ Там же.

³² Там же, 24.I.1984.

³³ Там же.

разграничения функций партийного и административного аппаратов. По официальным данным, главные руководители различных партийных органов на местах больше не занимают по совместительству различные административные должности³⁴. На этом основании некоторые китайские юристы делают вывод о «независимом положении» административных органов, занятом ими в результате реформы³⁵. Однако, учитывая долговременное слитное существование партийных и административных органов в недалеком прошлом, тесное взаимное переплетение их функций и трудности в их разграничении, по-видимому, преждевременно говорить о «независимом положении» административного аппарата в масштабах всей страны.

Затруднительно говорить в настоящее время и о быстром повышении уровня компетентности руководящих кадров применительно к актуальным потребностям экономического и культурного развития страны. «Модернизация» Китая, безусловно, потребует существенного повышения образовательного уровня кадровых работников, число которых составляет свыше 20 млн. человек. Согласно официальной статистике, из этого числа только 2 млн. человек (то есть менее 7 %) имеют высшее образование, из них 700 тысяч получили такое образование во время «культурной революции», когда оно зачастую носило формальный характер.

Острый дефицит квалифицированных кадров, несомненно, сказывается на состоянии управленческого аппарата КНР. По-видимому, это обстоятельство не может не учитываться при решении вопросов о сокращении общего числа структурных подразделений в местных народных правительствах, при этом сохраняются главным образом те подразделения, которые могут быть укомплектованы подготовленными кадрами, а потому способны обеспечить более эффективную работу.

В соответствии с Конституцией КНР 1982 г. расширилась сеть массовых самодеятельных организаций населения — связующего звена между населением и низовыми органами государства. В дополнение к ранее существовавшим комитетам городского населения под руководством волостных народных правительств учреждаются комитеты сельского населения, в функции которых входит оказание помощи низовым правительствам в осуществлении государственного управления, организации производства, строительства, службы быта, охраны общественного порядка, здравоохранения, разрешении споров среди жителей и т. п. Каждый комитет сельского населения, избираемый жителями деревни, приходится в среднем на тысячу человек³⁶; таким образом, в КНР существует около 800 тысяч таких организаций.

Кроме рассмотренных выше органов государственной власти и управления, важную часть государственного аппарата составляют органы суда и прокуратуры. Определяя их правовое положение, Конституция КНР 1982 г. и Закон об организации народных судов (в редакции 1983 г.) не говорят, что народные суды являются единственными органами, осуществляющими правосудие в стране. При этом известно, что подобное обстоятельство в недавнем прошлом широко использовалось для вынесения внесудебных решений и приговоров.

Правда, в действующем Основном законе отсутствует имевшееся в двух предыдущих конституциях (1975 и 1978) положение о возможности организации массовых митингов под предлогом необходимости «преподать массам урок». Однако совместное постановление ЦК КПК и Госсовета КНР об усилении борьбы с хозяйственными и должностными преступлениями от 13 апреля 1982 г.³⁷ разрешает применять такие методы в целях усиления борьбы против названных видов преступлений.

Конституция КНР 1982 г. говорит о независимости судов и подчинении их при рассмотрении дел только закону. Вместе с тем установлена ответственность народных судов различных ступеней перед формирующими их собраниями народных представителей и их постоянными комитетами. В принятом в 1983 г. постановлении Постоянного комитета ВСНП о внесении изменений в Закон об организации народных судов (1979) указывалось на недопустимость вмешательства в деятельность судов со стороны административных органов, общественных организаций и отдельных лиц³⁸, имевшее место прежде.

В Конституции и Органическом законе закреплён принцип равенства граждан в суде перед законом.

Ряд изменений, внесенных в Закон об организации народных судов, связан с учетом специфических условий Китая. В частности, в отличие от положений закона 1979 г. устанавливается необязательное участие народных заседателей в рассмотрении дел судами первой инстанции. В разъяснениях, сделанных по этому поводу на заседании Постоянного комитета ВСНП, указывалось на существование «многочисленных трудностей в практической работе», а также отсутствие необходимого числа народных заседателей, обладающих юридическими знаниями и потребностью в «более гибких установлениях»³⁹.

³⁴ «Жэньминь жибао», 24.I.1984.

³⁵ «Фасюэ», 1983, № 8, с. 7.

³⁶ «Beijing Review», 1984, N 11, p. 9.

³⁷ «Жэньминь жибао», 14.IV.1982.

³⁸ Там же, 3.IX.1983.

³⁹ «Чжунхуа жэньминь гунхэго цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй чанъу вэйюань-хуэй гунбао», 1983, № 4, с. 13.

С учетом сложившейся в КНР практики целый ряд функций судебно-административных органов передавался непосредственно органам суда. В целях повышения уровня судопроизводства в закон было добавлено положение, требующее, чтобы судьи имели специальное юридическое образование. Ввиду возрастания числа рассматриваемых судами хозяйственных дел низовым народным судам наряду с вышестоящими представлено право учреждать палаты по хозяйственному судопроизводству.

Несмотря на отмеченные выше моменты, вызывающие некоторые вопросы, в целом упорядочение законодательства о судах можно рассматривать как заметный шаг вперед, особенно по сравнению с периодом, когда в КНР вообще игнорировались нормы законности.

Сказанное относится и к органам народной прокуратуры, восстановленным в КНР в 1978 г. после 12-летнего периода, когда функции этих органов выполнялись органами общественной безопасности. Конституция КНР 1982 г. провозгласила принцип независимости прокуратуры, исключая вмешательство в ее деятельность со стороны административных органов, общественных организаций и отдельных лиц (с. 131). Тем не менее в ней нашло закрепление ранее сложившееся и зафиксированное в предыдущем Основном законе (1978) подчинение органов прокуратуры на местах местным органам государственной власти — собраниям народных представителей и их постоянным комитетам.

Вместе с тем следует отметить, что при внесении в 1983 г. изменений в Закон об организации народной прокуратуры (1979)⁴⁰ в некоторых случаях отмечалось ослабление зависимости прокуратуры от органов государственной власти. Так, упростилась процедура назначения заместителей главных прокуроров и членов коллегий прокуратуры провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, не требующая, как прежде, утверждения решения Генерального прокурора Постоянным комитетом ВСНП. Подобным же образом было аннулировано положение закона 1979 г. об утверждении постоянным комитетом СНП той же ступени назначений и смещений заместителей главных прокуроров, членов коллегий прокуратур автономных округов, городов провинциального подчинения, уездов, городов без районного деления и городских районов, произведенных главными прокурорами провинций, автономных районов и городов центрального подчинения.

Положительное значение имеет закрепление действующим Основным законом в качестве главной функции прокуратуры осуществление ею общего надзора. Развертывание такого рода деятельности органами прокуратуры сыграло бы весьма важную роль в обеспечении режима законности в КНР, о необходимости чего говорилось на XII съезде КПК.

Однако на том же партийном съезде признавалось, что для выполнения подобной задачи «потребуется много времени и труда», поскольку «культурная революция» подорвала все, что было достигнуто⁴¹. В результате «десятилетней смуты», как указывалось на съезде, многие государственные должностные лица и граждане по-прежнему не придают должного значения правопорядку, а введенные в действие государственные законы не проводятся в жизнь⁴².

О том же говорилось и в докладе о работе правительства на I сессии ВСНП шестого созыва⁴³. При этом указывалось на невысокий уровень экономического и культурного развития Китая, из чего делался вывод, что укрепление режима законности, необходимое для обеспечения нормальной деятельности государственного аппарата, «по-прежнему является длительной и трудной задачей»⁴⁴.

Подобные обстоятельства, безусловно, сказываются на состоянии современного государственного аппарата КНР; при этом требуется не только проведение реформы его структуры, но и осуществление широкого круга мероприятий по повышению уровня правового сознания работников государственных органов.

В ходе реформы остаются нерешенными некоторые важные проблемы. Так, китайские юристы указывают на нерешенность вопроса приближения всех представительных органов государственной власти к населению страны⁴⁵. Все еще ведутся поиски способов и форм рационального (применительно к Китаю) сочетания централизованной системы государственной власти с известной долей самостоятельности местного государственного аппарата и хозяйственных организаций.

Хотя сохраняющиеся в различных областях жизни общества трудности и недостатки не могут быть легко и быстро изжиты, процесс укрепления государственного аппарата в КНР развивается.

⁴⁰ «Жэньминь жибао», 3.IX.1983.

⁴¹ Там же, 8.IX.1982.

⁴² Там же, 17.IX.1982.

⁴³ Там же, 24.VI.1983.

⁴⁴ Там же, 22.VI.1983.

⁴⁵ «Фасюэ яньцзю», 1983, № 2, с. 8.

Сотрудничество в интересах двух великих народов

[К 30-летию подписания советско-китайского соглашения о научно-техническом сотрудничестве]

*Л. В. ФИЛАТОВ,
кандидат экономических наук*

Минуло 30 лет со времени подписания Советско-китайского соглашения о научно-техническом сотрудничестве от 12 октября 1954 г., которое впервые в истории СССР и КНР официально закрепляло уже сложившиеся к тому времени отношения в области науки и техники, основанные на ленинских принципах интернационализма. Объективными истоками этих отношений, возникших еще до провозглашения КНР, явились историческая закономерность развития мировой социалистической системы, советская интернациональная политика солидарности с национально-освободительным движением и сам антиимпериалистический характер китайской революции, имевшей международное значение в общей борьбе трудящихся всего мира.

Советское научно-техническое содействие в качестве важной составной части военной и экономической помощи сыграло в значительной мере роль одного из определяющих факторов для обеспечения победы китайской революции и успешного строительства первоначальной материально-технической базы социализма в КНР в 50-х годах. Уже в 1945—1949 гг. Советский Союз, несмотря на собственные трудности послевоенного времени, оказывал освобожденным Советской Армией от японских интервентов территориям Китая существенную и разнообразную научную и техническую помощь. Командированные Советским правительством в освобожденные районы специалисты и эксперты приняли участие в организации снабжения населения продовольствием, налаживании транспорта, связи, медицинского обслуживания и создании различных курсов по подготовке национальных кадров. Только в 1948 г. в Китай было направлено свыше 320 советских инженеров, техников и высококвалифицированных рабочих-путейцев и подготовлено из местного населения более 4600 железнодорожников¹.

Последующие после образования КНР 1949—1953 гг. были началом становления регулярных связей между советскими и китайскими учреждениями и ведомствами, которые базировались на основных положениях советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 г. и принципах сотрудничества, разработанных Советом Экономической Взаимопомощи социалистических стран. На данном этапе советско-китайскими межправительственными соглашениями уже регламентировался порядок командирования советских специалистов в Китай и обучения в СССР китайских граждан. Оказание других видов научно-технических услуг в каждом отдельном случае обуславливалось самостоятельными контрактами соответствующих советских и китайских организаций.

Научно-техническое сотрудничество в эти годы осуществлялось преимущественно в одностороннем порядке и имело целью оказание максимального содействия КНР в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства и осуществлении в стране экономических преобразований. В Китай, в частности, было командировано свыше 1200 советских специалистов различного профиля для проведения восстановительных работ, реконструкции старых предприятий и сооружений новых промышленных объектов, передано около 600 комплектов технической и проектной документации; в СССР было принято примерно 200 китайских практикантов для прохождения производственно-технического обучения.

В эти годы, несмотря на то что КНР не являлась членом СЭВ, Советский Союз, придерживаясь во внешнеполитическом курсе пролетарской солидарности, строго руководствовался в своих отношениях с Китаем основными решениями относительно Общих условий и принципов сотрудничества, принятых социалистическими странами в рамках СЭВ, и распространял на Китай все вытекающие из этих решений льготы и привилегии. Так, в соответствии с принципами, установленными СЭВ, Советский Союз еще до подписания соглашения о научно-техническом сотрудничестве осуществлял передачу Китаю документации, материалов и литературы безвозмездно, а командирование советских специалистов и обучение китайских граждан — по льготным для КНР расценкам.

¹ О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения 1945—1970. М., 1972, с. 33—37.

Подписание 12 октября 1954 г. специального межправительственного соглашения о научно-техническом сотрудничестве знаменовало организационно-правовое оформление нового типа отношений между двумя странами, официально строящихся на принципах равенства и безвозмездности взаимной помощи, что являло собой яркое претворение в жизнь ленинских идей интернационализации отношений при социализме.

Советско-китайское сотрудничество в целом носило неэквивалентный характер и было в сущности одной из главных форм советской помощи Китаю, осуществлявшейся на максимально выгодных для него условиях.

Советская помощь Китаю в области науки и техники по своим масштабам и содержанию, по количественным и качественным показателям беспрецедентна в истории международных отношений. В отдельные годы на долю КНР приходилось около 50 % всего объема научно-технического обмена СССР с внешним миром. В этом сотрудничестве участвовало свыше 500 советских организаций, в том числе 160 научно-исследовательских и проектных институтов. Китаю передавалось на протяжении ряда лет не менее 30 % применявшихся в народном хозяйстве СССР технических новинок и исследовательских разработок. Эта помощь, носившая всеобъемлющий и конструктивный характер, распространилась практически на все области экономики, науки и техники и сыграла ведущую роль в формировании почти всех звеньев экономического и научно-технического потенциала Китая, включая создание системы Академии наук КНР, а также свыше 100 академических и ведомственных научно-исследовательских институтов и около 200 высших и специальных учебных заведений. Советский Союз осуществлял передачу всей необходимой документации и оказание техпомощи, а также подготовку квалифицированных кадров для 300 с лишним крупнейших промышленных объектов, строившихся с участием советских специалистов, и для более чем 1000 заводов и фабрик, сооружавшихся Китаем собственными силами.

Среди наиболее крупных мероприятий по оказанию помощи необходимо выделить участие советских ученых и специалистов в составлении пятилетних планов и двенадцатилетнего плана развития науки и техники, в который вошли 616 проблем; содействие в решении 122 важнейших научно-технических проблем, количество которых по просьбе китайской стороны было затем увеличено до 163; оказание помощи в деле развития исследований по физике атомного ядра и использования атомной энергии в мирных целях, а также совместные работы в Объединенном институте ядерных исследований, проведение совместных комплексных экспедиций по изучению природных ресурсов и производительных сил Китая; разработка 134 научных проблем по соглашениям между Академией наук СССР и Академией наук КНР, а также проведение всевозможных исследовательских работ по межведомственным соглашениям и протоколам.

В 1949—1966 гг. Китаю было передано безвозмездно через Советско-китайскую комиссию по научно-техническому сотрудничеству около 24 тыс. комплектов документации, в Китай было командировано около 15 тыс. советских ученых и специалистов для оказания помощи в различных областях народного хозяйства и было принято в СССР около 40 тыс. китайских граждан для учебы и стажировки в научных учреждениях и учебных заведениях, на предприятиях и стройках на льготных для КНР условиях. Кроме того, в порядке книгообмена в КНР было поставлено около 600 тыс. библиотечных единиц и оказан ряд других услуг. Общая стоимость всего комплекса советской помощи по минимальным расценкам мирового рынка того периода могла бы составить свыше 10 млрд. долл. по официальному курсу 60-х годов².

Советско-китайское сотрудничество открывало перед Китаем широкие возможности использования передового опыта и новейших достижений Советского Союза и постепенного преодоления исторически сложившейся экономической и научно-технической отсталости. Эффективный и конструктивный характер советской помощи нашел прямое отражение в успехах Китая в различных областях экономики, науки и техники. В общем объеме производства КНР за 1960 г. выпуск продукции на предприятиях, спроектированных и построенных при техническом содействии Советского Союза, составил: по чугуну — 30 %, стали — около 40, прокату — свыше 50, алюминию — 25, грузовым автомобилям — 80, тракторам — более 90, синтетическому аммиаку — 30, выработке электроэнергии — 25, производству паровых и гидравлических турбин — 55, производству генераторов — около 20, производству продукции тяжелого машиностроения в целом — более 10 %. Общая стоимость продукции, произведенной Китаем только на базе переданной в 1949—1966 гг. советской документации с учетом «ноу-хау» и лицензий, могла бы составить по мировым ценам сумму минимум в 250 млрд. долл.³ В то же время определенные успехи китайской науки и технической мысли позволили КНР вносить ощутимый вклад в общий научно-технический обмен между социалистическими странами.

В конце 50-х годов научные учреждения КНР, созданные с помощью Советского Союза, были уже в состоянии не только самостоятельно вести научно-исследователь-

² См.: Л. В. Филатов. Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю, 1949—1966. М., 1980, с. 121. Примечание: в пересчете на современный, существенно возросший по сравнению с 50—60-ми годами уровень мировых расценок общая стоимость советской помощи Китаю могла бы оказаться в несколько раз выше.

³ См. там же, с. 70.

ские, проектные и конструкторские работы, но и делиться опытом с зарубежными организациями. По мере продвижения Китая по пути научно-технического прогресса советско-китайское сотрудничество создавало благоприятные перспективы для осуществления в будущем взаимовыгодного обмена между двумя странами на паритетных началах. В течение нескольких лет доля китайского участия в общем обмене постоянно возрастала, увеличившись по отдельным видам в 5—10 раз.

Однако в конце 50-х годов шовинистический «особый курс» Мао Цзэдуна воспрепятствовал воплощению в жизнь открывавшейся перед КНР перспективы научно-технического прогресса. В политике китайской администрации произошел резкий поворот, характеризовавшийся антисоветизмом, проведением авантюристических экспериментов в области экономики, связанных с осуществлением «большого скачка» и «культурной революции», милитаризацией страны, свертыванием экономических и научно-технических связей с Советским Союзом и странами социалистического содружества. Результатом этой политики явилось то, что второму пятилетнему плану и двенадцатилетнему плану развития науки и техники не суждено было осуществиться. Несмотря на некоторые успехи, особенно в отраслях военно-прикладного характера, Китай не достиг намеченных планами рубежей ни в 1962 г., ни в последующие годы.

Разрушительные последствия «большого скачка» и «культурной революции» в сочетании с самоизолирующей в области международного научно-технического обмена отразились практически на всех звеньях экономического и научно-технического потенциала КНР, отбросив их развитие по ряду показателей на 15—20 лет назад.

По существу, лишь с конца 1977 г. в Китае стали уделять большее внимание проблемам научно-технического сотрудничества с зарубежными странами, рассматривая его в качестве важного ускорителя общественного производства и преодоления многолетнего застоя китайской экономики, науки и техники. При этом в печати стали появляться материалы, в которых прямо или косвенно признается решающее значение помощи Советского Союза в создании ныне действующего комплекса промышленных предприятий, научно-исследовательских учреждений и вузов. В частности, отмечается, что построенные Советским Союзом в первой пятилетке промышленные объекты сыграли важную роль в ускорении темпов экономического развития КНР и что эти предприятия по-прежнему составляют костяк современной индустрии КНР. О важном вкладе Советского Союза в создание промышленного и научно-технического потенциала, который до сих пор сохраняет для Китая первостепенное значение, говорилось на XII съезде КПК и последующих сессиях ВСНП⁴.

В последние годы, несмотря на преимущественную ориентацию на западные страны, КНР заметно расширила сферу сотрудничества с Советским Союзом и странами социалистического содружества.

Советско-китайские отношения включали контакты между отдельными ведомствами обеих стран по интересующим их вопросам, взаимные официальные и неофициальные визиты научных работников и специалистов, а также участие советских и китайских представителей в разных международных конференциях и симпозиумах, проводимых в СССР и КНР. В частности, в 1982 г. в Советский Союз приезжала делегация ведущих китайских экономистов, а в КНР — делегация советских специалистов легкой и текстильной промышленности и несколько групп советских научных работников. Китайские ученые приезжали в Советский Союз на VI симпозиум Международной ассоциации по генезису рудных залежей и XI конгресс Международного Союза по изучению четвертичного периода, а советские ученые — в КНР на Международный симпозиум «Континентальная сейсмология и прогноз землетрясений»⁵.

В 1983 г. стороны обменялись делегациями представителей металлургической и угольной промышленности. По линии обществ дружбы обе стороны приняли у себя группы видных ученых и ведущих специалистов. Состоялся обмен студентами и преподавателями вузов. В семинаре специалистов по металлургии из социалистических и развивающихся стран, проведенном на заводе «Запорожсталь», приняли участие китайские инженеры, которые в течение трех месяцев знакомились с лучшими достижениями советской металлургии⁶.

Кроме того, китайские медицинские работники провели несколько бесед с советскими коллегами на международных семинарах по иглотерапии в Софии и Вене, а также в Москве по пути на родину. Советские и китайские ученые и специалисты встречались также во время других научных форумов по некоторым актуальным вопросам современной науки и техники, в том числе и на состоявшемся в Советском Союзе Международном симпозиуме, посвященном проблемам производства энергии магнитно-гидравлическим способом.

В 1984 г. состоялся обмен визитами делегаций ответственных работников ГКНТ СССР и ГКНТ КНР, а также обмен студентами и практикантами по 70 человек с каждой стороны.

Наметившиеся положительные сдвиги в развитии сотрудничества между обеими странами, все еще сохраняющееся влияние в Китае советской широкомасштабной по-

⁴ См.: «Хунци», 1979, № 10, с. 44; «Жэньминь жибао», 15.IX.1980; 2.VI.1984.

⁵ См.: «Жэньминь жибао», 11.IX.1982.

⁶ См. там же, 2.IX.1983; «Правда Украины», 3.IX.1983.

мощи прошлых лет, взаимная обусловленность интересов в развитии научно-технического обмена создают объективную основу для расширения сферы сотрудничества советских и китайских ученых в различных областях науки и техники.

В декабре 1984 г. первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, находившийся в Китае по приглашению правительства КНР, и заместитель премьера Госсовета КНР Яо Илинъ обменялись мнениями по вопросам дальнейшего развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между двумя странами.

Обе стороны обсудили вопросы о подписании соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, соглашения о научно-техническом сотрудничестве и соглашения о создании советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству и достигли договоренности по этим вопросам.

28 декабря 1984 г. в Пекине состоялось подписание советско-китайских документов. Были подписаны соглашение между правительством СССР и правительством КНР об экономическом и техническом сотрудничестве, соглашение между правительством СССР и правительством КНР о научно-техническом сотрудничестве и соглашение между правительством СССР и правительством КНР о создании советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству.

Документы подписали первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов и заместитель премьера Госсовета КНР Яо Илинъ. Подписанные документы призваны способствовать дальнейшему развитию взаимовыгодных экономических, торговых, научно-технических связей между странами.

Научный поиск видного китайского экономиста

[Об оценке теоретического наследия Сунь Ефана в Китае]

В. Я. ПОРТЯКОВ

Одной из характерных особенностей интенсивно ведущихся в Китае с конца 70-х годов теоретических экономических исследований является активное участие в этой работе известных ученых — Ян Цзяньбая, Сюэ Муцяо, Юй Гуанъюаня, Ло Гэнмо, Ма Хуна (в 50-х — начале 60-х годов выступал в печати под псевдонимом Ню Чжунхуан) и других, — стремящихся, судя по всему, напряженной творческой деятельностью хотя бы частично компенсировать минимум десятилетие вынужденного молчания. Искренне-го уважения заслуживает скончавшийся 22 февраля 1983 г. видный китайский ученый-экономист Сунь Ефан, который, будучи тяжело больным, написал в последние три года своей жизни свыше 20 статей.

Ныне Сунь Ефан оценивается в Китае как создатель оригинальной, сравнительно систематизированной теории социалистической экономики, вписавшей «славную страницу» в историю развития политической экономии социализма в стране, как человек, оставивший «драгоценное теоретическое наследие».

Между тем его жизненный и творческий путь был нелегким, а подчас и трагическим. Сунь Ефан (настоящее имя Сюэ Эго) родился 24 октября 1908 г. в местечке Юйци уезда Уси провинции Цзянсу в семье мелкого служащего и одновременно арендатора. В 1923 г. вступил в Союз социалистической молодежи Китая, а с 1924 г. официально стал членом КПК. В ноябре 1925 г. был послан на учебу в Москву. После окончания учебы занимался переводами лекций на китайский язык по политической экономии. В сентябре 1930 г. вернулся в Китай. Вместе с Сюэ Муцяо организовал «Общество изучения деревни», активно участвовал в социально-экономическом обследовании деревни ряда районов Китая, публиковался в журнале «Китайская деревня» («Чжунго нунпунь»). В начале 40-х годов Сунь Ефан направляется в партшколу Центрального Китая для преподавания основ ленинизма. После образования КНР работает в экономических и статистических ведомствах Шанхая, Восточного Китая, одно время возглавляет Государственное статистическое управление КНР. С 1957 г. — исполняющий обязанности, а с 1958 г. — директор НИИ экономики АН КНР.

Исследовательские доклады Сунь Ефана конца 50-х — начала 60-х годов, в которых он излагал свои взгляды на категорию «стоимость» и ее место в системе политической экономии социализма, на прибыль, цену производства и т. д., были в закрытом порядке опубликованы в КНР в качестве «пособия» для критики его суждений, развернувшейся в 1963—1964 гг. по инициативе, как утверждают ныне, Кан Шэна и Чэнь Бода. Накануне и в годы «культурной революции» Сунь Ефан квалифицировался как «самый крупный ревизионистский элемент в экономических кругах Китая». 5 апреля 1968 г. он был заключен в тюрьму по личному приказу Кан Шэна, где и пробыл до 10 апреля 1975 г. После устранения от власти «четверки» и до конца жизни Сунь Ефан занимал пост почетного директора, советника НИИ экономики Академии общественных наук Китая.

Значительная часть работ Сунь Ефана, написанных начиная с 1956 г., представлена в сборнике «Некоторые теоретические проблемы социалистической экономики»¹ и в его продолжении под тем же названием². В 1983 г. в закрытом журнале «Цзинцзи яньцзю пзыляо» («Материалы экономических исследований») были опубликованы часть незавершенной итоговой работы Сунь Ефана «Теория социалистической экономики» («Шэхуэйчжун цзинцзи лунь»), над которой он трудился с начала 60-х годов и до последних дней жизни, а также написанная им в 1972 г. в тюрьме работа «Моя полемика с рядом ученых-экономистов»³. «Введение в «Теорию социалистической экономики (Общая программа)» опубликовано в журнале «Общественные науки Китая»⁴. Подготовлен к печати также сборник работ Сунь Ефана о теории обращения при социализме⁵. Готовится к изданию собрание его сочинений.

¹ Шэхуэйчжун цзинцзи ды жогань лилунь вэньти. Пекин, 1979, 376 с.

² Шэхуэйчжун цзинцзи ды жогань лилунь вэньти (Сюйцзи). Ухань, 1982, 292 с. Сборник переиздан в 1983 г. в расширенном варианте.

³ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1983, № 5, с. 3 обложки.

Высокая оценка премьером Госсовета КНР Чжао Цзяном на V сессии ВСНП КНР пятого созыва (декабрь 1982 г.) высказываний Сунь Ефана о важности технической реконструкции действующих предприятий и присуждение ему парткомом Академии общественных наук Китая звания «образцового коммуниста» послужили своего рода сигналом к развернутому анализу и обсуждению экономических воззрений Сунь Ефана учеными-экономистами страны⁶. Такое обсуждение достигло наибольшего размаха на специальном симпозиуме, прошедшем с 16 по 23 сентября 1983 г. в городе Уси в соответствии с завещанием Сунь Ефана, который выразил надежду на «проведение собрания оценки или критики его экономических воззрений» с пропагандой тех идей, которые будут признаны верными, и, напротив, с критикой «односторонних или ошибочных взглядов»⁷. В симпозиуме приняли участие 211 ученых и хозяйственных работников со всего Китая. Было представлено 83 доклада⁸. Публикация некоторых из них в экономической периодике страны все еще продолжается.

Среди многочисленных работ, посвященных анализу экономических взглядов Сунь Ефана, заметно выделяется изданная Уханьским университетом книга известного ученого-экономиста, заместителя директора НИИ экономики АОН Китая Дун Фужэна⁹ «О теории социалистической экономики Сунь Ефана». Хотя данная книга, написанная на базе выступления автора на конференции, организованной Исследовательским обществом политической экономии социализма вскоре после кончины Сунь Ефана, не является строго академическим трудом, тем не менее в ней, пожалуй, наиболее четко раскрыта логическая взаимосвязь основных суждений Сунь Ефана, достаточно подробно и объективно проанализированы его важнейшие теоретические взгляды, процесс их формирования и развития. Автор, «чувствуя своей прямой обязанностью сделать хотя бы немного для пропаганды теории социалистической экономики» Сунь Ефана, писал книгу, движимый не столько стремлением «отблагодарить его за многолетнюю помощь и наставничество», сколько «пониманием необходимости того, чтобы еще больше людей уяснили глубокие теоретические воззрения Сунь Ефана и могли бы осуществить их в практике социалистической модернизации» (с. 140). Этой задаче подчинена и структура работы.

Дун Фужэн вполне обоснованно выделяет три этапа формирования и развития «теории социалистической экономики» Сунь Ефана: 1956—1958 гг. — этап формирования, 1959—1964 гг. — этап углубления и систематизации, 1976—1983 гг. (от разгрома «четверки» до смерти Сунь Ефана) — период дальнейшего развития и совершенствования теоретических взглядов ученого, проведенного в это время «новое исследование ряда коренных проблем политической экономии, таких, как предмет и метод политической экономии, вопросы производительных сил, связь производственных отношений и производительных сил...» (с. 10).

Справедливо указывая на необходимость «исторического подхода к экономической теории» Сунь Ефана (с. 102), автор открыто признает, что в конце первой половины 60-х годов, «в эту годину разгула «левачества», товарищ Сунь Ефан, стремившийся провести «водораздел» между своими взглядами и критиковавшимся в то время современным ревизионизмом, едва ли мог сам избежать влияния некоторых «левацких» поветрий. Это вполне объяснимо. В последние годы он выступил с самокритикой по данному вопросу» (с. 8)¹⁰.

Принципиальное значение имеет показ Дун Фужэном наряду с исторической подоплекой и идейных истоков теоретических воззрений Сунь Ефана прежде всего той большой роли, которую сыграло в «вызревании» и оформлении его «теории социалистической экономики» непосредственное знакомство ученого с новыми исследованиями и идеями советских коллег-экономистов во второй половине 50-х годов, когда «во все большей степени начала проявляться тенденция к преодолению схоластического характера многих экономических работ, «замкнутости» политэкономии социализма, ее отрыва от жизни, от практики коммунистического строительства»¹¹. Конкретно Дун Фужэн подразумевает «немалое влияние», оказанное на Сунь Ефана теоретическими воззрениями В. А. Соболя, работника Центрального статистического управления СССР, который неоднократно обменивался взглядами с Сунь Ефаном в 1956 г. в Москве в

⁶ «Чжунго шэжуэй кэсюэ», 1983, № 3, с. 3—25.

⁷ См.: «Гуанмин жибао», 6.III.1984.

⁸ Например, см.: Сунь Шанцин, У Цзинлянь и др. К вопросу о системе теории социалистической экономики Сунь Ефана. — «Цзинцзи яньцзю», 1983, № 1, с. 9—20.

⁹ См.: «Гуанмин жибао», 26.II.1983.

¹⁰ См.: «Цзинцзи жибао», 6.X.1983.

¹¹ См.: Дун Фужэн. Лушунь Сунь Ефан ды шэжуэйчжун цзинцзи лилунь. Изд-во Уханьского университета, 1983, 141 с.

¹² Конкретно имеются в виду отрицание принципа материального стимулирования, предвзятая трактовка методов получения прибыли в народном хозяйстве СССР, нашедшие отражение главным образом в исследовательском докладе Сунь Ефана от 18 сентября 1963 г. «Показатель прибыли в системе управления социалистической плановой экономикой». — См.: Шэжуэйчжун цзинцзи ды жогань лилунь вэньшэнь, с. 258—267.

¹³ История политической экономии социализма. Л., 1983, с. 33.

ходе его поездки в СССР во главе делегации Государственного статистического управления КНР и в 1958 г. в Китае, куда В. А. Соболев был приглашен для чтения лекций по проблемам баланса народного хозяйства (с. 1, 4). Внимание Дун Фужэна к воззрениям именно В. А. Соболева, по-видимому, объясняется не только их известным сходством с теоретическими суждениями Сунь Ефана, подробно проанализированным в книге (с. 10—25), но и личным участием автора в научных контактах двух ученых и переводе работы В. А. Соболева «Очерки по вопросам баланса народного хозяйства» (М., 1960) на китайский язык (с. 10).

На наш взгляд, есть достаточные основания говорить и о других — помимо описанных Дун Фужэном — проявлениях воздействия советской экономической мысли конца 50-х — начала 60-х годов на формирование взглядов Сунь Ефана. Например, некоторые положения его теории обращения при социализме близки к выводам А. Е. Ключева, исследовавшего в своих работах общую экономическую природу обмена и его форму в социалистическом обществе и, в частности, считавшего обмен необходимой фазой всякого общественного воспроизводства¹². Сунь Ефан также подчеркивал, что «обязательной связью процесс обращения связан не с товарным производством и обменом, а с общественным разделением труда на базе крупного общественного производства»¹³. Так же явно прослеживается параллель в подходе Сунь Ефана и советского ученого Л. Гатовского к задачам политической экономии социализма. Сунь Ефан неоднократно возражал против «шаблонного превращения работ по политической экономии социализма в свод политических установок или свод законов и определений», считая необходимым анализировать социалистическую экономику и, соответственно, излагать политическую экономию социализма в последовательности, присущей «Капиталу» К. Маркса, то есть «сначала анализировать процесс (непосредственного. — В. П.) производства, затем процесс обращения и в заключение — анализировать весь процесс производства в социалистическом обществе»¹⁴. В свою очередь Л. Гатовский еще в 1959 г. в статье, опубликованной в журнале «Вопросы экономики» (№ 3), критиковал существующее у некоторых экономистов представление, «будто задача политической экономии социализма в основном сводится лишь к общим определениям экономических законов и категорий», к установлению «перечня» и «иерархии» законов, границы их сфер... «...Ясно, что подобные представления не имеют ничего общего с подлинными задачами политической экономии социализма...»¹⁵.

Выведение идейных истоков ряда экономических воззрений Сунь Ефана не может, как справедливо отмечает Дун Фужэн, «принизить значение его теории и его творчество в области теории социалистической экономики» (с. 4). Вместе с тем оно, по нашему мнению, убедительно свидетельствует, что научный поиск Сунь Ефана, включая критику им проявлений «идеализма» и «формализма» в политэкономических исследованиях, лежал в общем и для китайских, и для советских ученых-экономистов в русле решения поставленной самой жизнью задачи дальнейшего развития политэкономии социализма, в том числе и путем переосмысления некоторых устаревших или неверных теоретических положений (кстати говоря, проделанная в этом направлении работа оказалась в СССР значительно более интенсивной и многогранной, чем в Китае, где она к тому же была прервана на длительный срок). Отсюда со всей очевидностью вытекает и несостоятельность искусственных попыток отдельных нынешних интерпретаторов взглядов Сунь Ефана приписать ему лавры этакого «борца» против «завозного товара» в сфере политэкономии социализма, служившего лишь «теоретическим выражением политики другой страны»¹⁶.

В работе Дун Фужэна теоретические воззрения Сунь Ефана анализируются главным образом не непосредственно, а в форме сопоставления их со взглядами В. А. Соболева, выявляя здесь общих моментов и различий в процессе рассмотрения таких выделяемых автором особенностей «теории социалистической экономики» Сунь Ефана, как революционность, практичность, научность.

Весьма удачной явилась попытка Дун Фужэна представить «теоретическое здание, строящееся Сунь Ефаном», в виде обобщенной схемы (с. 44), которая наглядно демонстрирует тесную логическую взаимосвязь и экономическую последовательность его основных суждений.

Наибольшее внимание автор уделяет взглядам Сунь Ефана на категорию «стоимость» и закон стоимости, занимающим центральное, основополагающее место во всей его теоретической системе.

¹² Подробнее см.: История политической экономии социализма, с. 521—522. Сунь Ефан был знаком со статьей А. Е. Ключева «О содержании обмена как экономического процесса», опубликованной в 1961 г. — См.: Шэхуэйчжун цзинцизи ды жогаңь лилунь вэньти, с. 203.

¹³ См.: Дун Фужэн. Значение теории социалистического обращения Сунь Ефана. — «Цзинцисюэ вэньчжай», 1984, № 6, с. 34 (реферат статьи из журнала «Цаймао цзинцисюэ», 1984, № 4).

¹⁴ Шэхуэйчжун цзинцизи ды жогаңь лилунь вэньти, с. 204, 123.

¹⁵ Цит. по: История политической экономии социализма, с. 33.

¹⁶ Например, см.: Мао Тяньци. Правильный путь развития экономической науки. — «Гуанмин жибао», 6.III.1983.

Уже в первой своей работе «Поставить план и статистику на базу закона стоимости», написанной после образования КНР, Сунь Ефан попытался обосновать сохранение при социализме роли закона стоимости как регулятора производства, «распределителя» общественных производительных сил, подчеркнув при этом, что если в товарной экономике закон стоимости выражает себя через товарное обращение, через рыночную конкуренцию, то в плановой экономике необходимо «сознательно улавливать его через расчет»¹⁷.

Широко распространенное непонимание взглядов Сунь Ефана на стоимость и закон стоимости при социализме, нередко воспринимавшихся как «отрицание необходимости планового управления социалистической экономикой»¹⁸, заставило ученого не раз возвращаться к данной проблеме с целью максимально четкого и аргументированного изложения своей позиции. Это, например, сделано в статье 1959 г. «О стоимости» и работе 1980 г. «Теория внутренней причины и теория внешней причины закона стоимости».

Дун Фуцзэн констатирует специфичность суньэфановской трактовки стоимости и закона стоимости, ее отличие от преобладающих среди ученых-экономистов суждений (с. 11). В упрощенном виде эту трактовку можно представить следующим образом. Во-первых, Сунь Ефан различал меновую стоимость и стоимость, считая, что меновая стоимость отражает особенности отношений товарного производства в условиях капитализма и индивидуального хозяйства, а стоимость есть сам по себе общественно необходимый труд, материализованный в продукте, она свойственна нетоварной экономике. (Он считал, что двойственность труда производна от его общественного разделения, следовательно, абстрактный труд, создающий стоимость, сохраняется в экономике общенародной собственности и в экономике будущего коммунистического общества.) Поскольку, как полагал Сунь Ефан, в экономике социалистической общественной собственности не существует товарно-денежных отношений, то нет и категории «меновая стоимость», тогда как категория «стоимость» сохраняется (с. 31). Во-вторых, Сунь Ефан разграничивал понятия «количества» и «качества» стоимости. В этом плане он соглашался с нетождественностью понятий общественно необходимого труда и стоимости, поскольку, по его мнению, первое фактически означает «количество общественно необходимого труда» и является в основном количественной категорией, а качественная сторона стоимости есть «отношение издержек производства к полезности». Это, говорил Сунь Ефан, и есть подлинный смысл понятия «стоимость», к которому мы привлекаем внимание. Поэтому уделять внимание понятию «стоимость» в социалистическом обществе значит уделять внимание экономической эффективности (с. 32). Соответственно Сунь Ефан считал «получение максимального экономического результата с минимумом затрат труда» ядром проблемы закона стоимости (с. 38). В-третьих, Сунь Ефан различал два закона стоимости — закон стоимости товара, или закон стоимости в узком смысле, и закон стоимости продукта, который он также называл законом стоимости «номер два», или законом стоимости в широком смысле. Роль закона стоимости товара выражается в регулировании производства через колебания цен вокруг стоимостей, предпосылкой чего является обмен товаров. А роль закона стоимости продукта прежде всего непосредственно проявляется в процессе производства. По мере развития социалистической экономики закон стоимости продукта будет, полагал Сунь Ефан, постепенно расширять свою сферу действия, а закон стоимости товара — сходить с исторической арены.

Как считает Дун Фуцзэн, фактически Сунь Ефан имел здесь в виду не два различных экономических закона, а указывал на «общность» и «единичность» форм проявления закона стоимости (с. 36). По Сунь Ефану, закон стоимости есть объективный закон крупного обобщественного производства, а не специфический закон товарного производства. С исчезновением товарно-денежных отношений исчезнет проявление роли закона стоимости через стихийную конкуренцию на рынке, но роль скоро сохранится крупное обобщественное производство, то сохранится и всегда играемая законом стоимости роль экономии времени труда и пропорционального распределения времени труда в соответствии с потребностями. Поэтому, считал Сунь Ефан, «закон стоимости есть закон», ни в коем случае не могущий быть ликвидированным «при любом крупном обобщественном производстве, он не только в социалистическом обществе, но и в коммунистическом обществе по-прежнему будет играть свою роль» (с. 36—37).

Необходимо отметить, что вышеназванные суждения Сунь Ефана базируются на ряде высказываний основоположников марксизма, и в первую очередь на следующем определении Ф. Энгельса, данном в его ранней работе «Наброски к критике политической экономии»: «Стоимость есть отношение издержек производства к полезности. Ближайшее применение стоимости имеет место при решении вопроса о том, следует ли вообще производить данную вещь, т. е. покрывает ли ее полезность издержки производства. Лишь после этого может идти речь о применении стоимости для обмена... Когда частная собственность будет уничтожена... практическое применение понятия стоимости будет тогда все больше ограничиваться решением вопроса о производстве, а это и есть его настоящая сфера»¹⁹. Сунь Ефан в отличие от многих других ученых-экономистов полагал, что и в дальнейшем К. Маркс и Ф. Энгельс считали данное определение

¹⁷ См.: Шэхуэйцзун цзинцзи ды жогапъ лилунъ вэньцзи, с. 6—7.

¹⁸ «Гуанмин жибао», 2.X.1983.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 552—553.

стоимости справедливым. В частности, Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» вновь подчеркивал, что в будущем производственный план «будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда»²⁰. Сунь Ефан также апеллировал к высказанному К. Марксом в письме Л. Кугельману от 11 июля 1868 г. положению о том, что «...необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства, — измениться может лишь форма ее проявления»²¹. Разумеется, Сунь Ефан не игнорировал другие высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, согласно которым стоимость и закон стоимости являются категориями, присущими лишь товарному производству, однако он видел здесь лишь внешнее противоречие, полагая, что во втором случае они подразумевали меновую стоимость, а в первом — стоимость как субстанцию²².

Отдельные китайские ученые предпринимают попытки поддержать и даже развить суждения Сунь Ефана о стоимости и законе стоимости²³, встречающие, однако, гораздо чаще возражения, причем в последние годы, видимо, в связи с четко обозначившимся в стране курсом на всемерное развитие товарного производства интенсивность критики растет. При этом критикуются не только отрицание Сунь Ефаном товарного характера производства и обмена в рамках экономики общенародной собственности (Дун Фужэн справедливо отмечает, что взгляды Сунь Ефана по этому вопросу отражали реалии прежнего хозяйственного механизма, при котором не существовало подлинного товарного производства и товарообмена, средства производства не являлись товаром) (с. 109—110), но и «теория стоимости продукта», «отождествление закона стоимости с законом экономии времени», недоучет сохраняющейся и при социализме стихийно регулирующей роли закона стоимости, «преклонение» Сунь Ефана перед данным Ф. Энгельсом определением стоимости, будто бы ведущим к «противоречащему теории трудовой стоимости К. Маркса рассмотрению потребительной стоимости в качестве одного из факторов, определяющих стоимость»²⁴. Как ни парадоксально, но данная критика еще раз подтверждает замечание Сунь Ефана, высказанное в 1978 г., о том, что «содержание закона стоимости, описанного разными экономистами, по-прежнему далеко не одинаково» (с. 95). В целом, на наш взгляд, нынешняя дискуссия в Китае вокруг взглядов Сунь Ефана, равно как и подчас излишне эмоциональная критика сходных суждений В. А. Соболя и И. С. Малышева рядом советских ученых в начале 60-х годов²⁵, свидетельствует о сложности проблемы, которая, по-видимому, не может на сегодняшний день считаться исчерпанной во всех ее аспектах и требует дальнейшего исследования и обсуждения.

Видное место в работе Дун Фужэна занимает анализ позиции Сунь Ефана по таким важным вопросам социалистического хозяйственного механизма, как проблема разграничения прав государства и предприятий в хозяйственном управлении, роль показателя прибыли в социалистической экономике, возможность установления плановых цен на базе цены производства и т. п.

Сунь Ефан предлагал разграничивать права государства и предприятий в соответствии с делением показателей на стоимостные и натуральные, по принципу простого или расширенного воспроизводства первоначальной стоимости фондов предприятия и, наконец, сохранения или изменения кооперационных связей между предприятиями. По его мнению, в «малые права» предприятий должны входить определение конкретного ассортимента производимой продукции (за рядом исключений); вся деятельность в рамках простого воспроизводства первоначальной стоимости фондов предприятия; определение ассортимента и объема поставок в рамках прежних кооперационных связей. Соответственно, планирование стоимостных показателей, расширение производства, изменение поставщиков и потребителей продукции и их установление для новых предприятий входят в «большие права» государства (с. 81—83). Главную заслугу Сунь Ефана автор видит не в его конкретных предложениях, а в самой идее о том, что центральным вопросом реформы хозяйственного механизма являются взаимоотношения между государством и предприятиями (с. 89).

По мнению Сунь Ефана, наиболее концентрированным выражением уровня хозяйствования на предприятиях является показатель прибыли. Он полагал возможным достижение в социалистической экономике через плановое руководство усреднения нормы прибыли между отраслями, а значит, и применение показателя нормы прибыли, рассчитанной по фондам предприятия, для анализа эффективности использования предприятиями средств, предоставленных в их распоряжение обществом. Если то или иное предприятие располагает относительно большим количеством выделенных государством

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 321.

²¹ Там же, т. 32, с. 460—461.

²² См.: Шэуэйчжун цзинци ды жогань лилунь взъити, с. 9—10.

²³ См.: Цзя Кан. О законе стоимости в широком и узком смысле. — «Цзинци яньцзю», 1984, № 6, с. 47—53.

²⁴ См.: «Цзинцисюэ чжоубао», 23.IV.1984; «Гуанмин жибао», 25.XI.1978; «Цзинци кэсюэ», 1984, № 3, с. 15—17; «Цзинци яньцзю», 1983, № 11, с. 26.

²⁵ К. В. Островитянов. Строительство коммунизма и товарно-денежные отношения. М., 1962; А. С. Мендельсон. Стоимость и цена. М., 1963.

фондов, то оно должно отчислять государству относительно большую прибыль. Сунь Ефан, следуя экономической логике, выступал и за определение плановых цен на базе «цены производства» (с. 79). Эти взгляды ученого встречают все большую поддержку в Китае, однако не единодушную²⁶, да и Дун Фужэн считает вопросы об объективных основаниях усреднения нормы прибыли при социализме и механизме превращения стоимости в цену производства, «требующими дальнейшего обсуждения» (с. 100).

Самостоятельный интерес представляет характеристика автором некоторых особенностей исследовательского стиля Сунь Ефана: теоретической проницательности, смелости, последовательности, глубокого понимания практического значения экономической теории (с. 119—132).

По нашему мнению, Дун Фужэн абсолютно прав, призывая «не отрицать легковесно ценность теории Сунь Ефана из-за несовершенства ряда выдвинутых им конкретных предложений или трудностей с ее практической реализацией» (с. 87). Главное и бесспорное достоинство экономических воззрений Сунь Ефана, конечно же, в том, что они «будят» теоретическую мысль, стимулируют поиск путей и методов совершенствования социалистической хозяйственной практики.

В заключение заметим — не в упрек Дун Фужэну, который и не преследовал цель изложить в своей работе «полный набор» суждений Сунь Ефана, а объективности ради, — что некоторые высказывания ученого явно «не афишируются» в посвященных анализу его взглядов публикациях. Это, например, критика Сунь Ефаном высылки в 60—70-х годах так называемой «грамотной молодежи» в сельскую местность; его замечание о невозможности признать товаром продукцию военной промышленности; возражения против беспрестанного и далеко не всегда оправданного оперирования терминами «макроэкономика» и «микроэкономика»; требование «брать за критерий марксистскую экономическую науку» для определения того, что можно, а что нельзя заимствовать из западной экономической науки, и т. п.²⁷

²⁶ Например, Гу Шутан и Ян Юйчуань в статье «Проблема модификации стоимости при социализме» пишут, что в настоящее время в Китае в связи с низкой степенью развития обобщественного производства еще не существуют условия для превращения стоимости в цену производства. — «Цзинцзи яньцзю», 1982, № 12, с. 65.

²⁷ См.: Шэхуэйчжун цзинцзи ды жогань лилунь вэньти (Сюйцзи), с. 105, 153, 231, 232.

Материалы о пребывании Ли Дачжао в СССР

В 1924 г. нашу страну посетил видный пропагандист научного социализма в Китае, один из основателей и руководителей КПК Ли Дачжао. Перед отъездом в СССР для участия в работе V Всемирного конгресса Коминтерна товарищ Ли Дачжао заявил: «Теоретический уровень нашей партии, к сожалению, не удовлетворяет тем политическим потребностям, которые ставит перед нашей партией революционная борьба. Вот и я еду в Москву не столько в качестве делегата партии, сколько в качестве ученика, чтобы получить опыт у русских революционеров и затем использовать его у нас, в Китае, применительно к нашим условиям».

Будучи на V конгрессе Коминтерна, Ли Дачжао имел возможность осмотреть достопримечательности Москвы и Ленинграда, ознакомиться с жизнью советских людей. Повсюду делегация КПК видела проявления симпатий к революционной борьбе китайского народа за национальное и социальное освобождение. О памятных встречах на советской земле Ли Дачжао рассказал в известной статье «Народы Советской России поддерживают китайскую революцию», которую он написал в Москве 24 сентября 1924 г.¹ Однако, освещая в этой статье визит в СССР, Ли Дачжао ничего не сказал о своих выступлениях в нашей стране. Согласно воспоминаниям его родственников, Ли Дачжао находился в СССР под псевдонимом Ли Циньхуа². Как удалось установить, под этим именем Ли Дачжао представил письменный доклад V конгрессу Коминтерна³, дал интервью газете «Рабочая Москва», выступил с речью 22 сентября 1924 г. на интернациональном митинге в Большом театре, организованном обществом «Руки прочь от Китая!», и опубликовал статью в журнале «Красный интернационал профсоюзов»⁴.

Ниже мы предлагаем читателям, сохранив стиль оригинала, но учтя современную транскрипцию китайских имен и названий, тексты перечисленных работ Ли Дачжао. Публикуемые материалы не только конкретизируют наши представления о пребывании Ли Дачжао в СССР, но и являются ценными источниками для изучения идейно-политической эволюции этого выдающегося деятеля КПК, отдавшего свою жизнь во имя победы китайской революции, во имя дружбы китайского и советского народов.

К. В. ШЕВЕЛЕВ

№ 1

ЗАЯВЛЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ. НАЦИОНАЛЬНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА В КИТАЕ⁵

1 июля 1924 г.

Товарищи, на II конгрессе Коминтерна была принята составленная Лениным резолюция по национальному и колониальному вопросам, и с того времени компартии Востока борются согласно принципам этой резолюции.

¹ См.: Ли Дачжао. Избранные статьи и речи. М., 1965, с. 27; 230—238.

² См.: «Синьхуа юэбао. Вэньчжай бань» (Пекин), 1979, № 5, с. 241; Ли Синьхуа. Хуэй воды фуцинь Ли Дачжао (Воспоминания о моем отце Ли Дачжао). Шанхай, 1982, с. 109.

³ В некоторых китайских публикациях встречается утверждение, будто Ли Дачжао выступил с речью 1 июля 1924 г. на 22-м заседании конгресса в прениях по национальному и колониальному вопросу (см.: «Вэньу тяньди», 1982, № 6, с. 16). Однако это не так. В действительности Ли Дачжао не имел возможности выступить на этом заседании, но текст его доклада был приложен к протоколу и вошел в стенографический отчет.

⁴ Не найден текст доклада «Соперничество империалистов в Китае и гражданская война», который Ли Дачжао сделал 18 сентября в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской (см.: «Правда», 21.IX.1924).

⁵ В стенографическом отчете письменный доклад Ли Дачжао не имеет названия. Нами заимствован заголовок из изложения документа в газете «Правда» от 11 июля 1924 г.

Китайский народ угнетают, с одной стороны, международные империалисты, а с другой стороны — китайские милитаристы. Существование последних обусловлено властью в Китае иностранных империалистов, а потому китайские милитаристы являются агентами империалистических держав. Поэтому национальное китайское движение должно быть направлено как против тех, так и против других. Сперва мы коснемся последних выступлений иностранного империализма в Китае, а затем перейдем к развитию национального движения.

За последний год империализм в Китае был в зените. Я остановлюсь на следующих наиболее крупных фактах.

1. Дело Кармена в Калгане. У американского купца Кармена, вошедшего в соглашение с американским консулом в Калгане и пытавшегося вывезти из города контрабандным путем для китайских спекулянтов 60 000 долларов серебром, должен был быть произведен по распоряжению военных властей обыск. Кармен воспротивился обыску и открыл стрельбу. В ответ на это китайские солдаты в свою очередь стали стрелять и смертельно ранили Кармена. Тогда американский посол⁶ направили ноту протеста пекинскому правительству, и в результате правительство должно было принести извинение, уплатить возмещение в 50 000 долларов и наказать ряд чиновников.

2. Дело текстильных рабочих в Ханькоу. Около 300 рабочих английской текстильной фабрики были уволены за устройство профсоюза, а три делегата-рабочие были арестованы. Демонстрация уволенных была разогнана британскими войсками. В дальнейшем развитии конфликта было ранено много рабочих, и на сцену явились английские военные суда, угрожавшие бомбардировать город. 33 текстильщика были арестованы, из них трое как руководители были присуждены британским консулом Ханькоу к 5 месяцам тюрьмы каждый, а остальные к 2 месяцам.

3. История с французским золотым франком. Французская часть контрибуции, которую должен был заплатить Китай после боксерского восстания, равняется 154 709 582 тазелей. Вследствие падения [курса] французского франка французское правительство требовало у Китая взноса недоплаченной части этой суммы в золоте, а не в бумажных франках, что составляет разницу в 55 000 000 тазелей. Французам удалось добиться на это согласия Пекинского правительства. Парламент, раньше противившийся этому, теперь меняет свою позицию, получив от правительства взятку.

4. Порт-Артур и Дальний. Аренда Порт-Артура и Дальнего перешла от царской России к Японии. Срок истекал в 1923 г., но Япония отказалась вернуть эти города в силу того, что в одном из числа 21 требования, предъявленных Японией Китаю, предусмотрено возобновление аренды.

5. Линьчэнское дело. Это дело ярко характеризует империалистов. В прошлом году группа бандитов, желая создать дипломатические затруднения для пекинского правительства, напала на поезд в Линьчэне и увела с собой 100 китайцев и 20 иностранцев⁷. Британский, американский, японский, французский и итальянский послы немедленно заявили резкий протест пекинскому правительству. Положение было чрезвычайно напряженным, и империалистические державы пытались получить контроль над китайскими железными дорогами, пароходами и финансами. Дипломатический корпус требовал: 1) денежного возмещения в 8700 долларов за каждого уведенного иностранца, 2) организации железнодорожных войск под командой иностранных офицеров и 3) увольнения военного губернатора Шаньдунской провинции, начальников гарнизона, железнодорожной полиции и других. Эти требования вызвали протесты в народе, но Цао Кунь, президент, чтобы добиться признания со стороны иностранных держав, удовлетворил их.

6. Вывоз хлопка. Дипломатический корпус заставил китайское правительство отменить воспрещение вывоза за границу хлопка. Пекинское правительство согласилось на это требование, не взирая на протест китайских купцов.

7. Табачный акциз. Британско-американская табачная компания, изготавливающая в Китае папиросы из китайского табака, освобождена от уплаты акциза, вследствие чего китайский народ ежегодно теряет 200 миллионов долларов. Провинциальные власти хотели взимать акциз, но Пекинское правительство, вследствие протеста компании, воспретило это.

8. Кантонские пошлины. Кантонское правительство гоминьдана, чтобы помешать исчезновению в карманах Пекинского правительства доходов от кантонских пошлин, само стало взимать их. В ответ на это Англия послала 20 военных судов в Кантон и потребовала отмены пошлин. Но, благодаря твердости Сунь Ятсена и народным демонстрациям, требование это не было удовлетворено.

9. Соединенная морская эскадра держав. Империалистические державы пришли к соглашению об образовании морской эскадры на реке Янцзы из 11 английских судов, 10 японских, 8 американских, 6 французских и 2 итальянских. Державы все еще пытаются заставить Пекинское правительство согласиться на это.

⁶ Ранг посла в Китае был тогда только у советского полпреда Л. М. Карахана.

⁷ По другим данным, во время налета бандитов на «Голубой экспресс» в ночь на 6 мая 1923 г. около станции Линьчэн (провинция Шаньдун) более 100 пассажиров-китайцев и 26 иностранцев были захвачены в качестве заложников, а один убит.

Можно было бы привести множество других фактов. Все это свидетельствует о том, что империалисты неизменно стремятся использовать малейший предлог, чтобы увеличить свою власть и свои прерогативы. Пекинское правительство совершенно в их власти. В вопросе о признании Советского Союза империалисты всячески оказывали давление на Пекинское правительство, и хотя последнее все-таки подписало договор с тов. Караханом⁸, империалисты не прекращают своих провокаций.

Параллельно с возрастанием наглости империалистических держав, растет также и национальное движение, во главе которого стоят рабочие и интеллигентская молодежь. Движением руководят наши товарищи. Сперва гоминьдановцы стремились лишь к расширению занятой ими территории с помощью вооруженной силы и не имели представления о массовом движении. Но после реорганизации, под нашим влиянием, гоминьдан начал входить в контакт с массами и опубликовал декларацию, призывая к свержению своих милитаристов и иностранных империалистов⁹. Наша партия считает, что в такой полукOLONиальной стране, как Китай, необходимо поднять национальное революционное движение, руководимое одной централизованной партией, которая могла бы объединить все массовые выступления. Поэтому в согласии с инструкциями Исполкома Коминтерна члены нашей партии и члены комсомола вступили индивидуально в партию гоминьдан с целью реорганизовать ее, изменить программу и поставить дело так, чтобы она могла вступить в тесную связь с массами. Сунь Ятсен и «левое» крыло гоминьдана решили реорганизовать партию на основе наших предложений, и ее реорганизация в январе 1924 г. произвела глубокое впечатление на китайский народ.

В минувшем январе в Кантоне состоялся съезд гоминьдана, на котором присутствовало 200 делегатов¹⁰; среди них наши товарищи составляли 20%. Манифест, резолюции и программа, принятые съездом, были проведены благодаря объединенным усилиям наших товарищей и «левого» крыла. Последнему пришлось энергично бороться с «правыми», чтобы помешать им выступить против нас. Один из наших товарищей выступил с декларацией, излагающей нашу точку зрения на подлинную национальную революцию¹¹. Сунь Ятсен, со своей стороны, произнес речь, в которой специально остановился на факте допущения коммунистов в партию гоминьдан¹².

Конгресс положил основание образованию централизованной организации. В Исполкоме гоминьдана наши товарищи составляют $\frac{1}{8}$ всех членов его и $\frac{7}{17}$ кандидатов. Политическая программа, принятая съездом, включает следующие наиболее важные пункты.

В области внутренней политики

1. Всеобщее избирательное право.
2. Свобода собраний, печати, слова и совести.
3. Ликвидация бандитизма с помощью доходов от иностранных концессий, вносимых иностранными державами.
4. Проведение рабочего законодательства и защиты рабочих организаций.
5. Реорганизация сельскохозяйственной системы и улучшение условий сельской жизни.
6. Национализация путей сообщения.

В области внешней политики.

1. Отмена всех несправедливых соглашений с иностранными государствами, касающихся концессий, консульской юрисдикции, иностранного контроля над пошлинами и политической власти иностранных государств в Китае.

2. Непризнание иностранных займов, заключенных безответственным Пекинским правительством.

После конгресса национальное движение вступило в новую фазу. Члены гоминьдана разъехались по местам. Наши товарищи и «левое» крыло повсюду активно работают, легально на юге и нелегально на севере. Богатые китайские эмигранты остаются

⁸ Имеется в виду подписанное 31 мая 1924 г. в Пекине «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой», на основе которого восстанавливались нормальные дипломатические и консульские отношения между двумя странами.

⁹ По-видимому, здесь имеется в виду «Манифест I съезда гоминьдана», принятый 23 января 1924 г. (см.: Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1964, с. 399—412).

¹⁰ Здесь допущена неточность: на съезде присутствовало 165 делегатов (см.: Новейшая история Китая. 1917—1927. М., 1983, с. 148).

¹¹ Речь идет о выступлении самого Ли Дачжао 28 января 1924 г. (см.: А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. М., 1976, с. 97—98).

¹² Имеется в виду выступление Сунь Ятсена 21 января 1924 г. (см. там же, с. 82—84).

в партии гоминьдан; мелкая буржуазия и в особенности интеллигенция с энтузиазмом вступили в ряды гоминьдана, а рабочие на юге также примкнули к ним.

1 мая в Ханькоу состоялся митинг в память тов. Ши Яна, расстрелянного в феврале 1923 г. во время забастовки на железной дороге Пекин—Ханькоу. Демонстрации состоялись в провинциях Цзянсу, Чжэцзян и Шаньдун и в Тяньцзине. В Кантоне в демонстрациях принимало участие более 10 000 человек, причем Сунь Ятсен выступил с речью¹³. Когда Пекинское правительство под давлением дипломатического корпуса отказалось подписать договор с Советской Россией, гоминьдан организовал демонстрацию в Пекине¹⁴. Эта демонстрация была разогнана полицией, и было даже введено военное положение. Все это свидетельствует, что гоминьдан начинает руководить массами.

Но вскоре реакция подняла голову. Пекинское правительство, испугавшись усиливающегося влияния гоминьдана, начало принимать против последнего репрессивные меры. В мае были раскрыты две тайные организации в Ханькоу, в связи с чем арестовано 5 человек, в том числе трое наших товарищей. Они были потом расстреляны У Пэйфу. Вскоре после этого было арестовано 5 человек в Пекине, среди них тов. Чжан Готао, наш главный организатор рабочего движения на севере и кандидат в члены Исполкома гоминьдана. Арестованные были заключены в военную тюрьму, причем им не предъявлено никаких обвинений.

Из изложенного можно усмотреть, что наше вступление в партию гоминьдан может ускорить национально-революционное движение. Наши товарищи, вступившие в эту партию, являются подлинным авангардом революции. Гоминьдан недавно выпустил воззвание с протестом против реакции. Наша нелегальная работа продолжается.

В заключение я хочу указать, что главная цель нашей работы среди гоминьдана — пробудить революционный дух масс и направить его против международных империалистов и внутренних милитаристов. Внутри гоминьдана мы перетягиваем на нашу сторону «левое» крыло и таким образом ускоряем нарастание революционной волны. Хотя развитие рабочего движения весьма затруднено вследствие реакции, рабочие организации на севере остаются в наших руках. На юге, особенно в Кантоне, гоминьдан имеет известное влияние среди рабочих, но наша тактика заключается в том, чтобы овладеть руководством рабочего движения с целью сделать из него авангард революции.

Силы китайской компартии незначительны. Ее боевой фронт весьма растянут, так как она одновременно ведет и рабочее движение, и национальное. Мы работали все время в согласии с принятой на IV конгрессе [Коминтерна] резолюцией о едином фронте против империализма. Мы надеемся, что V конгресс уделит особое внимание китайскому вопросу и даст инструкции китайской партии насчет ее дальнейшей работы.

Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, 17 июня — 8 июля 1924 г.

Стенографический отчет, ч. 1. М. — Л., 1925, с. 668—672.

№ 2

РАЗЖИГАЯ ВНУТРЕНнюю СМУТУ И РАЗРУШАЯ ХОЗЯЙСТВО КИТАЯ, ИМПЕРИАЛИСТЫ ОБЛЕГЧАЮТ СЕБЕ РАЗДЕЛ КИТАЯ

[Беседа с членом ЦК китайской компартии т. Ли Циньхуа]

13 сентября 1924 г.¹⁵

Происходящая ныне гражданская война в Китае¹⁶ подготовлена и поддерживается международными империалистами. В Северном и Среднем Китае борьба происходит между кликой Чжили во главе с Цао Кунем и У Пэйфу, поддерживаемой анг-

¹³ 1 мая 1924 г. Сунь Ятсен выступил с речью «Как китайские рабочие страдают от несправедливых договоров» (см.: Сунь Ятсен. Избр. произв. с. 457—465).

¹⁴ Вероятно, имеется в виду демонстрация пекинского студенчества 29 марта 1924 г. в знак протеста против срыва пекинским правительством переговоров между Китаем и СССР и нежелания подписать текст китайско-советского соглашения о нормализации дипломатических отношений.

¹⁵ Дата опубликования.

¹⁶ Имеется в виду вспыхнувшая в начале сентября война между чжилийской кликой милитаристов во главе с Цао Кунем и У Пэйфу и фэнтяньской (мукденской) кликой милитаристов во главе с Чжан Цзолинем, которого поддержал лидер зыньхойской военной клики Дуань Цижуи (см.: Новейшая история Китая, с. 185—192).

лийскими и американскими капиталистами, и кликой Чжан Цзолиня и Дуань Цижюя, поддерживаемой японским империализмом.

На юге Китая, где у власти стоит революционное правительство Сунь Ятсена, английский капитал помогает реакционному генералу Чэнь Цзюньмину, поддерживаемому также чилийскими милитаристами, бороться против Сунь Ятсена. Тот же английский капитал организовал и поддерживает фашистские отряды так называемых «бумажных тигров»¹⁷, во главе которых стоит агент Гонконг-Шанхайского (английского) банка, китайский купец Чэнь Ляньбо.

Надо сказать, что политика Сунь Ятсена на юге не была до сих пор достаточно ясной и четкой. Он сам не находил своей настоящей опоры. Еще совсем недавно он даже рассчитывал найти поддержку в отрядах «бумажных тигров», присутствовал на их парадах и преподносил им знамена¹⁸. Последние события окончательно вскрывают все махинации иностранного капитала и помогут самому Сунь Ятсену найти действительную прочную базу среди рабочих и крестьянских масс.

Задачей китайской коммунистической партии является разъяснение рабочим и крестьянским массам причин и значения гражданской войны. Оказывая всяческую поддержку революционному Южному правительству в его борьбе против иностранного империализма и китайской контрреволюции, китайская коммунистическая партия будет организовывать эти массы для классовых и национальных боев.

«Рабочая Москва»,

13 сентября 1924 г., № 208, с. 2.

№ 3

РЕЧЬ Т. ЦИНХУА (КИТАЙ)¹⁹

22 сентября 1924 г.

Китай есть та страна, которая является ареной мирового империализма. Китайский народ подпал под его экономическое и политическое влияние. Китайские крестьяне потеряли землю и орудия производства. Они стали люмпен-пролетариатом и в настоящее время находятся в критическом положении. Часть крестьян пошла на фабрики и заводы в Китае, часть пошла в армию и в настоящее время является орудием военизации, и часть эмигрировала за границу, так как в Китае промышленность слабо развита.

Вам известно, что в настоящее время идет борьба между разными генерал-губернаторами, но это не просто борьба между генерал-губернаторами, а борьба между империалистическими державами. Япония все время помогала фэнтяньской военной клике, во главе которой стоит Чжан Цзолинь; Англия и Америка помогали У Пэйфу, который стоит во главе чилийской клики. Но несмотря на эту борьбу двух и больше военных клик, в Китае растет и ширится национально-освободительное движение во главе с Сунь Ятсеном.

Но развиваться оно не может без помощи Коммунистической партии Китая, которая собирает в свои ряды лучшие элементы революционной интеллигенции, молодого китайского пролетариата и крестьянства.

Китайский вопрос не есть вопрос чисто национальный, — это вопрос международного. Китайское национальное движение не может развиваться без помощи мирового пролетариата. Только пролетариат может играть роль гегемона в революции.

Вы, рабочие и работницы Москвы, организуйте общества «Руки прочь от Китая!». Коммунистический Интернационал есть стержень освободительного движения мирового пролетариата и восточных колониальных рабов.

В Москве мы идем по этому пути под непосредственным руководством Коммунистического Интернационала.

Собирайте свои силы, чтобы помогать китайскому пролетариату и крестьянству!

Благодаря помощи российского пролетариата китайский пролетариат и крестьянство, несомненно, смогут достичь своей свободы и независимости.

Да здравствует пролетарская мировая революция!

Да здравствует Коммунистический Интернационал! (Аплодисменты.)

Руки прочь от Китая! М., 1924, с. 23—24.

¹⁷ «Бумажные тигры» — прозвище корпуса купеческой милиции в Кантоне (Гуанчжоу), выступившего против правительства Сунь Ятсена. В октябре 1924 г. мятеж «бумажных тигров» был подавлен.

¹⁸ Нам известно лишь об одном таком эпизоде, имевшем место 29 июля 1924 г. (см.: А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае, с. 144). Подробнее об отношении Сунь Ятсена к «бумажным тиграм» см.: Новейшая история Китая, с. 169—175.

¹⁹ Помимо Ли Дачжао, на митинге выступили представители РКП(б), компартий Великобритании, США, Японии и Франции.

№ 4

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КИТАЕ И РАБОЧИЙ КЛАСС

октябрь 1924 г.²⁰

Китайские массы уже в течение многих лет живут под тяжким гнетом международного империализма. Наибольшую агрессивность в Китае проявил британский империализм. После восстания тайпинов англичане, захватив в свои руки морские таможни, сделали из системы таможенных пошлин орудие самой разнузданной империалистической эксплуатации и угнетения. В настоящее время эта система, являющаяся постоянной петлей на шее китайского народа, довела финансы и хозяйство страны до полного развала. Крестьяне обезземелены, промышленные рабочие в подавляющей массе своей страдают от безработицы, между тем как рост цен на продукты первой необходимости чрезвычайно отягчает борьбу за существование. Обезземеленные крестьяне и безработные вынуждены покидать Китай и эмигрировать во все концы света — в Японию, в Европу, в Америку, где капиталисты пользуются их неорганизованностью и дешевым трудом для разрушения своих отечественных рабочих организаций. Что же касается тех экспроприированных крестьян и безработных, которые остаются в Китае, то им ничего не остается как идти в войска или бандитские шайки и рисковать жизнью за узкие интересы милитаристских клик и главарей бандитских шайк. Кроважодные империалисты поощряют китайскую военщину и бандитизм, устраивают их вождям секретные займы и ввозят в Китай оружие и военное снаряжение.

Во время мировой войны европейские великие державы не могли уделять Китаю прежнего внимания. Это дало японскому империализму прекрасный случай укрепить свое влияние в Китае. Однако Америка, не желая уступить Японии колоссальный китайский рынок, энергично конкурировала с нею. Зная, что Япония опирается на милитаристов клики Аньфу и Мукдена, Америка стала поддерживать бэйянскую клику во главе с Цао Кунем и У Пэйфу, выдвигая их против японских лакеев. Только благодаря американской помощи У Пэйфу удалось разбить аньфуистскую и мукденскую клику. Впоследствии американские и британские империалисты соединенными силами поддерживали У Пэйфу и помогали ему разбить революционную силу Сунь Ятсена. Они не только снабжали оружием У Пэйфу и генералов, восставших против Сунь Ятсена, но с помощью Чэнь Ляньбо начали организовывать фашистское движение в самой цитадели китайского революционного движения, в Кантоне.

Итак, нынешняя гражданская война в Китае явилась результатом поддержки, оказанной военной авантюре У Пэйфу американскими и британскими империалистами, и служит отражением конфликта между американским и японским империализмом. Под предлогом защиты жизни и имущества своих граждан во время гражданской войны империалисты объединились, чтобы использовать ими же поддерживаемую смуту в своих интересах за счет китайского народа. Так называемое рабочее правительство Макдональда²¹ сбросило с себя маску и совершенно открыто выступило против националистического революционного правительства Сунь Ятсена, горячо поддерживая своих фашистских агентов. Положение вследствие интриг империалистов все более и более осложняется, и как долго продлится нынешняя гражданская война в Китае — сказать трудно.

Армии всех этих империалистов²² составляются, конечно, из той массы безработных крестьян и рабочих, которые под гнетом империализма вынуждены были пойти в солдаты и жертвовать своей жизнью в борьбе за интересы империалистических наймитов. Рабочих в городах, крестьян в деревнях силою вербуют в армию и гонят на фронт. Особенно жестоко преследуются железнодорожные рабочие в районах, входящих в сферу влияния чжилийской клики; напомним, что У Пэйфу был виновником кровавого избиения железнодорожных рабочих 7 февраля 1923 г. Боясь нового стачечного выступления против своей клики, он арестовал или уволил всех рабочих, имеющих какое-либо отношение к профсоюзам. Положение промышленных рабочих не лучше. Империалистические агенты несут им смерть, террор, угнетение, голод и принудительную военную службу.

Но китайский пролетариат под влиянием коммунистической пропаганды начинает понимать, кто виновник его страданий, кто его враги; он начинает сознавать и свой долг перед китайской национальной революцией и перед мировой пролетарской революцией; он понимает, что китайская национальная революция необходимо должна победить в интересах мировой революции. Китайский пролетариат понимает также, что для того, чтобы дать победу китайской националистической революции, рабочие должны быть прочно организованы и стать революционным центром.

²⁰ Дата опубликования.

²¹ Р. Макдональд (1866—1937) — английский государственный и политический деятель, один из основателей и руководителей лейбористской партии. В то время занимал пост премьер-министра.

²² Так в тексте.

Глава кантонского национального революционного правительства Сунь Ятсен отдает себе отчет в том, что в своей борьбе против империализма и милитаризма и организуемого ими фашистского движения он должен опереться на крестьян и рабочих. Часть кантонских рабочих уже вооружена, и революционное правительство обращается ко всем китайским рабочим с призывом о помощи. Этот призыв есть первый военный клич китайских рабочих в борьбе против своего классового врага.

Как только распространились известия об интервенции в Кантоне британского так называемого рабочего правительства, сотни тысяч рабочих СССР объединились под лозунгом — «Руки прочь от Китая!». Рабочие Великобритании, Франции и Америки также присоединяются к этому движению под знаменем коммунистической партии. Таким образом, рабочие массы под знаменем Коммунистического Интернационала объявляют войну международному капитализму. Китайская рабочая партия, коммунистическая партия, со всеми китайскими рабочими должна стать авангардом в борьбе против международного империализма.

«Красный интернационал профсоюзов», 1924,
№ 9—10 (44—45), с. 75—77.

КНР: встречи, впечатления, размышления

О. Б. Рахманин. Из китайских блокнотов. О культуре, традициях, обычаях Китая, 2-е дополн. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1984, 120 с., 21 л.

В знакомстве со страной, в освоении ее культуры, особенно такой, как китайская, ничто не может заменить прямого контакта и личных встреч. Никакая иероглифическая образованность, никакая начитанность и наблюдательность не могут быть дороже собственного взгляда и личных впечатлений. Это кроме пребывания в стране, нужно еще иметь куда более редкую возможность — возможность встреч с интересными людьми. Именно этим прежде всего отличается книга известного советского китаеведа и общественного деятеля, первого заместителя председателя правления Общества советско-китайской дружбы, доктора исторических наук О. Б. Рахманина «Из китайских блокнотов», изданная Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» в 1982 г. и переизданная с дополнениями в 1984 г.

Впервые О. Б. Рахманин был направлен на работу в Китай еще в 1946 г. В 50-х годах, будучи советником посольства СССР в Пекине по вопросам культуры, он получил редкую возможность для личных контактов с деятелями китайской культуры.

Автор рассказывает в книге о видном литераторе, министре культуры КНР Мао Дунь (1896—1981). Вплоть до самой «культурной революции» Мао Дунь руководил культурной жизнью страны, был председателем Союза китайских писателей. В книге отражена его большая деятельность по ознакомлению китайских читателей с творчеством русских и советских писателей. Особую благородную делу он посвятил много лет. Еще в 1921 г. он выпустил специальный номер журнала «Сяошю юэбао», который тогда редактировал, посвященный изданию русской литературы. Это было первым систематической работы в области русско-китайских литературных связей (с. 12). «В канун «культурной революции» Мао Дунь был снят с поста министра куль-

туры, Союз писателей прекратил существование. Ряд произведений писателя подвергся заушательской критике, а его самого пытались привлечь к участию в антисоветских акциях. Лишь незадолго до своей смерти (в 1981 г.) Мао Дунь вновь получил возможность выступать в печати и занял пост председателя восстановленного Союза писателей», — пишет О. Б. Рахманин (с. 18). Тяжелые моральные испытания, выпавшие на его долю, не изменили убеждений Мао Дуня. Он вновь, как и в далеком 1921 г., выступил инициатором популяризации советской литературы в КНР после «культурной революции» 1966—1976 гг. Когда в феврале 1980 г. в Пекине вышел первый номер специального литературного журнала «Суянь вэньсюэ» («Советская литература»), то открывался он стихотворением Мао Дуня, посвященным этому событию. Давний друг нашей страны не пожалел труда и сил для восстановления литературных связей между народами обоих государств. Мао Дунь гордился тем, что с 1949 по 1956 г. в КНР было переведено на китайский язык и издано в общей сложности 2683 произведения классической русской и советской художественной литературы общим тиражом 67 630 млн. экземпляров, о чем в 1957 г. им была написана статья для советского журнала «Иностранная литература»¹.

В 50-х годах О. Б. Рахманин имел не одну беседу с «Лао Шэ-сяньшэном» — учителем Лао Шэ (1899—1966). Сейчас это, пожалуй, самый популярный у нас китайский писатель. Растет с годами его известность и на родине. К нему пришло поистине всемирное признание (с. 27). Одна из бесед, состоявшихся в 1957 г., подробно была записана в блокнот и воспроизведена в книге. В ней писатель рассказал о своем писательском кредо (с. 25—26). Лао Шэ предостерегал об опасности подмены художественного творчества политическими лозунгами, об опасности формализма. «...Смелость и творчество неотделимы друг от друга, — говорил своему собеседнику Лао Шэ. — Отсутствие оригинальности в творчестве непременно приводит к подражанию, а подражание неизбежно ведет к упадку литературы» (с. 25). Лао Шэ с грустью говорил о «грубой критике», о «нападаках», которые подавляют, а не стимулируют творческую деятельность. «...В области культуры необходим обмен, но нельзя навязывать другим какие-либо реформы односторонние и в принудительном поряд-

¹ Мао Дунь. Китайская литература, ее прошлое, настоящее и будущее. — «Иностранная литература», 1957, № 9, с. 15.

ке» (с. 26). «Было большим счастьем побывать дома у этого интереснейшего человека, быть гостем его супруги, художницы Ху Цзецин. Квартира Лао Шэ была собранием уникальных книг, сувениров, цветов... Лао Шэ был прекрасным собеседником. Мои многочасовые беседы с ним позволили составить впечатление об этом великом писателе, патриоте Китая. В одной из последних бесед Лао Шэ увлеченно рассказывал о встречах с советскими коллегами на съезде писателей в Москве и со свойственным ему юмором прокомментировал свое участие в многочисленных заседаниях. «Я, — сказал Лао Шэ, — из писателя превратился в заседателя» (с. 25).

Лао Шэ погиб 24 августа 1966 г. В одном из пекинских прудов было найдено его тело. Об его гибели недавно рассказала вдова писателя Ху Цзецин на страницах пекинского литературного журнала «Вэньбао». Сейчас она занята работой по изданию собрания сочинений Лао Шэ в 15 томах. Первые тома уже вышли, в них напечатаны ранние произведения, в том числе и такие, которые в КНР еще не переиздавались, например «Мудрец сказал...»². Все, кто знал и был знаком с Лао Шэ, несомненно, присоединятся к словам автора книги: «Никогда не изгладятся из моей памяти могучий интеллект и дарование этого обаятельнейшего человека и художника» (с. 28).

В КНР О. Б. Рахманин познакомился с видным поэтом и общественным деятелем Сяо Санем (1896—1983). Тогда, в 50-е годы, Сяо Сань был деятельным членом Общества китайско-советской дружбы. У нас он больше известен под именем Эми Сяо. Долгое время он жил в СССР, некоторые его стихи написаны на русском языке. Сяо Сань участвовал в работе I съезда Союза писателей СССР. К нему, как к представителю революционных писателей Китая, обращался в своей знаменитой речи А. М. Горький с трибуны съезда. Свободно владея русским, он перевел «Подлинную историю А-Кея» и «Шанхайские впечатления 1933 года» (сборник «Лу Синь», М. — Л., 1938), а из русских и советских писателей на китайский язык — Пушкина, Маяковского, Корнейчука, Гусева и др. В 30-х годах Эми Сяо часто выступал как журналист и критик на страницах советской печати. Ему принадлежит немалая заслуга в популяризации творчества Лу Синя в СССР. Его деятельность воплотила в себе целый период советско-китайских литературных связей, так много сделал он один. В СССР с 1932 по 1954 г. вышло семь книг его стихов, за те же годы он опубликовал около двадцати статей по китайской и русской литературе. Как жаль, что его деятельность не получила пока что должного признания на родине. Сяо Сань — поэт, известный больше у нас, чем в Китае, — так уж сложился его жизненный путь. А его статьи о Лу Синь отсутствуют в ки-

тайских библиографиях, например в ежегоднике, посвященном 100-летию со дня рождения Лу Синя³.

В китайских блокнотах О. Б. Рахманина сохранилась подробная запись беседы с писателем Чжао Шули (1905—1970), которая состоялась на берегу озера Дунтин в 1955 г. Выходец из крестьянской семьи, Чжао Шули принадлежал к новому поколению китайских литераторов. «...Я родился и вырос в деревне, и мне не нужны были никакие «творческие поездки» для того, чтобы постоянно общаться с простыми людьми», — говорил автору книги Чжао Шули. Действительно, язык его книг и его герои — воистину народные. Чжао Шули сумел стать из простого крестьянского парня человеком, овладевшим китайской литературной культурой. Он тоже трагически погиб, как и Лао Шэ, отказавшись вступить в сделку со своими убеждениями и совестью (с. 30). Китайский писатель Ван Сицзянь написал рассказ «Смерть Ли Юяня», основой его послужила известная повесть Чжао Шули «Песенки Ли Юяня» и личная судьба самого Чжао Шули. Ван Сицзянь как бы продолжает повествование о том же литературном герое, которому выпадает на долю то, что в действительной жизни пришлось претерпеть его создателю Чжао Шули. В 1981 г. вышла написанная Хуан Сюи «Литературно-критическая биография Чжао Шули»⁴. В ней сообщается, что писатель погиб в расцвете творческих сил, полный новых замыслов.

Знал лично О. Б. Рахманин и китайского поэта Ай Цина (род. в 1910 г.). Это было давно, еще до 1957 г. «Уже тогда его начали травить, облыжно зачислив в «антипартийные правые элементы»... Более 20 лет назад этого крупного китайского поэта заставили молчать», — пишет автор книги (с. 32—33).

Теперь, в 1983 г., Ай Цину за сборник «Возвращенные песни» присудили премию. Стихи старого поэта поразили китайских читателей не только зрелостью, но и оптимизмом. Критика назвала его песни «светлыми». Сам поэт в предисловии к сборнику, озаглавленном «Поэт должен говорить правду», высказался так: «Перед мгновенно меняющейся действительностью поэт должен высказать слова своей души. Стихи нужно писать своим сердцем под контролем собственной совести. Так называемая совесть — это народная польза и чаяния народные. Сердце народа распознает истинные ценности»⁵.

Ай Цин всегда много ездил. В 50-х годах он посетил СССР и Южную Америку, в 70-х — Западную Европу. Глядя на арены римского Колизея, поэт написал:

В нашем сегодняшнем мире
По-прежнему существуют
единомышленники рабовладельцев,

² Лао Шэ. Мудрец сказал... Пер. с кит. В. Семанова. — В кн.: Восточный альманах, вып. 7. Осень в горах. М., 1979.

³ Лу Сюнь яньцзю нянькань. Сянь, 1979.
⁴ Хуан Сюи. Чжао Шули пинчжуань. Сюйчжоу, 1981.

⁵ «Гуапини жинбао», 26.V.1983.

Для них все человечество лишь объект
порабощения,
Весь земной шар — колоссальная
цирковая арена...

«О нем точно рассказал Н. Т. Федоренко в своей книге «Китайские записки», теперь напоминающей реквием по многим деятелям культуры КНР, павшим в ходе «культурной революции», — замечает О. Б. Рахманин (с. 32). Возвращение Ай Цинна в китайскую поэзию, его светлые стихи, честный голос после 20-летнего изгнания — яркий пример жизнестойкости, неуваждающей силы таланта.

Во второе издание включен раздел, посвященный Чжоу Либю (1908—1979), видному романисту и переводчику, дважды лауреату Государственной премии СССР (в 1951 и 1952 гг.). Его творчество сформировалось под влиянием советской литературы, в особенности М. А. Шолохова, которого он перевел на китайский язык («Поднятая целина», 1946 г.). Чжоу Либю стал жертвой репрессий и гонений, на долгие годы был лишен права творить. «В памяти всех, кто его знал, Чжоу Либю останется революционером-интернационалистом, примером честного выполнения писательского долга», — пишет о нем автор книги (с. 35).

Довелось знать автору и старейших китайских русистов Цао Цзинхуа (род. в 1897 г.) и Гэ Баоюаня (род. в 1913 г.). Были частые встречи и беседы, многолетняя дружба, совместная работа по линии культурных связей и Общества советско-китайской дружбы.

Особую ценность в книге О. Б. Рахманина представляет раздел, посвященный китайскому драматическому театру. Чтобы писать о театре, его необходимо видеть; автор книги принадлежит к числу тех, кто имел возможность много лет внимательно следить за театральным искусством КНР и кого театр привлекал и интересовал. Он был хорошо знаком с такими крупнейшими драматургами, как Тянь Хань, Цао Юй, Ся Янь, Чэнь Байчэнь, Чэнь Цитун, Ян Ханьшэн. И это не только прошлое, не только далекие 50-е годы, но сегодняшний день, потому что в конце 70-х годов Цао Юй и Чэнь Байчэнь выступили с новыми произведениями, историческими пьесами «Ван Чжаоцзюнь» и «Песня большого ветра», которые поставили их вновь в центр китайской театральной жизни.

50-е годы были порой активного культурного сотрудничества между СССР и КНР, и в этих контактах важную роль сыграл советник посольства СССР в Пекине по вопросам культуры, на которого легла большая работа по поддержанию деловых связей, проведению встреч, бесед, организации гастролей и совместных постановок и т. п. Тогда в Пекине ставились советские пьесы, и нужно было помогать театрам и советом и делом. В книге подробно рассказывается о постановке в Пекине замечательной исторической пьесы Тянь Ханя «Гуань Ханын», о деятельности Цао Юя на посту директора Пекинского художественного театра, о трагической судьбе та-

лантливого режиссера Молодежного художественного театра Китая, выпускника московского ГИТИСа Сунь Вэйши, трагически погибшей в октябре 1968 г.

Китайский театр многообразен, и интересы автора распространялись не только на современную драму (китайцы называют ее «разговорной драмой»), но и на традиционный театр пекинской оперы «цзинцзюй». О. Б. Рахманин видел и знал знаменитого китайского актера, реформатора пекинской оперы Мэй Ланьфана: «Мне посчастливилось не один раз беседовать с Мэй Ланьфаном, наслаждаться его неповторимым искусством» (с. 63). Режиссер В. Комиссаржевский совершенно справедливо сказал о Мэй Ланьфане, что «он стал историей и легендой китайского театра»⁶. В книге «Из китайских блокнотов» приводится запись беседы с Мэй Ланьфаном в 1955 г. и воспоминания о торжественном собрании в Пекине 11 апреля 1955 г., которое министерство культуры КНР и творческие организации посвятили 50-летию сценической деятельности двух выдающихся деятелей традиционного театра — Мэй Ланьфана и Чжоу Синьфана.

В книге О. Б. Рахманина впервые рассказано о деятельности Дома культуры пекинского Общества китайско-советской дружбы в 50-х годах. Фильмы, фотовыставки, концерты, лекции, с которыми выступали Сяо Сань и Гэ Баоюань и др., — такой была тогда разносторонняя культурно-просветительская деятельность Дома культуры.

«За время пребывания в Китае на протяжении почти 15 лет мне приходилось немало путешествовать. Практически немало осталось мест в стране, где бы мне не довелось побывать. Не все запомнилось и сохранилось в памяти, но беглые записи из старого блокнота отчасти воспроизводят некоторые впечатления тех лет», — пишет автор (с. 75—76). И действительно, в книге приводятся путевые впечатления о городе Лояне, провинции Сычуань (поездка 1953 г.), скульптурах Юньганских пещер, о Цзинани, о Бэйдайхэ. Зимой 1952 г. автор посетил Кантон, Ханчжоу, Нанкин, Куньмин, Наньчан, Шаосин. Побывал в Ханчжоу, Ухани и в Ваньсяне, где помнят о героической гибели советского летчика-добровольца Г. А. Кулишенко в бою с японцами 14 октября 1937 г. О. Б. Рахманин тепло вспоминает о своих китайских профессорах Ху Хуа, Мяо Чухуане, Сунь Цзинчжи, у которых учился в Народном университете Китая.

Последний раздел книги отведен личным наблюдениям автора в области национальной живописи и китайского прикладного искусства — каллиграфии, гравюры на дереве, глазурованной строительной керамике, художественной резьбы по камню, изделий из лака. Есть в книге раздел о китайских народных праздниках, причем описана редко упоминающаяся в литературе

⁶ В. Комиссаржевский. Мэй Ланьфан и его книга. — В кн.: Мэй Ланьфан. Сорок лет на сцене. М., 1963, с. 4.

церемония «Избавления дьявола» в пекинском храме Юнхэгун. Рассказано о чае по-китайски, китайской кухне, пекинских ресторанах.

Неумолимое время уже унесло многих из тех, кого знал и с кем встречался в 50-х годах автор. К несчастью, одни ушли из жизни трагически в полном расцвете сил: Лао Шэ, Чжао Шули, Тянь Хань... Другим выпали на долю тяжкие испытания мрачного десятилетия 1966—1976 гг., достаточно назвать Ай Цина, Ся Яня, Ян Ханьшэна. Но замечательно оптимистическое звучание книги, уверенность автора в лучшем будущем советско-китайских культурных связей, его вера в своих друзей, таких, как Гэ Баоцюань — «приятно было получить в 1983 г. доброе письмо от Гэ Баоцюаня с приветами и небольшую посылку книг советских авторов, которые при его участии издаются в КНР» (с. 32), как Чэнь Байчэнь — «с Чэнь Байчэнем меня связывала дружба, которой я до сих пор

дорожу; долгие часы провели мы с ним в беседах о китайской литературе» (с. 43). И нельзя не присоединиться к выводу, которым заканчивается книга: «Мне, отдавшему Китаю около 40 лет жизни, захотелось написать не только о политических событиях в этой стране, что мне уже не раз приходилось делать, но рассказать о других сторонах жизни трудолюбивого и замечательного китайского народа, который, как я уверен, будет жить в дружбе и сотрудничестве со своими соседями, в том числе и с Советским Союзом — другом, никогда не оставлявшим этот народ в беде» (с. 119).

Книга О. Б. Рахманина, несомненно, вызовет у советских читателей интерес к Китаю, пробудит желание глубже познакомиться с его народом, культурой, историей, обычаями.

А. Н. СНИГИРЦЕВ

* * *

Малайзия вчера и сегодня

Б. Т. Колосков. Малайзия вчера и сегодня (Опыт проблемного исследования истории развивающихся стран). М., «Мысль», 1984, 303 с., 16 л. ил.

Ценность страноведческой книги во многом зависит от того, сколь разносторонне и емко отражена в ней судьба народа, а также от личности автора, его жизненного опыта и умения доходчиво рассказать о важных вещах, представляющих интерес для широкого круга людей.

Все это в полной мере относится к монографии известного ученого-международника, доктора исторических наук Б. Т. Колоскова «Малайзия вчера и сегодня».

В рецензируемой книге на основе обширного материала анализируются актуальные социально-экономические и внешнеполитические проблемы Малайзии. Большое внимание автор уделяет характеристике политической обстановки в стране до и после достижения ею независимости.

В книге содержится развернутый ретроспективный анализ истории Малайзии. Автор сумел проследить взаимосвязь событий прошлого этой страны с особенностями ее современного состояния. Обстоятельно показана специфическая роль буржуазии китайского происхождения в экономическом развитии Малайзии, ее связь с правящими кругами страны. Б. Т. Колосков уделяет большое внимание национальной психологии как социальному феномену, ее роли на различных этапах истории страны.

Автором исследованы основные направления экономического развития страны, раскрыто значение объективных условий и субъективных факторов, обусловивших позиции и деятельность различных социально-политических сил страны в борьбе за ее экономический прогресс и утверждение ее статуса в рамках мирового капиталистического хозяйства и капиталистической системы в целом.

Правящие круги Малайзии, подчеркивает Б. Т. Колосков, пытаются решить задачу преодоления экономической отсталости страны путем всемерного внедрения капиталистического способа производства. Это не только влечет за собой нарастание и обострение классовых антагонизмов по мере увеличения численности пролетариата и роста его классового сознания, но и придает новый аспект проблеме межобщинных отношений. Большое значение приобретает вопрос о том, будет ли усиление позиций малайской буржуазии сопровождаться уже стечением ее противоборства с местной китайской буржуазией или же буржуазные слои двух общин объединятся в борьбе против общего противника — малайзийского рабочего класса.

В книге содержится всесторонний анализ эволюции внешнеэкономических связей Малайзии, зависимости ее экономики от мирового рынка. Это позволило автору достаточно точно оценить степень действительной экономической и политической самостоятельности страны.

Интересно рассказывает автор о самом образе жизни малайзийцев, о живучести архаичных обычаев, об особенностях функционирования феодально-буржуазной политической надстройки страны. Много внимания уделено положению и борьбе малайзийского рабочего класса, изменениям в жизни крестьянства и других слагаемых социальной структуры. Автор указывает, что на процесс социального развития в стране

оказывают значительное влияние особенности ее национального состава, в частности наличие значительной прбслойки населения китайского происхождения.

Комплексное исследование проблем социального и экономического развития Малайзии имеет значение для понимания сложных процессов, происходящих не только в этой стране, но и в других странах Юго-Восточной Азии, народы которых кровно заинтересованы в том, чтобы развитие их стран было направлено по пути мира, национальной независимости и социального прогресса.

Исходный пункт авторского анализа состоит в проблемном исследовании Малайзии за большой период ее исторического развития — от древности до наших дней. Б. Т. Колосков впервые в отечественном востоковедении сделал попытку исследовать на примере одного из развивающихся государств процессы, присущие всему региону, в который входит эта группа стран. Он анализирует в своей работе не только специфику данной страны, но и общие закономерности, свойственные всем странам ЮВА — бывшим колониям империализма.

Малайзия — член АСЕАН, в которую входят развивающиеся страны ЮВА, избравшие капиталистический путь развития. На позицию таких стран в международных делах влияют два основных фактора. С одной стороны, правящие в них режимы являются классовыми союзниками мирового капитализма, а с другой — как подчеркивалось на июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС — «их объективным интересам противоречит агрессивная политика господства и диктата, проводимая империалистическими державами. Стремясь к преодолению экономической отсталости, эти страны нуждаются в равноправном сотрудничестве, в прочном мире».

Возникновение АСЕАН, образованной в 1967 г. в качестве региональной организации и призванной способствовать экономическому, социальному и культурному сотрудничеству входящих в нее стран, подчеркивает автор, явление само по себе весьма характерное в том смысле, что оно служит показателем происходящего среди развивающихся стран интеграционного процесса.

Искреннее стремление членов организации к подлинной политической и экономической независимости, к осуществлению в короткие сроки индустриализации, совместная борьба против неокOLONиализма, против эксплуатации международными монополиями и иностранным капиталом не встречают поддержки у империалистических сил Запада. В то же время правящие режимы стран АСЕАН свою основную задачу видят в защите интересов крупной национальной буржуазии, подавлении любой оппозиции и преследовании прогрессивных сил.

Несмотря на неоднократные заявления руководящих деятелей стран «пятерки» о том, что АСЕАН не является и никогда не станет военным блоком, в ней все активнее идет процесс наращивания вооружений, все больше приобретают силу милитаристские

тенденции. Огромные средства расходуются странами «пятерки» на проведение военных маневров и учений, создание новых полигонов и тренировочных лагерей, на покупку оружия и военной техники. В 1983 г. военные расходы государств АСЕАН по сравнению с 1982 г. (1700 млн. долл.) возросли в среднем на 15 %. Естественно, что Соединенные Штаты всячески поощряют деятельность тех кругов АСЕАН, которые стремятся к превращению организации в военный блок. Вашингтон открыто требует от стран — членов АСЕАН принятия на себя «большой доли ответственности» в деле защиты «интересов свободного мира».

Проявление милитаристских тенденций в странах АСЕАН, подчеркивает автор, чревато серьезными негативными последствиями. Эти тенденции противоречат целям и задачам, которые ставили перед собой члены Ассоциации при ее создании, и идут вразрез с их подлинными национальными интересами.

Автор подробно рассматривает вопросы внешней политики и международных связей Малайзии с развитыми капиталистическими государствами, прослеживает роль и влияние этих связей на внутреннее положение в стране. Он подвергает обстоятельному анализу такие важные вопросы, как состояние и динамика внешних связей, проблемы оказания иностранной помощи и ее классовая природа.

В книге разоблачаются методы империалистической экспансии и экономического грабежа, практикуемые Западом в Малайзии, новейшие формы западного неокOLONиализма, которые противодействуют этой стране и другим государствам Азии в их борьбе за изменение неравноправного характера международных экономических отношений. В ходе анализа автор вскрывает дестабилизирующие факторы, которые вносят империализм в процесс развития стран, обретших политическую самостоятельность.

Советский Союз, последовательно выступая за мир и разрядку международной напряженности на всех континентах и во всех районах земного шара, всегда проявлял и проявляет большую заинтересованность в поисках путей, ведущих к нормализации обстановки в Азии.

В монографии содержится рассказ о миролюбивой внешней политике Советского Союза, его конструктивных усилиях, направленных на обеспечение мира и безопасности в регионе, на помощь и поддержку усилий развивающихся стран в их стремлении к обеспечению социального прогресса и экономической самостоятельности.

Содержащая глубокий анализ узловых проблем социально-экономического развития Малайзии, работа Б. Т. Колоскова вносит серьезный вклад в советскую страноведческую науку. Его труд будет с вниманием встречен не только учеными-международниками, но и широким кругом читателей, интересующихся проблемами развивающихся стран.

В. А. ВАСИЛЬЕВ

Современное законодательство Китая

Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. Пер. с кит. М., «Прогресс», 1984, 470 с.

Издательство «Прогресс» выпустило в свет сборник «Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты» (под редакцией профессора Л. М. Гудошников). В сборник вошли Конституция КНР, законы и другие правовые акты, принятые в Китае на рубеже 70—80-х годов.

Как известно, преобладающее значение в процессе правотворчества в КНР в указанный период получили главным образом две отрасли законодательства: хозяйственное (включая законодательство об охране различных природных ресурсов) и законодательство, регулирующее организацию и деятельность государственного аппарата, в том числе карательных органов. Они отражают главные направления законодательной политики КНР, ориентированной, во-первых, на усиление эффективности государственной структуры, во-вторых, на правовое закрепление курса «четырех модернизаций» и, в-третьих, на усиление борьбы с преступностью в стране.

Такая направленность нормотворческой деятельности китайского законодателя в основном и предопределила структуру сборника: он открывается Конституцией КНР 1982 г., вслед за которой расположены три раздела, содержащие нормативные акты о государственных органах, экономическое и природоохранительное законодательство, а также уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Закрывает сборник группа нормативных актов, не вошедших в первые разделы, но имеющих важное значение для понимания особенностей правовой системы современного китайского государства.

В первый раздел сборника включены законы об организации высших и местных органов власти и управления, а также о порядке выборов в них, законы об организации народных судов, народной прокуратуры, временные положения об адвокатуре и нотариате. Помимо указанных документов, в раздел вошли подзаконные акты, посвященные реформам и реорганизациям Государственного совета и его структурных подразделений, которые дают наглядное представление о динамике законодательства Китая в области организации высших органов управления, способствуют лучшему пониманию причин и условий появления закона о Госсовете в окончательном виде.

В целом документы первого раздела сборника свидетельствуют о достаточной обеспеченности и разработанности нормативной базы этой отрасли права КНР,

что, по-видимому, объясняется не только сравнительной статичностью предмета правового регулирования, но и наличием у китайского законодателя определенного позитивного опыта в этой области.

Второй раздел — экономическое и природоохранительное законодательство — содержит нормативные акты, относящиеся к самым различным отраслям права — гражданскому, трудовому, финансовому, земельному и т. д. Расположение документов в разделе позволяет условно выделить среди них три существенные группы: законы, регулирующие вопросы внутренней экономической жизни страны; законодательство, связанное с деятельностью на территории Китая иностранных компаний; природоохранные законы.

Следует отметить, что первая группа нормативных актов отражает сложные процессы, происходящие в экономике современного Китая. Неоднозначные по характеру и находящиеся в состоянии динамики общественные отношения не позволили китайскому законодателю сразу кодифицировать отрасли права и ограничили его принятием небольших по объему документов, регулирующих обособленные общественные отношения в пределах группы общественных отношений, составляющих предмет отрасли права.

Отдельные же экономические акты высших органов власти КНР вовсе не обладают правовым содержанием. Не будучи государственно-властным предписанием и не являясь обязательным для исполнения, эти нормы носят главным образом рекомендательный характер. К таковым, например, следует отнести принятые Госсоветом «Постановление о внедрении курса на урегулирование народного хозяйства на предприятиях коммун и производственных бригад» и «Временное положение о развертывании и защите социалистической конкуренции». Не исключено, что в этих актах, находящихся на столь «ранних» стадиях правового развития, китайский законодатель формирует основы и принципы последующего, но уже законодательного в полном смысле слова регулирования этой группы общественных отношений с учетом перспективы их изменения и приобретения, возможно, иного качественного облика.

В сборнике широко представлены нормативные акты о деятельности на территории Китая иностранных компаний: «Временное Положение Китайской Народной Республики о контроле за иностранной валютой», «Закон Китайской Народной Республики об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале», «Закон Китайской Народной Республики о подоходном налоге со смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале» и т. д.

Эти акты отличаются более детальным правовым регулированием вопросов взаимоотношений с иностранцами, деятельностью их компаний. Причин тому много, и в первую очередь следует назвать стремление Китая выглядеть «правовым» государством и законопослушным партнером в глазах

иностранных фирм. Кроме того, установление жестких правил функционирования экономического механизма «Китай — иностранная компания» отвечает прежде всего интересам китайской стороны.

В этом же разделе представлены четыре закона Китайской Народной Республики, посвященных природоохранительной деятельности государства. Эти нормативные акты свидетельствуют о возрастающем внимании в Китае к вопросам охраны окружающей среды. Как известно, в результате бессистемной вырубki лесных насаждений, а также беспорядочного подъема целины возникла серьезная угроза нарушения экологического равновесия, что потребовало от властей КНР принятия срочных мер по сдерживанию губительного воздействия на природу хозяйственной деятельности человека.

Особо следует отметить, что рассматриваемые акты в отличие от многих законов китайского государства составлены с использованием более четкой юридической терминологии и, что особо важно, в них определены конкретные меры ответственности физических и юридических лиц за нарушение устанавливаемого порядка взаимоотношений с природой вплоть до мер уголовно-правового воздействия.

В третьем разделе сборника сосредоточены два важнейших закона Китайской Народной Республики — Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, а также ряд новых актов уголовного законодательства.

После принятия УК и УПК в 1979 г. они подверглись значительным изменениям и дополнениям. Стремясь в короткие сроки ликвидировать резко возросшую преступность в стране, китайский законодатель предпринимает шаги по ужесточению мер наказания. Новеллы уголовного законодательства КНР убедительно свидетельствуют о возобладании репрессивных тенденций в борьбе с преступностью, а трудности внедрения в практику правоприменительных органов Китая норм УПК послужили причиной внесения в кодекс изменений, «ослабляющих» некоторые важнейшие требования уголовно-процессуального законодательства.

В заключительном, четвертом разделе сборника, «Иные законодательные акты», представлен ряд правовых документов Китая: «Закон Китайской Народной Респу- бли- ки о гражданстве», «Закон Китайской Народной Республики об охране памятников культуры» и т. д.

Большое значение для понимания особенностей правовой системы Китая имеют два документа последнего раздела сборника: «Постановление о сохранении в силе законов и указов, принятых со времени образования Китайской Народной Республики» от 29 ноября 1979 г. и «Постановление Государственного Совета по вопросам трудового воспитания» 1957 г., вновь опубликованное 26 февраля 1980 г.

Объявляя о возобновлении действия законов и указов, принятых в 50-е годы, китайский законодатель намеревался, по всей видимости, восполнить имеющиеся пробелы во многих отраслях права современного Китая. Рассмотрение же норм постановления о трудовом воспитании показывает, что они дают возможность применять меры воздействия, по своей тяжести равные уголовному наказанию, без оснований, определенных в уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 2 и 3 УПК), и не в рамках установленной законом судебной процедуры. Все это противоречит положениям УК и УПК об основаниях уголовного преследования и органах, которые его осуществляют.

Представленные в сборнике законодательные акты Китайской Народной Республики дают достаточно полную картину состояния правовой системы современного Китая. Его издание, несомненно, способствует более глубокому, основанному на фактическом материале исследованию и пониманию особенностей социально-политических процессов, происходящих в современном Китае. Очевидно, что правовая система КНР находится на стадии формирования и поэтому отличается крайней динамичностью всех ее компонентов. В этой связи вполне обоснованно ожидать от авторов сборника продолжения работы по систематизации и публикации нормативных актов, не вошедших в данный сборник, а также тех, которые со временем, несомненно, будут приняты и введены в действие в Китайской Народной Республике.

Э. З. ИМАМОВ,

кандидат юридических наук

* * *

Тихоокеанский регион: новые явления в экономике и политике

Тихоокеанский регионализм: концепции и реальность. Отв. ред. В. И. Иванов, К. В. Малаховский. М., «Наука», 1983, 262 с.

Тихоокеанский регионализм как явление неразрывно связан с послевоенным повышением роли стран зоны Тихого океана в глобальной экономике и политике. Сегодня на этот район приходится около 60 % объема мирового промышленного производства, здесь сосредоточены важные центры отраслей индустрии, определяющие темпы научно-технического прогресса. Территория стран, выходящих к Тихому океану, составляет 52 % суши земного шара, а к третьему тысячелетию на ней будет проживать более половины населения планеты. На Тихоокеанский регион в целом приходится 56,5 % добычи каменного угля капиталистических стран, 35,8 железной руды, 50,2 медной руды, 54,3 свинца, 70,0 % олова и значительное количество других полезных ископаемых. Этот потенциал явился основой мощного развития хозяйства тихоокеанских стран. Анализ процессов, происходящих на Тихом океане, и посвящена рецензируемая монография. К ее несомненным достоинствам следует отнести то, что авторы обобщили и систематизировали обширный фактический материал, критически переосмыслили работы иностранных авторов по этой проблеме.

Быстрое развитие производительных сил привело к интенсификации взаимных связей в различных сферах межгосударственных отношений. Авторы справедливо выделяют процессы, лежащие в основе регионализации торговых потоков, вывоза капитала, научно-технического обмена: углубляющееся международное разделение труда, интернационализация хозяйственной жизни. Хозяйственное сближение стран сопровождается ростом экономических противоречий, формированием объективной потребности координации внешнеэкономической деятельности.

Серьезное внимание в работе уделено проблеме складывания так называемого Тихоокеанского сообщества, возможности возникновения региональной интеграционной группировки. Несмотря на отсутствие «каких-либо организационных, институциональных и юридических рамок», как пишут авторы (с. 19), процессы хозяйственного сближения между такими странами, как США и Канада, Австралия и Новая Зеландия, находятся на довольно высоком уровне. Стремление использовать объективные процессы интернационализации хозяйственной жизни в интересах крупного капитала вылилось в

появление различных «идей солидарности», формального объединения группы стран, прежде всего промышленно развитых капиталистических, в рамках Тихоокеанского региона. Отражением этих тенденций является бурно обсуждаемая за рубежом вышедшая идея Тихоокеанского сообщества. В книге подробно разбирается возникновение и дальнейшая эволюция предложений о создании региональной группировки — от известного плана К. Кодзимы об образовании «зоны свободной торговли» (ПАФТА), от которого тот впоследствии отказался, считая его преждевременным, до идеи П. Драйсдейла и Х. Патрика о создании Организации тихоокеанской торговли и развития (ОПТАД), — выявляются силы, держащие пантихоокеанскую идею на плаву. К сожалению, в монографию не включены некоторые предложения, сыгравшие важную, по нашему мнению, роль в продвижении и популяризации концепции Тихоокеанского сообщества. Здесь, как пример, можно привести план сотрудничества в Тихоокеанском бассейне (ПБКК), разработанный в 1980 г. японской научно-исследовательской группой, сформированной в свое время бывшим премьер-министром М. Охирой, и новую идею К. Кодзимы создать «форум» Тихий океан — страны АСЕАН, выдвинутую им в 1981 г.

Серьезную озабоченность у прогрессивной общественности вызывает возможность того, что интеграционные процессы, наметившиеся в Тихом океане, могут вылиться в создание группировки по типу военного блока, угрожающей стабильности и безопасности стран региона. Поэтому один из разделов работы посвящен анализу военно-политических аспектов региональных отношений, что «позволяет более полно оценить возможные пути изменения международной ситуации в условиях усиления хозяйственной взаимозависимости...» (с. 57). Правильно подчеркивается опасность нынешнего роста военных расходов большинства стран региона (почти в два раза за период с 1975 по 1980 г. в целом по региону), стремления США достичь военного превосходства над СССР, роста милитаризма в Японии, быстрого усиления военной машины Южной Кореи, что в целом отрицательно сказывается на международной обстановке.

Авторы тщательно анализируют попытки отдельных государств реализовать свои собственные интересы на фоне развертывающегося тихоокеанского регионализма. Для промышленно развитых стран региона, таких, как США, Япония, Канада, Австралия и Новая Зеландия, в общем характерно стремление укрепить свои политические позиции перед лицом меняющейся обстановки в пользу прогрессивных сил, поставить себе на службу объединительные тенденции для ослабления межимпериалистических противоречий, уменьшения трений, возникших в отношениях с развивающимися странами региона, решения таких глобальных проблем, как энергетическая, продовольственная, и других на условиях, благоприятных и выгодных монополистическому капиталу. Раскрывая основные положения этой части книги,

авторы показывают, как японский империализм со все большей определенностью делает ставку на создание под своей эгидой крупной экономической, а в перспективе и политической группировки государств в западной части Тихоокеанского бассейна как элемента функционирования хозяйственного механизма страны, инструмента укрепления позиций Японии в противоборстве со своими империалистическими конкурентами. Действия США в этом направлении концентрируются на поддержании и укреплении своей экономической роли на тихоокеанской арене и на возможном усилении своего военно-политического присутствия. Правительство Канады надеется диверсифицировать торгово-экономические отношения в целях ускорения экономического развития страны. В правящих кругах Австралии и Новой Зеландии переориентируют внешнеторговые связи на Тихий океан за счет снижения удельного веса такого традиционного партнера, как Великобритания, тем более что реализация идеи Тихоокеанского сообщества сулит им возможное усиление позиций в южной части Тихого океана. Развивающиеся страны проявляют обеспокоенность идеей создания «сообщества». Например, страны АСЕАН не устраивает сама вероятность установления над ними военно-политической гегемонии США и экономического господства Японии. Выдвижение концепции «сообщества» не встретило единодушного одобрения, ярко проявились различные подходы к определению его целей и задач, форм и методов реализации. Это не могло не способствовать возникновению новых противоречий в отношениях между странами, что в свою очередь будет, очевидно, препятствовать претворению в жизнь данного проекта. Эти разделы книги, где довольно полно, по нашему мнению, рассматриваются аспекты региональных международных взаимоотношений, можно признать серьезной удачей авторского коллектива.

В рецензируемой книге правильно обращено внимание на то, что экономические процессы в регионе, в том числе и интеграционного характера, оказывают большое воздействие на развитие мировой экономики, на экономические позиции, возможности, перспективы СССР как в пределах самого региона, так и на глобальном уровне. Только на основе правильной оценки и учета этих процессов могут разрабатываться научно обоснованные мероприятия по повышению эффективности наших внешнеэкономических связей, планы по совершенствованию участия СССР (в первую очередь его восточ-

ных районов) в экономических связях стран бассейна Тихого океана, направленные на ускорение развития Дальневосточного экономического района и всей страны. Как важный фактор регионального экономического развития исследуются перспективы тихоокеанского сотрудничества при активном участии в нем нашей страны.

Однако рецензируемая монография дает основание и для некоторых замечаний и предложений. При общем высоком научном уровне монографии недостает анализа тех путей, которыми может пойти, и тех пределов, до которых может дойти регионализация внешнеэкономических отношений. Здесь важно иметь в виду положение В. И. Ленина о том, что «непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного... объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность»¹. Это особенно важно в плане разработки стратегии и тактики прогрессивных сил региона. Нуждается в расширении круг практических рекомендаций по укреплению экономических позиций СССР в этом районе мира.

На наш взгляд, специального выделения требует вопрос о специфических особенностях экономических и политических процессов в Тихоокеанском регионе. Недостаточно раскрыт вопрос о соотношении «атлантической солидарности» и «тихоокеанского регионализма» как «теоретических» положений, несмотря на то, что и США и Канада не только тихоокеанские, но и атлантические государства. Не получила достаточного анализа роль Китая, не нашло отражения развитие военно-политических отношений Китая с США и Японией.

Отдельные замечания, однако, ни в коей мере не снижают ценности и важности рецензируемой книги, первой в нашей стране комплексно рассматривающей новые явления в экономике и политике Тихоокеанского региона. В книге собран богатый фактический материал, способный заинтересовать не только советских и иностранных научных работников, ведущих исследования в этой области, но и широкий круг читателей. Ее выход в свет является хорошим дополнением к тому большому количеству статей и материалов, которые появились в последнее время у нас и за рубежом.

Л. Г. КОНДРАШОВ

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 98.

Знакомство с японским эпосом

Повесть о доме Тайра. Эпос (XIII в.). Пер. со старояп. И. Львовой. Предисл. и коммент. И. Львовой: Стихи в переводе А. Долина. М., «Худож. литература», 703 с., ил.

В истории литературы каждой страны есть произведения, которые, можно сказать, составляют мировоззренческий и художественный центр определенной культурной эпохи и выражают современный им мир и способ его видения с наибольшей адекватностью, и следовательно, полнотой и глубиной постижения.

«Повесть о доме Тайра» — из числа тех литературных явлений, что воплотили художественный опыт предшествующих этапов развития словесности и проявили очертания нового синкретического жанра в японской литературе — книжного эпоса.

Историю возвышения, славы и драматической гибели феодальных князей Тайра, с середины XII в. фактических правителей Японии, владевших более чем половиной всей территории страны, несколько десятилетий воспевали странствующие певцы-сказители. В XIII в. повесть о распри родов Тайра и Минамото приняла вид письменного литературного памятника, имевшего хождение в десятках вариантов. Вливаясь в русло письменной литературы, сказания певцов обрели сложный облик — здесь уместнее было бы говорить не столько о трансформации устной эпической традиции, сколько о создании принципиально нового произведения письменной формы. В его стиле прежде всего отчетливо просматриваются традиции предшествующей литературной эпохи — Хэйан (IX—XI вв.). В эту эпоху, знаменитую своей лирической прозой, складывались лирические дневники, «повествования о вещах» (моногатари) и дзуйхицу — своеобразные эссеистические тексты, организованные в скрыто продуманную композицию, но декларирующие свободно-ассоциативный принцип «следования за кистью». Все эти прозапоэтические разновидности были жанрово и генетически связаны с поэзией и подчинены законам составления поэтических сборников и антологий. Законы же эти, особенно на ранних этапах, обеспечивали преимущественную важность стихотворения, несущего основную художественную информацию и являющегося собственно текстом, прозаический же контекст выполнял при этом подчиненную роль, рисуя повод и обстоятельства создания стиха.

Некоторые фрагменты текста «Повести» с безукоризненной жанровой точностью воспроизводят такие моногатари, рассказывающие о стихах, например глава «Лунные ночи» или два начальных эпизода главы «Морской судак», повествующие о ситуаци-

ях, породивших замечательные пятистишия, вошедшие затем в императорскую антологию поэзии.

Вообще поэзия в памятнике уделено небольшое место, особенно традиционной поэзии пятистиший, и ввод стихотворения в повествовательный ряд происходит согласно каноническим правилам знаменитых ута-могатари — «повествований о песнях».

От традиций и находок хэйанской лирической прозы идут и многие способы развертывания повествования в книге. Однако не только прославленные дневники и моногатари сказались на стиле и композиции «Повести», влила и линия «духовной литературы» — записи фольклорных сюжетов, буддийские жития, оформленные в различные сборники для проповедничества, назидательные притчи и поучения. Эта литература не может быть сочтена священной в противовес «мирской» прозе аристократов, в японской культуре границы сакрального и профанного всегда были в немалой степени размыты. Однако эта литература имела определенную и сознательную для ее создателей установку на изображение чудесного, воспроизведение того мира, с которым взаимодействует человек религиозного мироощущения, и ее повествовательные структуры были во многом отличны от классической прозы придворного Хэйана.

Композиция, развертывание сюжета, пространственно-временная организация в ряде эпизодов «Повести о доме Тайра» заставляют вспомнить и старояпонские рассказы о чудесном, и буддийские притчи.

Кроме того, в это летописное повествование вошли и устные анекдоты, вроде истории о глупом конюшем, принимающем вельможу из Кошачьих покоев и путающемся в придворных ритуалах (как тут не вспомнить «Записки у изголовья» Сэйсёнагон), различные жизнеописания, фольклорные сказания, слухи и многое другое.

Значительное место в «Повести» занимают заповеди самурайской морали (бусидо), трансформировавшиеся в представлении националистов XX в. в этические и историко-культурные обоснования для насаждения фашистской идеологии в Японии. В «Повести» же, откуда, в частности, черпаются эти мнимые обоснования, отношение к самурайскому кодексу чести весьма дифференцировано: восхваляются отвага, мужество, честность, взаимопомощь и отвергаются жестокость и вероломство — даже по отношению к военному противнику.

Громадное художественное и мировоззренческое богатство памятника составляют его многочисленные цитаты, реминисценции и аллегории из сокровищницы китайской литературы — здесь и китайская мифология и историография, и «Ле-цзы» и Чжуанцзы, стихи Бо Цзюйи и отсылка к Семи мудрецам в Бамбуковой роще из Цзиньского государства, выдержки из Сыма Цяня и учений китайских отшельников-даосов. Всего перечислить невозможно, так как затруднительно было бы дать даже беглый обзор всех буддийских мотивов, сюжетов и текстов, использованных в повести.

В отзвуке колоколов, оглашавших
 пределы Гиона,
Бренность деяний земных обрела
 испреложности закона.
Разом поблекла листва на деревьях
 Сяра в час успенья.
Неотвратно грядет увяданье, сменяя
 цветенье.
Так же недолг был век закосневших
 во зле и гордыне —
Снам быстротечных ночей уподобились
 многие ныне.
Сколько могучих владык, беспощадных,
 не ведавших страха,
Ныне ушло без следа — горстка
 ветром влекомого праха!

Прежде всего появлению памятника предшествует яркий период литературной истории, давший Японии такие великопелные творения, как «Отыкубо-моногатари», «Уцубо-моногатари» и знаменитое «Гэндзи».

Разумеется, все эти соображения отчасти имеют целью толковать понятие эпоса более расширительно, или же говорить о «Повести» как о феномене скорее большой эпической формы, чем героического эпоса в его расхожем понимании, или как о сложном явлении на границе нескольких жанров, в том числе и включающем элементы героического.

Если, скажем, подняться с чисто поэтологического уровня, на котором «Повесть о доме Тайра» порой разительно не совпадает с привычными жанровыми рамками, на уровень эпической задачи, то можно, пожалуй, утверждать следующее.

С одной стороны, необходимо констатировать, что в тексте «Повести» мы имеем дело с очень высокой степенью олитературенности и прозаизации эпического материала. Однако очертания жанров в японской литературе, если сопоставлять их с известными европейскими, вообще оказываются довольно причудливы. Если X в. предлагает нам «повествования о стихах», то почему бы XIII в. не породить «романа об эпосе»?

Как бы там ни было, «Повесть о доме Тайра» решает одну из главных идеологических целей эпоса — не просто быть объективистским произведением исторического содержания, а, по словам современного испанского филолога Менендеса Пиндала, «выполнять высокую культурно-политическую миссию истории».

Необходимо сказать и о том громадном влиянии, которое оказала эта книга на все последующие литературные эпохи. В подражание ей были созданы эпические повествования «Тайхэйки» — «Повесть о великом мире» и «Сога-моногатари» — «Повесть о роде Сога»; сюжеты и персонажи «Повести о доме Тайра» послужили основой для создания многих ёкёку-лирических драм театра Но, в новое время для произведений Акутагава Рюноске, Окамото Кидо, Таяма Катай, Есикава Эйдзи и многих других японских прозаиков и драматургов.

Все вышесказанное не столько имеет задачей попытку хотя бы кратко и обобщенно охарактеризовать «Повесть» — произведение чрезвычайно сложное и многосоставное по мировоззрению и поэтике — сколько, пусть приблизительно, передать ту невероятную трудность, которую представляет оно для переводчика.

Этот памятник японской литературы, сохранивший значение для национальной культуры вплоть до наших дней, составляющий важное достояние японского народа, теперь может быть прочтен и на русском языке.

Перевод текста такого объема (более восьмисот персонажей!) и такой степени сложности нельзя считать только лишь переводом, что бы ни вкладывалось в это понятие теоретиками. Этот перевод — одновременно глубокая исследовательская работа, включающая задачи историка-медиевиста, текстолога, литературоведа, этнографа, религиоведа и т. д.

Каждая строка текста — целый комплекс этих задач, и переводчик — И. Львова — всякий раз решает их не только на высоте профессиональных знаний и уверенного владения обширным корпусом текстов, комментариев и исследований, но и с блеском литературного мастерства, изяществом и вкусом в русской стилизации старояпонской речи.

Не берусь перечислить все конкретные трудности, возникающие при переводе этого текста, приведу лишь некоторые из них,

возможно, не самые главные. Скажем, проблема интонационно-ритмической организации. Как уже говорилось, стилистика текста весьма неоднородна. И очень важно, что в тех случаях, когда японский текст ритмизован, переводчик дает ритмический русский эквивалент. Так, Токаран моно ва ото-ни мо кики, тикаран хито ва мэ-нимо митамаэ — «Раньше вы слух обо мне слышали, теперь воочию поглядите!» (глава «Гибель Есиаки из Кисо»). Далее следует плавный и естественный переход к не столь мерной устной речи.

Чрезвычайно затруднительное для перевода обстоятельство представляет обилие японских имен собственных, географических названий и т. п. Удачным и оправданным оказывается найденный И. Львовой ход — она нередко приводит русское значение топонима, или даже антропонима, например: Асахи сёгун — полководец Восходящее солнце, Восточная гора, Хигасияма, Миндэра — Храм Трех Источников, Храм Равенства — Бёдонн и т. п. В ряде же случаев — и случаи эти отобраны переводчиком с безошибочной точностью — имена собственные даны без японского оригинала: Часовня Принятие обета, Храм Вечной радости, Большой зал поучений, Остров Сутры, Восьмая Западная дорога и т. д. В результате этой тонкой и кропотливой работы перевод читается без затруднений, сохраняет при этом приверженность эпической разметке путей и мест.

Точности и стилистической меры потребовали и многочисленные буддийские фрагменты повествования. И здесь переводчик, корректно и уместно пользуясь церковнославянскими терминами, ни разу не позволяет читателю забыть, что речь идет о грехе, добре, молитве и спасении в их сугубо буддийском понимании. Немалую роль для читателя в уточнении этих понятий играет и чрезвычайно емкий и информативный комментарий.

Органичны в тексте и многочисленные стихотворные вставки, переведенные А. Долным с тактом и живым поэтическим чувством.

Необходимо также сказать о приложениях к переводу. Весьма ценным подспорьем не только для широкого читателя, но и для специалиста станут приложенные к изданию родословные древа родов Тайра, Минамото и императорского дома, а также хронологические таблицы, содержащие даты жизни императоров, упоминаемых в «Повести», и девизы годов правления вместе с соответствующим им европейским летосчислением.

В истории перевода мы знаем немало случаев, когда задачи, стоящие перед автором перевода, настолько велики и многообразны, что уже сам по себе переводческий труд становится своего рода подвигом. Читая «Повесть о доме Тайра» в переводе И. Львовой, убеждаешься, что ее труд относится к случаям, пожалуй, более редким, — случаям, когда подвижническая работа переводчика увенчивается настоящей

удачей, способствует освоению глубинных мировоззренческих и художественных пластов литературы другого народа, и становит-

ся важным вкладом в сокровищницу русской художественной культуры.

Л. Н. ЕРМАКОВА

• • •

Цинская империя и народы Саяно-Алтая

В. А. Моисеев. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983, 150 с.

Политка империи Цин в отношении стран и народов Центральной Азии в XVII—XIX вв. давно является объектом пристального изучения советских ученых, создавших ряд ценных трудов по этой проблеме¹. Однако до настоящего времени не все направления этой политики достаточно глубоко и всесторонне исследованы. Так, слабо изученным оставался вопрос о вторжении Цинов в районы Саяно-Алтайского нагорья. Именно этому вопросу и посвящена рецензируемая монография В. А. Моисеева.

Работа написана на богатой источниковедческой базе. Ряд документов впервые введен в научный оборот, среди них как русские архивные документы, так и материалы китайских хроник и сочинений. Книжке предпослано солидное историографическое введение, в котором поставлена цель предпринятого исследования и его задачи, дана характеристика состояния изученности

проблемы, охарактеризован основной круг привлекаемых источников. Автор, проанализировав показания сотен документов русских архивов, сопоставив их со сведениями китайских источников, выявил характер политики Цинской империи в Саяно-Алтае, раскрыл значение этого района и его роль в общих экспансионистских планах цинской династии в Центральной Азии.

В книге дана характеристика форм и методов цинской политики в регионе, определен реальный политический статус саяно-алтайских народов до начала маньчжурского вторжения и прослежены его изменения в ходе цинской экспансии в Туве и Монгольском Алтае; освещена история вхождения народов Горного Алтая в состав России, показана необоснованность притязаний Китая на эту территорию, дана характеристика влияния цинского господства на социально-экономическое и культурное развитие народов края. Автор с большим знанием исследуемого материала воссоздал панораму исторических событий, разыгравшихся в XVIII в. в Урянхае, Северной Монголии и Джугарии.

В книге показаны причины вторжения Цинской империи в северо-западную часть Центральной Азии и сущность так называемого «урянхайского вопроса» в конце XVII—первой половине XVIII в. В этой связи исследуется политика маньчжурской династии Цин в Туве, определяются места расселения, социально-экономический строй и политическое положение тюркских народов Саяно-Алтая. Автор, на наш взгляд, приходит к совершенно правильному и очень важному выводу: малочисленность и разбросанность населения на огромных пространствах Саяно-Алтайского нагорья и за его пределами, отсутствие сколько-нибудь сильной и прочной государственной власти сделали многих алтайцев и тувинцев в XVII в. добычей их более сильных соседей — Джунгарского ханства и князей Северной Монголии, а впоследствии и Цинской империи. Автор сумел разобраться в сложной, резко изменявшейся политической ситуации в Туве накануне вторжения маньчжурских завоевателей, показав при этом процесс постепенного распространения влияния России в бассейне Верхнего Енисея, тормозившегося вторжениями монгольских и ойратских дружин, а затем и маньчжуров. Шаг за шагом прослеживает В. А. Моисеев продвижение Цинов и их приспешников — халхаских феодалов в южные районы Тувы, раскрывает мотивы этого продвижения. «Добиваясь своей главной цели — установления господства в Центральной Азии, — указывает автор, — Цины стремились прежде всего овладеть Тибетом, бассейном оз. Кукунор и Саяно-Алтаем, а затем уже,

¹ См.: В. Я. Басин. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата, 1971; Б. П. Гуревич. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979; Л. И. Думан. Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана. — В кн.: Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966; И. С. Ермаченко. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974; И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). Изд. 2-е, М., 1983; Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970; Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982; В. С. Кузнецов. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983; В. С. Мясников. Империя Цин и Русское государство в XVII в. М., 1980; П. Б. Чимитдоржиев. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа. Улан-Удэ, 1974.

окружив со всех сторон ойратское ханство, расправиться со своим главным противником» (с. 31). В монографии дается анализ различных этапов «урянской» политики цинского двора, вскрывается специфика деятельности маньчжур в этом регионе.

Значительное место в работе отведено изучению хода и результатов русско-китайских переговоров в 1726—1728 гг., отраженных в известных Буринском и Кяхтинском трактатах. Автор подчеркивает, что делегация русского правительства, возглавляемая опытным дипломатом С. Л. Владиславичем-Рагузинским, после трудных и длительных переговоров с цинскими уполномоченными, проходивших в обстановке постоянного морального и физического давления, вынуждена была уступить Цинам ряд давно уже включенных в состав Российской империи территорий.

Впервые в советской да и, насколько нам известно, в зарубежной историографии автор осветил вопрос вторжения Цинской империи в район Монгольского Алтая и разгрома проживавшего там тюркского и монгольского населения, подчинившегося джугарскому хану. Как это видно из книги, в начале 50-х годов XVIII в. цинское правительство решило нанести ослабевшему в результате ожесточенных межфеодалных усобиц Ойратскому ханству сокрушительный удар. Приступая к подготовке генерального наступления на Джунгарию, Пекин «расчищает» подступы, стремясь установить контроль над важной в военном отношении горной преградой — Монгольским Алтаем, покорить местное население. Опираясь на показания, извлеченные из источников на китайском языке, прежде всего «Высочайше утвержденного описания усмирения джунгар» и «Хроники правления великой династии Цин», автор раскрывает картину цинского завоевания народов Монгольского Алтая в 1753—1754 гг. Несмотря на ожесточенное и упорное сопротивление, разрозненные и малочисленные тувинские племена Монгольского Алтая были разгромлены. В конце 1755 и в 1756 г., уже после вторжения разноплеменных полчищ цинской династии в Джунгарию, цинские отряды вторглись в кочевья южных алтайцев, многие из которых уже более ста лет являлись подданными России и платили ей яса. С большим интересом читаются страницы о неравной героической борьбе алтайцев и тувинцев за свою свободу и независимость, об участии тюркских народов Тувы и Алтая в антицинских освободительных восстаниях в Джунгарии и Халхе под руководством Амурсаны и Цэнгунджаба. Многочисленные факты, приведенные автором, свидетельствуют о захватническом характере политики маньчжурской династии Цин в Саяно-Алтае, принесшей местным народам разорение и гибель.

Скрупулезному исследованию подвергнуты вопросы политики цинского Китая и

России на Алтае и в Туве во второй половине XVIII столетия. Казалось бы, вопрос о вхождении южных алтайцев в состав России довольно основательно изучен в советской историографии, однако В. А. Моисеев показал, какую роль в этом повороте для судеб коренных народов Алтая сыграло вторжение Цинской империи, как протекали переговоры о приеме в подданство и как реагировало на это обстоятельство цинское правительство. Нельзя в этой связи не согласиться с выводом автора, что цинская агрессия лишь ускорила процесс вхождения народов Горного Алтая в состав России, определявший более глубокими причинами и прежде всего длительными и постоянно расширявшимися и углублявшимися экономическими и политическими связями между двумя народами. В работе приводятся многочисленные примеры неоднократных попыток Циннов изменить создавшееся положение, силой заставить народы Горного Алтая признать подданство цинского императора. Разорительные вторжения цинских отрядов, сопровождавшиеся грабежами и угоном в плен местного тюркского населения, продолжались вплоть до 90-х годов XVIII в. Автор обстоятельно освещает вопрос о закреплении позиций России на Алтае, о стремлении правительства и местной сибирской администрации оградить своих новых подданных от цинских нашествий. В последнем разделе монографии речь идет о превращении захваченных маньчжурами районов Урянхай в своеобразную буферную зону и колониальную окраину империи.

Структура работы отвечает задаче исследования и определена содержанием фактического материала, четко прослежены причинно-следственные связи событий. Выводы в целом обоснованы и надежны. Думается, что отдельные разделы книги можно было бы осветить полнее, в частности так называемый «урянский вопрос». Авторский вывод о том, что Урянхай в планах цинского двора должен был служить плацдармом для распространения экспансии в Казахстан и Сибирь и в то же время являться буфером от нападений извне, нуждается в более основательной разработке, так же как, впрочем, и вопрос о номинальных и реальных вассалах цинской династии.

Работу с книгой затрудняет отсутствие именного и географического указателей и карт.

Несмотря на отмеченные недочеты, монография В. А. Моисеева является ценным вкладом не только в изучение политики цинского Китая в Центральной Азии, но и в воссоздание прошлого тюркских народов Тувы и Алтая.

В. Я. БАСИН,
доктор исторических наук

• • •

Житий и Монголия

в XIII—XIV вв.

Ч. Далай. Юань гурний уеийн Монгол. XIII-зууны II хагасаас XIV-зууны (Монголия в эпоху Юань: вторая половина XIII — XIV в.). Уланбаатар, БНМАУ ШУА хэвлэл (изд-во АН МНР), 1979, 217 х.; Ч. Далай. Монголия в XIII—XIV веках. М., 1983, 232 с.

XIII и XIV вв. вошли в историю монгольского народа как времена бурных и сложных событий, оказавших влияние на исторические судьбы не только самой Монголии и соседних с ней стран Азии, но и далеких от нее народов Европы.

Главным событием монгольской истории начала XIII в. явилось объединение разрозненных племен и создание Чингисханом (1155—1227) единого государства (а затем и мировой монгольской державы) за счет огромных лишений монгольского и других народов. Поэтому это объединение и не привело к прогрессу монгольского общества.

Ценой многолетних кровопролитных войн монголами также был завоеван определенный Китай. Это произошло при великом хане Хубилае (1260—1294), внуке основателя империи. Период с его правления в Китае был назван Юаньским.

До 1973 г. эта эпоха истории Монголии оставалась «белым пятном» в историографии монгольского средневековья в СССР и МНР. Сложность исторических материалов в самой эпохе Юань требовала комплексного подхода в решении многочисленных научных проблем, качественно нового направления в изучении истории Монголии. Еще в 20-х годах академик Б. Я. Владимирцов (1884—1931) мечтал об историках, которые могли бы работать на стыке синологии и монголоведения. Сейчас в СССР и МНР уже подготовлены и работают такие специалисты.

Воссоздание правдивой картины этого периода истории Монголии и Китая ныне совершенно необходимо по той причине, что отдельные историки из КНР искажают события тех далеких времен, произвольно включая в их контекст современную внешнюю политику. Например, одна из центральных китайских газет заявляла, что «период правления династии Юань являлся эпохой великого объединения Китая... Династия, созданная Чингисханом, сыграла прогрессивную роль в истории Китая». Безудержно превозносились исторические заслуги Хубилая, который, по утверждению газеты «Гуанмин жибао», «внес выдающийся вклад в развитие нашего единого и многонационального государства... Хубилай-хан одновременно сыграл большую роль в развитии истории монголов» (с. 172 совет-

ского издания). Подобные утверждения имеют давнюю историю. Они основываются на абсурдной идее «родства» между монголами и китайцами (ханьцами), сочиненной ранее в духе пресловутой концепции «единой китайской нации» (с. 4). Эта идея отнюдь не новая, она позаимствована некоторыми авторами у реакционных гоминьдановских идеологов. Такие измышления отдельных публицистов и историков целиком отрицают самостоятельный исторический путь монголов в их социально-экономическом развитии и формировании государственности. В этом отношении они смыкаются с реакционными буржуазными политологами с их теорией «неисторических народов», тем самым умаляют вклад монгольских народов в развитие мировой культуры и истории.

Советские и монгольские историки на основе неопровержимых фактов убедительно показывают в своих исследованиях несостоятельность подобных «выводов». Одним из таких трудов является монография монгольского историка-медиевиста Чулууны Далая «Монголия в эпоху империи Юань». Недавно это исследование вышло в свет в русском переводе. Для этого издания автор внес ряд важных дополнений¹.

В течение многолетних кропотливых изысканий на основе широкого использования китайских и монгольских источников, литературы на русском, монгольском, китайском, английском, немецком, французском и японском языках Ч. Далай сумел научно воссоздать историю собственно монгольского феодального общества, его экономические, социально-политические и государственно-правовые отношения и институты, различные грани национальной культуры.

Советское издание состоит из предисловия Б. П. Гуревича, авторского введения, пяти глав и заключения. Оно снабжено детально продуманными и глубокими примечаниями, подробной хронологией важнейших событий, рекомендательным и научно-вспомогательным тематическим указателем литературы на восточных и западных языках, указателями географических названий и имен собственных, резюме на английском языке.

Во введении дан обстоятельный научно-аналитический обзор источников по истории Монголии XIII—XIV вв. Ч. Далай сумел использовать все положительное, ценное и нужное, выявить ошибочное и отрицатель-

¹ Перу этого ученого принадлежит ряд интересных работ по истории Монголии и Китая, монгольско-китайских отношений, по истории шаманизма у монголов: Ч. Далай. Монголын бээтийн мергэлийн товч туух (Краткая история шаманизма у монголов). Уланбаатар, 1958, 50 с.; его же. Некоторые вопросы истории монголов в период Юаньской империи. — В сб.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в середине века, т. 3. Новосибирск, 1975, с. 96—202; его же. Монголо-китайские отношения (XIII—XIV вв.). — «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 1, с. 117—125.

ное в используемых им источниках и литературе, что делает его работу важным вкладом в монгольскую историографию Юаньской эпохи.

Автором детально исследованы процессы распада мировой империи Чингисхана и создания монгольской династии Юань, проходившие в сложных условиях борьбы за ханский престол между Ариг-Богом и Хубилаем, завершившейся победой последнего и многоступенчатым переносом столицы из Каракорума в Пекин.

Реконструкция общественного и государственного строя вновь созданной тогда монголами империи в Китае занимает в книге значительное место. Историков глубоко интересует вопрос о том, как горстка монгольских феодалов смогла удержаться у власти так долго. Ч. Далай четко обрисовал систему управления монголов населением Китая, ее весьма гибкую политическую структуру: администрацию, регулярную армию, правовые институты и нормы. Благодаря ей монгольские власти сумели оградить себя от ассимиляции завоеванным народом. Ученый описал налоговую систему и повинности в стране, показал жестокое угнетение монгольскими феодалами «своих» аратов и китайских крестьян. Его доказательства строятся на достоверных фактах и надежных источниках.

В противовес некоторым историкам, ко-го главным образом интересовали вопросы военного искусства монгольских завоевателей, Ч. Далай справедливо акцентирует внимание на тяжелом положении трудящихся масс Монголии в период правления юаньских императоров. В XIII—XIV вв. основным занятием монгольского народа по-прежнему было экстенсивное кочевое животноводство. Каждая группа аратов передвигалась в границах строго определенного района, входившего во владение феодалов, к земле которого они были прикреплены и откочевывать с которого они не имели права. Существенную роль в хозяйстве страны играла охота. Кроме того, в Монголии получили развитие земледелие, ремесло и торговля.

Монгольский народ по-прежнему все более оказывался в политической и экономической кабале у феодалов. Феодалы усобицы и войны были причинами экономического упадка Монголии. Содержание большого контингента войск для охраны империи истощало ресурсы страны и отрывало значительную часть населения от производительного труда. В результате этого, а также под воздействием борьбы китайского народа наступил серьезный кризис монгольской феодальной империи. «Государственная власть была почти отобрана у хана, и титул великого хана превратился в фикцию. Кризис в среде монгольской феодальной знати обозначался все четче по мере уничижения результатов ее завоеваний и явился одной из главных причин падения власти династии Юань в Китае» (с. 129). Автор совершенно справедливо отмечает, что «успех китайского народа нельзя отрывать от почти столетней

борьбы монгольского народа за возвращение центра своего государства на родину. А в конечном счете гибель империи Юань была неизбежна без прочной основы — единства экономики и культуры, когда объединение и административное управление народами осуществлялись лишь силой оружия» (с. 132).

После падения династии монголов в Центральном Китае образовалось государство «Северная Юань». Юаньская империя была создана в 1260 г. и распалась через 108 лет. Монгольское владычество окончательно потерпело фиаско лишь в 1388 г. После 110-летнего перерыва Каракорум вновь стал политическим, административным и культурным центром Монголии. А монголы, несмотря на последовавшие затем вторжения войск династии Мин, по справедливому замечанию автора, «сохранив политическую независимость, сумели обеспечить себе и экономическую самостоятельность» (с. 176).

Монгольский ученый, изучив общественный строй империи Юань, не оставил в стороне вопросы культуры и идеологии монголов в XIII—XIV вв., без исследования которых монография оказалась бы неполной. С XIII в. наступает новый период в развитии монгольского письменного языка, положивший начало активизации переписоческой деятельности у монголов. За это время создан ряд значительных памятников монгольской историографии. Монгольские ханы стремились ввести общую письменность. Влиятельный буддийский деятель, ученый-филолог Пагба лама Лодойджалцан (1235—1280) в этих целях создал так называемое квадратное письмо, введенное в 1269 г. В XIII—XIV вв. у монголов зародились основы науки и медицины.

При дворе юаньских императоров буддизм был объявлен основной религией. Приняв буддизм, Хубилай-хаган преследовал политические цели. «Ему нужно было объединиться с Тибетом и использовать лам тибетских монастырей в своих целях для окончательного подчинения Китая» (с. 176). Монгольские правители тщательно контролировали национальные обычаи и традиции. Они не запретили шаманство. Это произошло лишь в XVI в. при Алтан-хане (1507—1583). Ламанизм и шаманизм развивались параллельно. Шаманы выполняли важные идеологические функции, «являлись прямым орудием монгольских феодалов в деле подчинения и эксплуатации простых аратов» (с. 177), народ держали в темноте и невежестве.

В заключении подведены итоги всего исследования, оценен по достоинству основной источник по этому периоду истории Монголии — «Юань ши».

Вместе с тем книга Ч. Далай не лишена отдельных недостатков. В некоторых случаях неверно даны имена деятелей науки: например Рольбийдорже (1339—1383) (с. 164, 226). Авторское введение и заключение по неизвестной причине не имеют научно-библиографического аппарата (с. 7—9, 169—177). В библиографии переводы отдельных названий монгольских хроник и

Книга дана слишком буквально или неточно (с. 11, 210, 211). На наш взгляд, библиография представлена еще не полностью. Например, автор не использовал из русской научной дореволюционной исторической литературы книгу архимандрита Гурия² (в гражданстве Степанова), которая содержит ряд интересных и ценных сведений по этой теме. Автор не использовал наследие О. М. Ковалевского, ученившееся в рукописных фондах ИВ АН СССР (Ленинград) и ЦГА Татарской АССР (Казань). Научное использование упомянутой книги и архивных материалов О. М. Ковалевского, несомненно, придало бы работе Ч. Далая большую полноту.

Ценное исследование талантливого монгольского историка Чулууны Далая достойным образом восполнило пробел в изучении средневековой истории Монголии. По справедливому замечанию ответственного редактора Б. П. Гуревича, «исследование

Ч. Далая, авторизованный перевод которого с монгольского языка на русский ныне публикуется в полном виде, является заметным событием в монголоведческой науке. Оно в то же время еще раз свидетельствует о том, что любые попытки принизить роль собственно Монголии в процессе исторического развития монгольского народа антинаучны и противоречат фактам» (с. 5).

Издание книги Ч. Далая в СССР является не только признанием заслуг исторической науки в МНР, но и еще одним примером научного сотрудничества наших стран. Если раньше эта книга была доступна узкому кругу монголистов, то ныне она приобрела массового читателя во многих странах, историков-медиевистов разных специальностей.

В. Э. РАДНАЕВ,
кандидат филологических наук

* * *

Тибетский словарь Ю. Н. Рериха

Ю. Н. Рерих. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Под общей редакцией Ю. Парфионовича и В. Дылыковой, вып. 1. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983, 378 с., портр.; вып. 2. М., «Наука», 1984, 407 с.

В конце 1983 г. произошло событие, имеющее первостепенное значение для развития мировой тибетологии. Началась публикация многотомного тибетского словаря Ю. Н. Рериха, выхода которого долгие годы ожидали исследователи разных стран. Для того чтобы полностью оценить важность подобной работы, необходимо кратко ознакомиться с основными проблемами тибетской лексикографии.

Расположенный на стыке трех величайших азиатских регионов (Китая, Индии и Центральной Азии), Тибет всю свою историю был настолько тесно связан с каждым из них, что всестороннее изучение этой страны без серьезного знания индологии, монголистики и китаистики оказывается просто невозможным. Поэтому высококвалифицированные тибетологические работы требуют от исследователей огромной эрудиции и владения материалами многих, казалось бы далеких друг от друга, дисциплин.

Специфика исторического развития Тибета привела к тому, что только здесь сохранилась обширная литература, освещающая разнообразные аспекты развития сопредельных стран. Подробная история Северной Индии, Монголии и других стран не может быть разработана без привлечения тибетских материалов, равно как и собственная тибетская история не может быть написана без индийских, монгольских, китайских и других источников.

Изучение тибетской литературы сопряжено с рядом трудностей преимущественно языкового характера. Дело в том, что существующий уже свыше тысячи лет письменный тибетский язык обладает богатейшей лексикой, характерной особенностью которой является наличие в ней огромного числа религиозно-философских терминов, существующих наряду с многочисленными словами и выражениями обиходного языка.

К настоящему времени известно множество разнообразных тибетских словарей: двуязычные словари современных диалектов, небольшие словари современного письменного языка или словари определенных текстов и др. Особую группу составляют толковые и многотомные тибетско-монгольские словари, пользование которыми затруднено. Однако все эти словари, вместе взятые, полного представления о лексических богатствах тибетского языка не дают. В результате этого выяснение точного значения того или иного не слишком редкого тибетского слова или словосочетания оказывается крайне сложным делом, что значительно затрудняет изучение этого языка и чтение тибетской литературы.

Таким образом, создание подробного словаря тибетского письменного языка уже давно стало насущной проблемой тибетологии. За решение этой грандиозной задачи взялся выдающийся востоковед XX в. Юрий Николаевич Рерих. Богатейшие знания, владение многими языками Востока, длительное изучение Тибета и соседних

² Царствование Хубилая. — В кн.: Архимандрит Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен, т. 1, ч. 1. Казань, 1915, с. 58—102.

стран обеспечили Ю. Н. Рериху доступ ко всем разнообразным источникам тибетской лексики. Задуманный Ю. Н. Рерихом колоссальный труд был призван представить тибетскую лексику во всей ее полноте и обеспечить тем самым возможность чтения текстов любого содержания. Отправной точкой в работе стал Сарат Чандра Даса — наиболее полный европейский словарь письменного тибетского языка. Прекрасное знание Ю. Н. Рерихом тибетского языка и литературы, а также совместная работа с высокообразованными тибетцами обогатили картотеку словаря материалами, полученными из толковых тибетских словарей старописьменного периода, чтение и интерпретация которых представляет собой особую и сложную научную проблему. В результате подобной работы в составляемый словарь оказалась включенной основная масса тибетской лексики.

Как известно, первоначально тибетская литература носила переводной характер. Переводились преимущественно индийские сочинения, обычно связанные с теми или иными проблемами буддизма. Религиозное содержание текстов требовало от переводчиков максимальной точности и близости к оригиналу. В результате этого многие собственнотибетские слова стали употребляться в литературе как эквиваленты соответствующих санскритских слов. Причем без знания соответствующего индийского слова точно понять тибетское было просто невозможно. Подобная ситуация, обычная при массовом переводе литературы с одного языка на другой, постоянно требует обращения к языку-источнику. Позже в истории тибетского языка произошло определенное ослабление указанных связей, но в целом без знания санскритских эквивалентов многие произведения понимать крайне трудно. Такое положение потребовало от составителя словаря снабдить в необходимых случаях тибетские слова их санскритскими параллелями с тем, чтобы обеспечить понимание переводных текстов и повысить точность приводимых толкований значений.

Подобно тому как санскрит изучался в Тибете, так и тибетский язык тщательно изучался в Монголии. Результатом этого стали пособия по тибетскому языку для монголов, среди которых особое место занимают богатейшие тибетско-монгольские словари различных периодов. Изучение тибетского языка при помощи монгольских и бурятских данных является давней традицией русской тибетологии. В этой связи достаточно вспомнить об одном из первых тибетских словарей в Европе — словаре Я. Шмидта (Тибетско-русский словарь. Спб., 1843), базирующемся именно на таких материалах. Естественно, что Ю. Н. Рерих, будучи прекрасным монголистом, не мог пройти мимо этих материалов, и картотека словаря была пополнена данными, извлеченными из разнообразных, подчас редких монгольских словарей.

Развитие тибетского языка в новейшее время также не прошло мимо внимания составителя, постранившегося включить в свой

словарь данные тибетско-китайских словарей, появившихся в 50-е годы нашего столетия. Таким образом впервые в истории был составлен словник словаря, ориентированный на чтение любых тибетских текстов любого периода — от древнейших (VII—VIII вв. н. э.) до наших дней — и любого содержания (философских и буддийских трудов, исторических и медицинских трактатов, художественных произведений и многих других сочинений).

В этой связи интересно остановиться на одной лингвистической проблеме. Речь идет о проблеме полноты списка тибетских корней. При появлении большого словаря какого-нибудь языка обычно ожидается наличие в нем, помимо новых слов и сочетаний, множества корней, отсутствующих в меньших по объему словарях. Так, например, обстоит дело со словарями китайского языка. Чем больше китайский словарь, тем больше новых корней в нем приведено. Напротив, в родственном китайскому языку тибетском языке наблюдается иная картина, когда расширение словаря идет не за счет увеличения числа корней, а путем образования новых слов (обычно сложных). Число тибетских корней в различных по объему словарях при этом существенно не меняется. В этом отношении тибетский язык оказывается ближе к бирманскому, хотя эти языки не ближе между собой, чем любой из них с китайским. Видимо, можно предположить, что ограниченный, по сравнению с китайским, набор корней является общей сию-тибетской чертой. Наблюдаемое в китайском языке корневое многообразие в таком случае оказывается результатом самостоятельного развития этого языка.

Составление словаря, как известно, складывается из двух основных этапов: выделения списка слов и словосочетаний, включаемых в данный словарь, то есть составление его словника, и толкования или перевода этих собранных слов. На процедуре составления словника мы уже останавливались. В переводах значений слов и словосочетаний также сказались огромные знания и эрудиция составителя, позволившие ему дать краткие и в то же время точные переводы сложнейших философских и религиозных понятий, которыми столь богат тибетский язык. Убедительными и достаточно подробными представляются переводы и объяснения разнообразных тибетских реалий. Словарь также выгодно отличается наличием в нем переводов многих словосочетаний или сложных слов, что значительно облегчает работу над переводами.

Единственное сколько-нибудь серьезное замечание, касающееся рецензируемого словаря, связано с переводами значений и носит, скорее, общий характер. Можно сказать, что в словаре полностью отсутствуют обычные для научных изданий примеры употреблений приводимых слов. Эти примеры необходимы для того, чтобы полнее представить и обосновать предлагаемый перевод. По ним часто можно также судить и о времени появления данного сло-

ваз в языке. В словаре нет также ссылок на отличие переводов от значений, приводимых в других изданиях. Хотя подобную информацию принято давать в тибетских словарях (например, в словаре Ешке она приводится), в своем словаре Ю. Н. Рерих от подобного принципа, к сожалению, отказался. О том, что привело автора к подобному решению, мы можем только гадать.

Показательна история создания словаря Ю. Н. Рерих начал работу над ним еще в 20-е годы и закончил рукопись к 1933 г. Издать эту работу в то время не удалось. После приезда в Советский Союз в 1957 г. Ю. Н. Рерих вновь вернулся

к работе над словарем, существенно его перерабатывая и дополняя. Однако преждевременная смерть исследователя не позволила ему завершить этот труд. Заботы о публикации словаря взяли на себя ученики Ю. Н. Рериха, на долю которых пришлось кропотливая и трудоемкая работа по завершению замысла их учителя и подготовке словаря к печати. Следует особо отметить деятельность Ю. М. Парфеновича и В. С. Дылыковой, без многолетней и заинтересованной работы которых словарь не увидел бы свет.

И. И. ПЕЙРОС,

кандидат филологических наук

* * *

Новая книга о древностях Японии

Р. С. Васильевский, Е. Л. Лавров, Чан Су Бу. *Культуры каменного века Северной Японии*. — Новосибирск, «Наука», Сибирское отделение, 1982, 207 с.

Изучение памятников доисторического прошлого Японии требует, пожалуй, наибольшей концентрации усилий от специалистов по археологии зарубежной Азии. Это обусловлено не только чрезвычайным разнообразием культурных остатков на территории островов, но и прежде всего их исключительным обилием. Научная археология Японии началась сравнительно недавно — с раскопок раковинной кучи Оомори американцем Эд. Морзе в 1877 г. Через два года к полевым работам приступили и сами японцы, которые стали успешно наверстывать то сравнительно небольшое отставание, которое отделяло их от достижений западной науки.

Особенно усилилась эта деятельность после окончания второй мировой войны. К концу 70-х годов уже было зафиксировано почти 300 тыс. местонахождений, связанных с жизнью далеких предков, причем масштабы исследований все более возрастают. Каждый год появляются сотни публикаций по самым различным аспектам японской археологии, поэтому обобщение накопленных материалов в рамках крупных регионов или архипелага в целом представляется одной из актуальных задач японистики.

В отечественной историографии изучение древнейшего прошлого Японии по археологическим материалам фактически начал академик А. П. Окладников и плодотворно продолжили М. В. Воробьев, М. Г. Левин, С. А. Арутюнов, В. Е. Маричев, А. П. Деревянко, Р. С. Васильевский и некоторые другие исследователи. Их работы не сводились к простому изложению последних достижений японских коллег, но всегда

осуществлялись в рамках гораздо более широкого культурно-исторического контекста, часто с привлечением собственного полевого материала, что позволяло наметить существенные корреляционные связи между культурами Японских островов и материком.

Эту хорошую традицию продолжают и авторы рецензируемой книги. Значительное место на ее страницах отводится проблемам японского палеолита. Немногим более 30 лет назад эта тема даже не воспринималась всерьез. Как отмечали в своем докладе на XIV Тихоокеанском конгрессе (Хабаровск, 1979) С. Ода и Ч. Т. Келли, одно время «...сама идея палеолита в Японии снискала себе плохую репутацию, что побудило большинство исследователей прекратить поиски таких ранних культурных остатков»¹. Сейчас ситуация в корне изменилась, и предметом самого пристального изучения стали многие сотни памятников древнекаменного века, или, как предпочитает говорить большинство японских ученых, докерамического периода, объединяя в этом названии и палеолит, и мезолит. Удачность такого термина, в котором фиксируется только одна, хотя и очень существенная, черта отличия неолита от предшествующих эпох, можно оспаривать. Однако несомненным остается тот факт, что вследствие японской специфики подчас совершенно невозможно отличить, какие из памятников надо однозначно отнести к палеолитическим, а какие (и почему) — к мезолитическим.

В настоящее время уже не только поставлен, но и успешно решается вопрос о памятниках нижнего палеолита на территории Японии, среди которых можно назвать Содзюдай, Хосино и, конечно, Ивадзюку, где впервые были обнаружены каменные орудия плейстоценового времени. Правда, целым рядом археологов оспаривается сам факт искусственной обработки найденных там камней. Авторы книги решительно отвергают подобные взгляды,

¹ Sh. Oda, Ch. T. Kelli. Japanese Paleolithic Cultural Chronology. — Paper presented to the XIVth Pacific Science Congress held in Khabarovsk, U.S.S.R., August 20 — to September 5, 1979, p. 1.

опираясь при этом не только на мнение японских специалистов, но и на личные впечатления Р. С. Васильевского, которому удалось ознакомиться с коллекциями Содзюдай и Хосино и получить микрофотографии ряда находок во время своего пребывания в Японии (с. 23). Таким образом, само время заселения островов отодвигается еще дальше, в период по меньшей мере за 70 тыс. лет до наших дней, а может быть, и более ранний.

Это открытие произвело столь глубокое воздействие на научные круги Японии, что вызвало даже определенное оживление настроений. Действительно, открытие нижнепалеолитических памятников позволяет говорить о местной основе дальнейшего развития, однако не снимает вопроса о связях с континентальными культурами. Они существовали практически на всех этапах каменного века, менялась только их интенсивность.

Если обратиться далее к памятникам верхнепалеолитического облика, то здесь привлекает внимание существенное разнообразие в обработке камня. По поводу наиболее древней из этих техник — хорока — аргументированно высказался А. П. Деревянко. Он отмечал: «На материке эта техника фиксируется в Устиновке в Приморье и в 1 пункте Сокчанга на юге Кореи. Видимо, в этом районе и происходит формирование подобного типа техники подготовки ядрищ для скалывания пластин»². Проведенные авторами типологические разработки полностью подтвердили данную точку зрения. Они предлагают рассматривать хорока как «локальный вариант индустрии пластин, сформировавшийся на основе леваллуазских приемов обработки камня» (с. 98). Распространение последних на Алтае, в Забайкалье, Монголии и далее на восток позволяет говорить о существовании в конце плейстоцена культурно-исторического моста, связывавшего Северную Азию с островами Тихого океана.

На основе хорока непрерывно развиваются другие приемы изготовления каменных орудий. Их долгое бытование на Хоккайдо связано, очевидно, со значительными запасами обсидиана, который представляет собой идеальное сырье для обработки.

Огромный интерес во всем мире вызвали находки в Японии очень ранних по дате керамических изделий, обнаруженных, правда, пока только в южных районах архипелага. На памятниках Фукуи (Кюсю) и Камикурова-9 (Сикоку) были найдены черепки с линейным рельефным орнаментом, датированные радиоуглеродом — соответственно $12\,400 \pm 350$, $12\,700 \pm 300$ и $12\,165 \pm 600$ лет назад (с. 22). Явление это долго оставалось уникальным, что породило в отношении его определенный скептицизм. Однако в последнее время подобные остатки открыты в ряде других стран. Можно

назвать, например, пещеру Цзэньпинь в приморской провинции Китая Гуанси. Здесь, на месте стоянки и могильника древних людей, были обнаружены довольно грубые по облику каменные орудия вместе с 921 фрагментом красной и серой керамики, украшенной в основном веревочным узором, а также оттисками циповки и гребенки. Дата их по радиоуглероду — $10\,990 \pm 180$ лет назад. Проведенные дополнительные исследования специально по проверке радиоуглеродных дат убедительно доказали существование в Цзэньпинь неолитического слоя с керамикой, дата которого, во всяком случае, не позднее 9000 лет назад, а быть может, и ранее.

Из последних достижений необходимо отметить открытие не менее древней, чем японская, керамики в Приморье. В ходе раскопок стоянки Гася были найдены остатки сосуда, орнаментация которого напоминает оттиск шнура, в слое, датированном временем $12\,960 \pm 120$ лет назад. Это открытие еще раз доказало: находки в Японии не уникальны; очевидно, и в данном случае между материком и архипелагом существовала тесная связь.

Самая ранняя собственная неолитическая (дзёмонская) керамика найдена на поселении Накусима в долине Канто (7500 ± 400 и 7290 ± 500 лет до н. э.). На Хоккайдо дзёмон распространяется значительно позднее — на рубеже VI—V тыс. до н. э. (с. 100—102). Общепринятая точка зрения связывает неолитическое население Японии с предками айнов. Ее разделяют и авторы книги. Тщательно исследовав инструментарий той эпохи, они абсолютно однозначно утверждают: «Каменный инвентарь начального дзёмона не дает представления о преемственности с культурами финала плейстоцена» (с. 187), что подчеркивает пришлый характер дзёмонских племен. Семантика дзёмонского искусства и содержание культа того периода исследованы пока еще недостаточно, как и вопросы, связанные со значением и использованием других замечательных памятников северной Японии — так называемых каменных и земляных кругов. В настоящее время известно более 60 каменных кругов, относящихся в основном к самому концу дзёмона и распространенных в северной части Японии (до префектуры Сига на острове Хонсю). Только на Хоккайдо известны аналогичные каменным сооружения земляные кольцевые насыпи. Перспективными кажутся предположения об астрономической значимости структуры и расположения этих объектов. Однако данная тематика только начинает разрабатываться и может стать предметом самостоятельного углубленного исследования.

В целом книга Р. С. Васильевского, Е. Л. Лаврова и Чан Су Бу является важным вкладом в изучение каменного века всего огромного Восточноазиатского региона.

С. А. КОМИССАРОВ
Новосибирск

² А. П. Деревянко. Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии. Курс лекций. Новосибирск, 1975, с. 211.

Международный семинар в Находке: за «Тихоокеанский форум доверия»

С 7 по 11 августа 1984 г. в городе Находке состоялся VII Международный семинар молодых исследователей по проблемам мира и сотрудничества в бассейне Тихого океана, организованный Комитетом молодежных организаций СССР и Студенческим Советом СССР совместно с Советским комитетом защиты мира, Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки, Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, а также Академией наук СССР, представленной рядом ее научно-исследовательских институтов и Дальневосточным научным центром АН СССР. В форуме принимали участие более 100 представителей молодежных и студенческих организаций, ученых, молодых общественных деятелей, журналистов из 29 стран.

Как отмечали участники семинара, экономическая ситуация в Тихоокеанском регионе в 80-е годы характеризуется ускоренными темпами роста экономики большинства стран. Расширение торгово-экономических связей ведет к интенсификации межгосударственных отношений. Вместе с тем обострение многих проблем экономического развития и углубление противоречий между рядом государств, между отдельными странами и транснациональными корпорациями формируют объективные потребности в долговременной региональной координации международных экономических связей.

Участники семинара подчеркнули, что за период, прошедший со времени проведения VI семинара в 1981 г., имели место существенные сдвиги в международной обстановке в мире в целом и в Азиатско-тихоокеанском регионе. Seriously возросла угроза миру и безопасности народов, усилились тенденции к конфронтации, военному превосходству, ущемлению независимости и суверенитета народов. Одной из главных причин нарастания напряженности в мире, усиления угрозы ядерной войны стало возникновение гонки вооружений, особо опасную фазу которой открыло начавшееся размещение в некоторых странах НАТО новых американских ядерных ракет средней дальности.

Все эти негативные процессы непосредственным образом затрагивают Тихоокеанский регион. Развернувшись здесь в последнее время активные милитаристские приготовления характеризуются интенсивным наращиванием военного присутствия США, переоснащением их вооруженных сил в регионе современной техникой, дальнейшим расширением сети баз и других военных объектов, уже сейчас насчитывающих несколько сотен, выполнением крупномасштабных проектов военно-морского строительства и развития военно-воздушных сил, увеличением мобильности войск, их способности к быстрым экспансионистским акциям.

Одновременно имеет место дальнейшее вовлечение традиционных союзников США и других государств региона в военно-стратегические приготовления США. Все чаще и определеннее звучат призывы к формированию нового военно-политического союза с участием США, Японии, Южной Кореи, а также Австралии, Новой Зеландии и стран АСЕАН, в отношении которых в последнее время предпринимаются особенно настойчивые усилия с тем, чтобы втянуть их более активно в стратегию США.

В этой связи многие участники семинара подчеркивали необходимость принятия энергичных мер по развитию антивоенного движения в Юго-Восточной Азии и в целом в Азиатско-тихоокеанском регионе, укреплению безопасности и добрососедства народов континента, необходимости мирного воссоединения Кореи без вмешательства извне, с беспокойством отмечали тенденции к милитаризации Японии.

Положение в Тихоокеанском регионе в немалой степени определяется сейчас и будет определяться в дальнейшем общим политическим климатом в этом районе. Обеспечение международной безопасности, сдерживание негативных тенденций в региональных отношениях, урегулирование конфликтных ситуаций, а также ограничение военно-морской деятельности и гонки вооружений является насущной необходимостью. Важное значение имеет повышение уровня взаимного доверия в международных отношениях. Широко понимаемые меры доверия первоначально могли бы включать и двусторонние инициативы, которые послужили бы основой для развития многостороннего сотрудничества.

В этой связи во многих выступлениях подчеркивалось, что год проведения VII Международного семинара молодых исследователей по проблемам мира и сотрудничества в бассейне Тихого океана предвещает целый ряд знаменательных дат, вошедших в историю человечества. В 1985 г. будет отмечаться 40-летие окончания второй мировой войны, разгрома гитлеровского фашизма и японского милитаризма. Впервые в истории в тот период наиболее отчетливо проявилась единая воля и стремление на-

родов тихоокеанских стран к сохранению мира. Жестоким опытом, добытым дорогой ценой, миллионами жизней показал, что мир можно отстоять только совместными усилиями путем активной и бескомпромиссной антивоенной борьбы.

В послевоенный период принципы мирного сосуществования завоевали широкое признание среди всех народов. В наши дни необходимость продолжения политики мира и разрядки становится еще более очевидной на фоне возрастающей в мире напряженности. В 1985 г. исполнится 10 лет со дня подписания 1 августа 1975 г. в Хельсинки представителями тридцати трех государств Европы, а также США и Канады Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Прошедшие годы вновь подтвердили, что только диалог и сотрудничество, а не напряженность и конфронтация являются нормальными и единственно приемлемыми формами межгосударственных отношений.

В октябре 1985 г. исполняется 40 лет со дня создания Организации Объединенных Наций, главными задачами которой являются поддержание международного мира и безопасности, содействие экономическому и социальному прогрессу во всем мире.

Чрезвычайно интересной формой работы тихоокеанских семинаров в Находке стали специальные научные коллоквиумы с участием ведущих политологов стран Азиатско-тихоокеанского региона. На предыдущем, VI Международном семинаре в 1981 г. было проведено всестороннее обсуждение проблемы «Тихоокеанского сообщества». А последний коллоквиум был посвящен рассмотрению вопроса о мерах доверия на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Участник семинара филиппинский профессор В. Вильякорта подчеркнул, что он впервые стал свидетелем столь открытого и дружеского обмена мнениями между советскими и американскими исследователями. Ученые из США, Японии, Филиппин с большим интересом встретили предложение одного из советских исследователей сообща обдумать возможности создания в регионе новой международной структуры — «Тихоокеанского форума доверия», — которая ставила бы своей задачей улучшение общего политического климата, снижение уровня взаимного недоверия и военного противостояния двух общественно-политических систем в Азии и на Тихом океане. Такое предложение, как единодушно отметили участники коллоквиума, знаменует собой очень важную попытку позитивного подхода к решению в духе доверия и сотрудничества сложнейших проблем региона. Директор Центра азиатско-тихоокеанских исследований Гавайского университета в Гонолулу профессор Стивен Юхелли (США) отметил конструктивный характер идеи «Тихоокеанского форума доверия». «Это очень интересная концепция — создать новую форму региональной организации для улучшения общей политической атмосферы в регионе», — заявил он в интервью корреспонденту ТАСС. Это заслуживает особого внимания именно сейчас, в период опасного обострения международной напряженности, когда альтернативой такому разумному подходу являются конфронтация, милитаризация и балансирование на грани войны. Кризис доверия в регионе должен уступить место стремлению объединить усилия всех государств для решения на основе взаимного доверия глобальных проблем человечества. Советский Союз всегда демонстрировал в этих вопросах свою добрую волю и последовательность. Находкинские международные семинары молодых исследователей по проблемам мира и сотрудничества в бассейне Тихого океана — убедительное подтверждение неизменности такого политического курса.

Н. И. ЛУЦЕНКО,
кандидат исторических наук

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1985, № 1, 208 с.

Технический редактор *Сологубова Т.*

Сдано в набор 10.1.85 г.	Подписано в печать 21.02.85 г.	Печать высокая.
Формат 70×108 ¹ / ₁₆ .	Бумага типографская № 1.	Гарнитура литературная.
Усл. печ. л. 18,2 Уч.-изд. л. 21,89	A05498	Усл. кр.-отт. 18,2 Изд. № 40537.
Тираж 10 670 экз.	Заказ 143	

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва Г-21, Zubovskiy bul., 17.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300 г. Чехов Московской области